

Д. АНИН

РЕВОЛЮЦИЯ

1917 ГОДА

ГЛАЗАМИ

ЕЕ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

**Революция 1917 года
глазами
ее руководителей**

Д. АНИН

Революция 1917 года
глазами
ее руководителей

EDIZIONI AURORA
ROMA

1971

Д. С. АНИН

Родился в России. Автор статей по советским вопросам и истории русской революции. Печатался в русских, американских, английских и французских журналах. Был одним из редакторов *Энциклопедии о России и Советском Союзе*, изданной McGraw — Hill Book Co., New York, 1961.

Окончил Колумбийский университет в Нью-Йорке.

All rights reserved by the author

1971

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящая книга не является историей русской революции в подлинном смысле. Цель ее составителя гораздо более скромна: показать как воспринимали, ощущали и оценивали революцию и ее отдельные фазы люди, которые были поставлены событиями на наиболее ответственные посты. Речь здесь идет не о рядовых участниках или свидетелях революции, а исключительно об ее руководящих фигурах. В отличие от историка, который, путем сопоставления и отбора фактов, мнений, свидетельских показаний и других документов, пытается выявить трудно определимый «объективный» ход событий, данная книга ограничивается лишь передачей и местами сопоставлением субъективных свидетельств и рассказов лиц, не только наблюдавших и изучавших историю, но также, в большой мере, ее делавших.

Книга такого рода, как, впрочем, и всякая другая историческая книга, предполагает отбор, а последний всегда произволен. По мере возможности, я старался включить в книгу выдержки из писаний руководящих деятелей 1917 года, принадлежавших к различным направлениям, — от монархистов до Троцкого включительно. Я исключил из книги ортодоксально-большевистских авторов, ибо их концепции и изложения событий революции слишком хо-

рошо известны. Тем не менее, я пытался в первой части введения дать, в общих чертах, анализ основных вех большевистской историографии революции. Более подробно во введении я останавливаюсь на работах западных авторов о революции и, разумеется, ввиду ее темы, на работах авторов-эмигрантов, бывших в разной мере руководителями революции и, в качестве таковых, влиявших на ее ход и исход.

Известно, что хотя революция вспыхнула внезапно и без непосредственного руководства той или иной российской политической партии, она вскоре подпала под влияние и руководство партий. Значительное место во введении уделено поэтому главным действовавшим во время революции партиям и их политическим позициям по вопросам, стоявшим тогда в порядке дня. Историк — западный и, надо полагать, советский — не найдет ни во введении, ни в подобранных текстах ничего нового. Составитель книги надеется, однако, что собранные здесь материалы и вступительная «ориентировочная» статья смогут помочь «среднему» читателю разобраться в событиях, которые, по общему мнению, «потрясли» и перевернули мир.

По мере возможности, я старался включить в эту книгу авторов, которые мне казались наиболее репрезентативными и характерными с точки зрения их участия в революции. Едва ли надо подчеркивать, что у этих авторов — политических деятелей — изложение событий переплетается с их толкованием, притом весьма субъективным. Такие «историки», как ген. Деникин, Чернов, Троцкий, Керенский, Церетели и даже профессиональный историк Милюков излагают события, разумеется, в определенном свете и отдают предпочтение преимущественно тем фак-

там, которые они считают заслуживающими внимания. В данном случае уместно напомнить правило, которого уже давно придерживаются историки: изучать следует не только исторические события, но и самого историка, т. е. его убеждения, личный опыт, прошлое, пристрастия, предрассудки, догмы. Без знания всего этого подчас нельзя понять, почему «объективный» историк отдает предпочтение одним фактам и опускает или умаляет значение других. Тем более это правило надо помнить, когда автором-историком или мемуаристом является активный участник происходившего, который неизбежно пишет с оглядкой на свою роль в данном событии.

За одним исключением (статья о ген. Верховском) все авторы, участники событий, излагают в этой книге свою версию своими словами. Я старался дать эти тексты в хронологическом порядке, включая в каждом случае тех авторов, которые в этих событиях играли первенствующую роль. Так, например, апрельские дни включают высказывания Милюкова, корниловское выступление — Керенского и Деникина, Октябрьский переворот — Троцкого. Насколько этот прием оказался удачным, может судить только читатель.

Статьи или главы из книг авторов, игравших руководящую роль в период Февральской революции, даны здесь часто в сокращенном (но никогда не в измененном) виде. Стиль, а частично и орфография этих авторов (написание титулов, званий, названий государственных и политических организаций и учреждений и т. д.) были во всех случаях сохранены. Для «хроники событий» во второй части книги были, объективности ради, использованы различные

источники, но преимущественно «Хроника событий революции», составленная Н. Авдеевым и др.

Манускрипт этой книги, в целом или частично, читали следующие лица: Н. Е. Андреев, А. О. Парри, Ю. А. Письменный, М. Л. Слоним, К. Л. Фицлайон, В. С. Франк и Л. М. Шапиро. Рад воспользоваться возможностью, чтобы выразить им мою глубокую благодарность за данные ими указания и советы. Само собой разумеется, однако, что за все ошибки — фактического или другого характера — ответствен я сам.

Д. А.

РЕВОЛЮЦИЯ
И ЕЕ
ИСТОРИОГРАФИЯ

(Введение)

Д. Анин

Д. АНИН

РЕВОЛЮЦИЯ И ЕЕ ИСТОРИОГРАФИЯ

I

Позволительно предположить, что русская революция 1917 года оказалась тем событием последнего полувека, о котором написано больше всего книг, статей, воспоминаний и всякого рода исследований. Работы, написанные о революции или на темы с ней непосредственно связанные, исчисляются десятками тысяч. Одна только библиография революции заполнила бы много томов и ее составление давно уже не под силу одному человеку.¹

Разумеется, в количественном отношении главным поставщиком литературы о революции был, особенно в последние годы, Советский Союз. Некоторое представление о количестве появившихся за эти годы книг и документов по этому предмету дают цифры, опубликованные советскими авторами в связи с юбилейными празднованиями революции. Так, например, советский историк Г. Н. Голиков сообщил, что только за 1957—1959 гг. вышло около 7000 различных работ, посвященных революции; только в 1957—1958 гг., добавил тот же автор, было опубликовано 128 документальных сборников, которые «первые вводят в научный оборот 22 тысячи документов».²

При более близком рассмотрении оказывается, однако, что многие советские труды о революции

«дублируют» друг друга, и что в них, пользуясь терминологией советских авторов, бытуют «параллелизм» и «мелкотемье». Собравшись для подготовки издания новых «научных» трудов к пятидесятилетию Октябрьской революции, Научный совет Отделения истории Академии наук задался целью ликвидировать присущие советским историкам революции вышеупомянутые недостатки и пришел к мудрому выводу, что лучше сделать меньше, но лучше. Напомнив, что несмотря на издание тысяч книг, советские историки все еще не создали «обобщающих сводных трудов о революции», председатель Научного совета академик И. И. Минц резонно писал: «Можно конкретно представить, сколько бумаги, сколько средств и усилий будет сэкономлено, если вместо двух тысяч книг будет издано в десять раз меньше, но лучших по качеству и не повторяющих сделанного». ³

Обзор советской исторической литературы о революции, помимо ее необъятных размеров, усложняется еще тем, что для советских, а иногда и для западных авторов в 1917 году в России произошли не две революции, а только одна. Согласно этим историкам, Февральская революция, свергнувшая монархию и пытавшаяся установить в России демократический строй, была только победоносным началом, преддверием, зародышем и прологом революции Октябрьской. В результате подобного подхода, автору, желающему строго держаться в рамках Февральской революции, трудно игнорировать ту огромную литературу, которая, формально относясь к Октябрю, фактически занимается также Февралем. С другой стороны, «прологу», помимо того, что он тенденциозно представлен, обычно отводится в этой общей

схеме «Истории Великого Октября» весьма скромное место. Смежными темами с Февральской революцией являются также достигшие за последние годы грандиозных масштабов темы о Ленине и об истории КПСС, в которых событиям февральского периода уделено, разумеется, известное место. О количестве книг, выпущенных или еще готовящихся в связи со столетним юбилеем Ленина, дает представление, например, сообщение о том, что помимо десятков тысяч трудов, «научных» и популярных, посвященных Ленину, советские историки подготавливают многотомную биографическую хронику, которая «отразит день за днем, а по возможности и час за часом» события в жизни и деятельности виновника торжества.⁴

Февралю «не повезло» в советской историографии

Оглушенный таким почти безбрежным потоком печатного материала, составитель новой книги о русской революции стоит перед задачей — эту литературу как-то, хотя бы в общих чертах, классифицировать и осмыслить. На первый взгляд трудно осуществимая, попытка эта в действительности не является такой уж безнадежной. По существу, несмотря на убивающие цифровые данные, настоящих книг и историй, особенно об интересующей нас здесь Февральской революции, в Советском Союзе было издано очень мало. Приходится даже согласиться с одним советским автором, писавшим в статье, посвященной пятидесятилетию Февраля, что несмотря на обилие публикаций, эта тема принадлежит к тем, которым «не повезло в советской историографии». Оказывает-

ся, о ней, согласно этому автору, до сих пор «нет ни одного серьезного обобщающего монографического труда». ⁵ О ней не написано также ни «серьезных научно-исследовательских статей, ни работ по историографии». Откуда же такое несоответствие между количеством и качеством советской продукции по истории революции? С одной стороны, Гималаи книг; с другой — ни одного обобщающего труда, параллелизм, дублирование. Ответ, разумеется, напрашивается сам собой. Советские историки обязаны воспроизводить только один вариант, одно изложение хода событий, одно объяснение смысла революции.

Однако, диктатура и однопартийность существуют в России уже пятьдесят три года. Тем не менее, в прошлом все же были периоды, когда там выходили ценные книги и воспоминания, и когда там перепечатывались книги по истории революции, вышедшие за границей. Советская литература о революции не является монолитной; ее можно осмыслить, только классифицируя и анализируя по ее основным вехам.

Каковы же были эти вехи? Прежде, чем ответить на этот вопрос, необходимо определить границы нашей темы во времени, т. е. определить начало и конец Февральской революции. По этому вопросу не существует единогласия. Советские историки обычно начинают историю революции не с тех дней, когда она действительно вспыхнула, а предваряют ее разбором тех политических и социально-экономических предпосылок, которые как бы неизбежно и «закономерно» должны были привести к революционному взрыву. Подход, разумеется, вполне законный, ибо нельзя игнорировать ни «исторических корней» революции, ни «специфических путей развития»

России, ни влияния на революцию первой мировой войны.

Вопрос о начале революции вызывал споры также и у несоветских историков. Так, М. М. Карпович, бывший профессор русской истории Гарвардского университета и долголетний редактор эмигрантского трехмесячника *Новый журнал*, склонялся к мысли, что началом революции следует считать лето 1915 года, когда Россия терпела серьезные военные поражения, и когда оживилась политическая оппозиция в Государственной думе.⁶ Другие авторы считали началом революции убийство Распутина, а П. Н. Милюков относил это начало к 1 ноября 1916 года, когда он и другие лидеры Прогрессивного блока Государственной думы произнесли свои знаменитые обвинительные речи против царского правительства.⁷ В данной книге мы ограничимся более узкими рамками. После настоящего краткого «опыта историографии» революции мы переходим непосредственно к самой теме, т. е. к главным событиям Февральской революции в освещении ее активных участников.

Естественно, что и вопрос о конце революции также вызывает споры. Некоторые историки полагают, что концом Февральской революции следует считать 25 октября 1917 года (по старому стилю), т. е. день и ночь, в течение которых большевистская партия произвела именем Военно-революционного комитета Петроградского совета переворот, и когда собравшийся в ту же ночь Второй съезд советов этот переворот санкционировал. Действительно, с этого дня в России фактически начинается «новая эра». Многопартийный свободный режим уступает место однопартийной диктатуре... Другие историки считают концом Февральской революции 5 января 1918 года —

день разгона советской властью свободно избранного Учредительного собрания. Разумеется, любая из этих дат может считаться концом Февраля. Тем не менее, мне кажется, что и формально и фактически именно это последнее событие должно считаться днем окончания агонии февральского периода революции. До этого дня у многих — даже у многочисленных большевиков и их попутчиков — сохранялись иллюзии о создании «однородной социалистической власти» (что на тогдашнем языке означало создание правительства из многих социалистических партий, а не только из большевиков) и о могуществе «хозяина земли русской» — Учредительного собрания. С разгоном последнего был положен конец многим надеждам и был открыт путь диктатуре большевистской головки.

**
*

Определив хронологические рубежи нашей темы, перейдем к ее «инвентаризации», т. е. к попытке дать классификацию, описание историографии революции — и советской, и западной, и эмигрантской. Следует отметить, что благодаря отношению советской власти к истории и ее функции, советская историография революции сравнительно легко поддается классификации. Действительно, какова роль истории в коммунистической стране? В свое время историю и ее роль в коммунистическом понимании М. Н. Покровский определил как «политику, опрокинутую в прошлое». Умерший в 1932 году, за несколько лет до разгула террора и ежовщины, Покровский не мог, конечно, ни предвидеть, ни испытать на собственном

опыте, до какой степени его формулировка, доведенная до логического конца, приведет к ликвидации не только истории, как науки, но, в большинстве случаев, и к физическому уничтожению самих историков.

История вообще, и история революции и партии в частности (которые, по очевидным причинам, переплетаются), явились в Советском Союзе преимущественно инструментом политической и «идеологической» борьбы и служили определенным лицам и группировкам действенным оружием в их борьбе за власть. Из этой функции истории в коммунистических странах вытекает положение, которому невозможно найти аналогию даже в старых абсолютистских режимах России и Запада. Без преувеличения можно сказать, что тот или те, кто в Советском Союзе (особенно, начиная с конца двадцатых годов) обладали политической властью, могли также «создавать» историю и использовать сфабрикованное ими прошлое для достижения или укрепления своей власти. Не будет также преувеличением утверждать, что каждый единоличный вождь или каждая группа вождей были в Советском Союзе, по существу, своими собственными историками.

Классифицировать советские труды о революции следует поэтому по тем главным политическим изменениям, которые произошли в стране за последние пятьдесят три года. Хотя в каждом периоде были разные уклоны, изгибы и фазы, в основном советскую историографию революции вообще и Февральской в частности следует разделить (это, кстати, относится и к художественной литературе и ко всем другим видам творчества) на три периода: досталин-

ский, обнимающий двадцатые годы, сталинский, стирающийся на целую четверть века, и послесталинский.

*Двадцатые годы — «золотой век»
советской историографии
русской революции*

Первый — досталинский — период в советской историографии Февральской революции является, несомненно, относительно наиболее интересным, исторически ценным и правдивым. В исторической ретроспекции и в сравнении с тем, что случилось потом, его с полным правом можно назвать «золотым периодом» истории русской революции. Советские историки часто называют этот период «ленинским». Это верно лишь отчасти, ибо в первое десятилетие после революции многие советские историки еще позволяли себе расходиться с Лениным и даже не признавать его непререкаемого авторитета. Вопреки назойливым попыткам современных советских историков превратить Ленина в «великого корифея науки» и в «первого» и «гениального» историка русской революции, ни сам Ленин, ни его ближайшие соратники (особенно занимавшиеся сами историей революции) не считали его ни историком, ни даже крупным теоретиком. Ленин в те годы считался главным образом практиком, стратегом и тактиком революции и, разумеется, политическим вождем партии. В качестве такового он написал много статей, брошюр и книг, в которых ему иногда приходилось высказывать «похода» мнения и мысли об истории России,

о революционном движении и, особенно, о революции. Ленин часто пользовался исторической аргументацией для того, чтобы «делать историю»; однако, историком в действительном смысле этого слова он никогда не был.

В свете теперешнего разгула «ленинианы», когда советские историки и их заказчики в Кремле находят нужным и возможным исследовать как Ильич проводил свое время «час за часом», нелишне, может быть, привести некоторые высказывания людей, которых — ни тогда, ни позже — нельзя было заподозрить ни в антиленинизме, ни в попытке умалять в чем-либо его роль или значение вождя. Несколько примеров: Покровский, стоявший тогда во главе «Исторического фронта», в опубликованном им в 1923 году курсе лекций по русской историографии ни единым словом не обмолвился о Ленине и его «вкладе» в историческую науку. М. С. Ольминский — твердокаменный ленинец, возглавлявший Истпарт, в те годы писал: «Товарищ Ленин, по своей природе, не теоретик, а практик». Ведущий тогда теоретический журнал *Под знаменем марксизма* писал в 1922 году в редакционной статье, посвященной собранию сочинений Ленина: «Ленин ни одного слова не прибавил к Марксу, но он научил нас понимать его». Известный знаток марксизма Д. Рязанов не стеснялся повторять: «Я — не ленинист, я — только марксист». Наконец, сама Н. К. Крупская настаивала на том, что Ленин всегда писал исключительно на актуальные темы, и что статьи и книги Ильича должны считаться лишь «руководством к действию в самом непосредственном смысле слова». ⁸

Приводя эти высказывания, я этим вовсе не хочу сказать, что они верны по существу. Наоборот, неко-

торые из них мне кажутся глубоко неверными и сильно недооценивающими Ленина именно как теоретика. Теоретические послылки последнего можно опровергать, но отрицать его роль, как своеобразного теоретика, невозможно. Между марксизмом и ленинизмом огромная разница, если угодно, даже пропасть; однако, если марксизм был создан Марксом и Энгельсом, то ленинизм был создан Лениным и им одним. Вышеупомянутые высказывания о неполноценности Ленина как теоретика я привожу лишь для иллюстрации той относительной свободы, которая существовала в Советском Союзе при жизни и в первые годы после смерти Ленина. Такой же иллюстрацией могут служить и некоторые высказывания небольшевиков. В вышедшей тогда книге *Октябрьский переворот* известный историк Н. Рожков, в прошлом большевик, излагал во вступительной статье следующие крамольные мысли: «В конечном результате мы видим перед собой основную, главную причину, влиявшую на ход революции: это некультурность, малосознательность, стихийность масс. Эта причина — не случайность, конечно, и не вина масс. Она — их беда, несчастье России... Такой урок теперь дан большевистской диктатурой: она учит, как не следует делать социалистическую революцию».⁹ Н. Суханову, чьи, местами очень антибольшевистские, *Записки о революции*, изданные в Берлине, в те годы часто цитировались в Советском Союзе, не приходилось тогда отрекаться от своих высказываний. Наоборот, говорят, что Ленин очень сожалел о том, что подобные «записки» не были написаны большевиком, разумеется с большевистской точки зрения.¹⁰ Как все эти вольности не противопоставить не только сталинскому периоду, но даже послесталинскому,

когда советский историк Е. Н. Городецкий возводит весьма посредственную полемическую брошюру Ленина против Каутского в гениальный исторический труд, а его коллега М. В. Нечкина находит, что Ленин был уже крупнейшим историком в девяностых годах, когда он писал свои корявые антинароднические брошюры.¹¹

В те годы — в начале двадцатых годов — появляются первые документальные сборники и «хроники» революции. Наиболее известная из них — «Хроника революции», редактированная Н. Авдеевым, а потом и другими авторами, — отличается относительно объективной передачей фактов, имевших место день за днем с самого начала Февральской революции.¹² Для климата тех лет характерно также, что, наряду с этой и другими «хрониками», все же склонявшимся к большевистскому освещению, появляются также «хроники» событий семнадцатого года, авторы которых тогда были известны как меньшевики.¹³ В двадцатых годах появляются также многочисленные исторические журналы, печатающие обширную и относительно правдивую мемуаристику участников революции. Разумеется, воспоминания, публикуемые на страницах этих журналов, исходят преимущественно от большевиков. Тем не менее, очень часто там можно натолкнуться и на воспоминания заведомых противников советской власти, притом без всяких изменений и даже без чрезмерно назойливых комментариев. Характерна в этом отношении, например, изданная в те годы и выдержавшая несколько изданий, составленная С. А. Алексеевым трехтомная *Революция и гражданская война в описании белогвардейцев*, в которой фигурируют со своими свидетельствами такие «тузы контрреволю-

ции», как Милюков, Керенский, Родзянко, ген. Деникин, ген. Лукомский и многие другие.¹⁴ В советских журналах тех лет иногда даже сотрудничают антибольшевики; вероятно, мало кто из теперешних молодых советских историков знает, что за статьями, появившимися в те годы в журнале *Каторга и ссылка* под инициалами Б. Н., на которые, между прочим, эти историки до сих пор ссылаются, скрывался не кто иной, как известный меньшевик Б. И. Николаевский. Контрабанда тогда могла просачиваться сравнительно успешно, ибо руководителями исторических журналов и членами Социалистической, а потом Коммунистической академии были нередко такие либеральные большевики, как Рязанов или бывшие меньшевики Суханов, Ерманский, Ларин, Мартынов, Аксельрод (Ортодокс) и другие.

В двадцатых годах были также опубликованы книги и воспоминания иностранных послов, бывших свидетелями кануна и развития революции, а также материалы о последних годах и месяцах старого режима, основанные на показаниях, записках и дневниках министров, членов царской семьи и т. д. Из них следует выделить книги В. П. Семенникова, изданные в семи томах под редакцией П. Е. Щеголева стенографические отчеты специально учрежденной Временным правительством следственной комиссии, имевшей целью расследовать незаконные деяния царских министров и высших сановников. Отметим, что в этой комиссии работал, в качестве секретаря, поэт А. А. Блок, написавший интересную, весьма импрессионистическую работу под заглавием *Последние дни старого режима*.¹⁵

Первые историки революции — большевики

В те годы появляются также первые историки революции — большевики. Почти все они были сами активными участниками событий, как, например, А. Г. Шляпников (Беленин), виднейший руководитель Русского бюро ЦК большевиков накануне и в начале революции, впоследствии погибший, как один из лидеров «рабочей оппозиции» в чистках тридцатых годов; В. И. Невский (Кривобоков), один из руководителей большевистской военной организации, тоже погибший в период ежовщины; виднейший большевик, один из организаторов Октября, А. С. Бубнов, так же, как и предыдущие, ликвидированный Сталиным; наконец, целый ряд менее известных фигур: Адоратский, Лелевич, Быстрянский, Ильин-Женевский, Пионтковский и многие мемуаристы; известные «герои революции» — матрос Дыбенко, руководитель «штурма» Зимнего дворца Антонов-Овсеенко, глава кронштадтских матросов Ф. Ф. Раскольников, тоже, кстати, уничтоженные во время «культы личности». ¹⁶

Современные советские историки отдают этим пионерам, по-своему, должное, даже тем, которые, как Шляпников, не были, кажется, официально реабилитированы. Обращаясь к тем годам, послесталинские историки обычно повторяют, что им приходилось работать в обстановке «острой и напряженной идеологической борьбы» как с «буржуазными», так и с «мелкобуржуазными», а потом и с «троцкистскими» авторами в самой России, выражавшими «мень-

шевистские» или «полуменьшевистские» взгляды. Надо признать, что эти утверждения в общем довольно верно обрисовывают тогдашнее положение на «историческом фронте». На работах первых советских историков революции действительно лежит печать агитационности, запальчивости и какой-то сырой примитивности — черт, кстати, большевикам очень присущих. У большевиков вообще тогда было мало интеллигенции; основные их кадры в литературе, истории, экономике и других областях пришли из других партий, преимущественно из кругов левых меньшевиков и троцкистов, примкнувших к большевикам только в июле 1917 года и позже. Не удивительно поэтому, что при относительной свободе двадцатых годов на историческом, как и на других «фронтах», подвизались более вышколенные и авторитетные бывшие меньшевики или «полуменьшевики». Шляпников, например, был менее историком, чем односторонним мемуаристом, нагромоздившим в довольно беспорядочном виде грудку всяческих документов; Невский был полемистом и агитатором, а Бубнов — партийным компилятором. Тем не менее, в свете того, что произошло во время культа личности и даже после него, беспомощные пробы пера этих первых советских историков революции приобретают большое значение. В их очень заостренно полемических работах представлены все же относительно верно намерения и действия не только большевиков, но также их противников и временных союзников.

«Политика, опрокинутая в прошлое» на практике

Но вот Ленин безнадежно заболевает и в январе 1924 года умирает. Начинается борьба за власть между его «соратниками». История — эта «политика, опрокинутая в прошлое» — становится действенным орудием этой борьбы. Уже осенью 1924 года Троцкий печатает свои *Уроки Октября*, в которых он доказывает, что руководивший тогда партией так называемый «триумvirат», или «тройка», состоявшая из Зиновьева, Каменева и Сталина и поддержанная другими членами руководства, была в решающие предоктябрьские дни семнадцатого года или решительно против Октябрьского переворота (Зиновьев и Каменев), или занимала двусмысленную, нерешительную «центристскую» позицию. Более того: Троцкий настаивает на том, что тогдашние разногласия нынешних триумвиров с Лениным были «очень глубокие и отнюдь не случайные», что в партии всегда существовал «правый» уклон, и что те же правоцентристские триумвиры, оказывавшие сопротивление Ленину в октябрьские дни, теперь, в 1924 году, ответственны за жестокие провалы революции в Болгарии и Германии.

Разумеется, ответ «тройки» и ее союзников не заставил себя долго ждать. В ряде статей, изданных в сборнике под заглавием *За ленинизм*, они пытались опровергнуть или умалить утверждения Троцкого. События были еще очень свежи в памяти и авторы этого сборника не могли отрицать того, что все еще помнили, а именно, что Зиновьев и Каменев действительно вели острую и открытую борьбу против

Октябрьского переворота; все, что они могли сделать — это постараться затушевать разногласия, утверждать, что сам Троцкий сильно преувеличивает свою роль в Октябре, и что, как бывший меньшевик, он пытается «подменить ленинизм троцкизмом». Независимо от сути вопроса, этот, на первый взгляд «исторический» спор является, по существу, образцом большевистского переплетения истории и политики, точнее, иллюстрацией того, как факты прошлого могут быть использованы для политических целей сегодняшнего дня.¹⁷

Сталин и «стабилизация» истории революции

Литература о Февральской и Октябрьской революциях, изданная в Советском Союзе в двадцатых годах, весьма многочисленна, разнообразна по своему содержанию и очень неровна по своему качеству. В общем она отражает (да и как это могло быть иначе?) тогдашний неустойчивый политический климат страны. Борьба разных групп в руководстве наложила печать на труды историков. Относительная свобода, существовавшая в начале и середине двадцатых годов, начинает, однако, все больше суживаться к концу десятилетия. На смену партийным пропагандистам и активистам типа Шляпникова и Невского — людям все же идейным и принципиальным — приходят настоящие «марксистско-ленинские» историки «особого типа». «Большевизация» в среде историков революции сводится, как и в других областях творчества и науки, к «сталинизации». Юбилейный 1927 год уже проходит под знаком острой борьбы с оппозицией и с теми историками, с которыми сталинцы

считают нужным расправиться. Грустную роль в этом периоде сыграл догматически-туповатый, но очень плодовитый Покровский. Это из его «школы» или «семинара» вышли такие известные впоследствии официальные барды сталинизма, как А. Л. Сидоров, Генкина, Минц, покойная Панкратова и другие.¹⁸

Впрочем, скоро окажется, что и эта «школа» с ее вдохновителем, издавшая ряд трудов по истории революции, тоже не была свободна от «ошибок». В работах этих авторов все еще чувствовался в какой-то мере исследователь, пусть односторонний, местами передергивающий факты, но все же исследователь. В юбилейном 1927 году тяжелая рука генерального секретаря еще себя не проявляет с полной силой. Но вот, через два года, в 1929 году, выходит четвертый том «Истории ВКП(б)» под общей редакцией печально известного Емельяна Ярославского. Этот том, посвященный революции 1917 года, отличается уже и по форме, и по содержанию теми чертами и свойствами, которые станут обязательными для всех исторических работ в течение ближайших двадцати-пяти лет. Агитационный и полемический тон сменяется угрожающе-чекистским. Книга Ярославского уже не рассказывает и не убеждает, а обличает, разоблачает и недвусмысленно угрожает.¹⁹

В те начальные тридцатые годы Сталин самолично пишет «Письмо в редакцию» в ведущий тогда исторический журнал *Пролетарская революция*, в котором он разоблачает окопавшихся в этом журнале «либералов», «оппортунистов» и «троцкистов». ²⁰ Последние, к стати говоря, тогда уже были и «идейно» и отчасти физически разгромлены. Недремлющее око диктатуры на историческом фронте теперь

уже начинает расправу с историками в своих собственных, истинно-большевистских рядах. Полным ходом идет кампания за «преодоление ошибочных взглядов Покровского и его школы», и одновременно также за уничтожение остатков троцкистов, бухаринцев, право-левацких уклонистов и буржуазных националистов. Самому Ярославскому приходится переписывать его книгу, написанную, казалось, в таком угодническом по отношению к Сталину духе. Новый вариант книги Ярославского появляется в 1933 году с указанием на то, что она написана согласно указаниям «товарища Сталина». Важным этапом этой «идейной» победы Сталина явится вышедший в 1936 году первый том *Истории гражданской войны*, в списке инициаторов и вдохновителей которого числился и несчастный Максим Горький.²¹ Вершиной «окончательной» истории революции послужит неподражаемый «Краткий курс истории ВКП(б)». ²² Появившийся в 1938 году, труд этот был переведен на все языки и издан в пятидесяти миллионах экземпляров. Ярославский, сравнивший «Краткий курс» с «Коммунистическим манифестом», был, вероятно, прав, когда утверждал, что никогда в истории литературы ни один «учебник» не получал такого широкого распространения.²³

Двадцатипятилетнее правление Сталина было в области истории революции наиболее бесплодным. Для порядка следует упомянуть разве только второй том *Истории гражданской войны*.²⁴ Вышедший в 1943 году, он обладает, как и его предшественник, теми же научными и прочими достоинствами. Говоря о сталинском периоде, нынешним советским историкам приходится стыдливо отмечать, что в эти годы исследовательская работа по истории революции «ве-

лась неравномерно». Официальный историограф должен признать, что кроме вышеупомянутых книг, предназначенных для прославления Сталина, и нескольких «сборников» очень сомнительной ценности, в эти годы не было опубликовано ни одной действительно исследовательской работы по истории революции семнадцатого года.²⁵

Развенчание Сталина и «эпизод» Бурджалова

Со смертью Сталина начинается, разумеется, новый период и в историографии русской революции. Следует отметить, что ощутимые перемены в этой области произошли не сразу, а постепенно; свелись они, разумеется, в основном к мерам двоякого характера: во-первых, к критике и развенчанию Сталина; во-вторых, к изданию новых книг и документов, долженствовавших заменить и опровергнуть критикуемые.

Сначала напомним, что произошло. Четыре месяца спустя после смерти Сталина — 26 июля 1953 года — *Правда* и *Известия* одновременно напечатали документ, во многом предвосхитивший будущую критику «культы личности». Озаглавленный «Пятьдесят лет Коммунистической партии Советского Союза — 1903—1953», документ этот, с одной стороны, восхвалял «ленинский» принцип «коллективного руководства», а с другой — резко критиковал «немарксистское» и «ангиленинское» понимание роли личности в истории. Начиная с 1955 года, в печати и журналах раздаются голоса о необходимости открыть советским историкам более широкий доступ к архивным материалам. Однако, настоящее наступление на

Сталина в целом и на «Краткий курс» в отдельности произошло только на Двадцатом съезде КПСС, в феврале 1956 года. Один за другим Хрущев, Микоян, историк Панкратова указывают на «слабости» и «извращения» в сталинских упражнениях по истории революции и истории партии, и требуют, чтобы партия занялась изданием на эти темы новых «научных» исторических трудов.²⁶

К чему сводились, с точки зрения новых властителей, главные извращения или преступления Сталина? В так называемые хрущевские годы об этих ошибках и преступлениях в советских исторических журналах писали весьма часто. Суммировать эти обвинения против Сталина в интересующей нас области можно следующим образом. Уже в начале революции к Сталину в партии относились подозрительно и с антипатией. Когда он вернулся в марте 1917 года из ссылки, его, ввиду присущих ему «некоторых личных черт», допустили в Русское бюро ЦК только с совещательным голосом. Это было очень показательно, ибо Сталин был старым цекистом, а партия тогда очень нуждалась в людях с крупным партийным стажем. Будучи кооптирован в редакцию *Правды*, Сталин, вместе с Каменевым, без всякого стеснения сокращал или вовсе не печатал «Писем издалека» Ленина. Ильич, как известно, тогда томился за границей и рвался любыми путями в Россию, ставшую тогда, по его словам, «самой свободной страной в мире». До, и даже некоторое время после приезда Ленина в Россию, Сталин был таким же «соглашателем», как Каменев, и так же, как и последний, склонялся к политике «давления» и условной поддержки Временного правительства и даже к сотрудничеству с меньшевиками.

Список обвинений против Сталина длинен и разнообразен. Коварный Сталин, оказывается, не только приписывал себе достижения партии, но и присваивал «важнейшие положения ленинской теории». Знаменитые «Апрельские тезисы» характеризовались в сталинские годы как «ленинско-сталинские», хотя документы устанавливают, что хитрец Сталин даже не поддерживал их в первые дни и недели после приезда Ленина в Россию. Двойственную позицию Сталин занимал и после июльских дней, когда Ленин, скрываясь в Финляндии, требовал от партии радикальной перемены курса, а именно ориентации на вооруженное восстание. Сталин в те дни, оказывается, вилял и все еще сохранял «иллюзии» и насчет Советов, и насчет Временного правительства.

Однако, чем дальше, тем хуже. Историки периода «культы личности», в особенности А. М. Панкратова (которая вскоре будет резко обличать Сталина), утверждали, что «всем делом подготовки Октябрьского восстания руководил Сталин...», хотя документы неумолимо устанавливают как раз обратное, а именно, что в предоктябрьские дни Сталин занимал совсем «капитулянтскую» и «нерешительную» позицию. Интересно, что Сталину припомнили и другой грех: в первую годовщину Октябрьского переворота он писал в *Правде*, что непосредственным руководителем Октябрьского восстания был Троцкий. Теперь его упрекнули в... чрезмерном восхвалении и преувеличении роли Троцкого.²⁷

Обвинения против Сталина, исходившие от историков, задававших тон в годы правления Хрущева, конечно, в общем верны, хотя местами они, возможно, излишне заострены. Добавим от себя, что в свете многообразной и кровавой карьеры Сталина, упреки

этих историков звучат весьма безобидно. Личность обвиняемого и предъявляемые ему обвинения тут как-то мало сообразны. Да и обвинителям едва ли приличествует так сильно выражать свое негодование, ибо сменивший Сталина период явился, с точки зрения исторической истины, не противопоставлением сталинскому, а с известными, правда немаловажными, коррективами — только его продолжением... Действительно, приходится констатировать, что послесталинский период в этой области (как, кстати, и в других) не оправдал, мягко выражаясь, возлагавшихся на него надежд. Пятнадцать лет тому назад, в 1955 году, старый большевик Бонч-Бруевич, один из немногих уцелевших соратников Ленина, выразил надежду, что теперь, после смерти Сталина, советская историческая наука расскажет правду о революции и ее деятелях. Разумеется, для Бонч-Бруевича «правдой» была только большевистская «правда» и «деятелями» были только большевистские деятели, в основном загубленные Сталиным. Тем не менее, оглядываясь назад, приходится констатировать, что даже это весьма скромное пожелание не претворилось в действительность.²⁸

**

Помимо вышеупомянутых разоблачений Сталина, самым знаменательным эпизодом послесталинской весны в области истории следует считать так называемое «дело Бурджалова». «Разоблачения» советского историка Э. Н. Бурджалова не явились уж такими сенсационными для людей, знакомых с литературой двадцатых годов и с литературой, появившейся в эмиграции. Тем не менее, на них следует

остановиться более подробно. Во-первых, многими этот эпизод, имевший место пятнадцать лет тому назад, уже забыт; во-вторых, весьма возможно, что в Советском Союзе он был известен только узкому кругу специалистов. В основном это «дело» свелось к следующему. Бурджалов, бывший в сталинские годы соредактором *Вопросов истории* и написавший в 1948 году книжку об истории революции в строго выдержанном сталинском духе, попытался в 1956 году, когда это стало возможным, «рассказать правду» — опять-таки, только большевистскую — «О тактике большевиков в марте-апреле 1917 года». Сильно раздутые некоторыми авторами на Западе и вызвавшие беспокойство у советских политруков, скрытых или явных сталинцев, эти статьи поведали о фактах, которые, за исключением отдельных, правда, очень «пикантных» подробностей, были, в общем, известны.²⁹

Бурджалов подтвердил, прежде всего, что до приезда Ленина 4 апреля 1917 года в Россию, в большевистских рядах царило полное смятение. Были конфликты между малоавторитетным Русским бюро ЦК, состоявшим тогда из Шляпникова, Молотова и Залуцкого, и Петербургским комитетом (ПК), пользовавшимся некоторым влиянием среди рабочих столицы, особенно на Выборгской стороне. В то время, как бюро ЦК, особенно Молотов и Шляпников, пытались «навязать» партии «левацкую» линию, которая сводилась к требованию немедленного создания революционного Временного правительства и игнорирования Советов (где тогда преобладали меньшевики и эсеры), ПК, более осведомленный о настроениях рабочих столицы, склонялся к поддержке Советов, к условной поддержке Временного правительства и

даже к некоторому оборончеству . . . Другими словами, ПК, так же, впрочем, как и Московский комитет партии, приближался к политике «соглашателей» меньшевиков и эсеров, превращаясь как бы в их левое крыло. Позиция умеренных большевиков еще больше укрепилась, когда 12 марта из ссылки вернулись Каменев, Сталин и бывший большевистский депутат Государственной думы Муранов. Эта тройка захватила редакцию *Правды* и начала проводить «полуменьшевистскую» политику, против которой так рьяно боролся Ленин в своих «Письмах издалека» и в «Письмах к отдельным товарищам». После своего приезда в Россию, Ленин, со своими «Апрельскими тезисами» взявший курс на «перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую», был почти полностью одинок. Единственным партийцем, который тогда полностью поддержал Ленина, была большевичка (кстати, бывшая меньшевичка) Коллонтай. В рабочей среде вообще, и в большевистских рядах в частности, были тогда сильны так называемые «объединительные» тенденции, т. е. стремление к объединению большевиков и меньшевиков в одну социал-демократическую партию. Интересно, что другой советский историк, В. В. Аникеев, подсчитал, что в 1917 году в 351 объединенной социал-демократической организации мирно сожительствовали большевики и меньшевики.³⁰

Но продолжим рассказ Бурджалова. В первые недели после его приезда, против Ленина открытую борьбу вел Каменев, считавший, что Россия для социалистической революции еще не созрела, и что до заключения мира русская армия должна защищать родину и революцию. До середины апреля Каменева

поддерживали такие старые большевики, как Сталин, Рыков, Ногин, Калинин, Бубнов и многие другие. Сталин, например, считал, что тезисы Ленина — не что иное, как «схема без фактов», и потому не могут считаться удовлетворительным документом. Ленин в те дни не находил «открытых сторонников даже в наших рядах», писал один из виднейших лидеров ПК, Залежский. Характерно, что на заседании ПК за тезисы Ленина было подано только два голоса; тринадцать человек голосовало против, и один воздержался. Что касается небольшевиков, то почти все считали эти тезисы «бредом», а их автора — человеком, совершенно оторвавшимся от действительности и потерявшим способность разбираться в создавшемся в стране положении.³¹

Как сказано выше, читатель, знакомый с начальным периодом Февральской революции и с тогдашним положением в отдельных партиях, в том числе и большевистской, не найдет в статьях Бурджалова ни много нового, ни, тем более, антиленинского. Тем не менее, статьи вызвали отповедь со стороны таких задающих тон советских величин, как Поспелов, Минц и Бугаев, а также известную сенсацию в среде западных историков. Позволительно думать, что негодование у блюстителей советской ортодоксии эти статьи вызвали не столько своим содержанием, сколько теми выводами, которые из них вытекали. Действительно, если вдуматься в смысл фактов, рассказанных Бурджаловым, то выходит, что партия, ее вожди, ЦК — все, за очень незначительными исключениями, — ошибались и тянулись без Ленина к оппортунизму и меньшевизму. «Вправил» всем «мозги» один Ленин, и то не сразу. Если бы не Ленин, большевизм оказался бы в 1917 году каким-

то левым краем в хвосте «соглашателей». Да так это и было. Приезд Ленина был судьбоносным днем для партии, для страны и для мира... Но как это признать, когда страной правит «коллективное руководство» (с 1956 года после осуждения «культы личности»), когда, согласно официальной доктрине, партия — этот авангард и кладезь коллективной мудрости — никогда, в противовес отдельным людям, не ошибается... Критики Бурджалова придрались к отдельным частностям, но не смогли опровергнуть ни приведенных в его статьях фактов, ни напрашивающихся из них выводов. Впрочем, если не выводы, то какие-то «оргвыводы» были сделаны. Бурджалов исчез на несколько лет со страниц советских журналов и был снят с занимаемого им поста.

Со своей стороны, западные историки, изголодавшись после «стабилизации» истории революции в «Кратком курсе» и в других изданиях подобного рода, восприняли статьи Бурджалова как некий возврат к традициям двадцатых годов и как некое начало нового «объективного» подхода к истории вообще, и к истории революции в частности. В существовавшем тогда климате такое восприятие легко объяснимо. Напомним, что даже пять лет спустя после «эпизода Бурджалова», когда оттепель и десталинизация в Советском Союзе явно достигала уже своих пределов, некоторые западные специалисты все еще выказывали оптимизм, который теперь кажется менее оправданным. Так, например, собравшись в июле 1961 года на конференцию в Женеве с целью установить (среди прочих вопросов), как история русской революции отразилась в «советском зеркале», некоторые западные советоведы и историки все еще про-

должали считать, что 1956 год — год XX съезда КПСС и секретной речи Хрущева — был «переломным» в советской историографии. Указывалось, что на советском книжном рынке появилось большое число книг по разным аспектам истории революции, что в Советском Союзе начали выходить новые исторические журналы, что советские историки получили более свободный доступ к архивам, и что, наконец, некоторым советским историкам была дана возможность встретиться с их западными коллегами, правда, не с западными историками революции, которых, за некоторыми исключениями, в Советском Союзе третируют как клеветников и фальсификаторов.³²

**
*

Теперь, когда мы отделены от самой революции более чем полувековой давностью, а от двадцатого съезда пятнадцатью годами, этот «переломный 1956 год» кажется нам не таким уж переломным. Ни количество книг и журналов, публикуемых с Советском Союзе, ни более широкий доступ историков к архивам, ни весьма эпизодические встречи советских историков с их западными собратьями настоящего «перелома» не произвели... Тем не менее, было бы неверно воспринимать и оценивать колоссальную советскую продукцию послесталинского периода по истории революции, как сделанную из одного куска. При всем ее однообразии и тут были (если можно так выразиться) и взлеты, и падения. Одиннадцать лет спустя после «дела Бурджалова», этот же автор объявился с книгой *Вторая русская революция*, задуманной, по-видимому, как многотомная история

революции. Первый том этого труда посвящен «Восстанию в Петрограде», т. е. первым дням революции и образованию Совета и Временного правительства. Строго выдержанная, с точки зрения официальной интерпретации, книга Бурджалова все-таки отличается от книг других советских историков и обилием редких, дотоле не использованных источников, и «честными» ссылками на таких опальных большевиков, как Шляпников и Молотов.³³ Не лишены ценности, особенно для советского читателя, также первые два тома трехтомной *Истории Великого Октября* Минца. Со свойственной ему напористостью, этот бывший соавтор Ярославского, сумевший, несмотря на все превратности судьбы, дожить до почетной старости, знакомит своих читателей также с интерпретациями западных историков революции. Из истории Минца советские читатели, конечно, не получают полного представления о концепциях и исследованиях западных историков; они, однако, смогут убедиться в том, что изучение истории русской революции ведется на Западе интенсивно, серьезно и, употребляя модный сейчас советский термин, «комплексно».³⁴

С другой стороны, можно привести немало образцов необычайного падения современной советской историографии, падения, не уступающего, а иногда даже и превосходящего период сталинских «страшных лет России». Так, например, в вышедшей в 1962 году под общей редакцией Б. Н. Пономарева и с участием того же Минца сильно антисталинской *Истории Коммунистической партии Советского Союза*, ни одним словом не упоминаются имевшие место в 30-х годах показательные процессы против оппозиции.³⁵ Другим примером исторической «объективности» послесталинских советских работ о революции мо-

жет служить четырехтомная *Хроника событий*, посвященная «Великой Октябрьской Социалистической Революции». В четвертом, очень объемистом томе этого «исторического» труда (изданного, кстати, Академией наук СССР), посвященном последним шести предоктябрьским неделям, ни разу не упомянут, ни к добру, ни к худу, председатель Петроградского совета и непосредственный организатор Октябрьского переворота Троцкий. «Хроника» полна бесконечными, похожими друг на друга резолюциями, принятыми бесчисленными воинскими частями, заводами и даже весьма незначительными предприятиями; однако, для руководителя всего «предприятия» там места не нашлось.³⁶ Таким же полным молчанием обходят Троцкого и *Документы революции 1905-го года*, хотя он был председателем Петербургского совета и в первой революции.

Выходит, таким образом, что некоторые, притом академические труды по истории революции после- сталинского периода грешат передержками в не меньшей, а иногда даже в большей степени, нежели труды подобного рода времен «культа личности». В «Кратком курсе», например, и Троцкий, и Зиновьев с Каменевым, и Бухарин с Рыковым по-своему не забыты. Разумеется, они там фигурируют в качестве предателей и злейших врагов ленинизма и советского народа. Сталину эти «предатели» и «злейшие враги» нужны были для того, чтобы более убедительно выявить свою собственную роль — спасителя революции и партии. Палачу нужны были его жертвы, ибо без них нельзя было оправдать ни культа, ни террора, ни всего другого... «Коллективное руководство» в этих жертвах уже почти не нуждается. Оно обращается к поколению, которое о жертвах

этих расправ знает либо очень мало, либо вовсе ничего не знает; теперь вести с ними спор — значит доказывать частично их правоту и, таким образом, их частично реабилитировать. Впрочем, коллективное руководство отдает себе отчет в том, что все эти основоположные споры, давно, казалось, решенные, на самом деле разрешены только на бумаге . . .

**
*

А. Ф. Керенский, написавший в течение своей долгой и бурной жизни много книг, статей и воспоминаний о революции, пришел на склоне лет к выводу, что «все исторические документы и описания (относящиеся к революции. — Д. А.), исходящие из Советского Союза, являются фальсификациями». ³⁷ Едва ли это так. Не все и не всегда исходившее из Советского Союза по истории революции было ложью и фальсификацией. Будучи «политикой, опрокинутой в прошлое», советские труды по истории революции отражали и продолжают отражать политическую действительность страны. При Ленине, которому не приходилось бороться за власть, ибо он был как бы «вне конкуренции», историк революции мог себе позволить относительную правдивость в изложении фактов. Односторонне интерпретируя факты, историки тех лет еще спорили и убеждали. Аналогичное положение существовало и в первые два-три года после смерти Ленина. Тогда еще конкурировали, боролись и сожигались разные фракции, платформы и взгляды на настоящее, будущее и прошлое. Именно в этом сожигательстве и в этой конкуренции весь секрет «свободомыслия» двадцатых годов.

Во втором периоде, когда новый вождь «вне конкуренции» добился своего положения уже не благодаря своему авторитету, а благодаря террору, в исторической литературе о революции устанавливаются и чекистско-погромная интерпретация, и нередко откровенно лживая подача фактов. На языке эпохи это называлось торжеством концепции Ленина-Сталина. Наконец, третий период, продолжающийся и поныне, отличается отбором фактов и возвратом к «ленинской» интерпретации. В известной степени «культ Ленина», с некоторыми оговорками, заменяет в этом периоде «культ Сталина». Кстати, вопреки установившейся легенде, Ленин, при всей его скромности, иногда мирился с культом его собственной персоны. Так, например, еще в 1918 году, до его болезни, Ярославский написал брошюру под заглавием «Великий вождь рабочей революции Владимир Ильич Ульянов-Ленин». Ленин явно терпел подобные «немарксистские» эпитеты по его адресу, ибо эта брошюра не была изъята из употребления. Разумеется, «культ Ленина» и «культ Сталина» — явления разного свойства, и вполне допустимо, что Ярославскому вовсе не приходилось кривить душой, когда он Ленина называл «великим». Подобные факты — отнюдь не единичные — скорее свидетельствуют о том, что большевизму в определенные периоды, когда партией правит единоличный вождь, присущ культ, даже если допустить, что он вызывает у объекта этого культа неприятные чувства и ассоциации.³⁸

Ленинская концепция революции и действительность

Разные периоды, но, в основном, — одна концепция. Названная «ленинской» и «научной», эта концепция является ключом к пониманию историографии революции в большевистском освещении. В ее основе лежат два положения: во-первых, преемственность большевизма от революционного марксизма; во-вторых, мысль о том, что русская революция была явлением закономерным, исторически неизбежным.

С первым утверждением можно согласиться; марксизм действительно раскололся на реформистское и революционно-утопическое крылья. Большевизму выпала сомнительная честь воплотить теорию и практику этого последнего крыла. Но как быть с исторической закономерностью? Ведь, согласно последней, социалистическая революция должна была произойти не в экономически отсталой России, а в одной или нескольких экономически развитых капиталистических странах... Советские историки пытаются эту трудность с закономерностью разрешить двояким путем: во-первых, путем расширения самого понятия закономерности; во-вторых, ссылаясь на специфические условия, в которых находилась Россия вообще, и Россия накануне революции в частности.

Расширенное толкование понятия закономерности особенно имело место в более либеральные хрущевские или в первые послехрущевские годы. Более углубленные советские историки пытались делать различия между «общими законами» или «тен-

денциями» исторического материализма, которыми действительную человеческую историю объяснить трудно и даже невозможно, и «конкретной исторической закономерностью», которая, помимо материального базиса, занимается также людьми, их активностью, волей и вытекающими отсюда «случайностями»... Из этого расширенного толкования закономерности следует, что ход истории предопределен не только и даже не столько экономическими факторами, сколько людьми и их непредвиденными страстями, волевыми амбициями и импульсами. Еретическая мысль, ибо из нее явствует, что «надстройка» или «сознание», которым по Марксу были предназначены вторичные функции, обладают весьма широкой свободой и самостоятельностью.³⁹

Подобное, весьма либеральное толкование исторической закономерности облегчает официальной историографии объяснение совершившейся в 1917 году в России незакономерной «социалистической» революции. Действительно, если «общие законы» исторического материализма являются только «тенденциями», или, если угодно, предположениями, то с ними вообще следует мало считаться. С другой стороны, если все зависит от конкретных специфических условий, от воли, упорства людей, тогда действительно нетрудно обосновать ход и исход русской революции. Но тогда это обоснование будет не марксистским, а ленинским или большевистским, а это не совсем одно и то же.

Теория специфических условий в России является, по существу, центральной осью ленинской концепции революции. Ее основные положения начали разрабатываться еще во время революции 1905 года. Следует подчеркнуть, что формально Ленин, как и

все социал-демократы, стоял на той позиции, что предстоящей русской революции, ввиду экономической отсталости России, полагается быть не социалистической, а буржуазно-демократической. Грядущая революция должна была, по общему мнению, ограничиться проведением реформ в пользу крестьян и рабочих и установлением в России правового демократического строя. Однако, в 1905 году Ленин в этом неоспоримом для русских марксистов вопросе сделал чрезвычайно важное дополнение. Революция, начал он утверждать, действительно должна быть буржуазно-демократической, но совершить и завершить ее могут не буржуазия и либералы, всегда, якобы, готовые на «постыдную и жалкую сделку» с царизмом, а только пролетариат (составлявший тогда в России два процента населения) в союзе с многомиллионным крестьянством. Отсюда вывод: революция может восторжествовать только в результате создания «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства». Хотя Ленин этого прямо не говорил, но из всего его тогдашнего умонастроения и из отдельных его признаний явствовало, что и «союз» и «демократическую диктатуру» (Ленин уже тогда был мастером на такие весьма бессмысленные словосочетания) он предполагал осуществить через свои большевистские организации и под своим личным руководством.

Читатель, знакомый с тогдашними спорами в революционной среде — и в эмиграции, и в России — согласится, что эти «открытия» Ленина о специфических условиях в России и о революционной потенции российского крестьянства были давно открыты и пропагандированы народниками, а потом их продолжателями — эсерами. Весьма существенная

разница состояла, однако, в том, что народники и эсеры, говоря о крестьянах, рабочих, или трудовой интеллигенции, имели в виду действительно рабочих, крестьян и трудовых интеллигентов, т. е. их организации, их самодеятельность, нужды, чаяния и тому подобное; Ленин же, наоборот, употребляя ту же терминологию, имел в виду только свою партию, которая якобы выражала интересы всех этих классов. Вот почему Ленин относился настороженно, недоверчиво, а подчас и враждебно ко всем видам самодеятельности рабочих и крестьян (будь то советы, профсоюзы, кооперативы, крестьянские союзы), если они не находились под влиянием и контролем его партии.

Эта мысль о завершении буржуазной революции не буржуазией и ее партиями, а союзом рабочих и крестьян, явилась крупнейшим отступлением от классического марксизма. Хотя сам по себе этот ленинский теоретический «вклад» не очень оригинален, в устах Ленина, подменявшего рабочий класс и крестьянство своей партией, ориентированной на диктатуру и захват власти, он приобретал особое и зловещее значение. Надо, однако, добавить, что в 1905 и в последующие годы мало кто этой «метаморфозе» Ленина придавал серьезное значение. Ход событий первых месяцев Февральской революции доказывает, что эту «метаморфозу» игнорировали не только противники Ленина, но даже выпестованные им вожаки большевистской партии.

Новый и очень значительный шаг в своей общей теоретической концепции Ленин сделал во время войны. Война, полагал он, является «ускорителем революции», а капитализм (здравствующий, кстати, и поныне) переживает свой последний предсмертный

этап. Социалистическая революция на Западе стояла поэтому в воображении Ленина в порядке дня. Что касается России, добавлял он, то она является «самым слабым звеном» в общей цепи обреченного империализма; не исключена поэтому возможность, что в России революция вспыхнет раньше, чем в какой-либо другой стране. В России появляются, таким образом, предпосылки (в этом гвоздь ленинской концепции) для «перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую». Предполагалось, разумеется, что если России суждено будет начать революцию, Запад непременно последует русскому примеру.⁴⁰

Неожиданность революции

Закономерную в теории ленинскую концепцию революции трудно, однако, согласовать с упрямыми фактами. Известно, например, что, несмотря на разработанные им теории, Ленин сам сомневался в возможности близкой революции в России. Так, за два месяца до революции, в одном из своих докладов в Цюрихе он заявил: «Мы, старики, быть может до грядущей революции не доживем».⁴¹ Подобный скептицизм разделяли и другие революционеры-большевики и меньшевики. Известный петроградский большевик В. Каюров, на воспоминания которого советские историки охотно ссылаются, рассказывал, что накануне революции большевики решили (вместе с меньшевиками и эсерами) поддержать забастовочное движение только «скрепя сердце», ибо «никто не думал о такой близкой, возможной рево-

люции». ⁴² «Ни одна партия непосредственно не готовилась к перевороту», — вторил ему известный летописец революции Н. Суханов, прибавляя: «То, что началось в Питере 23-го февраля, почти никто не принял за начало революции; казалось, что движение, возникшее в этот день, мало чем отличалось от движения предыдущей недели». ⁴³ На неожиданности революции настаивает также левый эсер Мстиславский: «Революция застала нас, тогдашних партийных людей, как евангельских неразумных дев, спящими». ⁴⁴ Другой эсер, Зензинов, подтверждает: «Революция ударила, как гром с неба, и застала врасплох не только правительство, но и Думу и существующие общественные организации. Она явилась великой и радостной неожиданностью и для нас, революционеров». ⁴⁵ Даже большевистский историк Покровский писал, что накануне революции большевики были «в десяти верстах от вооруженного восстания». ⁴⁶ Со своей стороны, Керенский вспоминает, что когда вечером 26 февраля у него на квартире собрались представители социалистических партий, то большевик-межрайонец Юренев категорически заявил, что «нет и не будет никакой революции, что движение в войсках сходит на нет и надо готовиться на долгий период реакции». ⁴⁷

Как же после этого можно говорить о «закономерности», неизбежности революции, предвидении партии и Ильича?.. Правда, объективности ради, следует добавить, что неожиданностью революция оказалась не только для революционеров, но также и для царя и многих его приближенных. Известно, например, что когда Николай II прочел телеграмму председателя Думы Родзянко о начавшейся в Петрограде революции, он обмолвился, ставшей уже исто-

рической, фразой: «Опять этот толстяк мне написал разный вздор, на который я ему даже не буду отвечать!»⁴⁸

* *
*

Внезапность или неожиданность революции — факт, сам по себе несомненный — уживался, однако, в предреволюционные месяцы с чувством какой-то общей революционной насыщенности, с каким-то ожиданием неминуемых больших потрясений. Однако, выявлялось и ощущалось это чувство не у большевиков, марксистов и революционеров, а, наоборот, у умеренных социалистов, либералов, правых, и особенно в донесениях Охранного отделения. Показательны в этом отношении предостережения, сделанные накануне революции в своих речах такими известными думским лидерами, как Керенский, Миллюков и Родзянко. Все они предупреждали, что страна быстро и неминуемо приближается к взрыву и катится в пропасть. Так, например, Керенский за неделю до революции (17 февраля) предсказал, что столкновение с властью произойдет скоро, и весьма решительное.⁴⁹

Одним из весьма знаменательных в этом смысле документов тех дней является последний «всеподданнейший» доклад Родзянко царю. Этот доклад и последовавший за ним разговор, свидетельствующий о мужестве, прямоте и прозорливости председателя Думы (почему-то незаслуженно иронически третируемого некоторыми историками) с одной стороны, и о слепоте и беспечности монарха с другой, произошел 10 февраля, т. е. за две недели до начала революции. Родзянко рассказывает, что после доклада он

заявил: «Я Вас предупреждаю, я убежден, что не пройдет и трех недель, как вспыхнет такая революция, которая сметет Вас, и Вы уже не будете царствовать». «Откуда Вы это берете?» — спросил царь. «Из всех обстоятельств, как они складываются», — ответил Родзянко . . . «Ну, Бог даст», — обмолвился фаталистически царь. «Бог ничего не даст, революция неминуема», — был ответ Родзянко . . . ⁵⁰

Что касается донесений Охранного отделения, то надо сказать, что это ведомство проявило в те дни не только исключительное понимание текущих событий, но нередко ставило также верные прогнозы относительно будущего. Уже 6 января Охранное отделение докладывало министру внутренних дел, что «переживаемый момент очень похож на время, предшествовавшее первой революции в 1905 году». Заканчивался этот доклад оценкой общего положения, которой нельзя отказать в проницательности: «Либеральные партии, — читаем мы в этом докладе, — верят, что в связи с наступлением ужасных и неизбежных событий правительственная власть должна будет пойти на уступки и передать всю полноту власти в руки кадет. Левые же партии доказывают, что власть не пойдет на уступки, что наступит стихийная и анархическая революция, и тогда создастся почва для превращения России в свободное от царизма государство, построенное на новых социальных началах». ⁵¹

Кто совершил революцию?

Но вот предсказания сбылись; революция свершилась. Кто сверг монархию? Государственная дума, где главенствовали либералы, или рабочие и солда-

ты, якобы инспирируемые и руководимые большевиками? Нетрудно догадаться, что согласно официальной историографии, рабочие столицы были «гегемом» революции. Это они, руководимые большевиками, распропагандировали солдат, которые отказались стрелять в восставший народ... Для читателя, знакомого с тогдашним действительным положением дел, возникает тут, однако, целый ряд недоуменных вопросов. Если большевики действительно руководили революцией, то чем же объяснить, что в создавшихся в первые дни революции Советах рабочих, а потом рабочих и солдатских, не говоря уже о крестьянских, депутатов преобладали не большевики, а так называемые «соглашатели», т. е. меньшевики и эсеры? Документы тех дней и недель свидетельствуют о том, что большевики почти не оставили никакого следа в работах Исполкома совета.⁵²

Советские историки пытались объяснить «соглашательское засилье» в Советах разными противоречивыми версиями. Согласно одной, на которой особенно настаивал Шляпников, большевики в дни революции боролись на улицах, в то время как «соглашатели» успешно захватывали Советы.⁵³ Несостоятельность этой версии бросается в глаза. Ведь беспорядки, приведшие к торжеству революции, продолжались всего несколько дней. Почему же при всех последующих перевыборах Советов опять проходили «соглашатели», а не большевики? Кроме того, почти во всех городах, в Москве и в провинции, никакой борьбы вообще не было, ибо власть перешла к Временному правительству и Советам без всякого сопротивления со стороны старого режима. Тем не менее, и в провинции (за исключением нескольких городов, таких, как Иваново-Вознесенск, Орехо-

во-Зуево) руководящую роль в Советах играли меньшевики и эсеры. Согласно другой версии, которая как бы уничтожает предыдущую, слабость большевиков в Советах объяснялась «мелкобуржуазным» составом пролетариата, особенно столичного. Наиболее сознательные и революционные рабочие были, согласно этой версии, мобилизованы; в тылу и в столице остались преимущественно шкурники, которым удалось, благодаря всяким уловкам, увильнуть от армии. Допустим, что это было так. Но тогда как же этот шкурник был «гегемоном» и «героическим борцом»? Ведь, согласно официальным, несомненно завышенным данным, большевистская организация Петрограда насчитывала всего 1500—2000 человек.⁵⁴ Как же такая малочисленная организация без авторитетных вождей могла руководить революцией, в которую сразу же после ее возникновения были втянуты сотни тысяч и даже миллионы людей? Сам Ленин дал на эти щекотливые вопросы более вразумительное объяснение. Большевистские лозунги, — говорил он, — были вначале непопулярны и не соответствовали оборонческим настроениям населения, не только крестьянского, но также рабочего и даже пробольшевистского. Этим и объясняется слабое влияние большевиков среди рабоче-крестьянского населения вообще, и в Советах в частности.⁵⁵

**
*

Спорных или каверзных вопросов в советской историографии революции немало. Кроме уже упомянутых споров о тактике большевистской партии в первые месяцы революции, разногласия вызывают роль партии в апрельских днях, в июньской манифе-

станции, в июльских днях, в корниловском выступлении и, наконец, вопрос, кем и как было проведено Октябрьское восстание . . . Немаловажную роль в советской историографии революции играет также вопрос о периодизации революции, вопрос, на первый взгляд, академический. Ленин, не предполагавший, что каждая оброненная им фраза обрстет бесконечными комментариями, делил (несомненно, для удобства) революцию на три фазы: первую (февраль-июль) он называл «мирной», ибо в эти месяцы большевики, уверял он, рассчитывали прийти к власти мирным путем через Советы; во втором периоде (июль-октябрь) партия ориентировалась на вооруженное восстание и совершила Октябрьский переворот. Наконец, третий период, именующийся «триумфальным шествием советской власти по всей стране», выходит за рамки нашей темы.

Переломными моментами в революции Ленин считал июльские дни и корниловское выступление, позволившее его партии, пребывавшей в послеиюльские дни в полуподполье и терявшей влияние в массах, вновь выйти наружу и стать важным и вскоре важнейшим фактором в тогдашнем соотношении сил в стране. Заметим, что в этом вопросе о значении корниловского выступления Ленин полностью сходился со своим главным антагонистом Керенским. Мы увидим ниже, что при нравах, существующих в исторической науке в Советском Союзе, «академический» вопрос о периодизации революции имел политическое значение, часто с роковыми последствиями для замешанных в нем историков.⁵⁶

Судьба советских историков революции

Да, почти все советские историки, занимавшиеся революцией, где-то споткнулись. Одни недооценивали одно, другие переоценивали другое. Почти все они чем-то грешили и почти всем им пришлось расплачиваться за совершенные или мнимые грехи. Список наиболее видных советских историков и совершенных ими «ошибок» или «преступлений» выглядит как поминальный . . . Нет в Советском Союзе в этой науке преемственности или умственной «эстафеты», как там любят выражаться.

Напомним вкратце судьбу и послужной список наиболее известных советских историков революции. Шляпникову, оставившему четыре увесистых тома о кануне и о самой революции, вменялось в вину, что он переоценивал свою собственную роль в революции и недооценивал роль партии и ее «мобилизующую роль» в начале самой революции. Шляпников вообще был склонен к преувеличению стихийных, т. е. народных, партией не контролируемых элементов революции в ущерб элементам «организованным», т. е. партийным. Это служило поводом для обвинения Шляпникова в антиленинизме и в тайных симпатиях к троцкизму. Каменева, Зиновьева, Бухарина, — также писавших «походя» о революции, — обвиняли в защите «ревизионистской» и троцкистско-меньшевистской концепции. Все они, ставилось им в вину, отрицали социалистический характер свершившейся революции . . . Все они в какой-то момент полагали, что русская революция обречена, если не подоспеет европейская революция.⁵⁷

Покровский, пытавшийся навести в этой области порядок, сам, однако, совершил «грубейшие ошибки» противоположного характера. Не переставая разоблачать меньшевистско-троцкистские ереси, он выдвинул концепцию, согласно которой уже Февральская революция была социалистической. Покровский также утверждал, что «диктатура пролетариата утвердилась в России де факто уже в марте 1917 года», что значение Октябрьской революции состоит только в том, что она эту диктатуру оформила, так сказать, «де юре» . . . Покровский со всей категоричностью заявлял, что «если бы в февральские дни партия большевиков была посильнее, хотя бы в Петрограде, и если бы там был Ленин, то рабочее правительство могло бы сформироваться еще в ходе Февральской революции». Покровский, и особенно некоторые его последователи, кроме того излагали «путаную» теорию об имевших место в октябре 1917 года двух революциях, а именно пролетарско-социалистической в городах и крестьянско-буржуазной в деревнях. Непростительные ереси для советского историка, который не мог не быть знаком с главными писаниями Ленина в 1917 году, и особенно с его теорией о «перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую». Покровскому потом пришлось, разумеется, отказаться от своих «левацких» загибов. Последние, однако, проникли в свет через работы его учеников и учениц. Так, например, одна из наиболее ревностных из них, Э. Б. Генкина, распространяла мысль о растерянности большевистской партии в начале революции. Именно при Покровском, настаивают его критики, развелись также «упрощенчество, вульгаризаторство, субъективизм»

— черты, которые затем таким пышным цветом расцвели во время «культы личности». ⁵⁸

Грех другого историка, наложившего заметную печать на историческую науку о революции, Ярославского, сводился главным образом к отступлению от «ленинской» периодизации революции. В то время как Ильич считал переломным событием революции июльские дни, закончившие «мирный» период революции, Ярославский отводил эту роль корниловщине. Ярославский явно «смазал» и июльские дни, и Октябрьский переворот, чтобы угодить Сталину, который в этих событиях большой роли не играл. ⁵⁹

II

История русской революции была бы бедна, бесплодна и изуродована, если бы она исчерпывалась только теми публикациями, которые появились в Советском Союзе. К счастью, случилось иное. Русская революция вызвала живейший интерес на Западе. Да разве это могло быть иначе? Революция свершилась на одной шестой части мира и должна была, по замыслу ее вождей, стать прологом революции мировой. Единой и «научной» советской историографии и концепции Запад противопоставил другие, разнообразные по своей сути, диапазону и толкованиям; односторонне подобранным, утаенным и ложным фактам были противопоставлены новые. Запад заполнил тут зияющую брешь и этим выполнил задачу, за которую ему воздадут должное когда-нибудь и в самой России.

Революция и западные историки

Литературу по истории русской революции, появившуюся на Западе, можно и для удобства, и с точки зрения ее сущности и значения, разделить на две категории. К первой принадлежат работы, написанные западными авторами, в том числе и некоторыми эмигрантами, которые, как М. М. Карпович, Г. В. Вернадский, М. Т. Флоринский, Г. М. Катков стали видными историками России на Западе. Из названных Вернадский и Катков написали книги о Февральской революции.⁶⁰ Карпович оставил исто-

риографическую статью о революции, кончающуюся 1930 годом.⁶¹ Вернадский и Флоринский — авторы общих работ по истории России, в которых революция занимает, разумеется, известное место.⁶² К литературе второй категории, которая подробнее будет описана ниже, принадлежат исторические работы и воспоминания, написанные деятелями Февраля, очутившимися в эмиграции.

Книги о революции, появившиеся на Западе, весьма многочисленны, хотя по количеству они, конечно, не достигают астрономических советских показателей. Из существенных мемуарных работ этого разряда следует отметить воспоминания иностранных послов, живших до и во время революции в России; из них особенную ценность представляют книги французского посла Палеолога и английского Бьюкенена, свидетельствующие, кстати сказать, о личных и политических связях этих дипломатов с некоторыми представителями российской либеральной оппозиции.⁶³ На Западе вышли также воспоминания западных военных атташе в России, представителей иностранных миссий, а также очутившихся во время революции в России журналистов, как, например, известного советским читателям пробольшевика Джона Рида.⁶⁴ Рекомендованная Лениным, живо написанная, но содержащая немало фактических ошибок книга Джона Рида была изъята из обращения в сталинские годы. Ее автор, сказавший много хорошего о Троцком, не сумел заметить «организатора революции» Сталина. У Рида Сталин даже не фигурирует в качестве «серого пятна», каковым его нашел Суханов.⁶⁵ Из изданных на Западе документов следует отметить переписку Николая II с царницей,⁶⁶ документы о связях Ленина с Германией⁶⁷

и целый ряд исторических журналов и документальных сборников о революции. ⁶⁸

**
*

При таком относительном обилии так называемых «первичных» источников должен, однако, показаться странным тот факт, что самой истории русской революции «не повезло» не только в Советском Союзе, но и на Западе. Действительно, помимо эмигрантских авторов — руководящих фигур революции — революция, как таковая, и Февральская, и Октябрьская, редко служила западному историку самостоятельной темой. В безбрежном потоке интерпретативных книг о причинах, последствиях, смысле и значении революции — книг, которыми мы здесь не занимаемся, — настоящих историй революции, исходящих от западных авторов, было не так уж много. Разумеется, в общих чертах ход революции, ее основные этапы, изложены в историях КПСС, в биографиях вождей революции, но сделано это чрезвычайно скупо. Несколько примеров: в многотомной *Истории Советской России* английского историка Карра события, имевшие место от февраля до октября, изложены на 35 страницах. В трехтомной биографии Троцкого, написанной польско-английским автором Дейчером (насчитывающей больше 1500 страниц), самой революции уделено еще меньше места. Так же эта тема «обижена» в книге того же автора о Сталине и в истории КПСС английского историка Леонарда Шапиро. ⁶⁹

Из изданных на Западе историй русской революции следует, помимо многих книг, написанных по свежим следам во время и в первые годы после рево-

люции,⁷⁰ выделить *Русскую революцию 1917—1921* американского автора Чемберлина, из которой только первый том, да и то не весь, посвящен событиям самой революции. Появившаяся в 1935 году, книга Чемберлина вразумительно и легко изложила революционные события; однако, издав свою книгу тридцать пять лет тому назад, автор, разумеется, не мог пользоваться многими источниками, появившимися впоследствии. Странно, что переиздав свою книгу в 1965 году, автор не дополнил и не изменил некоторые части ее в свете появившихся новых материалов.⁷¹ Упоминавшаяся уже работа Каткова (т. е. вышедший пока ее первый том) является больше введением в революцию, чем книгой о самой революции. Автор задался главным образом целью изучить вопрос о причинах, вызвавших революцию, об ее первых днях и об образовании Петроградского совета и Временного правительства. Проделавший большую работу по изучению первоисточников, автор склоняется к мысли, что революция была вызвана преимущественно подрывной деятельностью немецких агентов, стремившихся к деморализации восточного фронта и к заключению с Россией сепаратного мира. Катков также считает, что либеральная оппозиция, пытаясь использовать создавшееся положение для давления на царя и с целью добиться от него политических уступок, фактически потворствовала возникновению революции. Двусмысленную роль Катков склонен приписать главнокомандующим фронтами, в частности генералам Рузскому, Брусилову и даже начальнику штаба ген. Алексею, и особую роль масонам. Большое внимание в книге Каткова уделено документам и рассуждениям, проливающим свет на связи Ленина и его доверенных лиц с немецкими

агентами, стремившимися вызвать революцию в России. Будем надеяться, что в последующих томах автор сумеет довести до конца свою интересную, хоть местами и весьма спорную работу.⁷²

Тема о немецких деньгах, полученных большевиками, разрабатывается также во многих других книгах о революции, в частности в книге канадского историка Мурхеда, в работах американского историка Поссоны и чешско-английского автора Земана.⁷³ *История русской революции* американского автора Джозля Кармайкла написана под влиянием Суханова, чьи «Записки» Кармайкл перевел и в сокращенном виде издал по-английски.⁷⁴ Весьма полезную, местами очень подробную книгу о революции, но преимущественно, с упором на события предоктябрьских дней, написал американский историк Роберт Даниельс.⁷⁵ В истории революции французского историка Ферро использованы многие новые документы; в смысле интерпретации она кое в чем сходна с советскими историями периода двадцатых годов.⁷⁶

Кроме «полных» историй о революции, на Западе были опубликованы работы, посвященные отдельным эпизодам революции, отдельным партиям и лидерам. Особняком в этом смысле стоят исторические работы С. П. Мельгунова, представляющие для специалиста исключительную, можно сказать, незаменимую ценность. Активный народный социалист в Москве в дни революции, но не представлявший собой руководящей фигуры в революции в Петрограде, Мельгунов проделал огромную работу по изучению отдельных решающих фаз революции. За понимание действительного положения в стране во время начальных «Мартовских дней 1917 года» и ключевого вопроса о том, «Как большевики захватили власть»,

а также вопроса о связях немцев с большевиками, о сепаратном мире и, наконец, таких «эпизодов», как судьба Николая II и его семьи, и как и кем в России накануне революции готовился дворцовый переворот, историки и читатели будут благодарны Мельгунову, хотя сейчас его имя на его родине почти не упоминается.⁷⁷ Следует отметить, что с историком Мельгуновым, чьими работами так широко пользуются историки-иностранцы, нередко очень резко расходились историки и мемуаристы эмигранты, участники революции. Так, например, у Мельгунова бывали резкие стычки именно по некоторым вопросам революции и с кадетским лидером Милюковым, и с лидером эсеров В. М. Черновым.⁷⁸ Из работ по отдельным фазам революции или учреждениям, ею созданным, нужно упомянуть исследование о Советах немецкого историка Анвейлера, книгу об июльских днях А. Рабиновича и некоторые статьи, помещенные в сборнике *Революционная Россия*, изданном в связи с пятидесятилетием революции.⁷⁹

**
*

Темы и проблемы, стоящие в центре внимания западных историков, в основном, разумеется, те же, что занимают и советских авторов. Различие между ними проявляется не столько в тематике, сколько в толковании. Революция, причины ее возникновения, ее генезис, ход и исход неизбежно приводят нас к роли людей, учреждений, партий. Государственная дума, партийные группы, образовавшийся Совет, бастующие рабочие, локаут у Путилова, женщины в очередях (проявившие особую активность в связи с восьмым марта — международным женским днем),

казаки и солдаты, отказавшиеся стрелять в демонстрантов, — все они вместе произвели тот кумулятивный эффект, который позволил революции сначала свершиться, а потом укрепиться. В суммарном виде основные факты и этапы излагаются западными историками, с разными вариациями и оттенками, приблизительно в следующем виде.

Роль Государственной думы, которую большевистская историография сильно преуменьшает, была в представлении западных историков огромна. Дума, руководители ее более активной части — Прогрессивного блока — революции, разумеется, не хотели; они предпочитали реформы и удовлетворились бы конституционной монархией с ответственной перед Думой исполнительной властью или хотя бы «министерством доверия», т. е. правительством, состоящим из популярных деятелей, пользующихся доверием страны. Тем не менее, лидеры Прогрессивного блока сыграли, помимо их воли, исключительную роль и в возникновении революции, и особенно в ее стабилизации. Зажигательные антиправительственные речи, произносившиеся с трибуны Думы, сильно содействовали возникновению и кристаллизации оппозиционных настроений, которые с такой силой прорвались в феврале 1917 года. Когда революция произошла, она, по всей вероятности, удержалась только благодаря тому, что во главе ее стали лидеры Думы, такие «всероссийские имена», как Милюков, Гучков или князь Львов — глава земства. Без них руководство армии революцию не приняло бы так единодушно; революция во главе не только с тогда никому неизвестными большевиками, но даже с популярными левыми членами Думы — Керенским, Чхеидзе и Скобелевым — вызвала бы, вероятно, сопротивление

в тогда еще не совсем разложившейся армии, и в результате была бы, наверно, задущена.

Документы и воспоминания руководящих участников февральских дней свидетельствуют о том, что почти никто в те дни не верил в успешный исход революции. Одни — и среди них были как раз большевики — опасались, что возникшие беспорядки спровоцированы полицией министра внутренних дел Протопопова с целью уничтожения оппозиции — и либеральной, и революционной. Неуверенность в исходе революции, которая охватывала в те дни почти всех деятелей революционных и либеральных партий, превращала поэтому Государственную думу в прикрытие, которое революцию как бы санкционировало и легализовало. Десять лет спустя после революции Милюков, успевший за эти годы многое передумать и пересмотреть, все еще признавал: «Русские реакционеры совершенно правы, когда они считают думских лидеров ответственными за успех революции». ⁸⁰

Признавать роль Думы и либеральной оппозиции в возникновении и укреплении революции вовсе не значит приписывать ей единое руководство событиями. Стачки рабочих в Петрограде, локаут на огромном Путиловском заводе, перебои в снабжении, вызвавшие усиленные закупки и очереди у пекарен, — все эти факты, по-видимому, задним числом сильно преувеличенные и рассматривавшиеся тогда и властями, и оппозицией как «обычные явления», — создали, со своей стороны, предпосылки для революционного взрыва. Отказ солдат и казаков — этой «опоры реакции» — рассеивать силой демонстрантов, факт сам по себе неожиданный и случайный, превратил «предпосылки» революции в саму револю-

цию. Руководство последней нельзя, следовательно, приписать одной партии или одному учреждению. Действительно, еще до принятого с большими колебаниями решения лидеров Думы образовать Временное правительство, в столице начали, преимущественно по инициативе умеренных социалистических партий и групп, создаваться Советы рабочих и солдатских депутатов. Ввиду их влияния в «низах», Советы скоро заставили Временное правительство, состоявшее из «верхов», фактически делить с ними власть или, по крайней мере, ничего существенного не предпринимать без согласия Совета. Ретроспективно можно сказать, что в то время, как Советы и левые партии пытались организовать рабочих, солдат, студентов для защиты и «углубления» революции, лидеры «верхов» или «цензовиков», группировавшиеся вокруг Думы, нейтрализовали самым фактом образования ими Временного правительства возможное сопротивление тех кругов и на фронте, и в тылу, от которых логично следовало ожидать контрреволюционных поползновений. Если угодно, здесь имело место своеобразное, в большой степени бессознательное разделение труда.

Февраль и Октябрь: люди, цели, методы

Революция, как мы видели выше, пришла неожиданно и стихийно. Тем не менее, в первые же дни и даже часы она приобрела руководителей. Кто же были эти люди? Как они себе представляли цели революции? Какими методами они пользовались для их осуществления? В советской историографии Февраль представлен как «зародыш», «пролог» или

«оболочка», в которой таилось «ядро» Октября. На самом деле Октябрь был антиподом Февраля. Февральская революция была явлением истинно народным, стихийным, никем не подготовленным. Октябрь, наоборот, был тайным заговором, в котором участвовало несколько тысяч человек и к которому население, включая рабочих, отнеслось безучастно. Когда свершился Февраль, народ был уверен, что наступила новая эра свободы и благоденствия. Когда произошел Октябрь, в России и за границей предполагали, что большевики продержатся несколько недель и месяцев, и что в результате их победы восторжествует «реакция», т. е. произойдет до некоторой степени реставрация старого порядка.

Цели и методы Февраля и Октября были абсолютно противоположными. Февраль мыслился как событие национальное. Октябрь как интернациональное. Для деятелей Февраля, независимо от их партийной принадлежности и степени революционности, революция должна была ограничиться разрешением национальных задач. Наоборот, для руководителей Октября русская революция должна была, главным образом, явиться прелюдией к революции европейской и мировой. Наконец, деятели Февраля обладали различными, присущими людям добродетелями и недостатками; руководители Октября принадлежали к определенному «психологическому типу». Большевистские активисты были послушными, хоть иногда и самоотверженными солдатами Ленина. «Военка», Красная гвардия — были, в значительной степени, личными организациями Ленина. Сам Ленин был человеком фанатичным, непреклонным, авантюристичным и неразборчивым в средствах.

Люди Февраля были сделаны совсем из другого материала. Их можно и должно, конечно, за многое критиковать. Нельзя, однако, отрицать, что при всех свойственных им недостатках, почти все они были людьми личной честности и большого благородства. Некоторые из них обладали выдающимися дарованиями и явились бы украшением правительства или парламента любой западной страны. Однако, именно их дарования и благородство — черты, которые обычно считаются достоинствами, в сложившихся условиях семнадцатого года оказались недостатками и пороками. Честность и принципиальность превратились в догматизм и политическую близорукость. В основном люди Февраля, которых так жестоко осудила история, совершили, независимо от своих побуждений, две кардинальные ошибки, которые, без всякой риторики, в тогдашних условиях и в исторической перспективе оказались преступлениями. Они, во-первых, медлили с неотложными мерами и реформами, которых ожидала от них страна; благодаря этой медлительности они оказались не в состоянии предупредить большевистский Октябрь. Во-вторых, типичные русские интеллигенты, считавшие Ленина и его «соратников» только заблуждающимися товарищами, они не могли и не хотели принимать против большевиков мер, необходимых для спасения страны и революции. Эта последняя ошибка основана в большой степени на психологическом просчете. Большевиков недостаточно принимали всерьез; все их противники были уверены, что, даже захватив власть, они не смогут ею долго пользоваться.

Читатель, знакомый с действительной историей, программами и биографиями вождей российских либеральных и умеренно-социалистических партий, с

трудом может свыкнуться с мыслью, что эсеры Чернов, Авксентьев и «бабушка русской революции» Брешковская «саботировали» проведение аграрной реформы, что социалисты Плеханов и Церетели были против мира, или что даже кадеты Кокошкин и Набоков противились созыву Учредительного собрания. Тем не менее, это, в какой-то мере, исторический факт. Однако, именно в какой-то мере. Министры земледелия Временного правительства, эсеры Чернов и Маслов, действительно не провели земельной реформы; Плеханов — этот виднейший в России марксист — действительно занимал крайнюю оборонческую позицию, ибо считал, что победа Германии будет катастрофой для России и приведет к удушению революции; Керенский, так много и так красноречиво говоривший о народоправстве, действительно не созвал Учредительного собрания... Все эти факты, если их взять вне контекста тогдашних событий и царившей тогда атмосферы, совершенно необъяснимы, особенно для людей, которые, как автор этих строк, некоторых из названных тут лиц знали лично.

В чем был секрет этого несоответствия между словом и делом, между чаяниями и действительностью? Тут мы подходим, на мой взгляд, к наиболее интересной и ценной части историографии революции, а именно, к историческим трудам, воспоминаниям, запискам, автобиографиям, оставленным самими руководителями Февраля. Нужно сказать, что в отношении этого литературного наследия истории сравнительно «повезло», ибо многим и наиболее видным деятелям Февраля удалось обосноваться в эмиграции, где они смогли, вне досягаемости советской цензуры, дать свою версию и самих фактов, и их

смысла. Правда, удалось это не всем. Так, выдающиеся кадетские лидеры Ф. Ф. Кокошкин и А. И. Шингарев были еще в 1918 году убиты большевистски распропагандированными матросами. Такая же участь постигла последнего главнокомандующего русской армией, ген. Духонина. Виднейшие деятели ВЦИК'а Советов, лидер эсеров А. Р. Гоц и меньшевистский лидер Марк Либер, были расстреляны Сталиным в 1937 году. Суханов и экономист Громан — основатели Советов — фигурировали в «показательном» процессе против меньшевиков в 1931 году и, несомненно, погибли в лагерях. Исчез с горизонта и, по-видимому, погиб другой видный основатель Советов, Стеклов, хоть и ставший после Октября большевиком. Погибли на большевистской картине лидеры левых эсеров, Мария Спиридонова и Камков, первые, поверившие в возможность «общей работы» и «единого фронта» с большевиками. Напомним, что «меч революции» поразил не только виднейших большевистских вождей-генералов и почти всех членов ЦК 1917 года, но также почти всех большевистских «офицеров», т. е. людей, непосредственно осуществивших Октябрь, таких, как Антонов-Овсеенко, Крыленко, Невский, Раскольников, Дыбенко, Лашевич и многие другие.

Значение эмигрантской литературы о революции мне кажется неопределимым, несмотря на ее бесспорные недостатки. Десятки тысяч книг, опубликованных в Советском Союзе, и сотни других, появившихся на Западе, не оставят, по всей вероятности, заметного следа в историографии революции; наоборот, эмигрантская литература, равно как и многое из того, что было напечатано в Советском Союзе в 20-х годах, было и останется основным и незаменимым

материалом для прошлых, настоящих и будущих историй революции.

Предвижу возражения: этот род литературы написан современниками, притом необъективными. Недостатки, присущие подобной литературе, известны: личное или партийное участие в событиях вызывает желание оправдать прошлую деятельность свою или своей партии; доказать, что если так случилось, то либо по вине других лиц или партий, либо потому, что по каким-то неизбежным, фатальным законам иначе случиться не могло. Отсутствие исторической дистанции, субъективизм, эмоциональность, отсутствие пропорции, преувеличение значения частного в ущерб общему, — всем этим, несомненно, страдает мемуарная и историческая литература о Феврале, написанная его руководящими деятелями.

И все же надо признать, что эти несомненные недостатки в значительной степени искупаются несомненными же преимуществами. Разве не находятся непосредственные участники и свидетели событий в лучшем положении по сравнению с исследователями, изучающими сложную революционную обстановку по формально подлинным, но часто двусмысленным документам? Действительную атмосферу революционной эпохи, когда вожди и партии, борясь в горячей обстановке, оперировали плакатными лозунгами и условными трафаретами, может легче понять непосредственный участник, способный расшифровать многие условности и раскрыть их настоящий смысл.

Имеются и другие соображения в пользу именно этого рода исторической литературы. Ведь в применении к такому событию, как русская революция, большую, может быть даже решающую роль игра-

ют не сами по себе «объективные» факты, неизбежно спорные, ибо каждый из очевидцев и руководителей эти факты воспринимал и оценивал по-своему, — а именно то, как эти факты или проблемы субъективно воспринимались людьми, имевшими возможность на события влиять и их направлять. Эту мысль, несомненно подозрительную для историков Советского Союза, где «субъективизм» официально и безапелляционно осужден, необходимо пояснить хотя бы одним, но, на мой взгляд, очень убедительным примером.

В качестве фактического руководителя первого состава Временного правительства и его первого министра иностранных дел, Милюков был уверен, что Февральская революция была вызвана преимущественно недовольством населения и армии неумелым ведением войны — не самой войной, как таковой, а тем, что ее плохо вело царское правительство. Исходя из такого убеждения, Милюков старался соответственно направлять внешнюю и внутреннюю политику Временного правительства. Этим объясняется его стремление довести войну до победного конца, ее активизировать, предоставить войне и победе все ресурсы страны, и его упорные требования отложить проведение многих реформ, которые, как ему казалось, могли бы помешать успешному окончанию войны. Ленин, наоборот, считал, что революция вспыхнула не из-за протеста против неумелого ведения войны, а из-за нежелания солдат продолжать войну, как таковую. В соответствии с этим лидер большевиков пытался еще более углубить недовольство войной и усилить деморализацию и армии, и тыла.

Кто был прав в этом споре? Ретроспективно кажется бесспорным, что прав был Ленин. Однако, в

1917 году, особенно в начальной фазе революции, ответ вовсе не был так уж прост и ясен. В стране и в армии несомненно давали себя чувствовать признаки усталости и недовольства войной, как таковой, признаки, подтверждавшие правоту Ленина. Но, с другой стороны, была масса доказательств, что и в стране, и в армии пресобладало так называемое «революционное оборончество», притом не только среди офицеров, но и среди солдат. В Советы в качестве представителей солдат в подавляющем числе избирались оборончески настроенные эсеры и меньшевики. Эти и подобные «факты» доказывали правоту или, по крайней мере, частичную правоту Милюкова и оборонцев-социалистов. В данном случае (такие примеры можно было бы умножить) трудно говорить об «объективном факте», ибо любая сторона в этом споре могла привести много веских и убедительных доказательств в пользу своего «факта». На политику поэтому оказывали влияние не объективные «факты», которые все равно недоказуемы или опровержимы, а субъективное восприятие и толкование фактов.

Выходит, следовательно, что именно субъективные исторические труды объясняют лучше всего мотивы, которыми руководствовались деятели революции. Относительность и зыбкость «объективных фактов» с одной стороны, и живучесть субъективных восприятий, «проработанных», усвоенными догмами и принципами с другой, вполне очевидны. Конечно, сами авторы этих субъективных исторических трудов нередко вполне искренне верили в объективный характер своих исследований. Так, например, Милюков, написавший весьма субъективную и очень полемическую историю Февральской революции, пи-

сал в предисловии к своей книге, что он «принципиально отказывается от субъективного освещения и заставляет говорить факты... Историк по профессии, автор не хотел и не мог подгонять факты к выводам; наоборот, он принимал выводы из фактов, как нечто бесспорное». Однако, десятью строками ниже, тот же автор, в некотором противоречии с вышесказанным, должен признать, что «в самой группировке фактов (автор) уже дает известный комментарий к событиям», что «основной его целью» было не «фактическое изложение», а «анализ событий» с точки зрения «их определенного понимания», и что из его «рассказа несомненно вытекает определенный политический вывод». ⁸¹

Троцкий, автор еще более субъективной истории революции, тоже претендовал на объективность и в предисловии ко второму тому своей *Истории русской революции*, в качестве доказательства, приводил тот «факт», что «ценность цитат и ссылок [его] первого тома не оспаривалась никем». Разумеется, и от внимания Троцкого не ускользнуло соображение, по которому «личное пристрастие может проявиться в искусственном и одностороннем подборе фактов и текстов». Но от такого соблазна его, якобы, предохранил дисциплинирующий материалистический метод... ⁸² Догматичность подобного утверждения бросается в глаза. Претендовать на «объективность» истории, написанной ради доказательства правильности идей, которые у автора сложились много лет до того, как он приступил к своему труду, мог только человек, лишенный чувства юмора. Правда, Ипполит Тэн, написавший одну из самых пристрастных историй Французской революции, тоже уверял своих читателей, что он описывает революцию во Франции с

таким же беспристрастием, как будто речь идет о революции во Флоренции или Афинах. Однако, в отличие от Троцкого, Тэн объяснял свою «объективность» не каким-то непогрешимым методом, а простым уважением к профессии историка.

**
*

Итак, каждый из этих авторов — будь то профессиональный историк Милюков или профессиональные революционеры Троцкий, Чернов или Плеханов — выбирал из бесчисленных фактов только те, которые могли быть полезными для обоснования «определенного политического вывода». Но именно эти субъективные выводы и оценки — при условии, что они честно воспроизводят умонастроения авторов в семнадцатом году — нам и интересны, ибо именно они могут дать разгадку истинных мотивов и действий людей, руководивших тогда судьбою России.

III

К чему, в главных чертах, сводится литература по истории революции, оставленная руководителями Февраля? Теперь, когда почти все активные участники революции ушли из жизни, можно сказать, что в общем это литературное наследство свидетельствует о большом и долгом споре, в котором приняли участие все оттенки российской политической и идеологической мысли. Спор этот, конечно, в основном касался причин, хода и завершения революции и неизбежно приводил к трагическому вопросу: «Кто виноват?» Тем не менее, было бы неверно думать, что эмигрантская литература о революции была исключительно полемической и обличительной. В эмиграции появлялись также и «настоящие» исторические публикации, без которых не может обойтись ни один серьезный историк революции.⁸³ Кроме того, каждое значительное политическое течение издавало за рубежом журналы и газеты, в которых нередко — особенно в двадцатых годах — печатались материалы по истории революции.⁸⁴

В основном литература о революции, написанная в эмиграции ее руководителями, отображает, разумеется, субъективный взгляд авторов или тех партий, с которыми они были связаны. Хотя редко кто-либо из этих авторов пытается оправдать свои собственные действия или действия своих друзей целиком и полностью, в общем эта литература дает ясное представление о тогдашних настроениях, надеждах, иллюзиях и толкованиях и самих авторов, и их единомышленников. Литературу эту легче всего по-

этому группировать по идеологически-партийному принципу, хотя и этот подход оказывается при ближайшем рассмотрении весьма условным. Политические партии не были ни до, ни во время, ни после семнадцатого года монолитами, а, наоборот, являлись конгломератами различных, часто сильно враждующих между собой фракций. Тем не менее, несмотря на всю условность такого подхода, он все же, мне кажется, может дать более вразумительное представление о литературе этих партий.

Какие же главные политические партии и течения существовали в России накануне и во время революции? Согласно советской историографии, в России было тогда всего три политических лагеря: монархический, либеральный с его «приспешниками-соглашателями», и революционный, представленный партией большевиков. Трудно себе представить нечто более далекое от исторической истины, чем эта упрощенная классификация. Оставим в стороне «революционный» лагерь, о котором мы довольно пространно говорили в первой части этой статьи. Монархический лагерь имеет к нашей непосредственной теме второстепенное отношение, ибо, как влиятельная и самостоятельная сила, он почти исчезает сразу же после происшедшей революции. Конечно, это исчезновение оказалось в значительной степени обманчивым, ибо монархические силы, в какой-то мере, воспрянули потом — отчасти в корниловском выступлении, и особенно в гражданской войне. Неверно и упрощенно было бы, однако, и этот лагерь представлять себе в качестве монолита, где немногие роли были распределены между членами «интимного кружка», состоявшего из безвольного монарха, властолюбивой и инспирирующей его цари-

цы, развратного Распутина и загадочных Протопопова и фрейлины Вырубовой... В действительности монархический лагерь был сильно разъединен и многообразен, а царь был весьма изолирован и одинок в своей собственной монархической среде.

Разные влияния в монархическом лагере

На монархию и на ее возглавителей в предреволюционные годы и месяцы оказывали влияние разные и противоположные силы и лица. Помимо упомянутого «кружка», ставленников Распутина и разных других авантюристов, в правительственном окружении давала себя знать определенная «либеральная» традиция, связанная с именами Витте, Столыпина, Кривошеина, Коковцова и других. Такие министры, как Поливанов, Сазонов, кн. Щербатов не скрывали своих симпатий и связей с руководящими думскими либералами. С другой стороны, на царя, который формально и фактически оставался самодержцем (в том смысле, что он мог сменять и назначать министров по собственному усмотрению), несомненно оказывали влияние и давление «реакционные» кружки, которые руководствовались идеями Победоносцева. Из этих кружков поступали «записки», предупреждавшие об опасностях, заключавшихся для России в затяжной войне, и увещевавшие царя не идти на компромиссы с либеральной общественностью и сохранить самодержавие во всей его неприкосновенности.

Некоторые из этих «записок», являвшихся, по существу, анализом внутреннего и внешнего политического положения страны и попыткой предугадать

дальнейшие «пути России», получили впоследствии широкую огласку. На двух из них, авторство которых приписывают бывшему министру внутренних дел и усмирителю революции 1905 года П. Н. Дурново, следует остановиться подробнее, ибо они очень правильно предвидели и причины возникновения революции, и все ее основные этапы, и, наконец, ее исход. В известном смысле Дурново предсказал судьбу России гораздо более верно, чем Ленин и Троцкий со всеми их замысловатыми теориями о «перерастании» и «перманентной революции».

Еще в феврале 1914 года, когда стали намечаться возможности столкновения с Германией, кружок Дурново предупредил царя, что война вызовет в побежденных странах революционные потрясения, и что эти последние будут носить не политический (как все этого ожидали), а социальный характер. Особенно благоприятную почву для социальных потрясений, — писал Дурново, — представит Россия, где народные массы «исповедывают принципы бессознательного социализма». В случае военных неудач, — продолжал Дурново, — социальная революция —

«в самых крайних ее проявлениях у нас неизбежна . . . Начнется с того, что все неудачи будут приписаны правительству. В законодательных учреждениях начнется яростная против него кампания, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги . . . . Побежденная армия окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и оппозиционно-интеллигентские партии будут не в силах сдержать расхо-

дившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже представлению».

Авторы этой записки возвращаются к той же теме в ноябре 1916 года, после знаменитых «яростных» речей Милюкова, Шульгина и других в Государственной думе. Либералы, — утверждают авторы записки, —

«столь слабы, столь разрознены, и, надо говорить прямо, столь бездарны, что торжество их стало бы столь же кратковременно, сколь и непрочное . . . Что дало бы при этих условиях установление ответственного министерства? Полный и окончательный разгром партии правых, постепенное поглощение партий промежуточных, центра, либеральных консерваторов, октябристов и прогрессистов, и партии кадетов, которая по началу и получила бы решающее значение. Но кадетам грозила бы та же участь . . . А затем? Затем выступила бы революционная толпа, коммуна, гибель династии, погромы имущественных классов». ⁸⁵

Приходится согласиться: ход революции тут предвиден с поразительной прозорливостью. ⁸⁶ Царь такие записки читал и отмечал, что они «достойны внимания». Но что он мог сделать? Как он мог бороться с этой «либеральной общественностью», когда к ней уже примыкали и ей сочувствовали не только лояльный и прямолинейный Родзянко и «монархист по крови» Шульгин, но даже черносотенец Пуришкевич, а к концу уже и командный состав армии (и это во время войны!) и почти все великие князья . . .

Из работ, написанных людьми, которых — правда, очень условно — можно отнести к монархическому или «околомонархическому» лагерю, следует, в первую очередь, выделить *Очерки русской смуты* (в пяти томах) ген. А. К. Деникина; либерально настроенный в начале революции, автор потом участвовал и в выступлении ген. Корнилова, и командовал в гражданской войне белыми армиями.⁸⁷ Другим историком революции из этого лагеря является жандармский генерал А. И. Спиридович, автор трехтомной истории войны и революции.⁸⁸ Литература, исходящая из монархического лагеря, особенно богата мемуарами людей, игравших роль либо во время революции, либо накануне ее. Из этих последних следует упомянуть двухтомные *Воспоминания* ген. А. С. Лукомского, тоже участника корниловского выступления; «Дневник» бывшего начальника штаба ген. М. В. Алексеева. Воспоминания других известных генералов, таких, как Гурко, Головин, Сухомлинов, а также министров и дипломатов — Сазонов, Коковцов, — равно как и опубликованные в *Архиве Русской Революции* некоторые протоколы заседаний царского правительства, относятся не столько к самой революции, сколько к ее прелюдии.⁸⁹ Известность приобрели в первые годы после революции мемуары ближайшей подруги царицы и Распутина Анны Вырубовой, воспоминания последнего коменданта дворца и приближенного царя ген. Воейкова; недавно обратили на себя внимание очень любопытные воспоминания протопресвитера царя Георгия Шавельского.⁹⁰

Оттенки российского либерализма

Круг деятелей и авторов, писавших о революции, которые до конца остались преданными последнему русскому царю, невелик. Иначе обстоит дело, когда мы переходим к тому весьма пестрому лагерю, который, в очень широком смысле этого слова, можно назвать либеральным. Действительно, кто накануне революции не был или не слыл либералом? Если в первое десятилетие после революции 1905 года либералами считались преимущественно деятели Конституционно-демократической (кадетской) партии (или «партии народной свободы»), то к кануну второй революции — точнее, к образованию в июле-августе 1915 года Прогрессивного блока в Государственной думе, — к либералам следует причислить и «октябристов» во главе с Гучковым и Родзянко, и «националистов» во главе с Шульгиным, и, разумеется, весьма либеральную группу «прогрессистов» под руководством Коновалова и Ефремова.

Расширение либерального лагеря вправо накануне и во время революции объясняется многими причинами. Во-первых, либералы, у которых были еще живы воспоминания о событиях 1905 года — массовые забастовки, аграрные беспорядки, первые восстания во флоте и, наконец, расправы с революционерами — сами поправились, ибо опасались повторения этих событий. С другой стороны, поражение русских армий в 1915 году делало все более необходимым привлечение к делу обороны и управления страной не только либеральных партий, но и разросших-

ся к тому времени легальных общественных организаций, таких, как союзы земств, городов, военно-промышленных комитетов и т. д. Все эти и многие другие обстоятельства толкали в лагерь либералов не только подлинных либералов, но и преданнейших монархистов, включая высших военачальников и даже членов царской семьи.

Либералам, особенно их основному костяку — кадетам, приходилось накануне революции разрешить двойную задачу: с одной стороны, путем реформ и привлечения общественных организаций усилить оборону страны; отвоевывая у власти одну уступку за другой, они надеялись этим путем добиться постепенного изменения государственного строя страны, а именно превращения ее в конституционную или ограниченную монархию на английский манер. С другой стороны, те же либералы пытались сдерживать народную революцию, руководство которой могло бы выскользнуть из их рук и перейти к революционным партиям. Между монархическими «зубрами» с одной стороны, и радикалами-революционерами с другой, они, таким образом, старались идти третьим путем: изолировать, укрощать крайних, но влиятельных реакционеров и преграждать, путем реформ сверху, народную революцию снизу. О том, что именно таковы были их стремления, свидетельствуют речи и действия наиболее авторитетных либеральных деятелей.

Обратимся к некоторым их высказываниям. Главным мотивом либеральной оппозиции, писал Милюков, —

«было желание довести войну до успешного конца в согласии с союзниками. Причина их оппозиции была — все возрастающая уверен-

ность, что при данном режиме эта цель достигнута быть не могла . . . . Либералы не хотели и опасались революционных и радикальных перемен во время войны; однако, видя, что насильственный путь будет все равно избран и помимо Государственной Думы, они стали готовиться к тому, чтобы ввести в спокойное русло переворот, который они предпочитали получить не снизу, а сверху». ⁹¹

В аналогичном духе высказывались Набоков и Родзянко. «Во имя чего велась борьба?» — спрашивал первый, и отвечал: «Борьба имела целью поставить такую власть, которая бы лучше, умелее воевала». ⁹² Родзянко чувствовал, что «мы идем к политической гибели», и что «Прогрессивный блок в Государственной Думе явился последствием необходимости самообороны и борьбы с нарождающимся революционным движением в стране». ⁹³

Российскому либерализму удалось, как известно, выполнить его двойную задачу только частично. Изолировав и ослабив монархию, он не сумел ни путем реформ, ни путем дворцового переворота предупредить народную революцию. Когда революция все-таки, помимо воли либералов, пришла, им ничего другого не оставалось, как ее возглавить и пытаться ввести ее в «спокойное» либеральное русло. Тут мы сталкиваемся с одним из главных парадоксов или, употребляя выражение Милюкова, с «противоречиями» Февральской революции: антиреволюционным либеральным партиям и деятелям, стремившимся только к реформам и к более успешному ведению войны, и, самое большее, к конституционному строю, пришлось сначала «низлагать монархию», а потом, получив власть, «подчиняться (чуждым им.

— Д. А.) целям социализма», т. е. делать именно то, чего они не хотели.

Для этой дилеммы российского либерализма, который находился между молотом стихийной, трудно-контролируемой революции и наковальней «гниющего» (по выражению Гучкова) царизма, более всего, может быть, характерна известная статья правейшего кадета В. А. Маклакова, в которой автор аллегорически уподобил царское правительство сумасшедшему, быстро мчащемуся по узкой дороге наклонной горы шоферу, один неправильный поворот руля при этом может повалить машину, убить пассажиров и едущую с ними горячо любимую мать. Пассажиры могли бы забрать руль у сумасшедшего водителя; однако, последний отказывается передать его. Можно ли в этом случае заставить его сделать это, если, едучи быстро по такой дороге, он подвергает смертельной опасности и себя и свою мать? Нет, нельзя, хотя шофер, видя ваше бессилие, издевается над вами. Наоборот, вы постараетесь помочь ему советом. Однако, какое решение вы примете, если ваши советы не будут приняты во внимание? Что вы будете чувствовать, когда ваша мать, почуввав опасность, будет умолять вас о помощи и, не понимая вашего поведения, будет обвинять вас в бездействии и безразличии? . . .⁹⁴

Эта «дилемма» не была разрешена, когда вспыхнула революция, и либералам пришлось в разгар войны образовать Временное правительство. Она только приняла другие формы. Война не только поглощала все уменьшавшиеся ресурсы страны; она также, а это, вероятно, было еще хуже самой войны, как бы оправдывала, особенно у задававших в правительстве тон либералов, отсрочку тех мер, которые на-

род — солдаты, матросы и рабочие — считали неотложными и неотделимыми от революции. Кадеты по существу не были ни против созыва Учредительного собрания, ни против отчуждения в пользу крестьян помещичьей земли. Они, однако, несомненно опасались, что при охватившей страну революционной стихии в Учредительное собрание, если бы выборы произошли сразу после происшедшей революции, было бы избрано подавляющее социалистическое большинство. Опять-таки под предлогом, что такие глубокие социальные изменения, как аграрная реформа, могут помешать снабжению армии и этим ослабить и так уже разлагавшийся фронт, реформы откладывались, залеживались в «Земельных комитетах» и «Особых совещаниях», где опытные народолюбивые аграрники и ученые юристы, упуская главное и существенное, спорили о второстепенном и частном.⁹⁵

Этот «бег на месте», явившийся не столько следствием классового эгоизма, сколько результатом неопытности и догматизма руководителей, привел в сложившихся обстоятельствах к изоляции и бессилию сначала либерального, а потом и либерально-социалистических составов Временного правительства. Происходило то, что Ленин назвал «передвижкой» власти. Реальная власть все более и более ускользала от ее номинального носителя — Временного правительства — и передвигалась налево, сначала к Советам, а потом еще более влево, к массовым организациям, крайне левым группам и партиям. В литературе этот период и процесс не совсем верно назван «двоевластием», т. е. периодом, когда страной якобы управляли одновременно и Временное правительство и Советы. В действительности прави-

тельство обладало очень малой долей реальной власти, а Советы, пока в них преобладали меньшевики и эсеры, на власть не претендовали. Советы, по мысли их «соглашательских» руководителей, должны были быть только органами «давления» на правительство; последнее, однако, ничего существенного не могло сделать без Советов. В результате, оба эти учреждения друг друга парализовали.

**
*

Историография русской революции либерального лагеря весьма разнообразна по своему направлению и содержанию. Превалирует в ней, разумеется, Милюков. Первый историк *второй русской революции* (три тома), Милюков писал свой труд сразу после поражения Февраля. Хотя в предисловии к своей книге автор настаивает на том, что он задался целью написать историю революции, а не мемуары, его труд все же сильно отмечен печатью времени. Местами весьма полемическая и едкая по тону, история Милюкова, с другой стороны, отличается осведомленностью активного участника событий. Острые стрелы историка Милюкова направлены и против его противников слева, преимущественно Керенского и Церетели, и против собственных его друзей по партии и по Прогрессивному блоку, — против кн. Львова, Некрасова, Родзянко и даже Гучкова, которые не всегда следовали его советам. Главный упрек, который Милюков делает своим противникам, — это бездействие власти; при этом кадетский лидер различает три фазы бездействия: бездействие бессознательное и наивное, олицетворявшееся славянофильски настроенным первым председателем Временного

правительства кн. Львовым; бездействие, основанное на убеждении, выразителем которого являлся И. Г. Церетели и, наконец, бездействие, прикрывающееся фразой; едва ли нужно указывать, что Милюков имеет тут в виду А. Ф. Керенского.⁹⁶

Мы уже имели случай ознакомиться с некоторыми концепциями Милюкова — историка Февральской революции, согласно которым первое Временное правительство, просуществовавшее два месяца (от 2 марта до 6 мая), по своему составу либеральное, цензовое или буржуазное, должно было, ввиду своей зависимости от Советов, «подчиняться целям социализма». Эти «цели социализма» надо, разумеется, понимать весьма условно, ибо они относятся преимущественно к внешней политике и войне. Известно, что именно расхождение в этих вопросах привело в апреле-мае к уходу Милюкова и Гучкова из правительства. Бессилие, — утверждал Милюков, — было присуще не только первому, цензовому, но и следующим составам Временного правительства, которые были образованы на коалиционных началах между кадетами и партиями так называемой «Революционной демократии», т. е. меньшевиками и эсерами. Став правительственными партиями, — настаивает Милюков, — эсеры и меньшевики начали, с одной стороны, терять влияние в массах, а с другой убеждаться в собственной неспособности разрешить основные вопросы, в первую очередь, вопрос о войне и мире. Начиная с мая-июня, в стране происходит процесс острой политической поляризации. Усиливаются одновременно крайние фланги слева и справа; центр ослабевает; его ряды редеют. Страна поставлена перед роковым выбором: Корнилов или Ленин? Диктатура справа или диктатура слева? Провал

выступления Корнилова, которого Милюков и другие кадеты морально и политически поддерживали, обеспечил победу большевиков. Виновниками крушения Февраля являются поэтому, по Милюкову, Керенский и те лидеры Совета, которые с помощью большевиков, ослабевших после июльских дней, оказали активное сопротивление Корнилову.

История второй русской революции — не единственная книга Милюкова на эту тему. К ней он возвращается неоднократно. Помимо многих статей, разбросанных по журналам и газетам, следует особенно выделить две его большие работы, в которых вопрос о революции, о причинах ее успеха и поражения трактуется весьма подробно и местами более углубленно, чем в «Истории», а иногда даже в противоречии с ней. Это *Россия на переломе*, изданная в 1927 году, и его *Воспоминания*, написанные автором в восьмидесятидвухлетнем возрасте во французской провинции, где он жил во время немецкой оккупации, «при отсутствии всяких материалов, кроме запасов памяти». В этих работах Милюков, многое передумавший и переоценивший, склонен меньше винить за совершившееся отдельных людей, а больше — объективные условия и более глубокие причины и корни, т. е. то, что он называет «историческими предпосылками революции». ⁹⁷

Не отказываясь от своей старой концепции причин возникновения революции как протеста против «преступного» ведения войны царским правительством, Милюков в своих дальнейших работах пришел к выводу, что неспособность февральского режима закончить войну привела страну к торжеству большевиков. «Война приготовила народ к октябрьской революции». Другими словами, война оказалась, в

интерпретации Милюкова (и, как мы увидим в дальнейшем, не только его одного), одновременно главной причиной и успеха, и поражения Февральской революции. Тем не менее, более чем кто-либо другой из деятелей Февраля, Милюков боролся за продолжение войны до победного конца и за сохранение старых целей войны . . . Почему? Как объяснить это разительное противоречие? Ответ Милюкова, надо признать, не блещет оригинальностью. «Выйти из войны, — повторяет автор, — можно было только посредством сепаратного мира. А это рассматривалось как позор, несовместимый с честью и достоинством России». ⁹⁸

* *
*

Говоря о либеральной историографии Февраля, трудно обойти главного антагониста Милюкова в кадетской партии, Маклакова, автора уже упоминавшейся выше статьи. Один из лучших ораторов Государственной думы и коллегии адвокатов в России, яркий выразитель правого крыла кадетской партии, Маклаков крупной роли в самой революции не играл и о самой революции писал сравнительно немного. Спор Маклакова с Милюковым шел не столько о политике кадетов в семнадцатом году, сколько об оценке тех политических возможностей, которые появились в России после революции 1905 года. В отличие от многих других либералов, Маклаков считал, что «при всех своих несовершенствах» уступки, сделанные монархией во время первой революции, «заслуживали лучшего приема», ибо они были все-таки «огромным шагом вперед», по сравнению с «эпохой абсолютного самодержавия». Ввиду этого,

Маклаков полагал, что кадетской партии положено было быть «партией эволюции», и что вся ее деятельность должна была быть направлена на предотвращение народной революции. Принципиальный противник революции, которую он считал «глупостью» и «преступлением», Маклаков полагал, что даже если бы Февраль и утвердился, то «получилось бы только то, к чему Россия шла и без того — эволюционным путем, к чему бы она и без революции пришла, хотя позднее, но зато гораздо более верным путем и с бесконечно меньшими жертвами».

Уже под конец своей жизни, в своих *Воспоминаниях*, вышедших в 1954 году, Маклаков, напоминая, что главное расхождение между ним и большинством кадетской партии было «в отношении желательности и возможности у нас революции», писал:

«Не хочу сказать, будто кадетские лидеры революцию хотели, и даже просто с ней мирились, как с неизбежностью; но в отличие от меня, они ее не боялись. Одни просто потому, что в ее возможность не верили, другие рассчитывали, что революцию можно было использовать против власти, а потом остановить в самом начале. А так как угроза революции могла заставить власть идти на уступки, то они эту карту продолжали играть, не отдавая себе отчета, что играют с огнем. Революционеров они продолжали считать не врагами конституционного строя, а «союзниками слева».

И тут же он добавлял: «У меня лично было другое отношение к революции; я считал ее не только несчастьем, но и очень реальной опасностью». ⁹⁹

Трудами Милюкова и Маклакова не исчерпывается литература о революции, идущая из либерального лагеря. Одна из наиболее ценных работ, изображающая взаимоотношения между партиями и Советом с одной стороны, и Временным правительством с другой, принадлежит перу В. Д. Набокова, который занимал в те решающие месяцы должность управляющего делами Временного правительства. Воспоминания Набокова, который с отходом Милюкова от активной политики становится одним из фактических руководителей кадетской партии, остро направлены (так же, как и книги Милюкова) против Керенского и других деятелей Революционной демократии.¹⁰⁰ В *Архиве Русской Революции*, где напечатана работа Набокова, появились также воспоминания бывшего председателя Государственной думы М. В. Родзянко о первых днях революции.¹⁰¹ Описание тех часов, дней, людей и общей царившей тогда нервной атмосферы в Таврическом дворце, где в февральско-мартовские дни обосновались и Временное правительство, и Совет, ярко, едко и местами истерически сделано В. В. Шульгиным.¹⁰² Престарелый Шульгин, до сих пор, по-видимому, уцелевший в Советском Союзе, недавно опубликовал в советском журнале свои воспоминания, относящиеся к его участию в думской работе и в образовании Прогрессивного блока.¹⁰³ Наконец, следует упомянуть местами интересные воспоминания кадетских деятелей барона Б. Нольде и (в самой революции большой роли не игравшей) А. В. Тырковой-Вильямс.¹⁰⁴

Меньшевики — партия ведущей идеологии

В годы, непосредственно предшествовавшие революции, наиболее организованной и влиятельной политической силой был Прогрессивный блок и его основной костяк, кадеты, располагавшие подавляющим большинством в последней Государственной думе. Из кадетской среды вышли наиболее популярные ораторы и политические деятели. Предполагалось поэтому, что если вспыхнет революция, или если монархия решится добровольно на создание «министерства доверия» или министерства, ответственного перед Думой, то во главе такого правительства станут лидеры Прогрессивного блока. Однако, когда революция свершилась, случилось так, что решающую роль в ней пришлось сыграть не Прогрессивному блоку, а объединению, образовавшемуся в ходе революции и получившему название Революционной демократии, — как уже сказано, блоку, состоявшему преимущественно из меньшевиков и эсеров. В самой Революционной демократии, особенно в Советах, руководящее положение заняли не наиболее популярные среди крестьянских масс эсеры, а меньшевики. Разумеется, во Временном правительстве, особенно в его первых составах, главенствовали либералы; но в руководстве Совета, без поддержки и санкции которого правительство было бессильно, решающую роль играли меньшевики.

Чем же следует объяснить преобладающее и преувеличенное влияние меньшевиков в блоке Революционной демократии? Надо думать, что, в известной степени, это влияние объяснялось личностью одного

из лидеров меньшевиков — Церетели. Выдающийся оратор, Церетели в те месяцы как бы олицетворял и выражал то, к чему стремилась тогда молодая революционная Россия, упоенная только что обретенной свободой. Авторитет и признание, которые приобрел Церетели, покоились, прежде всего, на его ореоле мученика в прошлом. Церетели было всего 25 лет, когда он был в 1907 году избран во вторую Государственную думу, где он, благодаря его дарованиям и присущему ему обаянию, стал лидером думской социал-демократической фракции. Вскоре Дума была распущена, а Церетели был арестован и упрятан на 10 лет в Сибирь. Вернувшись после революции в Петроград, он сделался, несмотря на свою молодость, неопытность и сравнительно небольшой партийный стаж, признанным вождем не только меньшевиков, но и всей Революционной демократии. Церетели был в первые месяцы революции не только трибуном рабочих и солдатских масс, но также политическим руководителем Совета и его «Звездной палаты», т. е. шуточно называвшегося так узкого руководства Совета, куда входили, в числе других, сдружившиеся с Церетели в Сибири меньшевистский лидер Ф. И. Дан, один из виднейших руководителей эсеров А. Р. Гоц и меньшевистские депутаты Думы Чхеидзе и Скобелев.

Дело, однако, было не только в дарованиях и подкупающих качествах Церетели. Одаренных ораторов и революционеров с прославленным прошлым тогда в России было немало и у меньшевиков, и у эсеров. Достаточно назвать такие имена, как Плеханов, Мартов, Потресов среди меньшевиков; Керенский, Чернов, Брешковская, Авксентьев, Бунаков, Савинков среди эсеров. Влияние лидеров меньше-

визма, которое олицетворяли тогда Церетели и, в большой степени, также и Дан, объяснялось тем, что они (так, по крайней мере, казалось) могли, с одной стороны, теоретически и политически обосновать смысл происходящего, а с другой предвосхищать и направлять в создавшихся очень сложных условиях дальнейший ход революции.

Февральская революция считалась буржуазно-демократической, а у меньшевиков была разработана концепция такой революции еще за много лет до того, как она произошла. В основе этой концепции лежала мысль, что Россия, ввиду ее экономической отсталости, для социалистической революции еще не созрела, и что грядущая революция должна создать условия для беспрепятственного развития капитализма. Из этой оценки положения России и ее перспектив, меньшевики делали соответствующий политический вывод: в грядущей революции правящими партиями должны быть буржуазно-демократические, преимущественно кадеты. Социалистические же партии в правительстве не должны участвовать, а ограничиться только давлением на буржуазию. Это давление должно, во-первых, привести к удовлетворению социально-экономических и политических требований рабочего и других трудящихся классов и, в более отдаленной перспективе, к созданию условий для построения социализма на основах свободы и демократии.

Из такого меньшевистского взгляда на будущую революцию и из такой оценки перспектив России явно вытекал параллелизм целей и методов у меньшевиков и кадетов — параллелизм, который намечался еще до революции не только в теории, но и на практике. Немного упрощая, можно сказать, что

либерализм и меньшевизм стремились, по существу, к чему-то очень схожему: либералы стремились к европеизации России, меньшевики — к европеизации российского рабочего движения. Кадеты пытались создать в России правовой строй, основанный на народовласти и гражданских свободах, меньшевики старались внести в рабочее движение не только классовое сознание, но и рабочую самодеятельность, демократические нормы и нравы, свободные профсоюзы. По своему темпераменту старые революционеры, прошедшие через тюрьмы и ссылки меньшевистские вожди были по своей доктрине похожи на социал-демократов европейского толка. С другой стороны, многие кадетские лидеры, которые, как Струве и даже Миллюков, в молодости увлекались марксизмом, видели в меньшевиках своих естественных союзников и в борьбе против самодержавия, и в борьбе за установление демократии в стране.

В определении взаимоотношений между меньшевиками и кадетами следует принять во внимание еще одно очень важное соображение, проходящее как бы красной нитью через всю меньшевистскую политическую литературу в годы между двумя революциями. Меньшевики, как, кстати, и многие эсеры, опасались «изоляции пролетариата» в грядущей революции. Именно этой изоляции они в большой степени приписывали поражение революции 1905 года. Согласно этому ходу мыслей, рабочий класс пошел в первой революции слишком влево и этим своим радикализмом оторвался от своих «естественных» союзников против самодержавия — от буржуазной демократии, т. е., главным образом, от кадетов. Бесперывные забастовки, декретировавшиеся Петербургским советом, московское «декабрьское» вос-

стание, аграрные беспорядки, восстания во флоте в 1905—1906 годах восстановили против революции буржуазных демократов и заставили некоторых из них даже пойти на кое-какие компромиссы с царизмом. В результате революция была задушена и царизм восторжествовал. Эта мысль в разных вариантах разрабатывалась меньшевистскими идеологами — Мартовым, Потресовым, Масловым, Череваниным, Рожковым, Даном и др., особенно в меньшевистском многотомнике *Общественное движение в России*.¹⁰⁵

Аналогичная проблема встала в 1917 году. Оттолкнуть кадетов, значило для меньшевиков рискнуть новой «изоляцией» и новым поражением. Боязнь повторить ошибку первой революции заставляла некоторых влиятельных лидеров меньшевизма сначала поддерживать первое Временное правительство, состоявшее, за исключением Керенского, из представителей «буржуазии», а потом образовывать с той же буржуазией коалиционные правительства. Разумеется, употребляемая тут терминология весьма условна и, в некоторой степени, даже бессмысленна. Кадетская партия была «буржуазной» в очень относительном смысле, а меньшевики вовсе не были монопольными представителями «пролетариата». Применение этой терминологии, тем не менее, необходимо, ибо без нее нельзя понять ни документов, ни резолюций, ни речей тех месяцев.

Как упомянуто выше, между меньшевиками и кадетами имел место параллелизм не только в теории, но и в практической политике. Многие меньшевики были, так же, как и либералы, убежденными и активными оборонцами, участвовали в рабочих группах при Военно-промышленных комитетах, созданных для усиления обороноспособности страны,

и использовали появившиеся после революции 1905 года скромные, но все же ощутимые возможности легальной деятельности в печати, профсоюзах, страховании и, разумеется, в Государственной думе. Многие из этих меньшевиков, прозванные большевиками «ликвидаторами», считали, что в России настал период, когда социал-демократам следует переключиться преимущественно на легальную работу и частично ликвидировать нелегальщину, разъедаемую, кстати говоря, большевистским аморализмом, экспроприациями и полицейской провокацией, которая практиковалась царской «охранкой», особенно среди большевиков. ¹⁰⁶

**
*

Меньшевизм не был движением одних только практиков. Наоборот, в этой партии, состоявшей из наиболее культурных слоев рабочего класса, состояли также многие самостоятельно мыслящие интеллигенты-теоретики и талантливые публицисты; таковых у меньшевиков было гораздо больше, чем у большевиков, у которых, кроме Ленина, примкнувшего к нему Троцкого и некоторых бывших меньшевиков, интеллектуальных сил было очень мало.

Более, чем в какой-либо другой партии, стратегическая концепция революции и вытекавшая из нее тактика играли у меньшевиков первенствующую роль. Эту концепцию и тактику, стройную, логичную и убедительную на бумаге, меньшевикам приходилось, однако, применять в очень сложных условиях. Революция в России произошла во время войны. Социалисты, которым пришлось возглавить Фев-

ральскую революцию, были, включая Керенского, умеренными циммервальдовцами, т. е. одновременно и оборонцами, и сторонниками окончания войны согласно популярной тогда формуле «без аннексий и контрибуций». По моральным и политически-практическим соображениям, они отвергали мысль о заключении сепаратного мира с Германией. Такой мир считался, во-первых, несовместимым с честью и достоинством России, ибо он был бы воспринят как акт предательства по отношению к союзникам — демократической Франции и Англии, к которым социалисты и демократы давно и естественно тяготели; во-вторых, заключение мира с Германией ставило бы под угрозу само существование революционной молодой России; считалось, и не без основания, что победа Германии приведет к реставрации монархии и к уничтожению нового революционного строя.

Из этих предпосылок и условий выросла идея так называемого «революционного оборончества» — идея, определившая всю политику и тактику партий и буржуазно-демократических, и умеренно-социалистических. Привыкшие к историческим аналогиям, социалистические деятели Февраля мысленно сравнивали условия, создавшиеся в их стране, с аналогичным, как им казалось, положением, имевшим место во время Французской революции. Тогда, 180 лет тому назад, вожди революции тоже призывали к обороне своей страны. Призыв был услышан: санкюлоты сражались героически и революция была спасена. «Мы должны повторить сказку Французской революции», — увещевал военный министр революционной России Керенский, призыв которого находил поддержку у Церетели и у других вождей Революционной демократии. Даже неудачное июньское

наступление, за которое так критиковали Керенского, надо рассматривать в контексте событий и атмосфере тех недель и месяцев. Это наступление благословил не только последовательный оборонец Плеханов, но его также оправдывали «сибирские циммервальдовцы» Церетели и Дан. Считалось, что армия в бездействии склонна к деморализации, что только наступление может поднять ее дух, и что вопрос об обороне или наступлении является технически-стратегическим, который должны решать не политики, а военачальники.

Оказавшаяся очень сложной и противоречивой, политика революционного оборончества привела, однако, к результатам, которые сторонники этой политики вначале не предвидели. Во-первых, эта политика создала для социалистов предпосылки и даже необходимость для тесного сотрудничества с буржуазно-демократическими партиями, образовавшими первое Временное правительство. Мы видели выше, что вопрос о войне, ее успешном ведении и окончании, стоял в центре вождельней «буржуазных» партий. Теперь же обе стороны — кадеты и социалисты — практически исходили из положения, что обороне должно быть подчинено все другое. Разумеется, между либералами и социалистами были разногласия, различия и нюансы по частным вопросам, и каждая сторона выдвигала на первый план свои особые пожелания и соображения. Кадеты стремились к «победному окончанию войны» и Милюков был очень привязан к старым тайным договорам — привязанность, из-за которой ему вскоре пришлось уйти из правительства; социалисты были за мир «без аннексий и контрибуций», но за верность союзникам и за защиту страны. На практике, однако, эти разли-

чия — особенно после апрельского кризиса — все более и более стирались. Поскольку точки зрения между этими двумя лагерями в этом центральном вопросе сблизились, социалистам пришлось перейти от политики «давления» на правительство к политике прямого участия и сотрудничества с тем же буржуазно-либеральным правительством. Коалиция, таким образом, оказалась в создавшихся условиях логическим и неизбежным выходом. С другой стороны, последствия революционного оборончества и коалиции оказались роковыми. Осуществление главных задач революции, в отношении которых в принципе все были согласны, откладывалось (под предлогом войны) или до заключения мира, или до созыва Учредительного собрания; в свою очередь откладывались и самые выборы, и созыв этого первого русского парламента.

**
*

Кадетов и меньшевиков, у которых было много точек соприкосновения, некоторые историки, западные и советские, считают ответственными за поражение Февраля. Одни с горечью, другие с радостью и самодовольством. Главной мишенью этих нападок являются меньшевики, которым вменяется в вину упрямая приверженность к догмам и формулам, выработанным еще до революции, отсутствие гибкости и неумение приспособляться к создавшимся в ходе революции обстоятельствам.

Оставляя в стороне обоснованность этих обвинений, следует, однако, отметить, что дело было не столько в формулах и догмах, сколько в бездействии или в несвоевременных действиях. Можно было,

например, рассматривать свершившуюся революцию (по-меньшевистски) как буржуазно-демократическую, и одновременно быстро созвать Учредительное собрание и провести неотложные аграрные и прочие реформы. Можно было быть революционным оборонцем и не предпринимать, в наличных условиях, июньского наступления... Можно было внимательно прислушиваться к советам и соображениям одного из последних военных министров, генер. Верховского, рекомендовавшего уменьшить разбухшую двенадцатимиллионную армию, демобилизовать многие, все равно уже небоеспособные запасные части. Этим правительство избавилось бы от деморализованных частей петроградского гарнизона, который все больше переходил на большевистские или «нейтральные» позиции. Можно было принять соответствующие репрессивные меры против большевиков, без того, чтобы стать «версальцем» или Кавеньяком. Ведь принятые после июльских дней меры против большевиков поражают своей неэффективностью и наивностью. Ведь во время этого «месяца великой клеветы» и террора, как лишенный иногда чувства юмора Троцкий называл принятые правительством меры против большевиков, фактически легально происходил Шестой съезд большевистской партии, взявший курс на вооруженное восстание и, тем самым, на насильственное свержение демократического режима. Большевики не только «брали курс» путем бумажных резолюций, но, активно организовывая свою «военку» и Красную гвардию, готовили восстание. Таким образом, дело было не столько в догме о «буржуазно-демократическом характере революции», сколько в том, что демократические вожди — буржуазные и социалистические — не способ-

ны были действовать ни путем реформ, ни путем репрессий, ни путем того и другого одновременно.

* *
*

Обращаясь к политике меньшевиков в 1917 году, нельзя также упускать из виду, что меньшевизм, как и все другие политические течения, пришел в революцию не каким-то объединенным монолитом, а наоборот, очень разъединенным. Мы видели, что и у большевиков объявились сразу после революции разные течения и крылья. Однако, в то время как Ленину удалось объединить разрозненные части своей партии и превратить их в по-военному дисциплинированный костяк, меньшевики, ввиду их прошлого, их взглядов и демократических навыков, были гораздо менее дисциплинированы; кроме того, у них не было Ленина, который бы мог железной рукой подавлять всякое выражение политической индивидуальности и самостоятельности.

Как и во всех других партиях, расхождения у меньшевиков произошли, главным образом, по вопросу о войне. Одни объявили себя с разными оговорками оборонцами, другие — циммервальдовцами. В основном, в меньшевистской партии в 1917 году сожительствовавали три группы; две другие — крайняя правая и крайняя левая — к партии не примкнули, или из партии скоро вышли. Первая из этих внепартийных групп возглавлялась Плехановым и бывшим большевистским депутатом Государственной думы Алексинским. Последовательный оборонец, Плеханов, еще будучи в эмиграции, сблизился с оборонцами-эсерами и издавал вместе с ними оборонческие журналы. Прибыв в Россию, он попытался по

мере сил использовать свой авторитет и недюжинный литературный талант для борьбы с большевиками-пораженцами. Успеха он, однако, не имел, и его группа «Единство» осталась только гласом вопиющего в пустыне.

Гораздо более значительным и в партии и, особенно, в рабочей среде, было правое крыло меньшевистской партии, возглавлявшееся Потресовым, Либбером, Богдановым и такими выдающимися рабочими, как Кузьма Гвоздев, Колокольников и др. Составлявшая преимущественно из рабочих и интеллигентов-«ликвидаторов», активных работников в профсоюзах, в Военно-промышленных комитетах, в печати и т. д., группа Потресова явилась российской разновидностью европейского социал-демократизма и тред-юнионизма. Последовательные оборонцы, они так же, как и Плеханов, были сторонниками коалиции с кадетами и считали, в соответствии с классической меньшевистской концепцией, что Россия для социализма не созрела, и что происходящая революция может быть только буржуазно-демократической.

**
*

Наиболее сильной группой в меньшевистской партии, в особенности в Советах, была упоминавшаяся уже нами «центристская» группа, возглавлявшаяся Церетели, Даном и председателем Петроградского совета — Чхеидзе. Именно этой группе пришлось сыграть в революционные месяцы решающую и трагическую роль и в партии, и в Советах и, как оказалось, в стране. Эти революционные оборонцы проповедовали «справедливый мир . . . без аннексий и контрибуций . . . на базе самоопределения народов». На

практике, однако, в создавшихся тогда условиях, им приходилось оправдывать и июньское наступление, и политику коалиций с кадетами и выдерживать на своих плечах всю тяжесть словесной борьбы с большевиками. Надо указать, что в самом меньшевистском «центре» не было полного единогласия. Церетели был «правее». Он уже в дни июньской демонстрации требовал, чтобы против большевиков были приняты репрессивные меры, и уже тогда настаивал на разоружении большевистских военных групп. Дан, чье влияние было особенно сильным среди меньшевистских партийных кадров и в солдатских секциях Совета, занимал в этом коренном вопросе о методах борьбы с большевиками более колеблющуюся и менее последовательную позицию.

При оценке политики меньшевистского руководящего центра, нельзя забывать, что этой «правлящей» группе приходилось постоянно оглядываться налево, а именно в сторону меньшевиков-интернационалистов, группы, во главе которой стоял наиболее авторитетный идеолог «классического» меньшевизма Ю. О. Мартов. Одна из наиболее спорных фигур революции, Мартов большой роли в самой революции не играл, разве только в самом конце, в период агонии февральского режима. Из всех руководящих деятелей революции он был единственным в своем роде, особенно при царивших тогда нравах. Для его единомышленников, например для Суханова, Мартов был человеком, которым «характеризуется эпоха»; ¹⁰⁷ для его противника справа Потресова он «был точно рожден стать средоточием партии, ее воистину излюбленным представителем». Мартов, кажется, единственный из противников Ленина, которого последний не только помянул добрым словом, но о ко-

тором (по свидетельству Потресова) Ленин, «этот несклонный к чувствительности человек», говорил «нескрываемым чувством почти восхищения». ¹⁰⁸

* *
*

Сейчас, когда страсти улеглись, и когда поведение партий и людей можно рассматривать в исторической перспективе, позволительно предположить, что при всех его колебаниях и двусмысленных действиях, позиция и предложения Мартова, особенно в последние месяцы Февраля, были, вероятно, единственными, которые, может быть, могли еще спасти хрупкий демократический режим в России. Мартов был против войны, был пацифистом, но не был пораженцем. Это ему принадлежит знаменитая формула: «Или революция съест войну, или война съест революцию». Для Мартова альтернатива была не между сепаратным миром и братанием с немцами, с одной стороны, и войной «до победного конца в полном единении с союзниками», с другой, а «в третьем пути», который сократил бы участие России в войне до минимума — путь, ставший, в известной степени, возможным после вступления в войну США. Мартов в те месяцы был также, вероятно, прав, требуя разрыва коалиции и быстрого проведения мер, которых от революции ожидала страна.

С другой стороны, многие действия Мартова свидетельствуют о том, что хотя он многие годы страстно боролся против большевизма, он в действительности так и не понял его истинной природы. Не представляя себе, что Ленин мог получать от немцев деньги в целях разложения русской армии, он после июльских дней протестовал против «пресле-

дований», которым подверглись большевики, и даже прислал приветствие происходившему в те дни Шестому съезду большевиков. Непонимание истинной сути большевизма Мартов также проявил уже после Октябрьского переворота, когда он верил в жизнеспособность «социалистического» правительства от «большевиков до народных социалистов», но без участия Ленина и Троцкого. В прошлом один из наиболее пронизательных критиков большевизма, Мартов не понимал, что такое правительство, с участием или без участия тогдашних двух большевистских вождей, все равно было бы орудием Ленина и его аппарата. Правда, это непонимание было в разной мере свойственно почти всем деятелям Февраля... Для расстановки тогдашних политических сил характерно, что, несмотря на свою левизну, Мартов не был на крайнем левом фланге меньшевизма. В самой его группе объявились разногласия с Сухановым, тянувшим «интернационалистов» «влево», что, по тогдашней терминологии, означало — к сближению с большевиками. Кроме того, в ходе событий, в июле, от меньшевиков отделилась и перешла к большевикам крайне левая группа во главе с Ю. Лариным.

Итак, меньшевизм, как, впрочем, и другие партии, пришел в революцию и продолжал оставаться движением сильно разрозненным. Тем не менее, несмотря на отколы, он оставался и по числу членов партии, и по руководящему положению своих лидеров одной из наиболее значительных сил революции. Вопреки распространенному представлению, меньшевистская партия, даже по советским данным, была по числу членов ненамного слабее большевистской. На происходившем в конце августа 1917 года объединенном съезде меньшевиков было оглашено,

что в партии состоит 193 тысячи членов. Для сравнения укажем, что на состоявшемся в июле Шестом съезде большевиков Свердлов заявил, что в большевистской партии было 240 000 членов.¹⁰⁹ Надо принять во внимание, что август был уже периодом заката меньшевизма и усиления в партии центробежных сил. На этом съезде, на котором фракционная борьба развернулась с большой силой, революционные оборонцы и сторонники коалиции с кадетами (Церетели, Потресов, Либер) получили две трети голосов, а интернационалисты с Мартовым и Сухановым — одну треть. С другой стороны, популярность меньшевиков в стране (если судить по числу полученных ими голосов в самоуправлениях и особенно в Учредительном собрании) с «углублением» революции все более и более падала.

**
*

Полная история меньшевизма еще никем не написана.¹¹⁰ Тем не менее, литературное наследство, оставленное руководителями различных меньшевистских группировок, значительно. От Г. В. Плеханова, беспрестанно откликавшегося в 1917 году на злобу дня в своем органе *Единство*, остались два тома статей, изданных уже после его смерти в 1918 году, под заглавием *Год на родине*.¹¹¹ А. Н. Потресов оставил целый ряд статей, в которых он бичует не только большевиков, но и своих товарищей слева. Друзья Потресова — одного из основателей *Искры* и российской социал-демократии — выпустили в Париже *Посмертный сборник*, в котором, помимо его ранних и поздних работ, включены также его статьи, относящиеся к 1917—1918 годам.¹¹² В сборнике

также помещена написанная им позже, сейчас забытая статья о Ленине, которая, на мой взгляд, является одной из лучших и правдивых статей на эту тему.¹¹³ Ф. И. Дан оставил значительную статью, в которой подробно рассказывает о запоздалой попытке группы руководителей Революционной демократии спасти Февраль путем принятия немедленных мер в пользу крестьян, рабочих и солдат. Статья, являющаяся в известной мере полемикой с Керенским, рисует ту трагическую неразбериху, в которой оказался в эти дни февральский режим, и то взаимное непонимание, которое тогда имело место между отдельными его руководителями.¹¹⁴ Описание этих трагических недель и дней, особенно в армии, содержится также в очень интересных воспоминаниях комиссара Северного фронта В. С. Войтинского. В прошлом активный большевик-ленинец, Войтинский, сдружившийся с Церетели в иркутской ссылке, в 1917 году стал активным меньшевистским деятелем в армии и в Советах.¹¹⁵

Известное разочарование у его почитателей вызвали опубликованные в двух томах *Воспоминания о Февральской революции* И. Г. Церетели.¹¹⁶ От автора этих мемуаров, в которых правдиво, бесхитростно и медлительно рассказано, как он, Церетели, думал и что чувствовал не многие годы спустя, а именно в те исторические месяцы, когда революционная стихия его вознесла на самые руководящие посты, ожидали многого. Для историка революции именно этот метод, избранный Церетели, имеет, разумеется, неопределимое значение, ибо он воспроизводит умонастроение автора и атмосферу того времени, как автор — один из ведущих людей Февраля — тогда ее ощущал. Воспоминания Церетели именно показывают,

как его убедительные и убеждающие аргументы наталкивались на разбушевавшуюся стихию безудержной демагогии, с одной стороны, и как бездействие и близорукость вождей, в том числе и его самого, с другой стороны, так же безудержно толкали страну в пропасть. Читатель, однако, ждал не только рассказа, но также анализа, критики и, главное, самокритики, — того, что Церетели, по словам близко знавших его друзей, намеревался дать в отдельном эпилоге в конце своих мемуаров.¹¹⁷ К сожалению, смерть автора в 1960 году сделала осуществление этого замысла невозможным.

«Воспоминания» Церетели кончаются июльскими днями. Во второй том «воспоминаний», однако, включены некоторые статьи Церетели, которые, в общем, дают и ожидавшийся от него анализ причин поражения Февраля. Церетели считал, что, кроме многих других причин и ошибок, совершенных Революционной демократией (самой главной из этих причин он считал отсрочку созыва Учредительного собрания), поражение Февраля объяснялось роковым психологическим просчетом. Большевицкую опасность, приходит к заключению Церетели, никто не принимал всерьез, ибо никто не мог себе представить, что «опасность для революции может прийти слева».¹¹⁸ На большевиков смотрели как на максималистов, которые, в худшем случае, могут только «расчистить путь контрреволюции», но не как на людей, способных, захватив власть, удержать ее продолжительное время. Церетели тут, конечно, во многом прав. В истории прежних революций (а руководители Февраля любили их вспоминать и на них ссылаться) такого прецедента не было. История Французской революции, служившая прообразом

русской, учила, что революции присущи «закономерности», этапы развития. Согласно этому ходу мыслей, революции сначала выдвигают умеренные партии; однако, под усилением напора масс, наступает второй этап, когда к власти приходят максималистские элементы; наконец, наступает третий этап: экстремизм максималистов вызывает реакцию, чаще всего в виде генерала-усмирителя.

Большевиков считали неизбежным, но временным злом «второго этапа». «Через их ворота, — предупреждал Церетели, — войдет контрреволюция», конечно, правая, классическая, генеральская. Мысль о возможной контрреволюции слева в умы руководителей Революционной демократии просто не вмещалась. Когда Ленин приехал в Россию, Чернов считал нужным высмеивать тех, кто опасался вождя большевиков. В те дни он написал статью под заглавием «Сильнее кошки зверя нет». ¹¹⁹ В последнем докладе ВЦИК'а, в день перехода власти к большевикам, Дан предостерегал в своей речи не против опасности самого большевизма, а против опасности контрреволюции, которая может использовать большевистскую опасность в качестве предлога для захвата власти. ¹²⁰ Керенский думал, что если бы он располагал временем и мог бы лично поговорить с Лениным, то убедил бы последнего в том, что он идет по ложному пути. ¹²¹ В руководящих партийных штабах, отчасти даже в большевистском, мало кто верил в продолжительный успех «большевистской авантюры», как было тогда принято говорить. Надо думать, что из тогдашних политических деятелей, единственным исключением в этом смысле явился Плеханов. По свидетельству меньшевика Н. К. Иорданского, посетившего Плеханова 28 октября, пос-

ледний заметил, что «большевики взяли власть надолго и не только в районе Петербурга, но и всей России». ¹²²

От Мартова и его друзей осталось, за одним очень существенным исключением, сравнительно немного. Речи Мартова, его статьи и его анализ большевизма, особенно его книжка *Мировой большевизм*, представляют интерес для понимания умонастроения, психологии и надежд левого крыла меньшевизма. В эмиграции друзья Мартова издали отдельный сборник, в котором собраны некоторые его речи и статьи, относящиеся, главным образом, к периоду, последовавшему сразу же за Октябрем. ¹²³ Его единомышленник в те годы, Р. А. Абрамович, написал книгу о «советской революции», в которой несколько глав посвящены Февральской революции. Писавший ее на склоне лет, когда его былая левизна уже полностью выветрилась, Абрамович, тем не менее, верно передал царившие в 1917 году в его кругу настроения и надежды. ¹²⁴

Упомянутым «существенным исключением» являются, разумеется, *Записки о революции* Н. Суханова, давно признанные «классическим» описанием февральско-октябрьских событий семнадцатого года. ¹²⁵ Личные, субъективные «Записки» Суханова следует, тем не менее, отнести к литературному наследию меньшевиков-интернационалистов, ибо в 1917 году Суханов, при всех своих разногласиях с отдельными деятелями этой группы, считал себя приверженцем и поклонником Мартова. Суханов оказался наиболее подробным и живым бытописателем революции и, как таковой, он запечатлел занимательные и малоизвестные сценки и факты. Тут и описание нерешительности и растерянности Ленина

в июньские и июльские дни, когда одни большевики уже тогда хотели захватить власть, а другие этому противились; тут и рассказ, как «железные когорты» большевиков были в июльские дни рассеяны . . . проливным дождем; тут и живописный рассказ о том, как вожди кронштадтских матросов, Раскольников и Рошаль, умоляли «соглашателя» Либера отпустить их после июльского поражения обратно в гавань; тут и сценка, свидетельствующая о самообладании Чхеидзе перед возбужденно-истерическим вооруженным матросом и не менее живописное описание, как в июльской неразберихе меньшевик Дан по своему «расставлял» большевистски настроенные полки.

Суханов был также, в первые недели революции до приезда «иркутской» группы Церетели, Дана и Гоца, вместе со Стекловым и Соколовым одним из руководителей Советов и даже пытался быть (и, в известной степени, был) его идеологом, особенно по вопросам войны и внешней политики. Много видевшему свидетелю революции (он не претендовал быть ее историком), Суханову отдавали должное, — несмотря на его субъективность, многословие, склонность к преувеличению его собственной роли, — даже его политические противники, в частности, Миллюков, который считал, что сухановские «Записки» дополняют его *Историю второй русской революции*.¹²⁶ Острие этих семитомных «Записок» направлено не столько против «буржуазных» кадетов, сколько против Керенского и Церетели. Надо, однако, сказать, что ликвидированный Сталиным, Суханов был, по-видимому, человеком, не лишенным личного мужества. В его воспоминаниях, написанных в Советском Союзе, он нередко шельмует большевиков и

Ленина и за их «отход от марксизма», и за большевистскую расправу с «буржуазной» печатью, и за террор, и за многое другое.

Взлет и падение партии эсеров

Меньшевистская партия обладала убедительной идеологией; кадеты — «мозг страны» (по выражению Столыпина) — были людьми компетентными, годившимися в министры. Социалисты-революционеры, или эсеры, были одновременно и сильнейшей партией в стране, и по числу членов партии, доходившему в 1917 году до миллиона, и, как показали выборы в Учредительное собрание, по влиянию в народе. Эсеры были также наиболее «самобытной» и наиболее русской партией по идеологии. Причины взлета и падения партии эсеров — одна из неразрешимых загадок русской революции. Ведь эта партия, казалось бы, могла и должна была властвовать в стране с преобладающим крестьянским населением. Наследница наиболее героических традиций народничества, партия эсеров пользовалась также значительным влиянием и среди рабочих, и среди интеллигенции. Выборы в 1917 году в городские думы Петрограда, Москвы и других крупных центров доказали, что эсеры были не только партией деревни и провинции, но также и больших городов. Тем не менее, эта партия, пользовавшаяся наибольшим доверием страны, стремилась как бы «увильнуть» от ответственности и власти и, наоборот, старалась передать власть или разделить ее с меньшевиками и кадетами, с которыми она в прошлом идеологически

и политически сильно враждовала. Эта боязнь власти на первый взгляд может показаться непонятной и необъяснимой. В истории такое поведение встречается редко. Политические партии обычно стремятся к власти, а, придя к ней, стараются ее удержать.

Особенно необъяснимым на первый взгляд является стремление эсеров к сотрудничеству с «буржуазией», т. е. с кадетами. Действительно, ведь эсерам, так же, как и их предшественникам народникам, было свойственно не тяготение к буржуазии, а, наоборот, глубокое неприятие ее или отталкивание от нее. Эсеры — в частности, В. М. Чернов, бывший автором программы партии — считали буржуазию «паразитарным наростом» на теле народа и логично приходили к заключению, что буржуазия и ее партия, кадеты, не могут быть союзниками эсеров в грядущей революции; буржуазия, как им казалось, преимущественно живущая за счет правительственных заказов и «подачек» царского правительства, была в их представлении обречена на союз с царизмом против народа. Ультрареволюционная партия, практиковавшая индивидуальный террор и даже вписавшая в свою программу пункт о введении, в случае необходимости, временной революционной диктатуры, партия эсеров была, казалось, по своей программе ближе к Ленину, проповедовавшему, как мы указывали выше, уже в 1905 году союз пролетариата с крестьянством и установление, в случае победы революции, «демократической диктатуры пролетариата и крестьянства».

Однако, когда революция свершилась, произошло нечто прямо противоположное. Эсеры образовали блок с меньшевиками и коалицию с кадетами. Объясняется эта метаморфоза эсеров, мне кажется,

тремя основными причинами: во-первых, опытом первой революции 1905 года; во-вторых, тем фактом, что вторая, Февральская революция 1917 года произошла во время войны; в-третьих, тем, что о поведении людей и партий не всегда следует судить по их программам и словесным высказываниям. Мы видели выше, что те же причины в большой степени оказали также решающее влияние и на кадетов, и на меньшевиков.

**
*

«Педагогическая» роль революции 1905 года для вождей эсеров очень значительна и сравнительно мало освещена в литературе. Надо, во-первых, принять во внимание, что виднейшие эсеровские вожди, которым пришлось занять руководящее положение в 1917 году — Чернов, Авксентьев, Гоц, Зензинов, Брешковская, Бунаков-Фундаминский — все принимали активное участие в первой революции — и в Петербургском совете, и в восстаниях во флоте, и в декабрьском восстании в Москве, и в аграрном движении. Когда революция была подавлена, эсеры пришли к выводам, аналогичным тем, к которым пришли меньшевики. Уже на Втором съезде партии в 1905 году Григорий Гершуни, один из наиболее авторитетных лидеров партии и основатель ее террористической или «боевой» организации, признал, что партия эсеров переоценила силу народного движения и этим изолировала себя от народных масс — мотив, как мы указывали выше, беспрерывно повторяющийся в меньшевистской литературе после 1905 года.¹²⁷ Меньшевики говорили об изоляции пролетариата от других классов, эсеры твердили об изоляции

партии от народа. В обоих случаях радикализм и изоляция привели, по мнению лидеров обеих партий, к поражению революции.

Подобные выводы не могли не отозваться на политической тактике вождей партии эсеров, которая насчитывала в конце 1906 года 50 тысяч активных членов.¹²⁸ (Для сравнения укажем, что в мае 1907 года, ко времени созыва ее Пятого съезда, объединенная социал-демократическая партия, представлявшая меньшевиков, большевиков, еврейский «Бунд» и латышскую и польскую социал-демократию насчитывала 150 тысяч членов). Разочаровавшись в радикализме, действенности террора и нелегальщине, ослабленной в результате раскрытия провокации Азефа, многие эсеры пытались использовать возможности, которые давал пореволюционный «думский» режим для печати, легальной работы, кооперации и т. д. У эсеров появились, таким образом, свои «ликвидаторы», а с последними образовались также предпосылки для будущего сотрудничества с меньшевиками и кадетами.

Эти предпосылки стали еще более ощутимы, когда вспыхнула война. Многие эсеры — и за границей, и в России, и в ссылке — стали оборонцами; другие, в меньшем числе, циммервальдовцами разных оттенков; пораженцев среди эсеровских лидеров почти не было, если не считать отдельных людей (и то с оговорками), как, например, Натансон-Бобров, полагавший, что поражение России в войне может стать сигналом к революции не только в России, но и в западных странах. «Революция назревает в России; она, однако, будет национальной, а не интернациональной; демократической, а не социальной; оборонческой, а не пацифистской», — писал один из руко-

водителей эсеров-оборонцев Бунаков-Фундаминский в парижском журнале *Призыв*.¹²⁹ Подобные оценки и настроения людей, которым скоро пришлось вершить судьбы страны, объясняют, независимо от степени их прозорливости, многое из того, что случилось впоследствии.

Неудачный исход революции 1905 года создал, как мы видели, предпосылки для сотрудничества эсеров с меньшевиками. Это сотрудничество облегчалось еще тем, что руководящее ядро эсеров, так же, как и меньшевиков, не полагало, что грядущая революция должна немедленно установить социалистический строй; эсеры, в частности Чернов, настаивали на необходимости переходной стадии «трудовизма», которая, в основном, сводилась к проведению эсеровской программы социализации земли. Война и революция 1917 года сделала сотрудничество эсеров с меньшевиками и кадетами почти неизбежным. Эсеры, вернувшиеся из парижской эмиграции и занявшие вскоре руководящее положение в партии, были очень франкофильски настроены и, так же, как Плеханов и другие меньшевики, считали, что поражение союзников может привести к реставрации старого режима. Революционное оборончество у эсеров усилилось, когда из иркутской ссылки, вместе с меньшевиками Церетели и Даном, приехал также Гоц, которому суждено было в революционные месяцы сыграть роль «арбитра» в партии между ее лидером Черновым, чья позиция в вопросе о войне была близка к позиции Мартова, и влиятельными «правыми» эсерами-оборонцами. Таким образом, благодаря войне общность целей появилась не только у эсеров с меньшевиками, но также и у эсеров с кадетами.

Разумеется, причина «метаморфозы» эсеровской партии не исчерпывается только указанными объяснениями. Троцкий, например, искавший и находивший всюду «классовую» подоплеку, объяснял поведение эсеров влиянием в их партии «нового среднего сословия», состоявшего из служащих, чиновников, молодых офицеров, писарей, фельдшеров и т. д. Весь этот люд, уверял Троцкий, «почти поголовно записывался в партию эсеров», которая «в своей идейной бесформенности как нельзя лучше отвечала их промежуточному социальному положению и их политической ограниченности». Троцкий также саркастически добавлял, что сравнительно молодые и неопытные революционеры-эсеры смотрели на кадетов с подобострастием, как послушные студенты на маститых профессоров. В этих утверждениях, может быть, есть доля правды. Эсеровские лидеры оставались, разумеется, такими же идейными революционерами, какими они были в прошлом. Вожди эсеров — Гоц и Чернов в Исполкоме рабочих и солдатских Советов, Авксентьев и Брешковская в крестьянских Советах, Зензинов в руководстве партии, — все они были закаленными революционерами, имевшими за собой героическое прошлое и многие годы царской тюрьмы. Эти люди, доказавшие и личное мужество, и личную незаинтересованность не были представителями и выразителями интересов какого-то «нового сословия». Тем не менее, нельзя отрицать, что эсеры — эти бывшие террористы, книжники, теоретики и пропагандисты, почувствовавшие бремя ответственности за страну и революцию, происшедшую во время войны, — видели в кадетях гарантию

стабильности и компетенции и потому старались переложить эту ответственность на людей, которые действительно имели за собой многолетний опыт практической работы в Государственной думе, земствах, самоуправлениях, Военно-промышленных комитетах и т. д.

Не успевшая организационно укрепиться, разбухшая миллионная эсеровская партия начала, в создавшихся условиях семнадцатого года, расслаиваться и раскалываться. И в этом отношении у эсеров происходил процесс, схожий с тем, который имел место у меньшевиков. Как и у последних, у эсеров образовалось в ходе революции пять групп, которые до конца оставались в формально «единой» партии. «Крайне правая» (по тогдашней терминологии), т. е. последовательные оборонцы и сторонники коалиции с кадетами, издавала отдельный орган *Голос народа*. Во главе этой группы, подумывавшей одно время о формальном выходе из партии, находились некоторые известнейшие деятели и ветераны партии, как Е. К. Брешковская, А. А. Аргунов, Е. Е. Лазарев, В. С. Тютчев, Б. В. Савинков. В руководстве партии в 1917 году более крупную роль играла, однако, другая «правая» группа, во главе которой стояли известные златоусты партии Авксентьев и Бунаков-Фундаминский и городской голова Москвы Руднев. Обе эти группы, разумеется, горячо поддерживали Керенского.

Центристами в партии были тогда Гоц и В. М. Зензинов; левее центра находился, с его многочисленными сторонниками, теоретик и лидер партии В. М. Чернов; наконец, крайне левое крыло эсеров, так называемые «левые эсеры», в конце концов полностью отделившиеся накануне Октября от партии, во гла-

ве которых оказались старый земледелец Натансон-Бобров и бывшая террористка Мария Спиридонова, помогли большевикам захватить власть; сначала они санкционировали этот захват через Второй съезд Советов, а потом образовали с большевиками «коалицию», т. е. общий с большевиками Совет народных комиссаров.

**
*

Каков же был политический вес отдельных групп в этой огромной партии, в которой, благодаря наплыву так называемых «мартовских эсеров», т. е. эсеров, вступивших в партию уже после революции, царил организационный хаос? Судя по результатам выборов в Центральный комитет на Третьем съезде партии эсеров, преобладающим влиянием в партии пользовался «центр», состоявший из «левого центра» во главе с Черновым и «правого центра» под руководством Гоца и Зензинова. Правой, сильно франкофильской группе Авксентьева удалось послать в ЦК, состоявший из 25 членов, только трех представителей; левым эсерам — только одного (Натансона).¹³⁰ Результаты этих выборов, происходивших до ухода из партии левых эсеров, свидетельствуют о том, что основная масса членов партии поддерживала более умеренных лидеров, стоявших на позиции революционного оборончества или умеренного циммервальдизма. Тем не менее, партия все же была расшатана и не едина по таким коренным вопросам, как война, коалиция с кадетами и даже по вопросу о темпах проведения аграрной реформы.

Отсутствие единства в эсеровском «центре», неспособность Чернова — наиболее популярного и ав-

торитетного лидера и в партии, и вне ее — этот центр объединить на основе ясной программы, является, вероятно, наиболее важной причиной, приведшей к распаду партии и страны. Как это ясно обнаружилось впоследствии, партия эсеров и страна были неотделимы. Ведь эсеры получили абсолютное большинство голосов на выборах в Учредительное собрание, хотя эти выборы происходили в обстановке для партии очень неблагоприятной. Разумеется, Чернов делит эту ответственность за разложение партии и страны и со своими товарищами по партии, и со своими союзниками — меньшевиками в руководстве Советов, и с руководящими членами Временного правительства, особенно с Керенским. Последний, впрочем, в партии эсеров большой роли не играл, хотя формально к ней и принадлежал. Ход и исход революции был бы, вероятно, другим, если бы центр, преобладавший в эсеровской партии и бывший как бы прообразом страны в целом, играл также полагающуюся ему роль и в Советах, и, особенно, в правительстве. Партийный «левоцентрист» Чернов с его умеренно-циммервальдовской, но не пораженческой позицией в вопросе о войне, с его популярной в народе аграрной программой, был бы, надо полагать, в крестьянско-солдатской России более на месте, чем «надпартийный» Керенский или меньшевик Церетели.

Так же, как и Мартов, Чернов — одна из самых спорных фигур русской революции. Многие из его друзей и единомышленников, смотревшие на него с упованием и надеждой в начале революции, в нем разочаровались, когда он начал проявлять колебания, слабость и непоследовательность в отстаивании и разрешении им же сформулированных задач. С

другой стороны, Чернов стал частой мишенью своих политических противников справа и в своей, и в других партиях. Чернов действительно был непоследователен; во всяком случае, так это казалось. Циммервальдовец и сторонник далеко идущих мер во внутренней политике, особенно в отношении аграрной реформы, Чернов вошел, в качестве министра земледелия, в правительство, стоявшее на почве недвусмысленного оборончества и медлившее и с передачей земли крестьянам, и с созывом Учредительного собрания. Ради сохранения чисто призрачного единства в партии и в правительстве, он старался лавировать, но как оказалось, весьма неуклюже. В результате такого лавирования, номинальное единство партии сохранялось, но правительство и его партия оказались в состоянии паралича. Как и Мартов, Чернов прошел тернистый путь «третьей силы» в стране, которая быстро поляризовалась. Однако, в то время, как Мартов не был в февральском периоде революции ни лидером его партии, ни министром, Чернов был и тем, и другим.

Враги Чернова справа осуждали его за циммервальдизм и облыжно клеймили пораженцем. За недостаточное проявление энергии в правительстве и в его собственном министерстве в борьбе против самочинного захвата земель крестьянами его обвиняли в попустительстве и потворстве анархии. К счастью для истории, Чернов сумел в условиях эмигрантской свободы дать свою версию 1917 года. Помимо очень многих полемических и прочих статей, посвященных революции и разбросанных в разных, преимущественно эсеровских журналах, Чернов оставил свою историю Февральской революции. Интересные материалы о революции даны Черновым так-

же в его автобиографии. Чернов также написал, еще будучи за границей, малоизвестную работу о первых днях революции, основанную на газетных материалах. Это своего рода «хроника» событий, написанная объективно, кратко, фактически и даже серо, мало характерна для Чернова, который был, конечно, не историком, а ярким политическим писателем.¹³¹ Нечто совсем иное представляет его история, названная *Рождением революционной России*, в которой он местами с блеском, хоть иногда и слишком цветисто, излагает свои очень субъективные взгляды на революцию, на ее «дух» и «смысл».¹³²

Керенский и единение «живых сил страны»

Еще более рельефно и красноречиво обреченность «третьего пути» Февральской демократической революции показана в многочисленных книгах, статьях и воспоминаниях Керенского, бывшего в те судьбоносные месяцы одновременно и председателем Совета министров, и военно-морским министром, и верховным главнокомандующим («главковерхом») российской армии.¹³³ Ввиду постов, которые Керенский занимал, он, разумеется, стал в советской, а часто и в западной и эмигрантской литературе воплощением не только слабости, нерешительности и бездействия, но иногда даже «предательства» и безграничного честолюбия. Более того: ввиду его ораторских приемов, принимавших иногда помпезные, а иногда истерические формы, он представлен своими противниками в крайне карикатурном виде. Деникин и Миллюков не могли ему простить срыв Корниловского

выступления; для них он «объективно» оказался полубольшевиком; умеренные руководители Советов (Дан, Церетели и, конечно, Чернов и Мартов) критиковали его за медлительность в проведении мероприятий в пользу рабочих и крестьян; что касается большевиков и их попутчиков, то для них он был, помимо всего прочего, «скрытым корниловцем».

В исторической ретроспекции многое из того, что приписывается Керенскому и «керенщине», должно показаться верным. Элементарная справедливость требует, однако, напомнить ряд фактов и оценок, данных в мемуарной литературе, появившейся во время или немедленно после революции, и исходивших от людей, заведомо неблагожелательных к Керенскому. Так, например, все мемуаристы (за исключением большевиков, чья пристрастность тут очевидна) утверждают, что единственный политический деятель, который в первые дни и недели революции не растерялся, а, наоборот, как-то уверенно и естественно взял руководство революцией в свои руки, был Керенский. Он был в те дни «незаменимым», ибо его слушали и ему повиновались восставшие солдаты. Читая хроникальные записи и воспоминания тех дней, нетрудно также убедиться в том, что Керенский был единственным из наличных тогда в Петрограде деятелей, верившим в успех революции.

Личное мужество Керенского никто, кажется, никогда не ставил под сомнение. Суханов, близко знавший Керенского и относившийся к нему в общем отрицательно, рассказывает, что до революции Керенский был замешан в революционных делах, в которых он рисковал головой. Во время июньского наступления и позже, когда популярность Керенского уже сильно упала, он бросался в самые опасные про-

большевистские или анархически настроенные части и обычно добивался больших успехов, апеллируя к патриотизму и долгу. Керенский выгодно в этом смысле отличался от Ленина, который до последней минуты прятался в подполье. Невразумителен и истеричен он, конечно, иногда бывал; но не следует забывать, что истеричность была тогда, в какой-то мере, стилем эпохи. Писания Ленина, например, обычно спокойные и корявые, тоже изобилуют в предоктябрьские дни истерическими и даже иногда бессмысленными фразами, странными словосочетаниями и смешными апелляциями к Марксу, бесконечными повторениями и подчеркиваниями, свидетельствующими о крайнем нервном возбуждении, в котором находился тогда большевистский лидер. А ведь Ленин был на одиннадцать лет старше Керенского и не нес ответственности за огромную страну, находившуюся в состоянии войны и на грани распада.

Был ли Керенский безволен? Таковым он вошел в сознание людей после революции; однако, в 1917 году, особенно в начале, такой вопрос был бы даже неуместен. Керенский был с самого начала самым влиятельным министром Временного правительства, без которого никакие важные решения не принимались, — утверждал очень недолюбливавший его Набоков. Керенский склонялся к сильной власти, свидетельствовал Церетели, который, как и многие другие, подозревал Керенского в диктаторских поползновениях. Разумеется, все это было в большой степени оптическим и трагическим обманом и самообманом. Керенского, как и его коллег по правительству, партии и Совету, следует упрекнуть не в стремлении к излишней власти, а, наоборот, в допущении безвла-

ствия, в медлительности проведения неотложных реформ, в отсутствии энергии, в недооценке большевистской опасности; однако ответственность за этот каталог ошибок, которые оказались хуже преступлений, тридцатилетний адвокат Керенский делил с другими.

Личность и характер Керенского тесно связаны с его концепцией революции и ее тактических задач в семнадцатом году и с его объяснениями причин поражения Февраля. Основная мысль этой концепции сводилась к тому, что в наличных тогда условиях войны и разрухи необходимо было единение всех «живых» демократических сил страны; отсюда его привязанность к коалиции между умеренными левыми партиями и кадетами. Керенский настаивает на том, что этому единению, к несчастью, помешали, с одной стороны, Ленин и Людендорф, а с другой, поддержанный некоторыми кадетскими лидерами и союзными посольствами, популярный, но политически очень наивный генерал Корнилов. Ленин и Людендорф одновременно и координированно пытались задушить революцию; первый — путем большевистского выступления в июле, второй — путем немецкого наступления в районе Тарнополя. После провала этих двух попыток, решающее значение в крушении Февраля Керенский отводит выступлению Корнилова. Страна, по мнению Керенского, после июля медленно, но верно успокаивалась и организовывалась. Вновь избранные городские думы и самоуправления постепенно перенимали функции Советов, и правительство было вполне в состоянии довести страну до Учредительного собрания. И в это время «безрассудное и преступное» выступление Корнилова нарушило этот процесс, ослабило правительст-

во и усилило большевиков, к которым Советы и правительство теперь должны были, из-за опасности справа, изменить отношение и даже принять их помощь. Другими словами, не будь выступления Корнилова, не было бы Октябрьской революции.

**
*

Кроме самого Керенского, воспоминания и книги о революции оставили некоторые из его сотрудников и политических единомышленников. Интересные и вдумчивые *Воспоминания* написал В. Б. Станкевич.¹³⁴ Назначенный Керенским на ответственную должность верховного комиссара ставки, Станкевич был также активным членом Исполкома Советов. Переданные им наблюдения и факты о Петроградском совете и армии, особенно об июньском наступлении, остаются, так же, как и записки Суханова, одним из важнейших первоисточников истории революции. Зензинов, один из руководителей эсеровской партии и в начале революции близкий сотрудник Керенского, оставил воспоминания о первых днях революции. Написанные просто, непретенциозно, эти мемуары еще раз подтверждают и факт неожиданности революции, и неподготовленность тогдашних нелегальных партий к ее возглавлению.¹³⁵ Воспоминания видного «правого» эсера и специалиста партии по конституционному праву М. В. Вишняка, бывшего однодневным секретарем Учредительного собрания, включают, помимо многого другого, драматическое описание разгона первого избранного народом российского парламента. Вишняк — также автор многочисленных аналитических статей о революции в целом, о ее руководящих деятелях, о ее писателях и

этапах.¹³⁶ Список мемуарной литературы о революции, оставленной руководителями правого крыла эсеров, можно закончить упоминанием книги и статьи Брешковской, стоявшей в 1917 году на крайне правом фланге партии.¹³⁷

Отколовшиеся накануне Октябрьской революции от партии «левые эсеры» оставили малый след в исторической литературе, ибо почти все руководители этой группы погибли в советских лагерях. Левый эсер С. Мстиславский сделал зарисовки некоторых наиболее характерных дней и эпизодов революции, правдивость которых другими авторами ставится под сомнение.¹³⁸ Очутившийся за границей левый эсер И. З. Штейнберг, бывший некоторое время народным комиссаром юстиции при Ленине, написал несколько книг, рассказывающих о тех тяжелых условиях, в которых левым эсерам пришлось работать с их «союзниками»-большевиками. Если *Нравственный лик революции* и другие книги Штейнберга о терроре являются поучительными для понимания истории советской власти в первые месяцы после Октября, то его попытка написать историю революции с левоэсеровских позиций оказалась очень беспомощной.¹³⁹

**
*

Из всех российских партий, игравших руководящую роль в революции, партия эсеров является единственной, о которой существует подробное исследование. Написанное американским историком Оливером Рэдки, это исследование подробно анализирует все этапы, через которые проходили и партия, и так тесно связанная с ней революция. Автор вво-

дит в свой труд очень много нового, основанного и на изучении первоисточников, и на многочисленных разговорах с эсеровскими руководителями, обосновавшимися в эмиграции. Однако, наряду с несомненными большими достоинствами, эта первая настоящая история партии эсеров не лишена и больших недостатков. Некоторые очень существенные факты, мотивы и действия людей переданы автором без действительного понимания как психологии тогдашних деятелей, так и сложившейся в те месяцы исключительно сложной и противоречивой обстановки. Местами развязный и поучающий тон портит труд, который в других отношениях является единственным в своем роде. С главными заключениями Рэдки в общем можно согласиться. Руководство партии эсеров состояло из честных идеалистов, но государственно непрактичных людей; в противовес большевикам, она была бедна энергичными вождями, вернее, ей не хватало вождя, знавшего, что он хочет, и умевшего превращать чаемое в сущее. Для революции и страны было бы лучше, если бы эсеровская партия, в которой сожигательствовали разные и парализующие друг друга течения, раскололась в начале революции. Такой раскол позволил бы центральному ядру партии сыграть в революции роль более действенную и конструктивную.¹⁴⁰

Двойственность историка Троцкого

В историографии русской революции особое место занимают историко-политические труды и воспоминания Л. Д. Троцкого. Один из острейших критиков большевизма до войны, Троцкий, как известно, при-

мкнул к большевикам только в июле 1917 года. Интересующие нас здесь его работы по истории революции Троцкий писал в специфических условиях и, несомненно, с особой целью. Выше нам уже пришлось упомянуть об его *Уроках Октября*, в которых он доказывал, что руководившая тогда «тройка», состоявшая из Зиновьева, Каменева и Сталина, а также другие большевистские цекисты, активно или пассивно противодействовали ленинским планам захвата власти. Троцкий тогда не без основания утверждал, что, предоставленная самой себе, большевистская партия без Ленина склонна была в решающие дни идти по пути «соглашательства»; так было в начале революции, когда многие руководящие большевики готовы были поддерживать Временное правительство и даже объединиться с меньшевиками; так было и в решающие предоктябрьские дни.¹⁴¹

Троцкий вновь возвращается к теме о революции, когда, высланный за границу, он получает, казалось бы, возможность подвергнуть события 1917 года настоящей объективной переоценке. Троцкий, однако, этой возможностью не воспользовался. В его многочисленных трудах, появившихся в тридцатых годах, — автобиографии, обширной истории русской революции, биографии Сталина, он продолжает, несмотря на все с ним и с революцией случившееся, выступать как большевистский «фракционер», который все еще ставит историю в услужение политике, вернее, на службу борьбе за власть.¹⁴² Надо полагать, что в двадцатых и тридцатых годах Троцкий все еще не исключал возможности, что ввиду обострившихся трудностей в Советском Союзе, а затем появившейся опасности войны с гитлеровской Германией, его могут вновь призвать к власти. На его

книгах — исторических и других — лежит поэтому печать особой двойственности. С одной стороны, он ревностно отстаивает свою верность большевизму и классической большевистской интерпретации революции; с другой, он упорно и не без успеха доказывает, что в самых кардинальных вопросах не он, Троцкий, пришел к Ленину, а Ленин пришел к нему.

Какие же это были кардинальные вопросы? Кроме уже указанного, их в основном два: во-первых, вопрос о характере совершившейся в России революции. Сталинские и послесталинские историки противопоставляют «авантюристическую» теорию Троцкого о «перманентной» революции «гениальной» формуле Ленина о «перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую». В действительности существенной разницы между этими двумя заумными формулами нет. И при «перманентной», и при «перерастании» Россия, благодаря Октябрю, оказалась не прологом революции, мировой или европейской, как это предполагали обе формулы, а единственной страной, в которой восторжествовал и укрепился «социализм». Самый этот «социализм» осуществлен не свободно избранными рабоче-крестьянскими Советами, как это, опять-таки, предполагали обе формулы, а партийной олигархией или единоличным вождем. Разница была разве в том, что Троцкий объявился со своей «перманентной» уже в 1905 году, в то время, как Ленин «переворужил» большевистскую партию своим «перерастанием» только в 1917 году по приезде в Россию. Троцкий даже позволял себе утверждать, что это запоздалое ленинское «переворужение» явилось причиной неподготовленности партии к восприятию

новой большевистской стратегии и тактики, выраженной в «Апрельских тезисах».

Второй кардинальный вопрос относится к проведению самого Октября. Кто руководил переворотом? Ленин или Троцкий? Партия и ее ЦК, или Петроградский совет и его Военно-революционный комитет? Разумеется, так упрощенно вопрос ставить не следует. Ленин и ЦК непосредственно переворотом не руководили, но Совет и его Ревком находились накануне Октября в руках большевистской партии. Тем не менее, рискуя быть обвиненным в умалении роли Ленина, Троцкий легко доказал, что, вопреки утверждениям официальной советской историографии, Октябрь был проведен не «по указаниям» Ленина, а под непосредственным руководством Петроградского совета, его председателя и вдохновителя Троцкого и выделенного Советом для этой цели специального органа — Военно-революционного комитета. Доводы и доказательства Троцкого тут, надо признать, очень веские, ибо они подтверждаются документами, записями, воспоминаниями о тех днях. Версия Троцкого, кстати, никогда не оспаривалась при жизни Ленина. Мы уже выше упомянули, что в первую годовщину Октябрьской революции не кто иной, как Сталин, относившийся всегда к Троцкому с неприязнью, все же писал в юбилейной статье в *Правде*, что непосредственным проведением Октябрьского переворота партия обязана «товарищу Троцкому».

Восстановление истины об его роли в Октябре или об его теоретическом «вкладе» в сокровищницу марксизма-ленинизма, не было, разумеется, единственной целью Троцкого. В его *Истории Русской Революции* бывший меньшевик Троцкий пытался, в противовес «сталинским фальсификаторам» и «эпи-

гонам», дать настоящую большевистскую интерпретацию революции... Схема Троцкого, в общем, несмотря на литературный блеск, присущий ее автору, мало оригинальна. В Февральской революции Троцкий находил «парадокс», который сводился преимущественно к тому, что умеренные социалистические лидеры Советов, фактически обладавшие властью и имевшие возможность закрепить ее формально, «догматически» настаивали на том, что власть должна принадлежать или только «буржуазным» партиям, или коалиционному правительству, состоявшему из социалистов и представителей «буржуазии». Такую политику Троцкий считал роковой, ибо видел в ней корень безвластия со всеми его последствиями. В результате коалиции, в которой партнеры взаимно себя парализовали и которая дискредитировала умеренных социалистов, претендентом на власть могли быть либо реакционные элементы буржуазии, либо пролетариат. Иначе говоря, либо тот же Корнилов (по Троцкому олицетворявший буржуазию), либо Ленин (представлявший, по его мнению, пролетариат).

В согласии со своей старой теорией о перманентной революции, Троцкий считал, что социалисты должны были взять власть не только для завоевания «буржуазных» свобод или для проведения какой-то аграрной реформы, а для настоящего построения социализма. Его неисчерпаемый сарказм поэтому направлен не столько по адресу «буржуазии», сколько против «соглашателей» и «филистеров» из меньшевистско-эсеровского лагеря. Поразительно, что Троцкий отстаивал эти взгляды с таким задором и такой самоуверенностью еще в тридцатых годах, когда ему уже, казалось, было ясно, что стало со страной, строившей рекомендованный им «социализм». В

тридцатых годах революция, употребляя его же терминологию, была уже «предана» и изуродована сталинской бюрократией. В самой России уже осуществилось то, что молодой Троцкий предрекал после раскола социал-демократической партии в 1903 году, а именно, что в случае победы Ленина, в стране восторжествует сначала диктатура партии, потом ее аппарата и, наконец, единоличного вождя.

Показательно, что когда Троцкому приходилось приводить причины торжества диктатуры Сталина и его аппарата, в нем как бы неволью просыпался старый меньшевик. Действительно, главную причину вырождения революции ему, «революционному марксисту», приходилось объяснять экономической и культурной отсталостью России, т. е. ее неподготовленностью к социализму — аргументом, догмой или ересью сугубо меньшевистской. Кто знает, может быть иногда, в минуты сомнений и раздумий, он действительно приходил к простому, но требовавшему много мужества заключению, — что, в конечном счете, именно осмеянные им «соглашатели» и «филистеры» предвосхитили гораздо глубже и вернее последствия взятия власти для построения социализма в России, нежели сам Троцкий и так обхаживаемый им Ленин.

РЕВОЛЮЦИЯ 1917 ГОДА
ГЛАЗАМИ
ЕЕ РУКОВОДИТЕЛЕЙ

Часть I (февраль-март)

(Начало, победа и стабилизация революции)

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

19 февраля (по старому стилю) в Петрограде начались волнения из-за недостатка хлеба.

22 февраля объявлен локаут на Путиловском заводе.

23 февраля Международный женский день; стихийные забастовки.

24—25 февраля забастовочное движение расширяется.

26 февраля опубликован указ о роспуске Государственной Думы.

27 февраля к бастующим начали присоединяться полки Петроградского гарнизона: Волынский, Павловский, Литовский, Преображенский. К солдатам также присоединилась часть офицеров. Казаки с самого начала относились нейтрально, разгоняли время от времени толпу, но репрессивных мер не принимали. Восставшие солдаты вместе с рабочими взяли арсенал, завладели Петропавловской крепостью, двинулись к тюрьмам, откуда освободили многих социалистических работников, в том числе и Рабочую Группу при Центр. Военно-Промышленном Комитете. Руководители этой группы непосредственно из тюрьмы направились вместе с войсками и народом к Таврическому дворцу, где они, совместно с представителями профессионального и кооперативного дви-

жения и левыми депутатами Гос. Думы, образовали «Временный Исполнительный Комитет Совета Рабочих Депутатов».

В состав его вошли: Гвоздев, Богданов, Капелинский, Гриневич, Чхеидзе, Скобелев, Франкорусский — все меньшевики. Его непосредственной задачей было — созвать Совет Рабочих Депутатов Петрограда, которую он немедленно и выполнил, распространив по столице обращение к рабочим собраться в тот же день, в 7 часов вечера в Таврическом дворце. Он принял экстренные меры к организации продовольствия для восставших, избрав немедленно временную продовольственную комиссию и обратившись к населению с воззванием о помощи в деле прокормления солдат. Кроме того, им были приняты меры к защите революции от разгрома ее царскими войсками путем создания военного штаба в Таврическом дворце. В его состав вошло несколько офицеров.

Ровно в 9 часов в Таврическом дворце открылось заседание Совета Рабочих Депутатов. В президиум Совета без возражений были избраны думские депутаты: Чхеидзе (председателем), Скобелев и Керенский. Кроме председателя и его двух товарищей, были избраны 4 секретаря — К. А. Гвоздев (с.-д. оборонец), Н. Д. Соколов (в то время меньшевик), Гриневич (с.-д. интернационалист) и рабочий Панков (тоже). В начале заседания выступили с приветствием и докладами представители от полков — Волынского, Павловского, Литовского и др. После докладов было предложено и единогласно принято, — слить воедино революционную армию и пролетариат столицы, создать единую организацию под названием Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

В заседании Совета были произведены выборы в Исполком; избранными оказались прежде всего члены ранее избранного президиума, а затем следующие 8 человек: Александрович-Дмитриевский (лев. эсер), Беленин-Шляпников (больш.), Капелинский (меньш.-интернац.), Павлович-Красиков (больш.), Петров-Залуцкий (тоже), Стеклов (в то время нефракц. с.-д.), Суханов-Гиммер (меньш.-интернац.), Шатров-Соколовский (меньш.-интернац.). Было решено пригласить в Исполком с решающим голосом тоже представителей социалистических партий.

28 февраля вышел первый номер советских «Известий», в котором было помещено воззвание от имени Совета Депутатов. В этом воззвании говорится: «Борьба еще продолжается, она должна быть доведена до конца. Старая власть должна быть окончательно низвергнута и уступить место новому народному управлению. В этом спасение России. Для успешного завершения борьбы в интересах демократии народ должен создать свою собственную властную организацию. 27 февраля в столице образовался Совет Рабочих Депутатов из выбранных представителей заводов и фабрик, восставших воинских частей, а также демократических и социалистических партий и групп. Совет Рабочих Депутатов, заседающий в Государственной Думе, * ставит своей задачей организацию народных сил и борьбы за окончательное упрочнение политической свободы и народного управления в России... Все вместе общими силами будем бороться за полное устранение старого правительства и созыв Учредительного Собрания, избран-

---

* В Таврическом дворце заседала также Государственная Дума. — Р е д.

ного на основе всеобщего, тайного, прямого и равного избирательного права».

В заседании Исполкома принимали участие не только выбранные члены от Совета, но также и некоторые представители партий с решающими головами. От партий в состав Исполкома вошли: большевик Молотов, Стучка и Козловский (от латышской соц.-дем.), Бундовцы — Эрлих и Рафес (замененный через несколько дней Либером), меньшевики — Богданов и Батурский; трудовики — Брамсон и Чайковский, которого потом заменил Станкевич; эсеры: Русанов и Зензинов; народные социалисты — Пешехонов и Чарнолуцкий и с.-д.-межрайонец Юренев.

**
*

Образовавшийся 27 февраля Временный Комитет Гос. Думы вступил в переговоры с различными общественными деятелями о создании нового правительства. Вопрос о Николае II Комитет Гос. Думы решил в том смысле, что он должен немедленно отречься от престола в пользу своего сына Алексея при регентстве Михаила. С этой целью комитет Думы решил отправить к Николаю делегацию в составе Гучкова и Шульгина.

Временный Комитет Государственной Думы обратился к армии и флоту с призывом сохранять полное спокойствие и питать уверенность, что «общее дело борьбы против внешнего врага ни на минуту не будет прекращено или ослаблено: Временный Комитет при содействии столичных воинских частей и при сочувствии населения в ближайшее время водворит спокойствие в тылу».

1 марта происходило заседание Исполкома Петр. Совета Раб. и Солд. Депут. по вопросу об организации власти. Большинство Исполкома склонялось к тому, чтобы ограничиться предъявлением правительству определенных политических требований, осуществить контроль над выполнением этих требований и, отказавшись от участия в правительстве, воспользоваться только правом отвода нежелательных министерских кандидатур.

Вопрос об участии в правительстве вызвал разногласия. Во главе группы, стоявшей за коалиции, были бундовцы Рафес и Эрлих. К ним примкнули обронцы с.-д. и представители народнического направления. Остальные отстаивали невхождение в цензовое правительство. В результате было постановлено 13 голосами против восьми — в правительство представителей Совета не посылать и участия в нем не требовать.

Вечером того же дня в соединенное заседание Вр. Ком. Гос. Думы и некоторых намеченных членов Врем. Прав-ва явились представители Исп. Ком. Сов. Раб. и С. Д. Чхеидзе, Стеклов, Суханов, Соколов и Филипповский и предложили обсудить условия передачи власти Временному Правительству, образуемому Комитетом Гос. Думы. Эти условия предварительно были утверждены в тот же день пленумом Сов. Раб. и С. Д.

Условия состояли из 9 пунктов. Делегаты Совета после долгих прений сделали уступку в двух пунктах: во-первых, отказались от требования, согласно которому Временное Правительство должно было воздерживаться от всех действий, предрешающих форму будущего правления и, во-вторых, согласились отказаться от требования о выборности офице-

ров. После этих изменений текст условий, предложенный делегатами Совета, принял такую форму: «В своей деятельности правительство будет руководиться следующими основами: 1) полная и немедленная амнистия по всем делам политическим и религиозным, в том числе террористическим покушениям, военным восстаниям, аграрным преступлениям и т. д.; 2) свобода слова, печати и союзов, собраний и стачек, с распространением политических свобод на военнослужащих в пределах, допускаемых военнотехническими условиями; 3) отмена всех сословных, вероисповедных и национальных ограничений; 4) немедленная подготовка к созыву, на началах всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, Учредительного Собрания, которое установит форму правления и конституцию страны; 5) замена полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления; 6) выборы в органы местного самоуправления на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования; 7) разоружение и вывод из Петрограда воинских частей, принимавших участие в революционном движении; 8) при сохранении строгой воинской дисциплины в строю и при несении военной службы — устранение для солдат всех ограничений в пользовании общественными правами, предоставленными всем остальным гражданам».

После принятия этих условий Милюков от имени Временного Комитета Гос. Думы потребовал, чтобы Исп. Ком. С. Д. составил декларацию, в которой было бы указано, что данное правительство образовалось по соглашению с Сов. Раб. Деп., что поэтому это правительство должно быть признано законным в глазах народных масс и заслуживает их доверия;

главное же, он настаивал на том, чтобы в этой декларации был призыв к доверию к офицерству и признанию солдатами командного состава. Делегаты согласились на это требование и при участии Милюкова начали составлять декларацию, окончательный текст которой был выработан только вечером 2 марта.

**
*

Одновременно с заседанием Испол. Комитета в Таврическом дворце 1 марта происходило первое заседание объединенного Совета Раб. и Солд. Депутатов. Председателем заседания был Н. Д. Соколов. Присутствовало не менее 1000 человек. На заседании было решено конституировать солдатскую секцию Совета и организовать выборы в нее по одному представителю на роту. Затем было постановлено: во всех политических выступлениях подчиняться лишь Совету.

Было также решено дать директиву выбирать ротные и батальонные комитеты, которые заведовали бы всем внутренним распорядком жизни полков и казармы. Ввиду опасения по поводу возможного разоружения солдат, было постановлено: никому не выдавать оружия и хранить его пока под контролем ротных и батальонных комитетов; наконец, Совет объявлял «равноправие солдат с прочими гражданами в частной, политической и общегражданской жизни, при соблюдении строжайшей воинской дисциплины в строю». Совет постановил свести все эти решения в одном воззвании или приказе. Для составления была избрана особая комиссия. Эта комиссия

составила в тот же день воззвание, которое известно по своему заголовку «Приказ № 1».

**
*

2 марта главнокомандующий генерал Алексеев по соглашению с Родзянко назначил главнокомандующим Петроградского военного округа ген.-лейтенанта Корнилова.

Днем того же числа Стеклов сделал на заседании Совета доклад о результатах переговоров с Временным Комитетом Госуд. Думы об образовании Временного Правительства и об отношении к нему Исполкома.

Исполком предложил Совету принять к сведению предполагаемый манифест вновь образуемого правительства и обратиться к населению с призывом к организации сил, к отказу от бесчинств и к поддержке Временного Правительства постольку, поскольку оно идет по линии осуществления намеченных Советом задач. После доклада выступил Керенский, который просил Совет санкционировать его решение принять на себя обязанности министра юстиции во Временном Правительстве с оставлением в звании товарища председателя Совета. Выступление Керенского было встречено бурными рукоплесканиями.

Состав Временного Правительства к вечеру 2 марта вполне определился. Председателем Совета министров и министром внутренних дел был назначен кн. Г. Е. Львов (председатель Главного Комитета Всероссийского Земского Союза), министром иностранных дел — Милюков, министром народного просвещения — Мануйлов (к.-д., профессор), министром финансов — Терещенко (беспартийный, товарищ пред-

седателя Центр. Военно-Промышленного Комитета), министром торговли и промышленности — Коновалов (прогр.), министром путей сообщения — Некрасов (товарищ председателя Гос. Думы, левый к.-д.), военным министром — Гучков (октябрист, председатель Центр. Военно-Промышленного Комитета), министром юстиции — Керенский (трудовик-эсер), государственным контролером — И. В. Годнев (член Гос. Думы, октябрист), оберпрокурором Синода — В. Львов (группа «центра»).

Вступление во Временное Правительство Керенского было одобрено конференцией Петербургских соц.-революционеров того же числа. Конференция постановила: «Считая необходимым контроль над деятельностью Временного Правительства со стороны трудящихся масс, конференция приветствует вступление А. Ф. Керенского во Временное Правительство в звании министра юстиции, как защитника интересов народа и его свободы, и выражает свое полное сочувствие линии его поведения в дни революции, вызванной правильным пониманием условий момента».

В ночь на 3 марта новый министр юстиции Керенский телеграфно предписал прокурорам судебных палат и окружных судов немедленно освободить всех осужденных, заключенных по политическим и религиозным преступлениям.

**
*

Днем второго марта к Таврическому дворцу пришло несколько тысяч человек с целью узнать о положении дела. Член Исполкома Суханов рассказал им, как Исполком решил проблему власти, назвал

предполагаемых главных министров, изложил программу, продиктованную Советом Временному Правительству и сообщил, что насчет монархии и династии существует еще не ликвидированное разногласие между Временным Комитетом Гос. Думы и Исполкомом Совета.

Приблизительно в то же время Милюков произнес речь перед многочисленными слушателями в Екатерининском зале Таврического дворца о вновь образующемся правительстве. Речь вызвала крики одобрения одних и недовольства и даже протеста других. «Кто вас выбрал?» спрашивали Милюкова. Он ответил: «Нас выбрала Революция». Когда Милюков назвал премьера Львова «воплощением организованной общественности, гонимой царским режимом», то раздались возгласы: «Цензовой!» Милюков ответил: «Да, но единственно организованной, которая даст потом возможность организовать и другим слоям русской общественности». На вопрос о судьбе династии Милюков ответил, что «старый деспот, доведший Россию до полной разрухи, добровольно откажется от престола или будет низложен. Власть перейдет к регенту, вел. кн. Михаилу Александровичу. Наследником будет Алексей». При этих словах поднялись шум и крики. Это заявление Милюкова широко распространилось по городу. Поздно вечером в здание Таврического дворца явилась толпа возбужденных офицеров, которые заявили, что они не могут явиться к своим частям, если Милюков не откажется от своих слов. Милюков заявил, что его слова о временном регентстве Михаила и о наследнике Алексее являются его личным мнением.

**
*

Вечером в Псков, где находился Николай II, приехали Гучков и Шульгин. Гучков заявил, что он и Шульгин приехали от имени Временного Комитета Гос. Думы, чтобы дать нужные советы, как вывести страну из тяжелого положения. Петербург уже всецело находится во власти революционного движения; попытки вызвать войска с фронта не приведут ни к чему. Поэтому всякая борьба бесполезна; остается только одно — отречься от престола в пользу сына с регентством кн. Михаила.

После заявления ген. Рузского, что он согласен с Гучковым, и что никаких запасных частей послать в Петербург нельзя, царь ответил: «Я вчера и сегодня целый день обдумывал и принял решение отречься от престола. До 3 часов дня я был готов пойти на отречение в пользу моего сына. Но затем я понял, что расстаться с моим сыном я неспособен. Вы это, надеюсь, поймете. Поэтому я решил отречься в пользу моего брата».

**
*

Рано утром 3 марта до членов Временного Правительства дошли слухи об отречении Николая II в пользу Михаила, а не Алексея. Вопрос о династии оказался открытым для большинства членов правительства, так как те, кто уже согласился на Алексея, не считали себя обязанными соглашаться на Михаила. Около полудня 3 марта на квартире у Михаила собрались члены Временного Правительства и Думского Комитета. Все, кроме Милюкова, были сторонниками отречения Михаила. Милюков настаивал

на том, «что сильная власть, необходимая для укрепления нового порядка, нуждается в опоре привычного для масс символа власти», что «Временное Правительство одно, без монарха» является «утлой ладьей», «которая может потонуть в океане народных волнений», что стране при этих условиях может грозить потеря всякого сознания государственности и наступит полная анархия раньше, чем соберется Учредительное Собрание. После речей Михаил переговорил наедине в другой комнате с Родзянко и потом заявил о своем окончательном решении отречься. Был составлен текст отречения от престола. Главное место отречения гласит: «Одушевленный со своим народом мыслью, что выше всего — благо родины, принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит все-народным голосованием своим через представителей своих в Учредительном Собрании установить образ правления и новые основные законы государства Российского». Далее Михаил просит всех граждан «державы Российской» подчиниться Временному Правительству впредь до созыва Учредительного Собрания.

В. М. ЗЕНЗИНОВ

ФЕВРАЛЬСКИЕ ДНИ

22 февраля

Это было всего вернее — 22 февраля. Я сидел днем, по обыкновению, в редакции «Северных записок» и был занят очередной работой — правил гранки ближайшей книжки журнала, которая должна была выйти в конце месяца. Вошло несколько человек рабочих — пять-шесть — и сказали, что хотели бы видеть А. Ф. Керенского (он был сотрудником «Северных записок»). Узнав, что я был секретарем редакции, они объяснили, что являются делегацией путиловских рабочих, и что одновременно другая такая же делегация направилась к «депутату Чхеидзе» (они отчетливо подчеркивали депутатское звание Керенского и Чхеидзе). К «депутату Керенскому» у них важное поручение, но в чем оно состояло они мне не сказали. Я тут же, при них, созвонился с А. Ф. Керенским (к счастью, удалось застать его дома — тел. 119-60) и он выразил согласие встретиться с ними сегодня же, в редакции, в 7 часов вечера и попросил меня при этом свидании присутствовать. О согласии Керенского я и сообщил рабочим, чему, видимо, они были очень рады. Нужно сказать, что к этому времени А. Ф. Керенский, благодаря своим выступлениям в Государственной думе и в качестве защитника на политических процессах, пользовался огромной популярностью — и не только в Петербурге; в частности, большую известность ему создала

поездка на Ленские прииски летом 1912 года на расследование обстоятельств ленского расстрела рабочих. Популярность его была велика решительно во всех кругах общества — уже тогда он сделался положительно любимцем общественности.

В семь часов назначенное свидание рабочих депутатов с Путиловского завода с А. Ф. Керенским состоялось (они, как потом признались, побоялись идти к нему на квартиру, — думали, что полиция может помешать). Рабочие подробно рассказали о локауте на Путиловском заводе. Цель их посещения обоих депутатов (Керенского и Чхеидзе) заключалась в следующем: они считали своим общественным долгом предупредить обоих депутатов (к А. Ф. Керенскому они каждый раз обращались со словами — «гражданин депутат») о серьезности создавшегося положения и о том, что они «слагают с себя ответственность за могущие произойти последствия». Таковы были буквально их слова. О себе сказали, что поручение это «к обоим депутатам» им дано забастовавшими рабочими. Весьма отчетливо и очень серьезно рабочие делегаты заявили А. Ф. Керенскому, что начавшаяся забастовка не носит частного характера и что дело тут не в экономических требованиях, также и не в продовольственных затруднениях — рабочие сознают, что это начало какого-то большого политического движения, и они считают своим долгом предупредить об этом депутата. Чем это движение кончится они не знают, но для них, по настроению окружающих рабочих, ясно, что произойти может что-то очень серьезное. Так говорили делегаты, говорили спокойно и твердо, и это спокойствие лишь подчеркивало серьезность сообщаемого. Предупреждение это оказалось в полном смысле и с т о р и ч е -

ским и позднее я часто вспоминал о нем и удивлялся пониманию момента, проявленному тогда путиловскими рабочими. Понимали это тогда далеко не все. Должен признаться, что тогда и я этому визиту не придал особого значения — не знаю, как отнесся к нему А. Ф. Керенский. То были настоящие вестники грядущей революции. Их прозорливость, вероятно, объяснялась тем, что они были у самых истоков начавшегося движения и чувствовали, насколько уже тогда была раскалена атмосфера в рабочих кругах Петрограда. Мне до сих пор кажется странным, что нигде в мемуарной литературе не упомянуто об этих делегациях путиловских рабочих.

23 февраля

На другой день, 23 февраля, всюду в городе говорили о начавшемся на петербургских заводах стачечном движении, но никому и в голову не приходило считать это началом революции. Расширение стачки объясняли тем, что локаут на Путиловском заводе вызван желанием администрации этого завода экономить на топливе. Угля, будто бы, в Петрограде не хватало. А с Путиловского завода забастовка, в силу солидарности рабочих или по каким-либо другим причинам, перекинулась и на другие петроградские предприятия. Казалось, это движение мало чем отличалось от того, что уже несколько раз происходило и раньше. Между тем самые размеры начавшегося движения и его характер говорили о другом. На заводах происходили митинги, работа постепенно останавливалась всюду. С пением революционных песен рабочие после митингов выходили на улицы. К

12 часам дня 23 февраля почти весь Сампсониевский проспект был залит толпами рабочих. Усиленные наряды конной и пешей полиции не могли удержать демонстрантов. Днем в разных местах города были сделаны попытки остановить трамвайное движение — у некоторых вагоновожатых были отобраны пусковые ключи. С двух часов дня общее руководство подавлением беспорядков перешло от градоначальника ген. Балка в руки военных властей. На помощь были посланы казаки и драгуны. С Выборгской стороны рабочие пробивались и на левый берег Невы, были попытки остановить трамвайное движение на Литейном и Суворовском проспектах. У Казанского моста, на Невском, на углу Невского и Садовой, на Литейном проспекте, на Шпалерной происходили мелкие столкновения толпы с полицией. «То, что началось в Питере 23 февраля, — писал позднее Суханов, — почти никто не принял за начало революции... Казалось, что движение, возникшее в этот день, мало чем отличалось от движения в предыдущие месяцы. Такие беспорядки происходили перед глазами современников многие десятки раз».

24 февраля

24 говорили уже о десятках и даже сотнях тысяч бастующих, но кто мог это проверить? С утра рабочие старались проникнуть в центр города. У Литейного моста, несмотря на наряды полиции и казаков, десятки тысяч рабочих прорвались на Литейный проспект. На Невском появились кучки рабочих с женами и детьми — демонстрации имели вид праздничного гулянья, но нервозность в городе повы-

силась. Толпы собирались в разных местах города. На мостах были расставлены заставы, чтобы разорвать город на части. Демонстрации у Казанского моста, на Невском и на Знаменской площади, столкновения с полицией у Литейного проспекта, у Городской Думы и на Знаменской площади. На Невском, Суворовском и на Литейном демонстранты останавливают трамваи, отбирают пусковые ключи. Во второй половине дня движение трамваев прекратилось, исчезли и извозчики. Казаки рассеивают толпы, но настроены миролюбиво. По их адресу раздаются дружественные возгласы из толпы, они отвечают улыбками. В этот день, за подписью ген. Хабалова, было развешено по городу объявление, предостерегающее население в ближайшие дни не выходить на улицы — порядок будет восстановлен, если даже для этого придется прибегнуть к оружию; вызывающие беспорядки играют в руку врагов . . .

25 февраля

Предостережение Хабалова не имело желательных для власти результатов — 25 февраля движение во всем городе продолжало нарастать. Беспорядки в городе усиливались. Трамвайное движение совсем прекратилось — теперь уже не рабочие отнимали у вагоновожатых пусковые ключи, а сами вагоновожатые, бросив где попало трамвай, уносили ключи с собой — и трамваи замирали на месте. Черные толпы рабочих на Невском. От Казанского Собора к Адмиралтейству пройти нельзя — не пускают войска. Появились откуда-то самодельные красные знамена — видно, что все это произошло экспромтом. На

одном из знамен я увидел буквы «Р.С.Д.Р.П.». На другом стояло «Долой войну!» Но это второе вызвало в толпе протесты и оно сейчас же было снято. Помню это совершенно отчетливо. Очевидно, оно принадлежало либо большевикам, либо «между-районцам» (примыкавшим к большевикам), — и совсем не отвечало настроению толпы. Чем дальше, тем толпа двигалась увереннее и быстрее. Теперь мы все уже шли посередине мостовой. Это была та первая демонстрация февральских дней, которая закончилась первым кровавым столкновением на Знаменской площади — судьба захотела, чтобы я принял в ней участие. Проскакал мимо, вслед за толпой, отряд казаков — толпа посторонилась, отряд проскакал стороной улицы и не тронул манифестантов. Когда мы проходили мимо редакции газеты «День» (по правой стороне Невского), окна в верхних этажах открылись — из форточек и окон махали нам платками, полотенцами, что-то кричали, приветствовали. У самой Знаменской площади толпа загустела и почернела. Волна вынесла к самому памятнику Александра III. Из наших рядов вылез плотный бритый человек, вскарабкался на ступени памятника и обратился к толпе с речью. Я стоял совсем близко от него и хорошо его заметил, он был мне незнаком. Но через несколько дней я встретил его уже на заседании Совета Рабочих Депутатов и имел с ним дела — только тогда я узнал, что это был Гриневиц, неизвестный меньшевик-интернационалист. На площади в разных концах ее стояло несколько маленьких отрядов конных казаков, но они не проявляли агрессивных намерений против толпы. Один из этих отрядов вдруг двинулся с одного угла площади на другой — толпа охотно раздвинулась и пропустила от-

ряд, потом снова сомкнулась. Оратор продолжал что-то говорить . . . Видны были несколько красных маленьких флагов. Зацокали по камням подковы — со стороны Николаевского вокзала появился новый конный отряд — как я позднее узнал, то был отряд конной полиции, во главе его ехал плотно перетянутый ремнями в серой шинели офицер. Раздался предупредительный звук рожка. Другой . . . Вслед за ним хлопнул одиночный выстрел и раздался залп. Только потом я узнал, что первый выстрел был сделан одним из казаков и им был убит находившийся во главе конного полицейского отряда пристав Крылов. Вместе с толпой побежал и я — при этом потерял галошу. Оглянувшись назад, увидел на снегу палки, шляпы, галоши, — но людей на площади не было: площадь быстро была очищена от толпы, и толпа бросилась бежать в соседние улицы, которые вдруг показались очень узкими.

Эта демонстрация на Знаменской площади, во время которой был убит казаком полицейский пристав, — кажется, первая жертва революции со стороны правительства, произошла около трех часов. Как позднее установили мемуаристы и историки, этот выстрел из казачьей винтовки в полицейского пристава был едва ли не первым наступательным движением уличной революции.

Отсюда я отправился в Таврический Дворец. Улицы вокруг него кишели народом. Встречались небольшие отряды казаков, но они держались мирно, никого не разгоняли. Кое-где толпа приветствовала их — криками «Да здравствуют казаки!» Но казаки держались опасно и сдержанно.

Вечером этого дня в Городской Думе на Невском состоялось объединенное заседание общественных

организаций. Официально оно было созвано для обсуждения продовольственного положения в городе и для введения хлебных карточек, но фактически имело чисто политический характер. Выступали Шингарев, Керенский, Скобелев. Они резко протестовали против уличных расстрелов. Кончилось собрание принятием общей резолюции с требованием свободы собраний и слова. Думу окружала черная толпа — она облепила здание, примостилась на лестнице, все коридоры и комнаты были набиты народом. Все старались узнать, что происходит в самой Думе. От одного к другому передавали обрывки произнесенных речей. Вокруг была суета, о которой сейчас уже трудно отдать отчет. Одно было ясно: жизнь вышла из берегов, происходит нечто необычайное . . .

В этот вечер, как позднее стало известно, царь из Ставки отправил телеграмму Хабалову: «Приказываю прекратить завтра беспорядки в столице, недопустимые в такой серьезный момент, как война с Германией и Австрией» . . .

26 февраля

26 февраля, воскресенье. Солнечный зимний день. Яркое солнце, приятный легкий мороз, голубое небо и недавно выпавший мягкий снег создают праздничное настроение. Город с утра походит на развороченный муравейник. Улицы — тротуары и мостовые — во власти толпы. Все куда-то спешат в разных направлениях, кучки людей останавливаются, наспех обмениваются новостями. Все возбуждены, взволнованы, но не напуганы. Чувствую у себя и у прохожих, что мы все переживаем одно и то же

— и это нас соединяет. Это настроение я чувствовал в течение нескольких дней и не могу его определить иначе, как ощущение какого-то общего братства. Как будто пали обычные перегородки, отделявшие людей, — положением, состоянием, культурой, люди объединились и рады помочь друг другу — в большом и малом, быть может то было ощущение общего риска, которое соединяло всех. Случайные встречные разговаривали друг с другом, как давнишние приятели — дружески, доброжелательно, готовые прийти друг другу на помощь, если это даже связано с риском для жизни, в чем, вероятно, в ту минуту никто не отдавал себе отчета. Это ощущение братства было очень острым и вполне определенным — и никогда позднее я его не переживал с такой силой, как в эти незабываемые моменты, дни. То было воистину ощущение общего народного праздника.

**
*

Самое значительное событие этого дня — выступление Павловского полка, подробности которого стали известны лишь позднее. Это был первый — хотя и неудачный — переход войсковой части на сторону революции. И хотя он кончился неудачно, он имел большое политическое значение, так как пример павловцев вызвал подражания — самая весть об этом выступлении сыграла огромную революционизирующую роль в войсках. Произошло, как позднее стало известно, в Павловском полку следующее. Около 5-ти часов дня солдаты 4-й роты лейб-гвардии Павловского полка, разобрав имевшееся в распоряжении роты оружие (около 30 винтовок и не более сот-

ни патронов!), вышли на улицу из помещения роты и направились к Невскому. По дороге, на Екатерининском канале, они подверглись нападению конной полиции и, расстреляв все свои патроны, растерялись. Недостаток оружия и отсутствие организаторов заставило их вернуться в свою ротную казарму, где они забаррикадировались. Около семи часов вечера они были окружены войсками, вооруженными пулеметами. Ночью были обезоружены, из них 19 человек было арестовано и под усиленным конвоем отведено в Петропавловскую крепость, где и были заключены в Трубецкой бастион. Освобождены они были оттуда только 28-го, когда восставшими войсками и народом Петропавловская крепость была взята. Всё это, повторяю, стало известно лишь значительно позднее, но весть о «восстании Павловского полка» распространилась к вечеру 26-го очень широко — от одной интеллигентской группы к другой — при этом со ссылками почему-то то на Леонида Андреева, то на Шаляпина. Один из них жил поблизости Павловских казарм, был очевидцем происшедшего и затем раззвонил об этом по телефону по всему городу. Только поздно вечером слух этот оформился и укрепился.

Что делалось в этот день в Государственной Думе, не знаю. Кажется, даже не был в Таврическом дворце. Да и события явно уже отошли от Думы — жизнь шла на улицах.

**
*

26-го вечером на квартире у А. Ф. Керенского (на Тверской) по его приглашению состоялось совещание представителей некоторых левых общественных

группировок и организаций. Такого рода совещания за последние недели (или вернее — дни) происходили несколько раз и носили характер информационных собраний — формального характера они в смысле представительства не носили и имели целью лишь обмениваться сведениями о происходящем в Петрограде. Принимали в них участие — Н. Д. Соколов, А. Ф. Керенский, М. И. Скобелев, И. Юренев (член «междурайонного комитета», близкого к большевикам), П. Александрович (эсер), Г. Эрлих (бундист), Шляпников (член ЦК большевиков), А. В. Пешехонов, В. М. Зензинов, П. Гриневич (меньшевик-интернационалист), Н. Н. Суханов, Ерманский (меньшевик-интернационалист), М. Е. Березин (трудолик), С. Ф. Знаменский (трудолик). Таких «информационных совещаний» в предфевральские дни было четыре; три совещания происходили на квартире у М. Горького. Четвертое и последнее — состоялось на квартире у А. Ф. Керенского. Хочу подробнее на этом совещании остановиться, так как настроения участников его ярко отражали те настроения, которые тогда были характерны для различных политических групп.

По идее и задачам совещание это должно было иметь важное значение — оно претендовало некоторым образом как бы на роль генерального штаба революции, который должен был принять весьма ответственные решения. И несомненно, как бы ни преувеличивали сами собравшиеся своего удельного веса, они действительно могли оказать некоторое влияние на ход событий. Правда, организованной политической общественности в Петрограде в то время не существовало, но в вихре событий, среди возбужденных группировок и инициативных ячеек, при-

вычные формулировки, лозунги, а главное — партийные названия могли и должны были сыграть крупную и активную роль. Масса искала руководителей, жаждала, чтобы ее смутные желания были точнее сформулированы, были ей подсказаны. И присутствовавшие на совещании у А. Ф. Керенского, из которых каждый мог опубликовать заявление от имени какой-нибудь политической организации, могли действительно сыграть роль . . .

Я подробно останавливаюсь на этом моменте, во-первых, потому, что он кажется мне значительным, во-вторых, также и потому, что роль большевиков на нем была изумительна, для большинства неправдоподобна, невероятна!

«Собрание было довольно бурное», писал потом об этом совещании большевик Юренев. Я тоже помню, что споры у нас были горячие. Юренев и Александрович, которые в эти и последующие дни действовали в полном контакте и согласии с большевиками (недаром он при каждом удобном и неудобном случае подчеркивал свой «циммервальдизм», «интернационализм» и пораженчество), держали себя как-то вызывающе-заносчиво, как будто они были единственные настоящие социалисты, попавшие в общество либералов (в своих воспоминаниях Юренев откровенно противопоставляет «представителей нелегальных организаций», т. е. себя и Александровича, представителям «общественности» — в презрительных кавычках). Уж во всяком случае они чувствовали себя единственными подлинными представителями «пролетариата». Не помню точно высказываний Александровича (вряд ли вообще он был способен свои позиции отчетливо сформулировать); что же касается Юренева, то он занял какую-то удиви-

тельную позицию. В противовес всем остальным присутствовавшим, Юренев не только не проявлял никакого энтузиазма по поводу происходивших событий, но отравлял всех нас своим скептицизмом и неверием. «Нет и не будет никакой революции, — упрямо твердил он, — движение в войсках сходит на нет и надо готовиться к долгому периоду реакции . . .» А когда мы после оценки происходящего перешли к вопросу о том, что нам нужно делать, он заявил, что необходимо занять лишь наблюдательные позиции, отнюдь не стараясь самим развивать события. Мы (А. Ф. Керенский, Г. Эрлих и я) единодушно говорили о необходимости влиться в события, постараться воздействовать на движение, придать ему более определенный политический смысл и направление, добыть средства для создания техники по изданию листовок. Юренев твердо настаивал на позиции: «выжидать и наблюдать». При этом он особенно резко нападал на А. Ф. Керенского, упрекая его в «обычной, свойственной ему истеричности» и «обычном преувеличении». Мы утверждали, что волна идет вверх, что мы должны готовиться к решительным событиям; Юренев, считавший себя на более левом фланге, усиленно старался обливаться холодной водой. Для нас было ясно, что такова была позиция в тот момент не только его лично, но и большевистской петербургской организации. Юренев высказывался против форсирования событий, утверждал, что начавшееся движение не может иметь успеха, настаивая даже на необходимости успокоить взволнованные рабочие массы. Единственно, на что он соглашался, это на то, чтобы «Керенский использовал свои общественные связи и раздобыл денег для издания . . . информационного бюллетеня» (цитирую

его фразу буквально). И говорилось это с величайшим презрением к «либералу Керенскому». Таких же позиций в то время держался, как позднее выяснилось, и Н. Н. Гиммер (Суханов). Чем была тогда продиктована такая пассивная тактика большевиков, тогда я не понимал, но уверенно констатирую ее как факт. В те дни, когда началось уличное движение, всего более скептически отнеслись к успеху революции большевики. Сейчас эту странную позицию большевиков я могу объяснить только одним: начавшееся движение они не считали своим, движением «пролетариата», — в лучшем случае это было, по их мнению, начало «буржуазной» революции, которой они чурались. Только это может объяснить их странное поведение — это презрение к «буржуазной революции» многое определило в их позициях и в последующие дни.

Как раз в разгар наших споров раздался звонок и из передней ворвался в шубе Н. Д. Соколов. Еще из передней раздался его громкий голос: «Вы знаете, что произошло? . . .» А. Ф. Керенский перебил его словами — «Знаем, знаем — восстал Павловский полк . . .» — об этом нам только что сообщили по телефону (с ссылкой на Шалапина). Это и была та новость, с которой Н. Д. Соколов, так любивший первым сообщать о важных событиях, спешил на совещание. Надо было видеть его огорчение и разочарование, что не он был первым вестником важного события.

Совещание наше затянулось до поздней ночи. Когда через весь Петербург (с Тверской до Царскосельского вокзала) я возвращался домой, Петербург все еще имел взбудораженный вид. Всюду на перекрестках кучки митингующих — на Сергиевской, на

Литейном, на Владимирской, у Царскосельского вокзала. Особенно оживлен — несмотря на поздний ночной час — перекресток Невский-Литейный . . . И меня опять поразила эта уже подмеченная мною черта — незнакомые люди, случайно встретившиеся на минуту, с таким братским доверием относились один к другому, так охотно открывали друг другу сердца, что было очевидным: все в эту минуту переживали одно и то же — высокий, небывалый, ни с чем не сравнимый духовный праздник! . . . Кое-где горели огни — ночь была холодная — около них собирались кучки случайных встречных, обменивались новостями, рассказывали об отдельных эпизодах и личных приключениях, дружески прощались друг с другом и расходились в разные стороны. Полицейских нигде решительно не было видно, не было и войск, хотя отдельные солдаты в толпе теперь встречались в значительном количестве. Улица явно переходила во власть толпы . . . На совещании у Керенского мы только что единодушно отметили исчезновение филеров, следивших за нами раньше, и учли это, как отрадный признак.

(В. Зензинов, «Февральские дни», *Новый журнал*, Нью-Йорк, 1953, № 34-35)

Ген. А. С. ЛУКОМСКИЙ

НИКОЛАЙ II И СТАВКА В ПЕРВЫЕ ДНИ РЕВОЛЮЦИИ

25 февраля (10 марта) 1917 года была получена из Петрограда телеграмма от военного министра генерала Беляева, что на заводах в Петрограде объявлена забастовка, и что среди рабочих, на почве недостатка в столице продуктов, начинаются беспорядки. В телеграмме добавлено было, что меры к прекращению беспорядков приняты, и что ничего серьезного нет. В тот же день была получена вторая телеграмма от генерала Беляева, в которой сообщалось, что рабочие на улицах поют революционные песни, выкидывают красные флаги, и что движение разрастается. Заканчивалась телеграмма указанием, что к 26 февраля (11 марта) беспорядки будут прекращены.

26 февраля (11 марта) генерал Беляев и главный начальник Петроградского военного округа генерал Хабалов уже доносили, что некоторые из войсковых частей, вызванных для прекращения беспорядков, отказываются употреблять оружие против толпы и переходят на сторону бастующих рабочих. Генерал Беляев продолжал успокаивать, сообщая, что все меры для прекращения беспорядков приняты, и что он уверен, что они будут подавлены. Генерал Хабалов сообщал более тревожные данные и просил о присылке подкреплений, указывая на ненадежность петроградского гарнизона.

Председатель Государственной Думы М. В. Родзянко прислал очень тревожную телеграмму, указывая, что начинаются в войсках аресты офицеров, что войска переходят на сторону рабочих, что положение крайне серьезно, и что необходима присылка в Петроград надежных частей. Генерал Алексеев, после доклада Государю Императору, послал телеграммы главнокомандующим Северного и Западного фронтов с указанием немедленно приготовить для отправки в Петроград по одной бригаде пехоты с артиллерией и по одной бригаде конницы. Было указано во главе отправляемых бригад поставить энергичных генералов.

26 февраля (11 марта) вечером и утром 27 февраля (12 марта) были получены телеграммы от председателя Государственной Думы на имя Государя Императора, в которых в очень мрачных красках описывалось происходящее в Петрограде и указывалось, что единственный способ прервать революцию и водворить порядок — это немедленно уволить в отставку всех министров, объявить манифестом, что кабинет министров будет ответственен перед Государственной Думой и поручить сформирование нового кабинета министров какому-либо лицу, пользующемуся доверием общественного мнения. Генерал Алексеев доложил эти телеграммы Государю, который приказал вызвать генерал-адъютанта Н. И. Иванова и поручить ему отправиться в Петроград и принять руководство подавлением мятежа. Приказано было с генералом Ивановым послать какую-либо надежную часть. Генерал Алексеев вызвал генерала Иванова, передал ему приказание Государя и сказал, что вместе с ним из Могилева будет отправлен Георгиевский батальон. Насколько еще не придава-

лось серьезного значения происходящему в Петрограде, показывает, что с отправкой войск с Северного и Западного фронтов не торопились, а было приказано лишь «подготовить» войска к отправке.

27 февраля (12 марта) около двенадцати часов генерала Алексеева вызвал к прямому проводу Великий князь Михаил Александрович. Великий князь сообщил генералу Алексееву те же данные, которые были изложены в телеграммах председателя Государственной Думы, и просил начальника Штаба верховного главнокомандующего немедленно доложить Государю, что и он считает единственным выходом из создавшегося положения — срочно распустить нынешний состав Совета министров, объявить о согласии создать ответственное перед Государственной Думой правительство и поручить сформировать новый кабинет министров или председателю Всероссийского земского союза князю Львову, или председателю Государственной Думы Родзянко. Генерал Алексеев пошел с докладом к Государю Императору. Государь выслушал и сказал начальнику штаба, чтобы он передал Великому князю, что Государь его благодарит за совет, но что он сам знает, как надо поступить.

Вслед за этим была получена новая телеграмма — от председателя Совета министров. Князь Голицын, указывая, что события принимают катастрофический оборот, умолял Государя немедленно уволить в отставку весь состав министров. Он указывал, что вообще существующий состав министров теперь оставаться у власти не может, а нахождение в его составе Протопопова вызывает общее негодование и возмущение; что он считает единственно возможным спасти положение и даже спасти династию — толь-

ко тем, что Государь немедленно пойдет на уступки общественному мнению и поручит составить новый кабинет министров, ответственный перед законодательными палатами, или князю Львову, или Родзянко. Генерал Алексеев хотел эту телеграмму послать с офицером для передачи ее Государю через дежурного флигель-адъютанта. Но я сказал генералу Алексееву, что положение слишком серьезно и надо идти ему самому; что по моему мнению мы здесь не отдаем себе достаточного отчета в том, что делается в Петрограде; что, по-видимому, единственный выход — это поступить так, как рекомендуют Родзянко, Великий князь и князь Голицын; что он, генерал Алексеев, должен уговорить Государя. Генерал Алексеев пошел. Вернувшись минут через десять, генерал Алексеев сказал, что Государь остался очень недоволен содержанием телеграммы князя Голицына и сказал, что сам составит ответ.

— Но вы пробовали уговорить Государя согласиться на просьбу председателя Совета министров? Вы сказали, что и вы разделяете ту же точку зрения?

— Государь со мной просто не хотел и говорить. Я чувствую себя совсем плохо и сейчас прилягу. Если Государь пришлет какой-нибудь ответ — сейчас же придите мне сказать.

Действительно, у генерала Алексеева температура была более 39-ти градусов.

Часа через два ко мне в кабинет прибежал дежурный офицер и сказал, что в наше помещение идет Государь. Я пошел навстречу. Спускаясь с лестницы, я увидел Государя уже на первой площадке. Его величество спросил меня:

— Где генерал Алексеев?

— Он у себя в комнате; чувствует себя плохо и прилег. Прошу вас, Ваше императорское величество, пройти в ваш кабинет, а я сейчас позову генерала Алексеева.

— Нет, не надо. Сейчас же передайте генералу Алексееву эту телеграмму и скажите, что я прошу ее немедленно передать по прямому проводу. При этом скажите, что это мое окончательное решение, которое я не изменю, а поэтому бесполезно мне докладывать еще что-либо по этому вопросу.

Передав мне, как теперь помню, сложенный пополам синий телеграфный бланк, Государь ушел.

Я понес телеграмму начальнику штаба. Телеграмма была написана карандашом собственноручно Государем и адресована председателю Совета министров. В телеграмме было сказано, что Государь при создавшейся обстановке не допускает возможности производить какие-либо перемены в составе Совета министров, а лишь требует принятия самых решительных мер для подавления революционного движения и бунта среди некоторых войсковых частей петроградского гарнизона. Затем Государь указывает, что он предоставляет временно председателю Совета министров диктаторские права по управлению в империи вне района, подчиненного верховному главнокомандующему, а что кроме того в Петроград для подавления восстания и установления порядка командирован с диктаторскими полномочиями генерал-адъютант Иванов. Получилось в Петрограде два диктатора.

Я вновь просил генерала Алексеева идти к Государю и умолять его изменить решение; указать, что согласиться на просьбу, изложенную в трех аналогичных телеграммах, необходимо. После некоторых

колебаний начальник штаба пошел к Государю. Вернувшись, сказал, что Государь решения не меняет. Телеграмма была послана. Потом в Ставке говорили, что после получения телеграммы от председателя Совета министров Государь больше часу говорил по телефону. Особый телефон соединял Могилев с Царским Селом и с Петроградом. Так как председателю Совета министров Государем Императором была послана телеграмма, то все были уверены, что Государь говорил с императрицей, бывшей в это время в Царском Селе. До вечера из Петрограда было получено еще несколько телеграмм, указывавших, что положение становится все более и более серьезным. Главнокомандующему Северным фронтом было послано приказание немедленно, по подготовке частей, предназначенных к отправлению в Петроград, послать их по назначению.

Часов в 9 вечера, когда я сидел в своем кабинете, кто-то ко мне постучался и затем вошел дворцовый комендант генерал Воейков. Дворцовый комендант сказал мне, что Государь приказал немедленно подать литерные поезда* и доложить, когда они будут готовы; что Государь хочет сейчас же, как будут готовы поезда, ехать в Царское Село; причем он хочет выехать из Могилева не позже 11 часов вечера. Я ответил, что подать поезда к 11 часам вечера можно, но отправить их раньше 6 часов утра невозможно по техническим условиям: надо приготовить свободный пропуск по всему пути и всюду разослать телеграммы. Затем я сказал генералу Воейкову, что

---

* Литерными поездами назывались два поезда, отправляющиеся один за другим при царских поездках. В одном из поездов ехал Государь.

решение Государя ехать в Царское Село может привести к катастрофическим последствиям, что по моему мнению Государю необходимо оставаться в Могилеве, что связь между штабом и Государем будет потеряна, если произойдет задержка в пути; что мы ничего определенно не знаем, что делается в Петрограде и Царском Селе, и что ехать Государю в Царское Село опасно. Генерал Воейков мне ответил, что принятого решения Государь не изменит, и просил срочно отдать необходимые распоряжения. Я дал по телефону необходимые указания начальнику военных сообщений и пошел к генералу Алексееву, который уже лег спать. Разбудив его, я опять стал настаивать, чтобы он немедленно пошел к Государю и отговорил его от поездки в Царское Село. Я сказал, что если Государь не желает идти ни на какие уступки, то я понял бы, если б он решил немедленно ехать в Особую армию (в которую входили все гвардейские части), на которую можно вполне положиться; но ехать в Царское Село — это может закончиться катастрофой. Генерал Алексеев оделся и пошел к Государю. Он пробыл у Государя довольно долго и, вернувшись, сказал, что Его величество страшно беспокоится за императрицу и за детей и решил ехать в Царское Село. В первом часу ночи Государь проехал в поезд, который отошел в 6 часов утра 28 февраля (13 марта).

Утром 28 февраля (13 марта) была получена телеграмма от председателя Государственной Думы, в которой сообщалось, что революция в Петрограде в полном разгаре, что все правительственные органы перестали функционировать, что министры толпой арестовываются, что чернь начинает завладевать положением, и что комитет Государственной Думы, да-

бы предотвратить истребление офицеров и администрации и успокоить разгоревшиеся страсти, решил принять правительственные функции на себя; во главе комитета остается он — председатель Государственной Думы. С этого момента комитет Государственной Думы принял на себя, так сказать, управление революционным движением. Но параллельно с комитетом Государственной Думы образовался в Петрограде «Совет рабочих и солдатских депутатов», который фактически влиял на решения этого комитета. Поезд Государя дошел до станции Дно, но дальше его не пропустили — под предлогом, что испорчен мост. Государь хотел поехать через Бологое по Николаевской железной дороге, но не пустили и туда. Создалось ужасное положение: связь Ставки с Государем потеряна, а Государя явно не желают, по указанию из Петрограда, пропускать в Царское Село. Наконец, Государь решил ехать в Псков.

В Псков Государь прибыл к вечеру 1 (14) марта. Что, собственно, побудило Государя направиться в Псков, где находился Штаб главнокомандующего Северного фронта генерала Рузского, а не вернуться в Ставку в Могилеве? Объясняют это тем, что в бытность в Могилеве при начале революции он не чувствовал твердой опоры в своем начальнике штаба генерале Алексееве и решил ехать к армии на Северный фронт, где надеялся найти более твердую опору в лице генерала Рузского. Возможно, конечно, и это, но возможно и то, что Государь, стремясь скорее соединиться со своей семьей, хотел оставаться временно где-либо поблизости к Царскому Селу, и таким пунктом, где можно было иметь хорошую связь со Ставкой и Царским Селом, был именно Псков, где находился штаб Северного фронта.

Между тем, отправившийся из Могилева в Петроград с Георгиевским батальоном генерал Иванов благополучно 28 февраля (13 марта) прибыл в Царское Село. Поезд его никем задержан не был. По прибытии в Царское Село, генерал Иванов, вместо того, чтобы сейчас же высадить батальон и начать действовать решительно, приказал батальону не высаживаться, а послал за начальником гарнизона и комендантом города. В местных частях войск уже началось брожение и образовались комитеты; но серьезных выступлений еще не было. Кроме того, некоторые части, как Конвой Его Величества, так и Собственный Его Величества пехотный полк были еще в массе своей верны присяге. Слух о прибытии эшелона войск с фронта вызвал в революционно настроенных частях смущение; никто не знал, что направляется еще за этим эшелоном. Но скоро стало известным, что ничего, кроме этого единственного эшелона с фронта не ожидается.

Оставление Георгиевского батальона в поезде и нерешительные действия генерала Иванова сразу изменили картину. К вокзалу стали прибывать запасные части, квартировавшие в Царском Селе, и начали занимать выходы с вокзальной площади и окружать поезд с прибывшим эшелоном. Местные власти были совершенно растеряны и докладывали генералу Иванову, что они надеются поддержать порядок в Царском Селе; что высадку и какие-либо действия Георгиевского батальона они считают опасными. Если батальон высадится, то произойдет неизбежное столкновение с местными войсками, порядок будет нарушен, и царской семье будет угрожать опасность. Советовали генералу Иванову отправиться обратно. С подобными же совета-

ми и указаниями к генералу Иванову стали прибывать различные лица из Петрограда. После некоторых колебаний генерал Иванов согласился, чтобы его эшелон отправили на станцию Дно. Таким образом, из командировки генерала Иванова в Царское Село и Петроград с диктаторскими полномочиями ничего, кроме скандала, не получилось.

После отъезда Государя из Ставки, в течение 28 февраля (13 марта) и 1 (14) марта, события в Петрограде разворачивались с чрезвычайной быстротой. В Ставке мы получали из Петрограда одну телеграмму за другой, которые рисовали полный разгар революционного движения, переход почти всех войск на сторону революционеров, убийства офицеров и чинов полиции, бунт и убийства офицеров в Балтийском флоте, аресты всех мало-мальски видных чинов администрации. Волнения начались в Москве и других крупных центрах, где были расположены запасные батальоны. Пехотные части, отправленные с Северного фронта в Петроград, в Луге были встречены делегатами от местных запасных частей, стали сдавать свои винтовки и объявили, что против своих драться не будут.

От председателя Государственной Думы получались телеграммы, в которых указывалось, что против Государя в Петрограде страшное возбуждение, и что теперь уже совершенно недостаточно произвести смену министерства и образовать новое, ответственное перед Государственной Думой, а ставится вполне определенный вопрос об отречении Государя от престола; что это единственный выход из положения, так как в противном случае анархия охватит всю страну и неизбежен конец войны с Германией. В частности, относительно Петрограда указывалось,

что только отречение Государя от престола может предотвратить почти поголовное избиение офицеров гарнизона и во флоте и разрушение центральных административных аппаратов. М. В. Родзянко телеграфировал, что посылка войск с фронта ни к каким результатам не приведет, так как войска будут переходить на сторону революционных масс, и анархия будет только увеличиваться. Положение было действительно трудное. С самого начала, главным образом вследствие успокоительных телеграмм, получавшихся от военного министра генерала Беляева, не были приняты решительные и достаточные меры для подавления революционного движения, а к 1 (14) марта пожар разгорелся настолько сильно, что потушить его было нелегко.

Выход, конечно, был. Это немедленный отъезд Государя в район Особой армии и отправка в Петроград и Москву сильных и вполне надежных отрядов. Революционное движение и в этот период потушить было еще возможно. Но какой ценой? Представлялось совершенно неоспоримым, что посылка небольших частей из районов Северного и Западного фронтов никакого результата не даст. Для того же, чтобы организовать вполне достаточные и надежные отряды, требовалось дней 10—12 (пришлось бы некоторые дивизии снимать с фронта). За этот же период весь тыл был бы охвачен революцией и, наверно, начались бы беспорядки и в некоторых войсковых частях на фронте. Получалась уверенность, что пришлось бы вести борьбу и на фронте, и с тылом. А это было совершенно невозможно. Следовательно, решение подавить революцию силой оружия, залив кровью Петроград и Москву, не только грозило прекращением на фронте борьбы с врагом,

а было бы единственно возможным только именно с прекращением борьбы, с заключением позорного сепаратного мира. Последнее же было так ужасно, что представлялось неизбежным сделать все возможное для мирного прекращения революции — лишь бы борьба с врагом на фронте не прекращалась. Кроме того было совершенно ясно, что если бы Государь решил во что бы то ни стало побороть революцию силой оружия и это привело бы к прекращению борьбы с Германией и Австро-Венгрией, то не только наши союзники никогда этого не простили бы России, но и общественное мнение России этого не простило бы Государю. Это могло бы временно приостановить революцию, но она, конечно, вспыхнула бы с новой силой в самое ближайшее время — вероятно, в период демобилизации армии — и смела бы не только правительство, но и династию.

(А. С. Лукомский, *Воспоминания*, издательство Отто Кирхнер и Ко, Берлин, 1922, т. I)

В. В. ШУЛЬГИН

ОТРЕЧЕНИЕ И АРЕСТЫ ЦАРСКИХ МИНИСТРОВ

Я не помню точно, когда это было. Но это было в кабинете Родзянко. Я сидел против того большого зеркала, что занимает почти всю стену. Вся большая комната была сплошь набита народом. Беспомощные, жалкие, по стеночкам примостились на уже сильно за эти дни потрепанных креслах и красных шелковых скамейках — арестованные. Их без конца тащили в Думу. Целый ряд членов Государственной Думы только тем и занимались, что разбирались в этих арестованных. Как известно, Керенский дал лозунг: Государственная Дума не проливает крови. Поэтому Таврический дворец был прибежищем всех тех, кому угрожала расправа революционной демократии. Тех, кого нельзя было выпустить, хотя бы из соображений их собственной безопасности, направляли в так называемый «павильон министров», который гримасничающая судьба сделала «павильоном арестованных министров». В этом отношении между Керенским, который главным образом «ведал» арестным домом, и нами установилось некое соглашение. Мы видели, что он играет комедию перед революционным сбродом, и понимали цели этой комедии. Он хотел спасти всех этих людей. А для того, чтобы спасти, надо было делать вид, что хотя Государственная Дума не проливает крови, она «расправится» с виновными . . . .

Остальных арестованных (таковых было большинство), которых можно было выпустить, мы пере-

держивали вот тут, в кабинете Родзянко. Они обыкновенно сидели несколько часов, пока для них изготовлялись соответственные «документы». Кого тут только не было . . . .

Исполняя 1001 поручение, как и все члены Комитета, я как-то, наконец, выбившись из сил, опустился в кресло в кабинете Родзянко против того большого зеркала . . . . В нем мне была видна не только эта комната, набитая толкающимися и шныряющими во все стороны разными людьми, но видна была и соседняя, «кабинет Волконского», где творилось такое же столпотворение. В зеркале все это отражалось несколько туманно и несколько картинно . . . .

Вдруг я почувствовал, что из кабинета Волконского побежало особенное волнение, причину которого мне сейчас же шепнули:

— Протопопов арестован!

И в то же мгновение я увидел в зеркале, как бурно распахнулась дверь в кабинет Волконского и ворвался Керенский. Он был бледен, глаза горели, рука поднята . . . . Этой протянутой рукой он как бы резал толпу . . . . Все его узнали и расступились на обе стороны, просто испугавшись его вида. И тогда в зеркале я увидел за Керенским солдат с винтовками, а между штыками — тщедушную фигурку с совершенно затурканным, страшно съезжившимся лицом . . . . Я с трудом узнал Протопопова . . . .

— Не смей прикасаться к этому человеку!

Это кричал Керенский, стремительно приближаясь, бледный, с невероятными глазами, одной протянутой рукой разрезая толпу, а другой, трагически опущенной, указывая на «этого человека» . . . .

Этот человек был «великий преступник против революции» — «бывший» министр внутренних дел.

— Не смей прикасаться к этому человеку!

Все замерли. Казалось, он его ведет на казнь, на что-то ужасное. И толпа расступилась . . . . Керенский пробежал мимо, как горящий факел революционного правосудия, а за ним влекли тщедушную фигурку в помятом пальто, окруженную штыками . . . . Мрачное зрелище . . . .

Прорезав «кабинет Родзянки», Керенский с этими же словами ворвался в Екатерининский зал, битком набитый солдатами, будущими большевиками и всяким сбродом.

Здесь началась реальная опасность для Протопопова . . . . Здесь могли наброситься на эту тщедушную фигурку, вырвать ее у часовых, убить, растерзать, — настроение было накалено против Протопопова до последней степени.

Но этого не случилось. Пораженная этим странным зрелищем — бледным Керенским, влекущим свою жертву, — толпа раздалась перед ними . . . .

— Не смей прикасаться . . . к э т о м у человеку!

И казалось, что «этот человек» вовсе уже и не человек . . . .

И пропустили. Он прорезал толпу в Екатерининском зале и в прилегающих помещениях и довел до павильона министров . . . . А когда дверь павильона захлопнулась за ними — дверь охраняли самые надежные часовые — комедия, требовавшая сильного напряжения нервов, кончилась, Керенский бухнулся в кресло и пригласил «этого человека»:

— Садитесь, Александр Дмитриевич.

Протопопов пришел сам. Он знал, что ему угрожает, но он не выдержал «пытки страхом». Он предпочел скрыванию, беганию по разным квартирам, отдаться под покровительство Государственной Думы.

Он вошел в Таврический дворец и сказал первому попавшемуся студенту:

— Я Протопопов . . . .

Ошарашенный студент бросился к Керенскому, но по дороге разболтал всем, и к той минуте, когда Керенский успел явиться, вокруг Протопопова уже была толпа, от которой нельзя было ждать ничего хорошего. И тут Керенский нашелся. Он схватил первых попавшихся солдат с винтовками и приказал им вести за собой «этого человека».

В этот же день Керенский спас и другого человека, против которого было столько же злобы. Привели Сухомлинова. Его привели прямо в Екатерининский зал, набитый сбродом. Расправа уже началась. Солдаты набросились на него и стали срывать погоны. В эту минуту подоспел Керенский. Он вырвал старика из рук солдат и, закрывая собой, провел его в спасительный павильон министров. Но в ту минуту, когда он его впихивал за дверь, наиболее буйные солдаты бросились со штыками . . . . Тогда Керенский со всем актерством, на какое он был способен, вырос перед ними:

— Вы переступите через мой труп.

И они отступили . . . .

Эта мысль об отречении Государя была у всех, но как-то об этом мало говорили. Вообще же было только несколько человек, которые в этом ужасном сумбуре думали об основных линиях. Все остальные, потрясенные ближайшим, занимались тем, чем занимаются на пожарах: качают воду, спасают погибающих и пожитки, суетятся и бегают.

Мысль об отречении созревала в умах и сердцах как-то сама по себе. Она росла из ненависти к монарху, не говоря о всех прочих чувствах, которые день и ночь хлестала нам в лицо революционная толпа. На третий день революции вопрос о том, может ли царствовать дальше Государь, которому безнаказанно брошены в лицо все оскорбления, был уже, очевидно, решен в глубине души каждого из нас.

Обрывчатые разговоры были то с тем, то с другим. Но я не помню, чтобы этот вопрос обсуждался Комитетом Государственной Думы, как таковым. Он был решен в последнюю минуту.

В эту ночь он вспыхивал несколько раз по поводу этих узеньких ленточек, которые сворачивал в руках Родзянко, читая. Ужасные ленточки. Эти ленточки были нитью, связывавшей нас с той армией, о которой мы столько заботились, для которой мы пошли на все . . . . Весь смысл похода на правительство с 1915 года был один: чтобы армия сохранилась, чтобы армия дралась . . . . И вот теперь по этим ленточкам надо было решить, как поступить . . . . Что для нее сделать . . . .

Кажется, в четвертом часу ночи вторично приехал Гучков. Он был сильно расстроен. Только что рядом с ним в автомобиле убили князя Вяземского. Из каких-то казарм обстреляли «офицера» . . . .

И тут, собственно, это и решилось. Нас был в это время неполный состав. Были Родзянко, Миллюков, я — остальных не помню. Но помню, что ни Керенского, ни Чхеидзе не было. Мы были в своем кругу. И потому Гучков говорил совершенно свободно. Он сказал приблизительно следующее:

— Надо принять какое-нибудь решение. Положение ухудшается с каждой минутой. Вяземского убили только потому, что он офицер.... То же самое происходит, конечно, и в других местах. А если не происходит этой ночью, то произойдет завтра.... И идучи сюда я видел много офицеров в разных комнатах Государственной Думы: они просто спрятались сюда. Они боятся за свою жизнь.... Они умоляют спасти их.... Надо на что-то решиться.... На что-то большое, что могло бы произвести впечатление... Что дало бы исход.... Что могло бы вывести из ужасного положения с наименьшими потерями.... В этом хаосе, во всем, что делается, надо прежде всего думать о том, чтобы спасти монархию.... Без монархии Россия не может жить.... Но, видимо, нынешнему Государю царствовать больше нельзя.... Высочайшее повеление от его лица — уже не повеление: его не исполняют.... Если это так, то можем ли мы спокойно и безучастно дожидаться той минуты, когда весь этот революционный сброд начнет сам искать выхода.... И сам расправится с монархией.... Меж тем это неизбежно будет, если мы выпустим инициативу из наших рук.

Родзянко сказал:

— Я должен был сегодня утром ехать к Государю.... Но меня не пустили.... Они объявили мне, что не пустят поезда, чтобы я ехал с Чхеидзе и батальоном солдат....

— Я это знаю, — сказал Гучков. — Поэтому действовать надо иначе . . . . Надо действовать тайно и быстро, никого не спрашивая, ни с кем не советуясь . . . . Если мы сделаем по соглашению с «ними», то это непременно будет наименее выгодно для нас. Надо поставить их перед совершившимся фактом. Надо дать России нового Государя. Надо под этим новым знаменем собрать то, что можно собрать . . . Для отпора! . . . . Для этого надо действовать быстро и решительно . . . .

— То есть — точнее? — Что вы предполагаете сделать?

— Я предлагаю немедленно ехать к Государю и привезти отречение в пользу наследника . . . .

Родзянко сказал:

— Рузский телеграфировал мне, что он уже говорил об этом с Государем . . . . Алексеев запросил главнокомандующих фронтами о том же. Ответы ожидаются . . . .

— Я думаю, надо ехать, — сказал Гучков. — Если вы согласны, и если вы меня уполномочиваете, я поеду . . . . Но мне бы хотелось, чтобы поехал еще кто-нибудь . . . .

Мы переглянулись . . . . Произошла продолжительная пауза, после которой я сказал:

— Я поеду с вами . . . .

Мы обменялись еще всего несколькими словами. Я постарался уточнить: Комитет Государственной Думы признает единственным выходом в данном положении отречение Государя Императора, поручает нам двоим доложить об этом Его величеству и, в случае его согласия, поручает привезти текст отречения в Петроград. Отречение должно произойти в пользу

наследника-цесаревича Алексея Николаевича. Мы должны ехать вдвоем в полной тайне.

Я отлично понимал, почему я еду. Я чувствовал, что отречение случится неизбежно и чувствовал, что невозможно поставить Государя лицом к лицу с «Чхеидзе» . . . . Отречение должно быть передано в руки монархистов и ради спасения монархии.

Кроме того было еще и другое соображение. Я знал, что офицеров будут убивать именно за то, что они монархисты, за то, что они захотят исполнить свой долг присяги царствующему Императору до конца. Это, конечно, относится к лучшим офицерам. Худшие приспособятся. И вот для этих лучших надо было, чтобы сам Государь освободил их от присяги, от обязанности повиноваться ему. Он только один мог спасти настоящих офицеров, которые нужны были, как никогда. Я знал, что в случае отречения в наши руки революции как бы не будет. Государь отречется от престола по собственному желанию, власть перейдет к регенту, которого назначит новое правительство. Государственная Дума, подчинившаяся указу о роспуске и подхватившая власть только потому, что старые министры разбежались, — передаст эту власть новому правительству.

Юридически революции не будет.

В пятом часу ночи мы сели с Гучковым в автомобиль, который по мрачной Шпалерной, где нас останавливали какие-то посты и заставы, и по неузнаваемой, чужой, Сергиевской, довез нас до квартиры Гучкова. Там А. И. набросал несколько слов. Этот

текст был составлен слабо, а я совершенно был не способен его улучшить, ибо все силы были на исходе.

Чуть серело, когда мы подъехали к вокзалу. Очевидно, революционный народ, утомленный подвигами вчерашнего дня, еще спал. На вокзале было пусто. Мы пришли к начальнику станции. Александр Иванович сказал ему:

— Я — Гучков . . . . Нам совершенно необходимо по важнейшему государственному делу ехать в Псков . . . . Прикажите подать нам поезд . . . .

Начальник станции сказал: «Слушаюсь», и через двадцать минут поезд был подан.

Это был паровоз и один вагон с салоном и спальнями. В окна замелькал серый день. Мы, наконец, были одни, вырвавшись из этого ужасного человеческого круговорота, который держал нас в своем липком веществе в течение трех суток. И впервые значение того, что мы делаем, стало передо мной, если не во всей своей колоссальной огромности, которую в то время не мог охватить никакой человеческий ум, то, по крайней мере, в рамках доступности . . . .

В 10 часов вечера мы приехали. Поезд стал. Вышли на площадку. Голубоватые фонари освещали рельсы. Через несколько путей стоял освещенный поезд . . . Мы поняли, что это императорский . . . .

Сейчас же кто-то подошел . . . .

— Государь ждет вас . . . .

И повел нас через рельсы. Значит, сейчас все это произойдет. И нельзя отворотить?

Нет, нельзя.... Так надо.... Нет выхода.... Мы пошли, как идут люди на все самое страшное. Не совсем понимая.... Иначе не пошли бы....

Но меня мучила еще одна мысль, совсем глупая....

Мне было неприятно, что я являюсь к Государю небритым, в смятом воротничке, в пиджаке....

С нас сняли верхнее платье. Мы вошли в вагон.

Это был большой вагон-гостиная. Зеленый шелк по стенкам.... Несколько столов.... Старый, худой, высокий, желтовато-седой генерал с аксельбантами....

Это был барон Фредерикс.

— Государь-император сейчас выйдет.... Его величество в другом вагоне....

Стало еще безотраднее и тяжелее....

В дверях появился Государь.... Он был в серой черкеске.... Я не ожидал его увидеть таким....

Лицо?

Оно было спокойно....

Мы поклонились. Государь поздоровался с нами, подав руку. Движение это было скорее дружелюбно....

— А Николай Владимирович?

Кто-то сказал, что генерал Рузский просил доложить, что он немного опоздает.

— Так мы начнем без него.

Жестом государь пригласил нас сесть.... Государь занял место по одну сторону маленького четы-

реугольного столика, придвинутого к зеленой шелковой стене. По другую сторону столика сел Гучков. Я — рядом с Гучковым, наискось от Государя. Против царя был барон Фредерикс . . . .

Говорил Гучков. И очень волновался. Он говорил, очевидно, хорошо продуманные слова, но с трудом справлялся с волнением. Он говорил негладко . . . и глухо.

Государь сидел, опершись слегка о шелковую стену, и смотрел перед собой. Лицо его было совершенно спокойно и непроницаемо.

Я не спускал с него глаз. Он изменился сильно с тех пор . . . похудел . . . но не в этом было дело . . . . А дело было в том, что вокруг голубых глаз кожа была коричневая и вся разрисованная белыми черточками морщин. И в это мгновение я почувствовал, что эта коричневая кожа с морщинками, что это была маска, что это не настоящее лицо Государя, и что настоящее может быть редко кто видел, может быть иные никогда, ни разу не видели . . . .

Гучков говорил о том, что происходит в Петрограде. Он немного овладел собой . . . . Он говорил (у него была эта привычка), слегка прикрывая лоб рукой, как бы для того, чтобы сосредоточиться. Он не смотрел на Государя, а говорил, как бы обращаясь к какому-то внутреннему лицу, в нем же, Гучкове, сидящему. Как будто совести своей говорил.

Он говорил правду. Ничего не преувеличивая и ничего не утаивая. Он говорил то, что мы все видели в Петрограде. Другого он не мог сказать. Что делалось в России, мы не знали . . . . Нас раздавил Петроград, а не Россия . . . .

Государь смотрел прямо перед собою, спокойно,

совершенно непроницаемо. Единственное, что мне казалось, можно было угадать в его лице:

— Эта длинная речь — лишняя . . . .

В это время вошел генерал Рузский. Он поклонился Государю и, не прерывая речи Гучкова, занял место между бароном Фредериксом и мною . . . . В эту же минуту, кажется, я заметил, что в углу комнаты сидит еще один генерал, волосами черный, с белыми погонами . . . . Это был генерал Данилов.

Гучков снова заволновался. Он подошел к тому, что, может быть, единственным выходом из положения было бы отречение от престола.

Генерал Рузский наклонился ко мне и стал шептать:

— По шоссе из Петрограда движутся сюда вооруженные грузовики . . . . Неужели же ваши? Из Государственной Думы?

Меня это предположение оскорбило. Я ответил шепотом, но резко:

— Как это вам могло прийти в голову?

Он понял.

— Ну, слава Богу, простите . . . . Я приказал их задержать.

Гучков продолжал говорить об отречении . . . .

Генерал Рузский прошептал мне:

— Это дело решенное . . . . Вчера был трудный день . . . . Буря была . . . .

— . . . И помолясь Богу . . . — говорил Гучков . . . .

При этих словах по лицу Государя пробежало впервые что-то . . . . Он повернул голову и посмотрел на Гучкова с таким видом, который как бы выражал:

— Этого можно было бы и не говорить . . . .

Гучков кончил. Государь ответил. После взволнованных слов А. И. голос его звучал спокойно, просто и точно. Только акцент был немножко чужой — гвардейский:

— Я принял решение отречься от престола.... До трех часов сегодняшнего дня я думал, что могу отречься в пользу сына Алексея.... Но к этому времени я переменял решение в пользу брата Михаила.... Надеюсь, вы поймете чувство отца....

Последнюю фразу он сказал тише....

(В. В. Шульгин, *Дни*, из-во М. А. Суворина и Ко «Новое время», Белград, 1925)

В. Б. СТАНКЕВИЧ

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
СОВЕТА РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ
ДЕПУТАТОВ

В начале марта я вошел в состав Исполнительного Комитета, к полусерьезному, полущутливому негодованию Суханова, который находил, что здесь не место «геометрам и фортификаторам». В Комитете я представлял наиболее правую из допускающихся там групп — группу трудовиков. Весь март и апрель я был одним из усидчивых и постоянных посетителей заседаний, распроставшись, хотя и не без колебаний, со своей фортификацией. Фактически я ограничивался ролью только наблюдателя, так как после трех лет перерыва политическая работа была для меня слишком чужда и необычна.

В это время Исполнительный Комитет имел чрезвычайный вес и значение. Формально он представлял собой только Петроград, но фактически это было революционное представительство для всей России, высший авторитетный орган, к которому прислушивались отовсюду с напряженным вниманием, как к руководителю и вождю восставшего народа. Но это было полнейшим заблуждением. Никакого руководства не было, да и быть не могло.

Прежде всего, Комитет был учреждением, созданным наспех, и уже в формах своей деятельности имевшим множество чрезвычайных недостатков.

Заседания происходили каждый день с часу дня, а иногда и раньше, и продолжались до поздней ночи, за исключением тех случаев, когда происходили заседания Совета, и Комитет, обычно в полном составе, отправлялся туда. Порядок дня устанавливался обычно «миром», но очень редки были случаи, чтобы удалось разрешить не только все, но хотя бы один из поставленных вопросов, так как постоянно во время заседаний возникали экстренные вопросы, которые приходилось разрешать не в очередь. Между прочим, вопрос об организации работ Комитета ставился на очередь систематически ежедневно, но он получил свое разрешение лишь к концу апреля, т. е. ко времени, когда влияние Комитета стало заметно падать. Вопросы приходилось разрешать под напором чрезвычайной массы делегатов и ходоков как из петроградского гарнизона, так и с фронтов и из глубины России, причем все делегаты добивались во что бы то ни стало быть выслушанными в пленарном заседании Комитета, не довольствуясь ни отдельными членами его, ни комиссиями. В дни заседаний Совета или солдатской секции дела приходили в катастрофическое расстройство.

Пробовали было провести разделение труда устройством разных комиссий. Но это мало помогло делу, так как центр тяжести по-прежнему лежал на пленуме, хотя бы потому, что комиссиям некогда было заседать, ввиду перманентности заседаний Комитета. Важнейшие решения принимались часто совершенно случайным большинством голосов. Обдумывать было некогда, ибо все делалось второпях, после ряда бессонных ночей, в суматохе. Усталость физическая была всеобщей. Недоспанные ночи. Бесконечные заседания. Отсутствие правильной еды — пита-

лись хлебом и чаем и лишь иногда получали солдатский обед в мисках без вилок и ножей.

Технические недочеты, неспособность или невозможность организовать правильную работу, увеличились политической дезорганизованностью, а вначале — и соотношением личных сил. Главенствующее положение в Комитете все время занимали социал-демократы различных толков. Н. С. Чхеидзе — незаменимый, энергичный, находчивый и остроумный председатель, но именно только председатель, а не руководитель Совета и Комитета: он лишь оформлял случайный материал, но не давал содержания. Впрочем, он был нездоров и потрясен горем — смертью сына. Я часто улавливал, как он сидел на заседании, устремив с застывшим напряжением глаза вперед, ничего не видя, не слыша. Его товарищ — М. И. Скобелев, всегда оживленный, бодрый, словно притворявшийся серьезным. Но Скобелева редко можно было видеть в Комитете, так как ему приходилось очень часто разъезжать для тушения слишком разгоревшейся революции в Кронштадте, Свеаборге, Выборге, Ревеле . . . Н. Н. Суханов, старавшийся руководить идейной стороной работ Комитета, но не умевший проводить свои стремления через светливую и неряшливую технику собраний и заседаний. Б. О. Богданов, полная противоположность Суханову, сравнительно легкомысленно относившийся к большим принципиальным вопросам, но зато бодро барахтавшийся в груде деловой работы и организационных вопросов и терпеливее всех высиживавший на всех заседаниях солдатской секции Совета. Ю. М. Стеклов, изумлявший работоспособностью, умением пересидевать всех на заседаниях и, кроме того, редактировать советские «Известия» и упорно

гнувший крайне левую, непримиримую или, вернее сказать, трусливо-революционную линию. К. А. Гвоздев, выделявшийся рассудительной практичностью и государственной хозяйственностью своих выводов и негодовавший, что жизнь идет так нерасчетливо-сумбурно; встревоженно, с недоумением, наконец, с негодованием смотревший, как его товарищи рабочие стали так недальновидно проматывать богатства страны. М. И. Гольдман (Либер), яркий, неотразимый аргументатор, направлявший острие своей речи неизменно налево. Н. Д. Соколов, как-то странно не попадавший в такт и тон событий и старавшийся не показать виду, что он сам понимает и видит это не хуже, а, может быть, лучше других. Г. М. Эрлих, которого я более всего помню окруженным толпой делегатов перед дверьми Комитета.

Потом к ним присоединились: Дан, воплощенная догма меньшевизма, всегда принципиальный и поэтому никогда не сомневавшийся, не колебавшийся, не восторгавшийся и не ужасавшийся — ведь все идет по закону, — всегда с запасом бесконечного количества гладких законченных фраз, которые одинаково укладывались и в устной речи, и в резолюциях, и в статьях, в которых есть все, что угодно, кроме действия и воли. Все делает история — для человека нет места. И. Г. Церетели, полный страстного горения, но всегда ровный, изящно-сдержанный и спокойный идеолог, руководитель и организатор Комитета, отдававший напряженной работе остатки надорванного здоровья. Но все это были марксисты.

Народники не дали для Комитета ничего похожего, даже когда появились их первоклассные силы — А. Р. Гоц, В. М. Чернов, И. И. Бунаков, В. М. Зензинов. Они все время предпочитали держаться в сто-

роне, скорее присматриваясь к Комитету, чем руководя им. Народные социалисты — В. А. Мякотин, А. В. Пешехонов — старательно подчеркивали свою чужеродность в Комитете. Из трудовиков только Л. М. Брамсон, организатор и руководитель финансовой комиссии, а впоследствии комиссии по Учредительному Собранию, оставил очень значительный след в деловой работе Комитета. Усиленно выдвигали меня, как офицера с некоторым техническим знанием и вместе с тем давно участвовавшего в общественной работе. И, несомненно, передо мной были большие возможности в смысле влияния на работы Комитета. Но я был оглушен событиями и, ярко воспринимая их, не нашел способности реагировать на них. В одинаковом со мною положении был, кажется, и С. Ф. Знаменский, тоже офицер и представитель трудовиков.

Большевики в Комитете были вначале представлены, главным образом, М. Н. Козловским и П. И. Стучкой. Один — короткий, полный, другой — длинный, сухой, но оба одинаково желчные, злые и, как нам казалось, тупые . . . Противоположностью им явился потом Каменев, отношения которого со всеми были так мягки, что, казалось, он сам стыдился непримиримости своей позиции; в Комитете он был, несомненно, не врагом, а только оппозицией. Больше всех производил впечатление большевик-рабочий, П. А. Залуцкий. Чрезвычайно мягкий, даже милый, но всегда печальный и озабоченный, как если бы кто-либо из близких был долго и безнадежно болен.

Военные вначале были представлены В. Н. Филипповским и несколькими солдатами. Филипповский присидел первые трое суток революции в Тав-

рическом Дворце, ни на минуту не смыкая глаз, и с тех пор стал неизменной принадлежностью Комитета и эсеровской фракции. Солдаты были выбраны на одном из первых солдатских собраний, причем, естественно, попали наиболее истерические, крикливые и неуравновешенные натуры, которые в результате ничего не давали Комитету, не пользовались никаким влиянием в гарнизоне и даже в своих собственных частях. Потом, после дополнительных выборов, в Комитет вошел ряд новых представителей с Завадьей и Бинасиком во главе. Последние добросовестно, насколько в силах, старались справиться с морем военных дел. Но оба бывшие, кажется, мирными писарями в запасных батальонах, никогда не интересовавшимися ни войной, ни армией, ни политическим переворотом, были только наиболее ярким доказательством, насколько условно можно воспринимать утверждения, что Исполнительный Комитет руководил революцией.

Поражающей чертой в личном составе Комитета является значительное количество инородческого элемента. Евреи, грузины, латыши, поляки, литовцы, — были представлены совершенно несоразмерно их численности в Петрограде и в стране. Было ли это нездоровой пеной русской общественности, поднятой гребнем народного движения затем, чтобы раз навсегда быть выброшенной из недр русской жизни? Или это следствие грехов старого режима, который насильственно отметал в левые партии инородческие элементы? Или это просто результат свободного соревнования — ведь Бинасик и Завадьа были выбраны всем гарнизоном, где всякий мог свободно оспаривать их место . . . Ведь латышские батальоны, впоследствии ставшие опорой советского режима, были

до революции одними из наиболее доблестных и стойких частей русской армии вообще . . . Как-никак, эти инородцы для того времени выражали и настроения русских солдатских и рабочих масс, которые не нашли представителей, более точно выражающих их правду. И, во всяком случае, остается открытым вопрос, кто более виноват — те инородцы, которые там были, или те русские, которых там не было, хотя могли быть. Но факт этот сам по себе имел громадное влияние на склад общественных настроений и симпатий.

*
*
*

В общем историю Комитета в организационном и личном отношении следует разделить на два периода: до и после приезда Церетели. Первый период был периодом полным случайности, колебаний и неопределенности, когда всякий, кто хотел, пользовался именем и организацией Комитета, и более всего это удавалось Стеклову, наиболее талантливому, усидчивому и солидному члену Комитета. Это — период сумбура, когда были возможны случаи, что заседания Комитета, правда, по маловажным вопросам, происходили в составе одних интернационалистов и большевиков, под председательством Стеклова.

В результате получались «забавные» случаи. Например, однажды каким-то способом, чуть ли не благодаря вниманию барышни-регистраторши, было задержано письмо на бланке Комитета с печатью к крестьянам какого-то села, которым давалось полномочие «социализировать» соседнее помещичье имение. Несмотря на весь радикализм в социальных вопросах, весь Комитет был до глубины души возму-

щен этим случаем. Произвели специальное расследование, и оказалось, что такие письма выдавал член аграрной комиссии, эсер Александровский, считавший себя вправе проводить свои тенденции и взгляды от имени Комитета. Но зачем брать такие мелкие примеры? Сами советские «Известия», в сущности, были не чем иным, как таким письмом Александровского. В общем тоне статей, в подборе хроники, в том, что помещалось и что не помещалось, в печатках, наконец, — везде чувствовалась рука редактора и его помощников, проводящих свои взгляды, но отнюдь не взгляды Комитета. И громадным большинством Комитета «Известия» воспринимались, как нечто чуждое, как безобразие. Но некому было об этом подумать и некому было приискать какой-нибудь выход из положения. Но когда я составил формальное заявление с протестом против всего направления «Известий», то под ним подписались сразу все лидеры Комитета, до Суханова включительно, и Стеклов был без сожаления смещен. Такое положение дел приводило к тому, что хотя официально Комитет поддерживал правительство, и большинство постоянно настаивало на незыблемости этой позиции, — тем не менее, Комитет сам расшатывал авторитет правительства своими случайными мерами, необдуманными шагами. Для предотвращения недоразумений была образована особая делегация Комитета, которая раза два в неделю ходила в Мариинский Дворец беседовать с правительством... Но что могла сделать эта делегация, если в то время, как она беседовала и приходила к полному единодушию с министрами, десятки Александровских рассылали письма, печатали статьи в «Известиях», разъезжали от имени Комитета делегата-

ми по провинции и в армии, принимали ходяков в Таврическом Дворце, каждый выступая по-своему, не считаясь ни с какими разговорами, инструкциями или постановлениями и решениями. В конечном счете в Комитете всегда всего можно было добиться, если только упорно настаивать. И в этом смысле Комитет руководился и определялся не теми, кто в нем сидел и решал вопросы, а теми, кто к нему обращался.

Резко изменился характер Комитета с появлением Церетели. Вошел он туда в качестве члена 2-й Думы только с совещательным голосом. В первый день он скромно отказался высказать свое мнение, так как еще не присмотрелся к обстановке. На следующий день он произнес пространную речь, словно нащупывая позицию, причем не угодил ни левым, так как он явно тянул в сторону компромисса и соглашения с правительством, ни правым, так как речь его во многих отношениях дышала еще нетронутым «сибирским» интернационализмом. На третий день Церетели явился уверенным в себе вождем Комитета и Совета и, в принципе сохраняя интернационалистические тенденции, на практике резко проводил оборонческую линию поведения и линию органического сотрудничества и поддержки правительства. С большой грудью, часто теряя от напряжения голос, с болезненно воспаленным лицом и глазами, — он спокойно, уверенно и смело вел Комитет, который сразу из сборища случайных людей превратился в учреждение, в орган. Но поразительно, как раз в момент, когда Комитет организовался, когда в нем выделились и начали функционировать отделы, когда ответственность за работы взяло на себя бюро, избранное только из оборонческих партий, — словом,

когда Комитет научился управлять собой, — как раз в это время он выпустил из рук руководство массой, которая ушла в сторону от него.

При оценке работ Комитета надо, конечно, иметь в виду и общее положение всех членов его, столкнувшихся впервые с целой массой существеннейших и сложнейших вопросов. Однажды, когда командир одного из корпусов пятой армии стал мне жаловаться на тяжелое положение командного состава при новых порядках, я ответил ему:

— Это трагедия не только командного состава, но всей интеллигенции. Положение командира корпуса, вынужденного командовать солдатами при наличии комитетов, не тяжелее положения Церетели, вернувшегося из каторги и ставшего министром.

Все были словно люди, долго находившиеся в темноте и вышедшие на свет, и теперь беспомощно наталкивающиеся друг на друга и на окружающую обстановку. Новые вопросы нахлынули в таком изобилии и в таком никогда еще не бывалом виде, что громадное большинство, все, кто не придерживался слепо какой-нибудь догмы или канона, а хотел действовать сообразно обстоятельствам, было сбито с толку и часто по несколько раз вынуждено было менять мнение по одному и тому же вопросу, даже не будучи в состоянии уяснить степень и существо своего противоречия. Ведь действовать приходилось в условиях тягчайшей войны, при общей разрухе на фоне со всех сторон подступающей, кричащей, угрожающей массы, которая сегодня встречает овациями Родзянко, а завтра — Плеханова, послезавтра Ле-

нина. Что делать с арестованным царем, что делать с заключенными министрами; можно ли позволить правой печати выходить в свет, нужно ли отменить смертную казнь, как поступить с национальными требованиями, как организовать выборы в Учредительное Собрание, как заставить солдат повиноваться командному составу, как разрешить аграрный вопрос? Как организовать правительство? А главное и основное: как быть с войной? Ведь и теперь, быть может, нет двух людей одного и того же класса и одной и той же партии, которые ответили бы одинаково на все эти вопросы. Тогда же их приходилось решать в обстановке, которую я пытался изобразить, и решать людям, которые ни разу не имели возможности прикоснуться к административному аппарату России. Ведь многие из членов Комитета лишь после революции впервые увидели генерала не в качестве объекта террористического покушения и не как субъекта административных репрессий. Теперь же приходилось сталкиваться с этими же генералами относительно того, как быть с армией, как быть с фронтом и как быть с войной.

(В. Б. Станкевич, *Воспоминания 1914—1919 гг.*, из-во И. Ладыжникова, Берлин, 1920)

В. Д. НАБОКОВ

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО
И ЕГО МИНИСТРЫ

(Керенский, Львов, Гучков, Коновалов, Миллюков)

Заседания Временного правительства неизменно начинались с очень большим запаздыванием. Министры приходили в заседание всегда до последней степени утомленные. Работа каждого из них, конечно, превышала нормальные человеческие силы. В заседаниях часто рассматривались очень специальные вопросы, чуждые большинству, и министры часто полудремали, чуть-чуть прислушиваясь к докладу. Оживленные и страстные речи начинались только в закрытых заседаниях, а также в заседаниях с «контактной комиссией» Исполнительного Комитета Совета рабочих и солдатских депутатов.

Мне хотелось бы здесь свести мои впечатления, как о Керенском, так и о других членах Временного правительства. Я не собираюсь давать им исчерпывающую характеристику: для этого у меня, прежде всего, нет достаточного материала. Но, как-никак, я встречался со всеми этими людьми ежедневно в течение двух месяцев; я видел их в очень важные и ответственные минуты, я мог пристально наблюдать их, а потому полагаю, даже и отрывочные мои впечатления не лишены некоторого интереса и могут, со временем, когда эти мои заметки, в том или дру-

гом виде, будут использованы, войти в общую массу исторических материалов о русской революции и ее деятелях. Начну с Керенского.

В большой публике его стали замечать только со времени его выступлений в Госуд. Думе. Там он в силу партийных условий фактически оказался в первых рядах и, так как он во всяком случае был головой выше той серой компании, которая его в Думе окружала, — так как он был недурным оратором, порою даже очень ярким, а поводов к ответственным выступлениям было сколько угодно, то, естественно, что за четыре года его стали узнавать и замечать. При всем том, настоящего, большого, общепризнанного успеха он никогда не имел. Никому бы не пришло в голову поставить его, как оратора, рядом с Маклаковым или Родичевым, или сравнить его авторитет, как парламентария, с авторитетом Милюкова или Шингарева. Партия его в четвертой Думе была незначительной и маловлиятельной. Позиция его по вопросу о войне была, в сущности, чисто циммервальдовской. Все это далеко не способствовало образованию вокруг его имени какого-либо ореола. Он это чувствовал и, так как самолюбие его — огромное и болезненное, а сомнение — такое же, то, естественно, что в нем очень прочно укоренились такие чувства к своим выдающимся политическим противникам, с которыми довольно мудрено было совместить стремление к искреннему и единодушному сотрудничеству. Я могу удостоверить, что Керенский не пропускал случая отозваться о Милюкове с недоброжелательством, иронией, иногда с настоящей ненавистью. При всей болезненной гипертрофии своего сомнения, он не мог не сознавать,

что между ним и Милюковым — дистанция огромного размера.

Милюков вообще был несоизмерим с прочими своими товарищами по кабинету, как умственная сила, как человек огромных, почти неисчерпаемых знаний и широкого ума. Я ниже постараюсь определить, в чем были недостатки его, по моему мнению, как политического деятеля. Но он имел одно огромное преимущество: позиция его по основному вопросу, — тому вопросу, от решения которого зависел весь ход революции, вопросу о войне, — позиция эта была совершенно ясна и определена и последовательна, тогда как позиция «заложника демократии» была и двусмысленной и недоговоренной и, по существу, ложной. В Милюкове не было никогда ни тени мелочности, тщеславия, — вообще, личные его чувства и отношения в ничтожнейшей степени отражались на его политическом поведении; оно ими никогда не определялось. Совсем наоборот у Керенского. Он весь был соткан из личных импульсов.

Трудно даже себе представить, как должна была отражаться на психике Керенского та головокружительная высота, на которую он был вознесен в первые недели и месяцы революции. В душе своей он все-таки не мог не сознавать, что все это преклонение, идолизация его — не что иное, как психоз толпы, — что за ним, Керенским, нет таких заслуг и умственных или нравственных качеств, которые бы оправдывали такое истерически-восторженное отношение. Но несомненно, что с первых же дней душа его была «ушиблена» той ролью, которую история ему — случайному, маленькому человеку — навязала, и в которой ему суждено было так бесславно и бесследно провалиться.

С болезненным тщеславием в Керенском соединялось еще одно неприятное свойство: актерство, любовь к позе и, вместе с тем, ко всякой пышности и помпе. Актерство его, я помню, проявлялось даже в тесном кругу Временного правительства, где, казалось бы, оно было особенно бесполезно и нелепо, так как все друг друга хорошо знали и обмануть не могли... До самого конца он совершенно не отдавал себе отчета в положении. За четыре-пять дней до октябрьского большевистского восстания, в одно из наших свиданий в Зимнем дворце, я прямо спросил, как он относится к возможности большевистского выступления, о котором тогда все говорили. «Я был бы готов отслужить молебен, чтобы такое выступление произошло», — ответил он мне. «А уверены ли Вы, что сможете с ним справиться?» — «У меня больше сил, чем нужно. Они будут раздавлены окончательно».

Единственная страница из всей печальной истории пребывания Керенского у власти, дающая возможность смягчить общее суждение о нем, это его роль в деле последнего нашего наступления (18 июня). В своей речи на московском совещании я указал на эту роль в выражениях, быть может, даже преувеличенных. Но несомненно, что в этом случае в Керенском проявилось подлинное горение, блеснул патриотический энтузиазм, — увы! слишком поздно...

Теперь перехожу к другому лицу, на которого вся Россия возлагала такие колоссальные ожидания и которых он не оправдал.

Я знал кн. Г. Е. Львова со времени 1-й Думы. Хотя он числился в рядах партии народной свободы, но я не помню, чтобы он принимал сколько-нибудь

деятельное участие в партийной жизни, в заседаниях фракции или Центрального Комитета. Думаю, что не погрешу против истины, если скажу, что у него была репутация чистейшего и порядочнейшего человека, но не выдающейся политической силы.

Задача министра-председателя в первом Временном правительстве была действительно очень трудна. Она требовала величайшего такта, умения подчинять себе людей, объединить их, руководить ими. И, прежде всего, она требовала строго определенного, систематически осуществляемого плана. В первые дни после переворота авторитет Временного правительства и самого Львова стоял очень высоко. Надо было воспользоваться этим обстоятельством, прежде всего, для укрепления и усиления власти. Надо было понять, что все разлагающие силы наготове начать свою разрушительную работу, пользуясь тем колоссальным переворотом в психологии масс, которым не мог не сопровождаться политический переворот, так совершенный и так развернувшийся. Надо было уметь найти энергичных и авторитетных сотрудников, и либо самому отдаться всецело Министерству Внутренних Дел, либо — раз оказывалось невозможным по-настоящему совмещать обязанности министра внутренних дел с ролью премьера — найти для первой должности настоящего заместителя.

То обстоятельство, что Министерство Внутренних Дел — другими словами, в с е у п р а в л е н и е, в с я п о л и ц и я — осталось совершенно неорганизованным, сыграло очень большую роль в общем процессе разложения России. В первое время была какая-то странная вера, что все как-то само собою образуется и пойдет правильным, организованным

путем. Подобно тому, как идеализировали революцию («великая», «бескровная»), идеализировали и население. Имели, например, наивность думать, что огромная столица, со своими подонками, со всегда готовыми к выступлению порочными и преступными элементами, может существовать без полиции или же с такими безобразными и нелепыми суррогатами, как импровизированная, щедро оплачиваемая милиция, в которую записывались и профессиональные воры и беглые арестанты. Всероссийский поход против городских и жандармов очень быстро привел к своему естественному последствию. Аппарат, хоть кое-как, хоть слабо, но все же работавший, был разбит вдребезги. Городовые и жандармы во множестве пошли на пополнение большевистских рядов. И постепенно в Петербурге и в Москве начала развиваться анархия. Рост ее сразу страшно увеличился после большевистского переворота. Но сам переворот стал возможным и таким удобоисполнимым только потому, что исчезло сознание существования власти, готовой решительно отстаивать и охранять гражданский порядок.

Было бы, конечно, в высшей степени несправедливо возлагать всю ответственность за совершившееся на кн. Львова. Но одно должно сказать, как бы сурово ни звучал такой приговор: кн. Львов не только не сделал, но даже не попытался сделать что-нибудь для противодействия все растущему разложению. Он сидел на козлах, но даже не пробовал собрать вожжи. Сколько я пережил мучительных заседаний, в которых с какою-то неумолимой ясностью выступали наружу все бессилие Временного правительства, разногласица, внутренняя несогласованность, глухая и явная вражда одних к другим, и я

не помню ни одного случая, когда бы раздался со стороны министра-председателя властный призыв, когда бы он высказался решительно и определенно. При всем том, кн. Львов был осаждаем буквально с утра до вечера. Бесперывно несся поток срочных телеграмм со всех концов России с требованием указаний, разъяснений, немедленного осуществления безотлагательных мер. К Львову обращались по всевозможным поводам, серьезным и пустым, — бесперывно вызывали его по телефону, приезжали к нему в министерство и в Мариинский дворец. Первоначально я пытался установить часы для ежедневного своего доклада и получения всех нужных указаний, но очень скоро убедился, что эти попытки совершенно тщетны, а в редких случаях, когда их удавалось осуществлять, они оказывались и совершенно бесполезными. Никогда не случалось получить от него твердого, определенного решения, скорее всего он склонен бывал согласиться с тем решением, которое ему предлагали. Я бы сказал, что он был воплощением наивности. Не знаю, было ли это сознательной политикой или результатом ощущения своего бессилия, но казалось иногда, что у Львова какая-то мистическая вера, что все образуется как-то само собой. А в иные моменты мне казалось, что у него совершенно безнадежное отношение к событиям, что он весь проникнут сознанием невозможности повлиять на их ход, что им владеет фатализм, и что он только для внешности продолжает играть ту роль, которая — помимо всякого с его стороны желания и стремления — выпала на его долю.

В избрании Львова для занятия должности министра-председателя — и в отстранении Родзянко — деятельную роль сыграл Миллюков, и мне при-

шло в последствии слышать от П. Н., что он нередко ставил себе мучительный вопрос, не было ли бы лучше, если бы Львова оставили в покое и поставили Родзянко, человека, во всяком случае, способного действовать решительно и смело, имеющего свое мнение и умеющего на нем настаивать.

Тяжелое впечатление производило на меня и отношение Львова к Керенскому. Мои помощники по канцелярии нередко им возмущались, усматривая в нем недостаточное сознание своего достоинства, как главы правительства. Часто было похоже на какое-то робкое заискивание. Конечно, здесь не было никаких личных мотивов. У кн. Львова абсолютно они отсутствовали, он чужд был честолюбия и никогда не цеплялся за власть. Я думаю, он был глубоко счастлив в тот день, когда освободился от ее бремени. Тем удивительнее, что он не умел использовать тот нравственный авторитет, с которым он пришел к власти. Тонем власть имеющего говорил во Временном правительстве не он, а Керенский . . .

В естественной последовательности мне приходится теперь говорить о Гучкове, — но это мне всего труднее.

Прежде всего, я очень мало мог наблюдать Гучкова в составе Временного правительства. Значительную часть времени он отсутствовал, занятый поездками на фронт и в Ставку. Потом — в середине апреля — он хворал. Но главное: во все время его пребывания в должности военного и морского министра он был для внешнего наблюдения почти непроницаем. Теперь, оглядываясь назад на это безумное время, я склонен думать, что Гучков с самого начала в глубине души считал дело проигранным и оставался только для очистки совести. Во всяком случае,

ни у кого не звучала с такой силой, как у него, нота глубочайшего разочарования и скептицизма, поскольку вопрос шел об армии и флоте. Когда он начинал говорить своим негромким и мягким голосом, смотря куда-то в пространство своими косыми глазами, меня охватывала жуть, сознание какой-то полной безнадежности. Все казалось обреченным.

Первое заседание, всецело посвященное вопросу о положении на фронте, было, должно быть, 7 марта, вечером того дня, когда заседания Временного правительства были перенесены в Мариинский дворец. Я могу восстановить эту дату потому, что в этом заседании решено было составить то воззвание к армии и к населению, которое появилось 10 марта. Оно было поручено мне, написано мною на другой день, 8-го, обсуждалось в дневном заседании 9-го и было принято почти без изменений. . . Я помню, что в этом заседании сказались две точки зрения на значение происшедших событий для военных наших операций. Одна была та, которая официально высказывалась в речах и сообщениях: согласно этой точке зрения, устанавливалась причинная связь между плохим ведением войны царским правительством и революцией. В революции как бы концентрировался взрыв протеста против бездарного, неумелого, изменнического поведения этого царского правительства. Революция должна была все это изменить, она должна была создать более полную, более искреннюю и потому более плодотворную силу, связь между нами и великими европейскими демократиями, нашими союзниками. С этой точки зрения революция могла рассматриваться как положительный фактор в деле ведения войны. Предполагалось, что командный состав будет обновлен, что найдутся даровитые

и энергичные генералы, что дисциплина быстро восстановится. Должен с грустью сказать, что наши партийные взгляды все время стремились поддерживать этот официальный оптимизм. У некоторых, как, например, у А. И. Шингарева, он сохранился до очень позднего времени — до осени 1917 года.

Я считаю, что неправильное понимание того значения, которое война имела в качестве фактора революции, и нежелание считаться со всеми последствиями, которые революция должна была иметь в отношении войны, — и то и другое сыграло роковую роль в истории событий 1917 года. Я припоминаю, как в одну из моих поездок куда-то в автомобиле вместе с Милюковым, я ему высказал (это было в бытность его министром иностранных дел) свое убеждение, что одной из основных причин революции было утомление войной и нежелание ее продолжать. Милюков с этим решительно не соглашался. По существу же он выразился так: «Кто его знает, может быть еще благодаря войне все у нас еще кое-как держится, а без войны скорее бы все рассыпалось». Конечно, от одного сознания, что война разлагает Россию, было бы не легче. Ни один мудрец ни тогда, ни позже не нашел бы способа закончить ее без колоссального ущерба — морального и материального — для России. Но если бы в первые же недели было ясно сознано, что для России война безнадежно кончена, и что все попытки продолжать ее ни к чему не приведут, — была бы по этому основному вопросу другая ориентация и — кто знает? — катастрофу, быть может, удалось бы предотвратить. Я не хочу этим сказать, что только один факт революции разложил армию, и менее, чем кто-либо, я склонен преуменьшать гибельное значение

той преступной и предательской пропаганды, которая сразу же началась. Менее, чем кто-либо, я склонен оправдывать, в отношении этой пропаганды, дряблость и равнодушие Временного правительства. Но все же я глубоко убежден, что сколько-нибудь успешное ведение войны было бы просто несовместимо с теми задачами, которые революция поставила внутри страны, и с теми условиями, в которых эти задачи приходилось осуществлять.

Мне кажется, что и у Гучкова было это сознание. Я помню, что его речь в заседании 7 марта, вся построенная на тему «не до жиру, быть бы живу», дышала такой безнадежностью, что на вопрос, по окончании заседания, «какое же у вас мнение по этому вопросу?», я ему ответил, что по-моему, если его оценка положения правильна, то из нее нет другого выхода, кроме необходимости сепаратного мира с Германией. Гучков с этим, правда, не согласился, но опровергнуть такой вывод он не мог. В этот же памятный вечер он предложил мне, после заседания, поехать с ним на квартиру военного министра (которую он в то время уже занял) и присутствовать при разговоре его по прямому проводу с ген. Алексеевым. «Посмотрим, что он нам скажет?» Сообщения ген. Алексеева были в высшей степени мрачны. В том колоссальном сумбуре, который создавался в первые же дни революции, он сразу распознал элементы грядущего разложения и огромную опасность, грозившую армии. Гучков сообщил ему предполагаемое содержание воззвания и спросил его, полагает ли он, что такое воззвание будет полезно. Алексеев ответил утвердительно. Кстати скажу, что почти одновременно с составленным мною воззванием появилось аналогичное, написанное в военном министерстве, а

также приказ по войскам. Все они развивали те же мысли, и все остались совершенно бесплодными. Гучков — и это характерно — первый из среды Временного правительства пришел к убеждению, что работа Временного правительства безнадежна и бесполезна, и что «нужно уходить». На эту тему он неоднократно говорил во второй половине апреля. Он все требовал, чтобы Временное правительство сложило свои полномочия, написав самому себе некую эпитафию с диагнозом положения и прогнозом будущего. «Мы должны дать отчет, что нами сделано, и почему мы дальше работать не можем, — написать своего рода политическое завещание».

К числу мало знакомых мне членов Временного правительства принадлежал, наконец, А. И. Коновалов — министр торговли и промышленности. Я в первый раз с ним встретился в Таврическом дворце, в первые же дни революции, и наблюдал его в течение тех двух месяцев, что я состоял в должности управляющего делами Временного правительства.

Затем я его совсем потерял из виду и встретился с ним вторично уже при Временном правительстве последней формации, в котором он был заместителем председателя.

Вот человек, о котором я, с точки зрения личной оценки, не мог бы сказать ни одного слова в сколько-нибудь отрицательном смысле. И на посту министра торговли, и позднее, когда — к своему несчастью — он счел долгом патриотизма согласиться на настояния Керенского и вступил вновь в кабинет — притом, в очень ответственной и очень тягостной роли заместителя Керенского — он неизменно был мучеником, он глубоко страдал. Я думаю, он ни на минуту не верил в возможность благополучного выхода

из положения. Как министр промышленности, он ближе и яснее видел катастрофический ход нашей хозяйственной разрухи. Впоследствии, как заместитель председателя, он столкнулся со всеми отрицательными сторонами характера Керенского. Вместе с тем, Коновалов в октябре 1917 г. уже совершенно отчетливо сознавал, что война для России — кончена. Когда в это именно время (даже раньше, в сентябре, но уже после образования последнего кабинета) в квартире кн. Григория Николаевича Трубецкого собралось совещание, в котором участвовали Нератов, бар. Нольде, Родзянко, Савич, Маклаков, М. Стахович, Струве, Третьяков, Коновалов и я (кажется, я перечислил всех; Милюкова не было, он в это время был в Крыму, куда уехал после корниловской истории) для обсуждения вопроса о том, возможно ли и следует ли ориентировать дальнейшую политику России в сторону всеобщего мира, Коновалов самым решительным образом поддержал точку зрения бар. Нольде, который в подробном, очень глубоком и тонком докладе доказывал необходимость именно такой ориентации. К несчастью, это было все равно уже слишком поздно.

Как мне уже пришлось выше сказать, несомненно, что во Временном правительстве первого состава самой крупной величиной — умственной и политической — был Милюков. Его я считаю, вообще, одним из самых замечательных русских людей и хотел бы попытаться дать ему более подробную характеристику.

Мне много и часто приходилось слушать Милюкова в Центральном Комитете, на партийных съездах и собраниях, на митингах и публичных лекциях, в государственных учреждениях. Его свойства, как

оратора, тесно связаны с основными чертами его духовной личности. Удачнее всего он бывает тогда, когда приходится вести полемический анализ того или другого положения. Он хорошо владеет иронией и сарказмом. Своими великолепными схемами, подкупающей логичностью и ясностью, он может раздавить противника. На митингах ораторам враждебных партий никогда не удавалось смутить его, заставить растеряться. О внешней форме своей речи он мало заботится. В ней нет образности, пластической красоты... Если он и в речах, и в писаниях бывает многословен, то это только потому, что ему необходимо с исчерпывающей полнотой высказать свою мысль. И тут также сказывается его полное пренебрежение к внешней обстановке, соединенное с редкой неутомимостью. В поздние ночные часы, после целого дня жарких прений, когда доходит до него очередь, он неторопливо и методически начинает свою речь и тотчас же для него исчезают все побочные соображения: ему нет дела до утомления слушателей, он не обращает внимания на то обстоятельство, что они, может быть, просто не в состоянии следить за течением его мыслей. И в газетных своих статьях ему также нет дела до соображений чисто журналистических. Если ему нужно 200 строк, он напишет 200 строк, но если в них не уместится его мысль и его аргументация, то ему совершенно будет безразлично, что передовая статья растянется на три газетных столбца.

И Милюков, как и многие другие, живет и жил в крайне неблагоприятный для его личных дарований исторический момент. Волею судеб Милюков оказался у власти в такое время, когда прежде всего необходима была сильная, не колеблющаяся и не

отступающая перед самыми решительными действиями власть, — когда требовалась высшая степень единства и солидарности членов правительства, полное их доверие друг к другу. Он очутился во главе ведомства, делающего иностранную политику, причем во взглядах на предпосылки этой политики существовало глубокое разногласие между Милюковым и тем течением, которое олицетворялось в Керенском. Керенский в моем присутствии причислял себя, если не прямо к циммервальдцам, то во всяком случае к элементам, духовно очень близким к Циммервальду. Милюков и в прессе, и с трибуны Государственной Думы, с самого начала вел упорную борьбу с Циммервальдом. Он был абсолютно чужд и враждебен идее мира без аннексий и контрибуций. Он считал, что было бы и нелепо и просто преступно с нашей стороны отказаться от «самого крупного приза войны» (так Грей называл Константинополь и проливы) во имя гуманитарно-космополитических идей интернационального социализма. А главное — он верил, что этот приз действительно не вышел из наших рук. Это находится в связи с общими его взглядами на значение революции для войны. Здесь — самый ключ к пережитой Россией трагедии.

(В. Набоков, «Временное Правительство», *Архив Русской Революции*, изд. И. В. Гессеном, т. I, изд. 2-е, Берлин, 1922)

В. М. ЧЕРНОВ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ

(Лидеры, позиции, колебания)

На второй день после падения самодержавия руководящая роль в советских кругах принадлежала деятелям социально-демократического направления. Инициатива создания Петроградского Совета была в руках с.-д. меньшевистской фракции Государственной думы (большевистская фракция судилась за «пораженческую» деятельность и была сослана в Сибирь) и еще более «правой» социал-демократической группировки — «рабочей группы при центральном военно-промышленном комитете». Социалисты-революционеры выборы в четвертую Государственную думу бойкотировали; но отдельные лица, находившиеся под влиянием их идей, входили в т. н. «трудовую группу» со слабым налетом полусоциализма; таков был лидер этой группы А. Ф. Керенский, таков был представлявший трудовиков в Совете, сильно эволюционировавший вправо (к мирному кооператизму и национализму), старый революционер Н. В. Чайковский и др. Их близость к буржуазному лагерю могла только содействовать торжеству «классической» точки зрения русского социал-демократизма: убеждения в неизбежности формально-государственного возглавления русской революции людьми буржуазного лагеря. Более левая социал-демократическая группа, возглавляемая Стекловым и Сухановым, примыкала если не к этой «классической» точке зрения, то к практическим выводам из нее, и

отпадала от большинства лишь в вопросе о войне: она склонялась к тактике «мира во что бы то ни стало», в то время как большинство тогдашних социал-демократических деятелей Совета стояло или на точке зрения простого патриотического принятия войны («оборонцы»), или на точке зрения революционного ее преобразования («революционные оборонцы»).

Руководящим социал-демократическим деятелям Совета могло казаться и, естественно, казалось, что советская демократия отреклась от составления Временного правительства в пользу демократии цензовой потому, что в советском лагере возобладал единственно правильный взгляд на русскую революцию, как революцию буржуазную, открывающую собой длинный исторический период капиталистической индустриализации России. За это как будто говорила внешность событий. Фактический исход споров о способе организации власти лучше всего мог бы быть политически осмысленным и теоретически обоснованным именно их теорией. Однако, как известно, дальнейшее течение революции менее всего способно было служить иллюстрацией ее правильности. Но дело не только в этом, а, прежде всего, в том, что фракционные теории и доктрины в решительный момент оказывались гораздо меньшей двигательной силой, чем это воображали люди, фанатически уверявшиеся им в течение всей своей жизни. Создавшаяся революционная конъюнктура столь принудительно определяла практическое поведение людей, что им порою некогда было даже замечать, нет ли в этом поведении резкого противоречия со всем тем, что они когда-то думали о революции, как далекой «музыке будущего».

Советская демократия уступила создание власти, формирование Временного правительства демократии цензовой — может быть, сама того не сознавая, — просто потому, что здесь для нее была линия наименьшего сопротивления, что действуя иначе, она стала бы лицом к лицу со слишком большими трудностями, и притом не одними лишь внешними, но еще более чувствительными трудностями внутренними.

Во-первых, для образования правительства ей не хватало программно-единодушия; в ее среде имела место пестрота взглядов и на характер революции, и на взаимоотношения между революцией и войною. Правда, и в лагере цензовой демократии, в недрах думского «прогрессивного блока» не все было ладно. С самого его возникновения он не раз угрожающе скрипел, и царские министры уже не раз злорадно предвкушали его распадение на составные части. Однако же буржуазные политики того времени были гораздо более гибкими, эластичными, искусными в искусстве политического компромисса, чем деятели революции. Эпоха подпольного существования, полного ухода из легальной политической жизни, располагала прежде всего к идеологической выдержанности, к неумолимой логической последовательности, близким к фанатизму партийной догмы. Школа нелегальной борьбы во все времена у всех народов была школой несколько оторванного от практической жизни теоретизирования и гордо замкнутой непримиримости. Лишь реальное влияние на ход государственных дел взращивает в людях сознание ответственности и умение расценивать каждый шаг с точки зрения непосредственных практических результатов. Политика же нелегальных партий

обычно бывает политикой столь дальнего прицела, что корректирование попаданий остается целиком в области гипотетического, делом веры в методы своего диагноза социальной структуры и основанного на них прогноза. Эстетика непримиримой позиции и даже звучная красота говорящей о ней революционной фразы для средних людей революционного подполья имела всегда значение, далеко превосходящее ее действительную, — в известных пределах несомненную, — но все же не универсальную ценность. Даже вождям разных фракций, на которые дробилась русская революционная демократия, было бы нелегко стовориться об общей политической платформе создаваемого ими правительства, а рядовые приверженцы неговорчивостью и сектантством обычно превосходили вождей. Между тем, общее положение России — экономическое, финансовое, стратегическое, международно-политическое — было до такой степени сложным и трудным, что тут требовалось единство смелого и продуманного решения, а налицо было для него лишь одно уравнение со многими неизвестными. Буржуазным политикам договориться между собой было легче хотя бы уже по одному тому, что им достаточно было сойтись в практических выводах, тогда как на людях революции тяготела слабость считать, что одинаковость практических заключений — ненадежная скрепа, если она не вытекает из единства исходных точек, из единства святых методологических принципов.

Во-вторых, цензовая демократия была налицо во всеоружии всех своих духовных и политических ресурсов. У нее был свой, собранный воедино, главный штаб, олицетворенный мозг партии. Революционная же демократия была представлена деятелями да-

леко не первого, часто даже и не второго, а третьего, четвертого и пятого калибров. Самые квалифицированные силы революционной демократии находились в далекой ссылке или в еще более далеком изгнании. Не удивительно, что в отсутствие самых руководящих и влиятельных людей, духовных отцов, вдохновителей и полководцев партии, скромные рядовые колебались взвалить на свои плечи бремя ответственности, которая, может быть, и для тех оказалась бы «бременем неудобноносимым».

В-третьих, между вождями революционной демократии и вождями демократии цензовой была огромная разница к невыгоде первых и выгоде вторых. Все крупные фигуры цензовиков успели составить себе крупные «всероссийские имена». Евангельская притча говорит, что возжегши светильники, не ставят их под сосудом, но возносят высоко, да светят всем в доме. В городских думах, в открытых общественно-научных, культурно-просветительных и тому подобных соединениях, на предвыборных собраниях, наконец, на самой высокой общественно-политической трибуне — трибуне Государственной думы — цвет буржуазных партий давно уже фиксировал на себе взоры и слух всей страны, в то время, как лидеры революционной демократии, известные и ценные каждым в своем узком кругу, скрывающиеся под псевдонимами, меняющие имена и паспорта, тщательно маскирующие от непосвященных свой удельный вес — были, за немногими исключениями, для широкого общественного мнения загадочными незнакомцами, о которых враги могут распространять какие угодно легенды.

В-четвертых, крупные деятели революционной демократии были абсолютно не знакомы с техникой

государственного управления и аппаратом его. Даже среди кадетов многие чувствовали себя «недостаточно подкованными» в этой области. Так, В. В. Шульгин рассказывает: когда в эпоху выставления Прогрессивным блоком требования «министерства общественного доверия» кто-то попробовал расшифровать эту формулу как переход власти в иные, не бюрократические руки, то известный правый кадет, впоследствии посланник Временного правительства в Париже, В. А. Маклаков, протестовал: «почему не бюрократические?.. только в другие, толковее и чище... А эти «облеченные доверием» — ничего не сделают. Почему? Да потому, что мы ничего не понимаем в этом деле. Техники не знаем. А учиться теперь некогда». А ведь кадеты учились этой «технике» и в органах самоуправления, городских думах и земствах, и в четырех последовательных государственных думах, во всевозможных парламентских комиссиях, разрабатывая вместе с министрами бюджеты ведомств и контролируя их работу. Вожди же революционной демократии... они «учились» в тюрьмах и на этапных пунктах, в качестве объектов государственного управления, а «самоуправление» им практически было знакомо хорошо... через институт выборных тюремных старост. Прыжок из заброшенного сибирского улуса или колонии изгнанников в Женеве на скамьи правительства был для них сходен с переселением на другую планету.

И, наконец, в-пятых. В то время, как буржуазные партии имели за собой свыше десяти лет открытого существования и устойчивой гласной организации — трудовые социалистические и революционные партии держались почти всегда лишь на голом скелете кадров «профессиональных революционеров», и

впервые им представилась возможность увидеть этот скелет обросшим живой плотью, с обильно циркулирующей по ее венам и артериям кровью, с разветвленной нервной системой и мощной мускулатурой. В открывшихся для всех входных дверях этих партий происходила невероятная давка; партии так разбухали от наплыва новобранцев, что вожди уже начали смотреть на этот наплыв с тайным ужасом: во что превратятся эти партии, когда старая их гвардия распустится в серой, политически неопытной, наивно-доверчивой массе? Не будут ли решения этих масс совершенно случайными, не потеряют ли партии всякое лицо, не станут ли они неустойчивыми соединениями, флюгерообразно вертящимися под ветром настроений бесформенной улицы? Словом, было ясно, что революционной демократии предстоит небывалая по своей величине и сложности задача организованного закрепления своих успехов, обучения и воспитания нахлынувших в ее ряды масс, их дисциплинирования, создания стойкой системы партийных органов. Здесь любое количество квалифицированнейших партийных сил было бы еще слишком недостаточным, а подлинно выдержанных и надежных партийных людей было отнюдь не «любое» количество, а очень ограниченный контингент. И выделить из него еще в нужном числе крупные, вполне соответствующие назначению, партийные величины в правительство, аппараты министерств, для возглавления важнейших органов местного самоуправления — это означало обескровить себя в партийной организации, да и в Советах. Элементарный инстинкт партийного самосохранения заставлял скупиться на «выдачу голову» крупных деятелей в плен «государственному аппарату» и при-

вивал «патриотам партии» изрядную долю инстинктивного отталкивания от власти.

Нет, не теория, не доктрина победила в рядах советской демократии, а непосредственное ощущение «обузы власти», когда доктринеры «буржуазной революции» из социалистического лагеря предложили — с соответственным «глубоким теоретическим обоснованием» — свалить эту обузу со своих плеч на плечи цензовиков в тот самый момент, когда цензовики, предпочитавшие получить эту власть из рук царя и боявшиеся, как огня, взять ее из рук революции, перестали упрячиться, и Шульгин произнес: лучше сами возьмите власть, а не то ее возьмут «какие-то мерзавцы, которых уже выбирают на заводах» . . .

Инициатор советского решения о передаче власти цензовой демократии Н. Н. Суханов отдавал себе полный отчет в том, что это значит «вручить власть классовому врагу». Но он все же предлагал идти на это, «обеспечив демократии полную свободу борьбы с этим врагом», вручив ему власть на условиях, которые «должны обеспечить демократии и полную победу над ним в недалеком будущем». Но ни в коем случае не должно «отнимать у буржуазии надежду выиграть эту борьбу». Словом, это было довольно тонкое диалектическое построение, одно из тех построений, которые дороги их авторам, как матери сугубо дорого появившееся на свет ценою долгих и трудных родовых мук дитя, но которые не имеют ровно никакого значения для хода событий. Суханов и его друзья хотели бы, по его словам, ограничиться лишь одним: «обеспечением полной политической свободы в стране, абсолютной свободы организации и агитации». Но так как из-за спины цензо-

виков выглядывала тень столыпинской Государственной думы, жаждущей получить какие-то формальные права на революцию, то пришлось прибавить еще «немедленные меры к созыву Учредительного собрания». Суханов, по собственному его признанию, «вполне сознательно пренебрегал остальными интересами и требованиями демократии, как бы они ни были несомненны и существенны», а вопрос об отношении к войне столь же сознательно оставлял вне круга рассмотрения: иначе цензовая демократия могла бы отказаться от создания правительства, ведущего политику мира, и во власть пришлось бы вступить советской демократии в условиях, при которых мирная политика стала бы неизбежно самым ударным пунктом ее программы, — а между тем вопрос о войне и мире был тогда чем-то вроде задачи о квадратуре круга; в особенности же загадочным было отношение к этому вопросу фронта, сразу столкнуться с которым было бы, вероятно, гибелью и фронта, и революции.

*Приезд в революционный Петроград;
Гоц, Брежневская, Чхеидзе*

Всех треплет лихорадка: домой! домой! Множество долгих и нудных перипетий с разрешениями, визами — выездными, проездными и въездными. И, наконец, — узкий грузовой пароходик, пересекающий из «засекреченного» порта северной Шотландии под эскортом двух миноносцев бурное Северное море.

Что же ждет нас там? В Лондоне удастся бросить первый взгляд в короткие информационные бюллетени первых дней революции. В Стокгольме — пер-

вые случайные номера петроградских газет. В них приковывает к себе внимание знакомое имя — Абрама Гоца.

После поражения революции 1905 года Гоцу пришлось пережить восемь долгих лет каторжных работ в Александровском Централе близ Иркутска. Срок его каторги кончился в 1915 году. Он вышел в «вольную команду» и вместе со своей семьей поселился в с. Усолжье близ Иркутска, откуда ухитрился участвовать в редактировании ежедневной иркутской «Сибири».

И вот — Петроград. Первою бросается в глаза фигура Абрама Гоца. Он, как будто, почти не изменился. Манеры его по-прежнему быстрые, точные и деловитые, но приобретшие необыкновенную уверенность. И все кругом ждет его указаний. Уж не назначен ли он петроградским градоначальником? Или власть в Петрограде захвачена партией с.-р.?

Едва мы успели обняться и поздороваться, как Гоц явно спешит выполнить точно разработанный церемониал. Он хватает меня под руку и ведет по перрону. Направо и налево — во всю длину платформы — красные знамена с золотыми буквами лозунгов: «Земля и воля», «В борьбе обрешь ты...», имена всевозможных отделов партии. Военские части с ружьями «на караул». Гром военных оркестров, оглушительный гул приветствий, лозунгов, звуков «Марсельезы». Речи в зале приемов, речи перед толпой с импровизированных платформ, с грузовиков, даже с площадки бронированного автомобиля в разных местах площади, где ничего не было видно, кроме сплошного моря голов...

Когда мы, наконец, вырвались из всего этого громкозвучного, многоцветного и пышного хаоса, и

автомобиль Гоца мелькал по улицам, я не мог не закидать Гоца вопросами. Я с жадностью слушал и, кажется, слушал бы без конца все, что Гоц мог мне рассказать о метаморфозах, происшедших на родине. Почти всю ночь мы проговорили в квартире Абрама. Легли на рассвете на несколько часов. После долгой разлуки — моя первая, незабываемая и, вероятно, неповторимая ночь на родине. Как хотелось верить, как охотно верилось в полноту и неистребимость всего происшедшего . . .

**
*

Вскоре после прибытия в Петроград я, конечно, отправился в Таврический дворец, где заседал Совет рабочих и солдатских депутатов. После приветственной речи председателя Совета Н. С. Чхеидзе и моей ответной речи я был избран тов. председателем Петроградского Совета, а затем и Всероссийского Совета рабочих и солдатских депутатов.

Через каких-нибудь два-три дня я увидел Гоца еще в одной новой роли. Ураганом налетел он на меня, подхватил и куда-то понес . . .

— Виктор Михайлович, едем в Семеновский полк. Его части несут караульную службу при некоторых важнейших арестованных, и вот теперь там поднялись тревожные разговоры о самосуде над бывшим военным министром Сухомлиновым. По совести говоря, если бы в самые дни революции он не удержал головы на своих плечах, я не пролил бы о его судьбе ни единой слезинки. Но теперь . . . Теперь это был бы удар по революционной самодисциплине воинских частей и акт недоверия к новому революцион-

ному правопорядку и новой революционной юстиции . . .

Скоро мне пришлось узнать, что Гоц в советских сферах считается незаменимым специалистом по части укрощения разных эксцессов в самых революционных местах. Заговорит ли где-нибудь инерция недавних мятежных страстей и захочется воинской части, чем-то возмущенной и жаждущей проявить себя в действиях, — выйти из казармы, побряцать оружием, а то и пострелять, хоть в воздух, остратки ради — кого же лучше всего послать, как не Гоца? Он сумеет и объяснить, что надо, и разобрать законные претензии, и пожуричь, и пошутить, словом, всех, покуда что, утихомирить, а резонным жалобам и запросам дать должное направление. Приглядываясь к отдельным случаям его вмешательства, прежде всего отмечу одну важную черту. Гоц обладал абсолютной отвагой — так, как бывают люди, обладающие абсолютным слухом. Эта его отвага, эта его совершеннейшая неустрашимость звучала в каждом звуке его голоса, в каждом его жесте. Чувствовалось, что он — олицетворение негнущейся воли. Она гипнотизировала, обезоруживала, давала раз навсегда понять, что от нее не отделаешься никакой выходкой. К тому же этой воле сопутствовала не менее абсолютная выдержанность. Я всегда считал, что он самую природой предназначен на пост министра внутренних дел для революционного времени. Но Гоц и слышать не хотел вообще ни о каком министерском poste. Ссылался он при этом, главным образом, на свое еврейство, способное стать ему поперек дороги и будить расовые страсти. Мы, неевреи, громко протестовали, но чувствовали, что в этом

пункте мы натываемся на ничем не преодолимое упорство.

Присматриваясь к общему пафосу, одушевлявшему деятельность Гоца в течение всего великого «Семнадцатого года», я вряд ли ошибусь, если скажу, что кульминационного пункта он достигал в вопросе о внешней обороноспособности революции. И не удивительно: этим вопросом была насыщена вся атмосфера. Позиции Абрама Гоца были укреплены неприступно. «Если мы, хотя бы в увлечении самыми благородными и значительными задачами и целями внутреннего развития, пренебрежем вопросами внешней обороноспособности, — все пропало. Мы не только сами полетим в пропасть военного разгрома: мы увлечем в нее наших союзников. Разбив революционную Россию, центральные державы тем самым раздавят то зерно высших социальных достижений, которые в этой революции созревают. Они с развязанными руками смогут бросить все свои силы на Запад; и тогда вместе с Россией будут растоптаны все зародыши чисто демократической культуры и всех ее личных и общественных свобод; и если даже Россия, утратив свои шансы грандиозного социального преобразования, выживет как независимая страна и государство, роль ее в концерте мировых держав будет сведена к нулю. Все мы сейчас охотно предаемся мечтаниям о том, что России суждено сказать новое слово в деле решения мировой социальной проблемы грядущего: но мы забываем, что эта наша миссия висит на тоненькой ниточке: остатке обороноспособности армии, защищающей границы нашей родины, а родина эта — есть в то же время родина революции.

«Бабушка» Брешковская за год до начала мировой войны опять совершила фантастический побег из ссылки. В пять дней она проделала тысячу верст, но была арестована, просидела около года в тюрьме, а потом была направлена в Булун, вблизи Ледовитого океана. Тут застала ее революция. Конец самодержавия! Для «бабушки» это означает — триумфальный проезд через всю Россию и комната в Зимнем дворце. Но «бабушку» едва можно уговорить пробыть там лишь самое первое время — и то только в мансардной каморке.

Война пробудила в Катерине Брешковской взрыв патриотических чувств. Она и в ссылке щиплет корпию и шьет белье для раненых. Отдав этим долг чувству гуманности, тем полнее и свободнее предается она другой стороне своей натуры: она жаждет, она требует беспощадного разгрома виновников войны — немцев. Катерина Брешковская никогда не была приспособлена к руководящей роли в центре большой политической организации. Тут ей было не по себе. Не теоретик, не стратег и не тактик была она, а проповедник, апостол, убеждающий словом и еще более действенным примером. К ней всегда тянулись молодые души, потому что она в них верила и этой верою заставляла их стать выше самих себя. Всем она щедро оказывала моральный кредит, но от всех требовала, чтобы за словом шло полноценное дело. И так как сама она была цельна, словно вырублена из одного куска гранита, от нее излучалось во все стороны сияние такого морального авторитета и высокого престижа, которые даются немногим избранным натурам.

Лидером соц.-демократов в Совете был И. Г. Церетели, сразу завоевавший мою личную большую симпатию, несмотря на все частные расхождения в политических диагнозах и прогнозах, назревавшие в ходе развертывания сложнейших противоречий революции. Церетели горячо приглашал меня ближе узнать и оценить его ближайшего друга и соратника Чхеидзе, подчеркивая, до какой степени он считает важным, чтобы мы с Николаем Семеновичем хорошо сошлись, поняли друг друга и действовали в полном единодушии. Живое помню общее впечатление, врезавшееся от всей этой, своеобразием отмеченной фигуры: отчетливое впечатление какой-то особенной собранности. Такое впечатление оставляют лишь настоящие люди, на которых можно положиться. И я понял, почему Чхеидзе стал во главе петроградского Совета: с ним росло ощущение прочности и политической ясности. И еще осталось впечатление — благородной простоты, бывшей отсветом большого и подлинного внутреннего благородства.

Стоя во главе Совета, Чхеидзе мог, если бы хотел, стать в центре Временного правительства революции: реальная сила была в руках Совета. Еще легче ему было стать в центре правительственной коалиции социалистов с цензовиками. Он этого не захотел. Его ум, правильно или не правильно, говорил ему: для социалистической демократии еще не пришло время. И мощную поддержку уму оказывала одна особенность его характера. Когда вопрос о вхождении в правительство был решен, когда уже уклоняться было нельзя, когда болезнь властебоязни в социалистических рядах была сломлена пове-

лительным требованием событий, — надо было видеть, как взбунтовался Чхеидзе против неизбежных личных выводов из новых политических позиций. Он ничего слышать не хотел о своем вхождении в правительство. И я понял: Чхеидзе был глубоко скромен. Скромность — свойство, прежде всего и легче всего утрачиваемое на политической арене, где так бесконечно часто приходится «выступать» и «фигурировать». А Чхеидзе умудрился пронести эту черту души через все свое политическое поприще. Быть может, тогда эта, сама по себе драгоценная черта, свидетельствующая об органическом целомудрии души, помешала Чхеидзе дать все, что он мог дать. Быть может, властebоязнь была тогда недостатком. Но я издавна привык наблюдать среди политических деятелей тех, у кого велики достоинства самых их недостатков и тех, у кого велики недостатки самых их достоинств: Чхеидзе был человеком первой из этих двух категорий.

Скромность не исключала твердости и силы. Это особенно чувствовалось мною, когда я слушал первую же его речь к солдатской толпе перед Таврическим дворцом при вручении красного знамени Совета. Он умел находить простые слова, шедшие прямо к уму и сердцу рядового простолюдина. Но в голосе его звучал металл — точно отголосок гулкого и мерного топотадвигающихся батальонов революции.

Помню его на председательской трибуне Совета. Было трудно представить эту трибуну без него — и его без этой трибуны. На первом съезде Советов оказалось, что эсеровская партия представлена на съезде самой большою по численности фракцией. По традиции таких собраний, она имела полное право претендовать на замещение председательского ме-

ста и в Совете, и в будущем Исполкоме, своим представителем. Но нам и в голову не могло прийти воспользоваться этим бесспорным формальным правом и лишить рабочих и солдат Петрограда того председателя, с которым они так сжились и сроднились с первых дней революции и который показал себя не просто достойным занимаемого им места, но занявшим его по праву.

Николай Семенович с виду был порой хмур и суров. Но из-под его густо насупленных бровей часто сверкала вспышечка-молния добродушной, нет — это не то слово, не «добродушной», а доброй и душевной улыбки. А иногда оттуда выглядывал и лукавый бесенок иронии. Его хмурость была сосредоточенностью. В высшей мере обладал он одним драгоценным даром: совестью ума. Ум, «честный с собою», не отмахивается от сомнений, не склонен к утешительному оптимизму, не боится и самых безотрадных выводов. Таким умом был наделен Чхеидзе. И потому, чем чаще я его встречал, тем больше мне казалось, что над всеми элементами его души доминирует одно настроение: глубокой умственной тревоги.

Н. С. Чхеидзе не был «человеком короткого дыхания». Очень характерно было для его поведения, когда, во время переговоров контактной комиссии с Временным правительством, его вызвали к телефону и сообщили, что его любимый сын, принявшись чистить оказавшееся заряженным ружье, нечаянно застрелился. Со стоицизмом древнего римлянина заключил он в себе налетевшую душевную бурю и, с застывшим в трагическую каменную маску лицом, остался на своем посту. Слишком огромны в его глазах были стоявшие тогда перед советской демокра-

тием «проклятые вопросы» революции, чтобы он мог себе позволить уйти от них для того, чтобы погрузиться в личное горе. И большинство из тех, кто продолжал переговоры в его присутствии, даже и не подозревали, что пережил он, когда его вызвали на минуту из комнаты и когда он вернулся побледневший, со смертью в душе, но подавивший силою воли все личное — ради общего, ради революции . . .

(Виктор Чернов, *Рождение Революционной России — Февральская Революция*, Париж—Прага—Нью-Йорк, 1934; его же, *Перед Бурей*, из-во имени Чехова, Нью-Йорк, 1953)

Часть II (апрель-август)

(Кризисы власти и революции)

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

Началом кризиса Февральской революции следует считать 3/16 апреля — день приезда Ленина в германском запломбированном вагоне в Россию. С приездом Ленина начинается систематическое наступление и на Временное Правительство, и на «соглашательский» Совет.

4 (17) апреля. Ленин знакомит большевиков — делегатов происходившего тогда Всероссийского Совецания Рабочих и Солдатских депутатов со своими знаменитыми «Апрельскими тезисами». В тот же день Ленин повторяет свой доклад на объединенном собрании большевиков и меньшевиков в Петрограде.

18 апреля (1 мая). Опубликование ноты Милюкова с подтверждением верности Временного Правительства союзным договорам.

20—22 апреля (3—5 мая). Демонстрации (за и против Милюкова) в связи с этой нотой.

30 апреля-2 мая (13—15 мая). Первый кризис власти: отставка Гучкова и Милюкова.

5 (18) мая. Образование коалиционного правительства во главе с кн. Львовым и с участием министров-социалистов.

11—26 мая (24—8 июня). Первый крестьянский съезд под председательством эсера Авксентьева.

3 (16) июня. Открытие Первого съезда Советов Рабочих и Солдатских депутатов под руководством

меньшевиков и эсеров. Избрание оборонческого ЦИК'а (Центрального Исполнительного Комитета).

8 (21) июня. Большевики готовят «мирную» демонстрацию против «министров-капиталистов».

9 (22) июня. Большевики вынуждены под давлением меньшевистско-эсеровского съезда Советов отменить демонстрацию.

18 июня (1 июля). Демонстрации, устроенные формально съездом Советов, проходят фактически под большевистскими лозунгами.

19 июня (2 июля). Начало наступления на фронте.

25 июня (8 июля). Выборы в московскую Городскую Думу; победа эсеров.

2 (15) июля. Поражение на фронте. Новый правительственный кризис. Отставка кн. Львова и министров-кадетов.

3—4 (16—17) июля. Организованные или «поддержанные» большевиками вооруженные демонстрации против Временного Правительства под лозунгом: «Вся власть Советам». Второй кризис власти.

5—6 (18—19) июля. Подавление большевистского выступления; обвинение против Ленина в получении немецких денег для разложения русской армии и заключения сепаратного мира. Аресты некоторых большевистских вождей. Бегство Ленина и Зиновьева в Финляндию.

8 (21) июля. Образование третьего Временного Правительства (коалиционного) под председательством Керенского.

26 июля—3 августа (8—16 августа). Шестой съезд большевистской партии, провозглашающий курс на вооруженное восстание.

12—14 (25—27) августа. Государственное совещание в Москве.

20 августа (2 сентября). Выборы в петроградскую Городскую Думу. Победа эсеров.

25—30 августа (7—12 сентября). Выступление и поражение ген. Корнилова.

1 (13) сентября. Третий кризис власти. Образование нового правительства и «Директории» во главе с Керенским.

Г. В. ПЛЕХАНОВ

О ТЕЗИСАХ ЛЕНИНА
И О ТОМ, ПОЧЕМУ БРЕД БЫВАЕТ ПОДЧАС
ИНТЕРЕСЕН

В статье о задачах пролетариата в данной революции («Правда» № 26) Ленин, изложив свои, отныне знаменитые тезисы, в заключение счел нужным обрушиться на меня грешного. Зачем это понадобилось ему, я не знаю. Но посмотрите, как лихо ведет он против меня свою кавалерийскую атаку:

«Г. Плеханов в своей газете назвал мою речь «бредовой». Очень хорошо, господин Плеханов! Но посмотрите, как вы неуклюжи, неловки и недогадливы в своей полемике. Если я два часа говорил бредовую речь, как же терпели бред сотни слушателей? Далее. Зачем ваша газета целый столбец посвящает изложению «брёда»? Некругло, совсем некругло у вас выходит».

Замечу прежде всего, что я не давал никакого отзыва о речи Ленина и не был между его слушателями. «Бредовой» назвал длинную речь Ленина товарищ репортер «Единства». Разумеется, он мог ошибиться в своей оценке. Но я позволю себе заметить, что его ошибка никак не могла бы служить доказательством моей неуклюжести и недогадливости в полемике. Кроме того, впечатление бреда речь Ленина произвела на огромное большинство слушателей, а не только на товарища репортера «Единства». Если

в этом последнем обстоятельстве Ленин увидит новое доказательство слабости моего литературного таланта, то я боюсь, как бы даже простодушные читатели «Правды» не сообразили, что неуклюжестью, неловкостью и недогадливостью отличается именно он, Ленин. Пойдем дальше. Напрасно думает мой противник, что «бредовая речь» не может привлекать к себе внимание слушателей в течение целых двух и даже более часов. И столь же напрасно уверяет он, будто изложению такой речи газеты не могут отводить места. Бред бывает иногда весьма поучителен, в психиатрическом или в политическом отношении. И тогда люди, занимающиеся психиатрией или политикой, охотно посвящают ему много времени и места. Укажу на «Палату № 6» Чехова. Она составляет целую книжку. В ней излагается самый несомненный бред, а между тем, занялся же воспроизведением этого бреда большой, очень большой художник. И когда мы читаем это произведение очень большого художника, мы не смотрим на часы и несколько не ропщем на то, что оно занимает несколько печатных листов. Напротив, мы жалеем о том, что слишком скоро доходим до последней его страницы. Это новый довод в пользу того, что бред, оставаясь бредом, может быть интересен во многих отношениях.

Или возьмем «Записки титулярного советника Авксентия Ивановича Поприщина». В художественном отношении эта вещь Гоголя слабее, нежели «Палата № 6». Однако, и она читается с большим интересом, и никто не жалуется на то, что она занимает несколько «столбцов». То же и с тезисами Ленина. Читая их, сожалеешь о том, что автор не изложил их гораздо подробнее. Это не значит, конечно, что я

ставлю Ленина на одну доску с Гоголем или с Чеховым. Нет, — пусть он извинит меня за откровенность. Он сам вызвал меня на нее. Я только сравниваю его тезисы с речами ненормальных героев названных великих художников и в некотором роде наслаждаюсь ими. И думается мне, что тезисы эти написаны как раз при той обстановке, при которой набросал одну свою страницу Авксентий Иванович Поприщин.

«Числа не помню. Месяца тоже не было. Было чёрт знает, что такое».

Мы увидим, что именно при такой обстановке, то есть при полном отвлечении от обстоятельств времени и места, написаны тезисы Ленина. А это значит, что совершенно прав был репортер «Единства», назвавший речь Ленина бредовой.

Первый тезис Ленина

Есть люди, политический кругозор которых до такой степени затуманен любовью к Интернационалу, что они никак не могут, — да и не хотят, — разобраться в том, на кого же собственно падает ответственность за нынешнюю войну. Рассуждения этих людей всегда заставляли меня вспоминать о том мещанине в одном рассказе Глеба Успенского, который уверял, будто существует статья, гласящая: «по совокупному мордобою и взаимному оскорблению не виновны». И когда я слушал такие рассуждения, я не раз мысленно восклицал словами купчины в том же рассказе: «Передрались мы все, как самые последние прохвосты, а выходим все, как младенцы невинные». На первый взгляд представляется непонят-

ным, как может человек, не совсем лишенный здравого смысла, допускать, что в международном праве современного социализма существует статья, подобная вышеуказанной. Но дело объясняется тем, что в данном случае ответственность переносится с людей на производственные отношения. Виноват во всем капитализм, который, в высшей стадии своего развития, непременно становится империалистическим. Сам по себе этот довод ничего не объясняет. Он основан на той логической ошибке, которая в науке называется петитио принципи, другими словами: он считает доказанным как раз то, что требуется доказать, то есть, что ответственность за каждую данную империалистическую войну в одинаковой мере падает на все участвующие в ней капиталистические страны. Но он успокаивает совесть интернационалистов, «не приемлющих войны», и потому нередко принимается без критики даже людьми, от природы весьма неглупыми.

Ленин никогда не был человеком сильной логики. Однако, и он как будто подметил логическую несостоятельность этого довода. Это явствует из следующих строк его первого тезиса:

«В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К-о безусловно остается грабительской, империалистской войной в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки революционному оборончеству».

Вы видите: война является грабительской, империалистской войной со стороны России. А как обстоит дело со стороны Германии? Об этом у Ленина не сказано ничего. Но если со стороны одного из двух сталкивающихся между собой лиц

проявляется грабительское намерение, то весьма естественно предположить, что другое лицо рискует быть ограбленным. Выходит, что Германия подверглась опасности быть ограбленной Россией. А если это так, то русскому пролетариату нет никакой надобности деятельно участвовать в нынешней войне.

Признаюсь, логика Ленина нравится мне больше, нежели логика людей, в своих рассуждениях отпавляющихся от убеждения в безответственности «участников совокупного мордобоя». Он не отказывается от рассмотрения вопроса об ответственности: из приведенных мною строк его неизбежно следует, что ответственность падает именно на Россию, с о с т о р о н ы которой проявились грабительские намерения. Однако, его логичность есть именно логичность человека, ведущего свои рассуждения в том психическом состоянии, которое прекрасно характеризовал Поприщин своей пометой:

«Числа не помню. Месяца тоже не было. Было чёрт знает, что такое».

Кто же не знает, что война объявлена была не Россией — Германии, а наоборот: Германией — России? Правда, Бетман-Гольвег уверял, что Россия своей мобилизацией вынудила Германию объявить ей войну. Но неужели Ленин способен принять всерьез это утверждение германского канцлера?.. Допустить это совершенно невозможно. Дело вовсе не в том, известен или не известен Ленину тот или другой отдельный факт, знакомо или не знакомо ему то или другое утверждение или то или другое опровержение этого утверждения. Он рассуждает вне обстоятельств места и времени. Он оперирует единственно со своими отвлеченными формулами. И если формулы эти противоречат фактам, то тем хуже

для фактов. Да и какое значение могут иметь факты там, где нет ни чисел, ни месяца, а существует лишь нечто совершенно фантастическое?

Ленин утверждает, что ввиду несомненной добро-совестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, не желающих никаких завоеваний, необходимо терпеливо разъяснять им их ошибку. Из этих его слов, прежде всего, следует, что масса русского населения желает защищать свою страну, то есть стоит на нашей точке зрения, а не на точке зрения Ленина. Нам чрезвычайно приятно лишний раз убедиться в этом. Но пойдём дальше и спросим себя: какую же ошибку следует разъяснять массе, расположенной к защите своей страны?

По словам Ленина, мы должны «разъяснить неразрывную связь капитала с империалистической войной». Какого же капитала? Так как грабительские наклонности проявились именно «с о с т о р о н ы Р о с с и и», то следует думать, что нынешняя война падает на ответственность русского капитала.

Но этому выводу противоречит следующее соображение.

Политика новейшего империализма есть продукт стран, достигших наивысшей ступени капиталистического способа производства. Россия не принадлежит к числу таких стран. Мы все знаем, что по известному выражению Маркса, ее трудящееся население страдает не только от капитализма, но также и от недостаточного развития капитализма. Стало быть, русский капитал никак не может выступить в роли наиболее видного и наиболее опасного для других народов представителя империалистической политики.

А если он не способен выступить в такой роли, то нелепо считать его главным виновником нынешнего международного столкновения. К тому же наша трудящаяся масса просто-напросто не поверит «беспристрастным» агитаторам, которые захотели бы «разъяснить» ей, что ответственности за войну следует искать преимущественно, — если не исключительно, — «со стороны России». Ленин как будто сам чувствует это. По крайней мере, он обнаруживает готовность ограничиться «разъяснением» того, что «кончить войну истинно демократическим, не насильническим, миром нельзя без свержения капитала».

Смысл этого ясен: сначала свержение капитала, а потом участие народа в защите страны. Марксизмом тут, разумеется, не пахнет, как вообще не пахнет им в рассуждениях людей, не считающихся с условиями времени и места. На Парижском Международном Социалистическом Конгрессе 1889 г., на этом первом съезде второго Интернационала, анархисты объявили изменой социализму выставленное нами, марксистами, требование восьмичасового рабочего дня. Они тоже говорили: сперва свержение капитала, а потом уже охрана труда. Я обидел бы современного читателя, если бы принялся «разъяснять» ему, что истина была не на стороне анархистов.

Ленин находит, что его изумительная и чисто анархическая формула прогресса должна широко пропагандироваться не только в трудящейся массе, но также и в действующей армии. Это понятно. Очень нередко именно самое уродливое дитя пользуется наиболее горячей любовью своих родителей. Но совершенно загадочно окончание первого тезиса Лени-

на. Оно состоит из одного только слова: «братание». С кем братание? По какому случаю братание? Это остается покрытым мраком неизвестности. Но, принимая в соображение начало первого тезиса, можно построить на этот счет довольно вероятную гипотезу.

Так как нынешняя война до сих пор остается грабительской, империалистической войной «с о с т о р о н ы Р о с с и и», то всем нам, не одобряющим грабительства русским людям, — а также, конечно, и находящимся на фронте воинам нашим, — надо побрататься с немцами: простите, мол, нас, добрые тевтоны, в том, что мы своими грабительскими намерениями довели вас до объявления нам войны; до занятия значительной части нашей территории; до надменно-зверского обращения с нашими пленными; до ограбления Бельгии и до превращения этой, когда-то цветущей, страны в одно сплошное озеро крови; до систематического разорения многих французских департаментов и так далее, и так далее. Наш грех! Наш великий грех!

Как только до немцев дойдет этот трогательный, покаянный плач, они расчувствуются в свою очередь, заплачут слезами радости, кинутся в наши объятия, и тогда начнется, как говаривал Фридрих Энгельс, «всеобщее любовное лобызание».

Ну, разве же не очевидно, что по крайней мере первый тезис Ленина написан в том фантастическом мире, где нет ни чисел, ни месяцев, а есть только чёрт знает, что такое?

Остальные тезисы Ленина

Маркс говорит в знаменитом предисловии к не менее знаменитой книге «К критике политической экономии»:

«На известной ступени своего развития производительные силы общества вступают в противоречие с существующими в этом обществе отношениями производства, или, выражая то же самое юридическим языком, с отношениями собственности, внутри которых они развивались до сих пор. Из форм, содействовавших развитию производительных сил, эти отношения превращаются в препятствие для их развития. Тогда наступает эпоха социальной революции».

Это значит, что далеко не во всякое данное время возможен переход от одного способа производства к другому, высшему, — например, от капиталистического к социалистическому. Маркс прямо говорит далее в том же предисловии, что данный способ производства никак не может сойти с исторической сцены данной страны до тех пор, пока он не препятствует, а способствует развитию ее производительных сил.

Теперь спрашивается, как обстоит дело с капитализмом в России? Имеем ли мы основание утверждать, что его песенка у нас спета, то есть, что он достиг той высшей ступени, на которой он уже не способствует развитию производительных сил страны, а, наоборот, препятствует ему?

Выше я сказал, что Россия страдает не только оттого, что в ней есть капитализм, но также и оттого, что в ней недостаточно развит капиталистический

способ производства. И этой неоспоримой истины никогда еще не оспаривал никто из русских людей, называющих себя марксистами. Если бы нужно было ей новое подтверждение, то его можно было бы почерпнуть из опыта нынешней войны, показавшей, как сильно рискует такое экономически отсталое государство, как Россия, сделаться предметом беспощадной эксплуатации со стороны такого экономически развитого государства, как Германия. Если это так, то совершенно ясно, что о социалистическом перевороте не могут говорить у нас люди, хоть немного усвоившие учение Маркса.

Самое важное разногласие между нами и народо-вольцами, — как известно, восстававшими против марксизма, — заключалось в том, что по их мнению предстоявшая русская революция должна была соединить в себе как политический элемент, то есть низвержение царизма, так и момент социальный, точнее социалистический; мы же, в противность им, доказывали, что это невозможно вследствие экономической отсталости России. Согласно нашему взгляду, завоевания политической свободы должно и могло явиться лишь одним из тех необходимых условий, которые подготовят социалистическую революцию, имеющую совершиться в более или менее отдаленном будущем.

Этого тоже не оспаривал до сих пор никто из русских марксистов. Не оспаривал этого, между прочим, и Ленин. Это общераспространенное между русскими марксистами убеждение до сих пор напоминает ему о себе время от времени. В его восьмом тезисе говорится:

«Не «введение» социализма, как наша непосредственная задача, а переход тотчас лишь к

контролю со стороны Совета Рабочих Депутатов за общественным производством и распределением продуктов».

Тут Ленин отдает дань своему прошлому русского марксиста. Но, отдавая эту дань одной рукой, он другой рукой старается взять ее назад. Конечно, иное дело введение социализма, а иное дело контроль. Однако, спрашивается: что же собственно хочет контролировать Ленин? Ответ: общественное производство и распределение продуктов. Это, увы! — весьма неопределенный ответ. Контроль над производством и распределением продуктов, необходимый в социалистическом обществе, в известной и даже весьма значительной мере возможен также и при капитализме. Это, опять-таки, очень убедительно доказала нынешняя война. Но если восьмой тезис Ленина дает лишь неопределенный ответ на интересующий нас вопрос, то первый его тезис совсем недвусмысленно требует «полного разрыва на деле со всеми интересами капитала». Кто вполне разрывает на деле со всеми интересами капитала, тот совершает социалистическую революцию. Таким образом, заключающаяся в восьмом тезисе оговорка (не «введение» социализма, а контроль и прочее) представляет собою лишь слабую попытку нашего «коммуниста» успокоить свою марксистскую совесть. На деле он вполне разрывает со всеми, — основанными на теории Маркса, — предпосылками социалистической политики и, со всем своим обозом и артиллерией, переходит в лагерь анархистов, которые всегда неустанно призывали рабочих всех стран к совершению социалистической революции, никогда не справляясь о том, какую именно фазу экономического развития переживает та или иная отдельная страна.

Социалистическая политика, основанная на учении Маркса, имеет, конечно, свою логику. Если капитализм еще не достиг в данной стране той высшей своей ступени, на которой он делается препятствием для развития ее производительных сил, то нелепо звать рабочих, городских и сельских, и беднейшую часть крестьянства к его низвержению. Если нелепо звать только что названные мною элементы к низвержению капитализма, то не менее нелепо звать их к захвату политической власти. Кто-то из наших товарищей, оспаривавших тезисы Ленина на Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, напомнил ему глубоко истинные слова Энгельса о том, что для данного класса не может быть большего исторического несчастья, как захват власти в такую пору, когда его конечная цель остается недостижимой по непреодолимым объективным условиям. Ленина в его нынешнем анархическом настроении, разумеется, не может образумить подобное напоминание. Всех тех, которые возражали ему в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, он оптом величал оппортунистами, поддавшимися влиянию буржуазии и проводящими ее влияние на пролетариат. Это опять язык анархиста. Если читатель даст себе труд перелистать старую книгу М. А. Бакунина: «Государственность и Анархия», то он увидит, что отцу русского анархизма сам Маркс представляется оппортунистом, поддавшимся влиянию буржуазии и проводящим ее влияние на пролетариат. Да иначе и быть не могло. В анархизме тоже есть своя логика. Все тезисы Ленина вполне согласны с этой логикой. Весь вопрос в том, согласится ли русский пролетариат усвоить себе эту логику. Если бы он согласился усвоить ее се-

бе, то пришлось бы признать бесплодными наши более чем тридцатилетние усилия по части пропаганды идей Маркса в России. Но я твердо уверен в том, что этого не будет, и что в призывах Ленина к братанию с немцами, к низвержению Временного Правительства, к захвату власти и так далее, и так далее, наши рабочие увидят именно то, что они представляют собой в действительности, то есть — безумную и крайне вредную попытку посеять анархическую смуту на Русской Земле.

Русский пролетариат и русская революционная армия не забудут, что если эта безумная и крайне вредная попытка не встретит немедленного энергичного и сурового отпора с их стороны, то она с корнем вырвет молодое и нежное дерево нашей политической свободы.

(Г. В. Плеханов, *Год на Родине*, из-во И. Поволоцкого, т. I, Париж, 1921)

И. Г. ЦЕРЕТЕЛИ

РАЗНОГЛАСИЯ ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ

ПРИВОДЯТ

К АПРЕЛЬСКОМУ КРИЗИСУ

(Первые симптомы гражданской войны)

Первый кризис революции произошел в конце апреля, в результате конфликта между Исполнительным Комитетом и Временным Правительством по вопросу о внешней политике.

Ничто не предвещало этого конфликта в дни, которые ему предшествовали. Напротив, казалось, что весь ход событий способствовал укреплению связи между Временным Правительством и советской демократией.

Только что закончившееся Всероссийское Собрание Советов огромным большинством одобрило политику соглашения, которая велась руководящим большинством Исполнительного Комитета Петроградского Совета. Собрание, пополнив Исполнительный Комитет избранными им новыми членами, уполномочило его продолжать ту же политику в качестве всероссийского органа Советов. Большевики, противники этой политики, оказались на Всероссийском Собрании в ничтожном меньшинстве. Таково же было положение в местных Советах. Фронтные демократические организации, выражавшие настроения солдатских масс на фронте, в подавляющем большинстве солидаризовались с решениями Сове-

щания. Это обстоятельство делало для Временного Правительства совершенно необходимым сохранять единение с Советами не только в вопросах внутренней, но и в вопросах внешней политики . . .

10 апреля лидер партии социалистов-революционеров Чернов, только что вернувшийся из эмиграции, сделал в Исполнительном Комитете доклад о настроениях в Западной Европе и о том, какое огромное впечатление производили там призывы Совета к демократическому миру. Но в Европе, — говорил Чернов, — нашли распространение также заявления и интервью министра иностранных дел Милюкова, идущие вразрез с этой кампанией. Там создалось впечатление, что Временное Правительство расходится в этом основном вопросе с Советами, и там совершенно незамеченной прошла декларация правительства об отказе от империалистических целей войны. Поэтому Чернов предлагал потребовать от правительства, чтобы оно сообщило союзникам свое «Обращение к гражданам» от 27 марта * официально, в форме дипломатической ноты. Мы все, конечно, согласились с этим, и Исполнительный Комитет постановил, что контактная комиссия сделает нужные шаги в этом направлении.

11 апреля вечером контактная комиссия, включившая в свой состав Чернова, поставила этот вопрос перед Временным Правительством.

Это была одна из самых дружеских наших встреч с правительством. Чернова, впервые появив-

---

* Соглашение между Советом и Временным правительством о целях войны; по этому соглашению Россия отказывалась от завоеваний и выражала готовность закончить войну на базе самоопределения народов. — Р е д.

шегося в Мариинском дворце, члены правительства поздравляли с приездом, некоторые из них вспоминали о прежних с ним встречах, расспрашивали о положении на Западе. Это дало ему повод остановиться и на цели нашего посещения Временного Правительства, и кн. Львов сказал, что он не видит препятствий к удовлетворению нашего желания... Казалось, когда кн. Львов открыл заседание, что между нами и правительством царит полная гармония.

Сейчас же по открытии заседания Чернов подробно обосновал наше предложение. Предвидя возражения Милюкова, он особенно настаивал на том, что предлагаемый нами шаг ни в коем случае не подвергнет опасности прочность нашей связи с западными союзниками. Делясь своими наблюдениями над эволюцией общественного мнения в западных странах, он указывал, что заявление правительства революционной России об отказе от старых, империалистических целей будет встречено там с сочувствием и поставит там в порядок дня, в самой благоприятной для нас форме, вопрос о пересмотре общесоюзнических целей войны.

После Чернова взяли слово Скобелев и я, чтобы поддержать это предложение. Мы говорили об единомышленном убеждении представителей армейских организаций, что укрепление фронта связано с возникновением в солдатской среде уверенности, что новое правительство делает все, что возможно, для приближения демократического мира.

Милюков встретил наше предложение с явным неудовольствием. Выступление Временного Правительства с официальной нотой по вопросу о целях войны, — говорил он, — может вызвать тревогу в

союзных правительствах, ибо даст новую пищу слухам о том, что Россия готовится порвать свои связи с союзниками. Но видя нашу настойчивость и чувствуя, что остальные члены правительства не желают возобновления споров, уже имевших место при обсуждении акта 27 марта, Милюков закончил заявлением, что не отказывается от посылки ноты и делает это в ближайшем будущем.

Добившись этого согласия, мы не поставили вопроса о редакции ноты, предполагая само собой разумеющимся, что единственным содержанием ее будет текст заявления от 27 марта, который был установлен нами после таких длительных споров с Временным Правительством.

Замечательно, что эти переговоры были одними из самых кратких, какие нам приходилось иметь с правительством. Сравнивая их с долгими и трудными переговорами по поводу акта 27 марта, я объяснял себе эту разницу тем, что при первых переговорах вопрос решался по существу, и что раз удалось добиться перелома в политике правительства, в дальнейшем справляться с оппозицией Милюкова делалось легче.

Слухи об этих переговорах немедленно проникли в печать. Через несколько дней появилось в газетах известие, что правительство готовит соответствующее обращение. Затем это известие было опровергнуто. В советских кругах и в примыкавших к ним массах интерес к делу был огромный. Мы со все возрастающим нетерпением ждали сообщения о посылке ноты.

Как раз в это время правительство добивалось от нас, чтобы мы провели на общем заседании Петроградского Совета поддержку выпущенного прави-

тельством «Займа Свободы». В принципе вопрос о поддержке займа был решен в Исполнительном Комитете в положительном смысле, но так как осуществление этого решения совпало с моментом, когда мы выжидали посылку ноты, то мы решили связать эти два акта и отложить голосование в Петроградском Совете по вопросу о займе до опубликования ожидаемой ноты.

Об этом я предупредил кн. Львова по телефону в ответ на его просьбу ускорить голосование займа.

16 апреля было назначено собрание Петроградского Совета с вопросом о «Займе Свободы» в порядке дня. На этом собрании от имени Исполнительного Комитета мы предложили Совету отложить обсуждение вопроса о займе до отправки ноты правительством, и собрание приняло это предложение.

19 апреля кн. Львов прислал в Таврический дворец на мое имя долгожданное сообщение о посылке ноты. Я получил пакет в присутствии Чхеидзе, Скобелева, Дана и некоторых других членов Исполнительного Комитета, и прочитал вслух текст, который нас ошеломил своим содержанием.

Нота указывала, что министр иностранных дел поручал российским представителям при союзных державах сообщить им текст «Обращения к гражданам» от 27 марта. Но вместе с тем она снабжала это обращение комментариями, суть которых сводилась к тому, что «высказанные Временным Правительством (в «Обращении к гражданам» от 27 марта) общие положения вполне соответствуют тем высоким идеям, которые постоянно высказывались, вплоть до самого последнего времени, многими выдающимися государственными деятелями союзных стран», и что «продолжая питать полную уверенность в победонос-

ном окончании настоящей войны в полном согласии с союзниками, Временное Правительство совершенно уверено в том, что поднятые этой войной вопросы будут разрешены в духе создания прочной основы для длительного мира», и «проникнутые одинаковыми стремлениями передовые демократии мира найдут способ добиться тех гарантий и санкций, которые необходимы для предупреждения новых кровавых столкновений в будущем».

Чтобы понять впечатление, которое произвела на нас эта нота, надо представить себе атмосферу революционной России в эту эпоху и ту кампанию, которую вела советская демократия. Во всех наших обращениях к социалистическим партиям всего мира, в нашей прессе, в наших резолюциях и речах, обращенных к населению и армии, мы постоянно подчеркивали, что заявление Временного Правительства от 27 марта является первым с начала мировой войны, которым одна из воюющих стран отказалась от всяких империалистических целей. Мы не уставали подчеркивать, что общественное мнение союзных демократических стран должно поддержать этот почин, чтобы добиться такого же отказа от империалистических целей со стороны своих правительств, и выработать новую общесоюзную платформу общедемократического мира. Именно по этим соображениям настаивали мы на превращении заявления 27 марта в официальную ноту.

Борьба против этой политики демократического мира велась как внутри России, так и в союзных странах, под лозунгами «Войны до победного конца», «До осуществления санкций и гарантий», продиктованных побежденному врагу. И вот, в ноте, поясняющей смысл акта 27 марта, Милюков провозглашал

лозунгами Временного Правительства именно эти, ставшие ненавистными для революционной демократии, лозунги. И эта нота, которая представляла собой не что иное, как полемику с основными положениями политики Советов, преподносилась революционной демократии как удовлетворение ее требования.

Хуже всего было то, что нота была уже отправлена союзникам и текст ее был сообщен печати.

Если бы Милюков задался целью вызвать разрыв между Советами и правительством, лучшего средства для этого, чем его нота, он найти не мог. Таково было общее впечатление всех присутствовавших, которые в один голос выражали свое удивление и возмущение. Чхеидзе долго молчал, слушая негодующие возгласы окружающих, и потом, повернувшись ко мне, сказал тихим голосом, в котором слышалось давно назревшее глубокое убеждение: «Милюков — это злой дух революции».

Весть о получении текста ноты разнеслась по кулуарам Таврического дворца. Подходили все новые члены Исполнительного Комитета, которые знакомились с текстом ноты. До открытия заседания образовалось импровизированное совещание присутствовавших членов. В оживленном обмене мнений не только члены левой оппозиции, но и некоторые члены большинства характеризовали ноту как провокацию, как вызов. Скобелев, я и другие пытались смягчить разгоревшиеся страсти, что было очень трудно . . .

Почти полный состав Исполнительного Комитета был налицо, и Чхеидзе открыл собрание в атмосфере крайнего возбуждения.

Волнение вызывалось общим сознанием, что надвинулся кризис. Оценка ноты по существу разно-

гласий не вызывала. Все соглашались, что эту ноту, уже переданную правительством в печать, Исполнительный Комитет признать удовлетворительной не может. Поэтому главный интерес дебатов сосредоточился на вопросе о том, какими путями искать разрешения конфликта.

В то время застрельщиками левой оппозиции в Исполнительном Комитете были все еще интернационалисты, которым большевистская фракция охотно предоставляла инициативу крайних предложений. С самой решительной речью выступил «межрайонец» Юренев, который указал, что нота показывает всю бесплодность переговоров с правительством. На сцену должны выступить народные массы. На провокационный вызов правительства мы должны ответить апелляцией к массам. Только их выступление покажет и правительству, и всему миру, какова истинная воля русской революции.

Шляпников, бывший тогда одним из левых большевиков, также настаивал на призыве к массам, и в его злобных замечаниях о Милюкове и всем Временном Правительстве чувствовалась нутряная классовая ненависть к буржуазии.

В среде руководящего большинства Исполнительного Комитета возмущение нотой было так велико, что некоторые из его членов тоже не видели другого исхода, как обращение к массам с призывом выступить против Временного Правительства. Богданов, обычно спокойный, но в критические минуты проявлявший крайнюю импульсивность, был вне себя от негодования. Нота Милюкова, — говорил он, — наносит удар прежде всего нам, представителям большинства Исполнительного Комитета. Настал момент, когда переговоры с глазу на глаз между Исполни-

тельным Комитетом и правительством потеряли смысл. Слово должно быть дано массам. Только их выступление может оказать реальное воздействие на правительство.

Трудовики Станкевич и Брамсон старались смягчить страсти. Не надо, — говорили они, — придавать преувеличенное значение сопроводительной ноте. Ведь полный текст акта 27 марта, заключающий в себе отказ от старых империалистических целей, передан официально союзным правительствам. Кто знаком с положением в правительстве, тот знает, что эта сопроводительная нота есть очередная неуместная выходка Милюкова и не выражает взглядов правительства. Брамсон при этом напоминал, что сами друзья Милюкова соглашались, что он является «гением бестактности». Нельзя же из-за бестактности одного министра ставить на карту судьбу общенациональной революции.

Каменев, выражавший лучше Шляпникова доминировавшую тогда в большевистской организации тактику, явно стремился снять с большевиков ответственность за призыв к демонстрациям. Нота Милюкова, — говорил он, — лишний раз подтверждает то, что утверждали всегда представители большевистской партии. Не демократический мир, а война до победного конца является лозунгом буржуазии. Милюков и его коллеги — представители этого класса, и они не могут проводить другую политику. Антиимпериалистическую политику можно осуществлять, только устранив буржуазное правительство и заменив его правительством революционной демократии. Большинство Исполнительного Комитета этого не желает, и если некоторые из его среды предлагают апеллировать к массам, то в надежде заставить этим

путем буржуазное правительство делать чуждое для него дело. Большевики такой иллюзии не имеют. Но если большинство Исполнительного Комитета решит призвать массы, большевики, как один человек, поддержат этот призыв, так как уличные движения являются лучшей школой политического воспитания масс и лучшим способом подготовки условий для замены правительства буржуазии правительством революционной демократии.

Из членов контактной комиссии Чернова и Суханова на собрании не было. От имени трех присутствовавших членов, Чхеидзе, Скобелева и меня, я заявил, что, по существу, в оценке ноты разногласий в среде большинства быть не может. Этот акт является нарушением соглашения, которое делало возможным наше сотрудничество с правительством. Правительство должно дать нам такое удовлетворение, которое показало бы и стране, и всему миру, что внешняя политика Временного Правительства определяется «Обращением» 27 марта, а не теми комментариями, которыми Милюков сопровождал это обращение.

Но в вопросе о призыве к массам, — говорил я, — мы расходимся не только с большевиками, которые хотят использовать манифестации для своей пропаганды, но и с теми из наших товарищей, кто не думает о свержении правительства и все же готовы призвать массы на борьбу с ним.

В возбужденной атмосфере, которая нас окружает, нам легко поднять массы против правительства. Но очень сомнительно, что, развязав эту энергию, мы окажемся в состоянии удержать движение под своим контролем и помешать его превращению в общегражданскую войну. Советская демократия достаточно сильна, чтобы свергнуть Временное Прави-

тельство. Но она не имеет ни достаточно прочного влияния во всех слоях населения, ни подготовленных демократических кадров, чтобы собственными силами организовать другое правительство, которое было бы бесспорно признано большинством населения и оказалось бы способным обеспечить удовлетворение насущных экономических и политических интересов страны.

Таково положение, которое вынуждает нас быть осторожными. Но еще больше вынуждает оно к осторожности правительство, которое знает, что без поддержки Советов оно существовать не может. В этих условиях мы имеем все основания думать, что и без призыва к массам сможем заставить правительство удовлетворить требование, которое мы ему предъявим.

Исходя из этих соображений, я предложил отложить решение вопроса о призыве к массам и попытаться разрешить конфликт путем новых переговоров с правительством.

Предложение это, поддержанное Даном и Гоцем, было принято большинством.

Но, как-никак, конфликт между Исполнительным Комитетом и Временным Правительством был налицо, и последствия этого факта не заставили себя ждать.

Революционный Петроград с напряженным вниманием следил за всем, что происходило в Исполнительном Комитете. Таврический дворец был центром, который оказался связанным невидимыми нитями со всеми возбужденными кварталами столицы. Слух о том, что Временное Правительство, по вопросу о целях войны, вступило в конфликт с Исполнительным Комитетом, быстро разнесся по кулуарам Тав-

рического дворца и скоро достиг рабочих кварталов и солдатских казарм. Этого слуха было достаточно, чтобы массы поднялись.

С утра 20 апреля рабочие с окраин двинулись к центру города. Финляндский полк в боевом порядке окружил резиденцию правительства, Мариинский дворец.

Манифестация двигалась с красными знаменами и плакатами с надписями: «Долой Милюкова», «Долой Гучкова», «Долой захватную политику». Некоторые плакаты были с надписью: «Долой Временное Правительство». Рабочие и солдатские массы стекались со всех сторон в убеждении, что они вышли на улицу по призыву Исполнительного Комитета. Исполнительный Комитет немедленно послал делегатов к Финляндскому полку и манифестировавшим толпам рабочих и солдат, чтобы объяснить им, что такого призыва он не делал, что он, напротив, призывает манифестантов прекратить демонстрации, которые могут вызвать кровавые столкновения, и ждать решений руководящих органов революции.

Толпы манифестантов повиновались и расходились. Финляндский полк вернулся в казармы. Но общее возбуждение продолжалось, и новые манифестации возникали стихийно, тем более, что сторонники правительства, со своей стороны, стали организовывать контрманифестации. Агитаторы из этой среды приписали инициативу движения большевикам и особенно Ленину, зная, что последний в то время не пользовался никаким влиянием в массах и был так ненавидим солдатами, что вынужден был просить Исполнительный Комитет защитить его от эксцессов. Часть солдат присоединилась к этим контрманифестантам из правых обывателей, студентов и ин-

теллигенции, выступавшим с плакатами: «Долой Ленина».

Возбуждение в Исполнительном Комитете особенно усилилось, когда стало известно, что главнокомандующий Петроградского военного округа, генерал Корнилов, отдал приказ вверенным ему воинским частям выйти на Дворцовую площадь с артиллерией. Одни воинские части повиновались и находились уже на Дворцовой площади, другие же отказались выйти и сообщили об этом Исполнительному Комитету.

Исполнительный Комитет немедленно предписал генералу Корнилову увести воинские части обратно в казармы, и вслед за тем принял обращение к населению с призывом сохранять спокойствие, включив в это обращение следующее предписание воинским частям:

«Без зова Исполнительного Комитета в эти тревожные дни не выходите на улицу с оружием в руках. Только Исполнительному Комитету принадлежит распоряжение вами. Каждое распоряжение о выходе воинских частей на улицу (кроме обычных нарядов) должно быть отдано на бланке Исполнительного Комитета, скреплено его печатью и подписано не меньше, чем двумя из следующих лиц . . .»

Корнилов выполнил предписание Исполнительного Комитета и увел войска. Но, оскорбленный этим вмешательством в сферу его действий, он скоро подал в отставку.

Руководящее большинство Исполнительного Комитета избегало присваивать себе правительственные функции. Формально протест ген. Корнилова был правилен. Но в этот момент страна была на краю гражданской войны. Первые кровавые столкно-

вения между демонстрантами за и против правительства уже начались. Пушки на Дворцовой площади не могли не разжечь новых конфликтов. Поэтому, в этих чрезвычайных обстоятельствах, Исполнительный Комитет единогласно решил осуществить исключительные меры, взяв на себя правительственные функции для спасения страны от гражданской войны.

Роль большевистской партии в апрельских событиях была очень незначительна. Правда, большевики использовали эти стихийные выступления для самой демагогической пропаганды против правительства и против политики соглашения с ним. Отдельные большевистские агитаторы пытались даже побудить манифестантов требовать немедленного свержения Временного Правительства. Но огромное большинство манифестантов, особенно солдаты, несмотря на свое крайнее возбуждение, обнаруживали к ним такое недоверие, что большевистская организация, с Лениным во главе, держалась в эти дни, по вопросу о свержении правительства, с крайней осторожностью . . .

**
*

Для апрельского кризиса очень показательны то, что главным инициатором манифестации оказался тогда еще мало кому известный Ф. Ф. Линде. Это он привел Финляндский полк к Мариинскому дворцу. Буржуазная пресса утверждала, что он большевик, но на самом деле он был беспартийный, идеалистически настроенный интеллигент. Математик по образованию, он был мобилизован во время войны и был солдатом Финляндского полка. Не входя ни в одну из

существующих фракций, он с энтузиазмом отдался революции и был делегирован солдатами Финляндского полка в Исполнительный Комитет. Однако, комитетская работа не дала удовлетворения его боевому темпераменту, и он вскоре вышел из состава Исполнительного Комитета. Под непосредственным впечатлением ноты Милюкова, он, возмущенный до глубины души, по собственному почину призвал полк манифестировать против правительства.

Для характеристики настроений Линде интересна его последующая судьба. После того, как выяснилось, что Исполнительный Комитет не одобрял военной демонстрации, полковой комитет Финляндского полка осудил поступок Линде и постановил отправить его с маршевой ротой на фронт. Члены Исполнительного Комитета, знавшие Линде как убежденного оборонца и ценившие его большие дарования и решимость, рекомендовали его на должность помощника комиссара армии. Заняв эту должность, Линде обратил на себя внимание своей энергичной борьбой за восстановление дисциплины в рядах солдат. Вскоре он был назначен комиссаром армии на юго-западном фронте, и в августе, когда большевизм был уже широко распространен среди солдат, геройски погиб на своем посту, убитый солдатами взбунтовавшегося большевистского полка, от которых он требовал занять оставленные ими позиции.

(И. Г. Церетели, *Воспоминания о Февральской Революции*, кн. 1-я, Mouton & Co, La Haye-Paris, 1963)

П. Н. МИЛЮКОВ

ПОСЛЕДСТВИЯ АПРЕЛЬСКОГО КРИЗИСА

*(Буржуазное правительство капитулирует
перед социалистами)*

До апрельского кризиса совет р. и с. д. * хотя бы номинально признавал над собой власть Временного правительства. Его «контроль» и «давление» на правительство были фактическими, но не обоснованными на праве; на «ответственность» министров перед собой совет не претендовал. Со своей стороны и правительство официально смотрело на отношение совета к себе, как на «поддержку» влиятельной, но все же частной организации. Когда в провинцию и армию стали доходить из Петрограда вести о «двоевластии» правительства и совета, и когда к правительству стали поступать тревожные вопросы и предложения помочь ему в борьбе против претензий совета, министры обыкновенно успокаивали встревоженных уверениями, что отношения между правительством и советом — вполне дружественные. Особенно настойчиво заявлял это Некрасов, подчеркивавший в своих выступлениях свою особую близость к Керенскому. Так в Москве, в комитете общественных организаций, 24 марта он выступил с «протестом против тех легенд, которые распространяются также и в Москве. Говорят о каком-то пленении Временного

---

* Совет рабочих и солдатских депутатов. — Р е д.

правительства, о том, что оно идет у кого-то на поводу, что в стране существует несколько правительств, и т. д. Я должен сказать, что правительство ни минуты не задумывается, когда какие-либо вопросы сталкиваются с волей народа. В тех случаях, когда бывали иногда некоторые разногласия, у нас соглашение достигалось довольно быстро, путем взаимного убеждения . . . И Временное правительство, и Совет рабочих депутатов свято блюдут свою связь и единение, закрепленные уже в двух декларациях . . .»

И А. Ф. Керенский еще 12 апреля заявлял делегатам 7 армии: «Между Временным правительством и советом р. и с. д. полное единение в задачах и целях . . . Временное правительство обладает всей полнотой власти . . . Может быть, вас смущает шумная агитация, известные слова . . . Нас, Временное правительство, они не смущают. Мы верим в разум, в твердую волю народа — идти к спасению, а не к гибели, ибо никто не может желать своей гибели. Мы верим, что восторжествуют созидательные начала, а не отдельные партийные лозунги» и т. д.

И с другой стороны, г. Дан говорил 8 апреля: «Мы хотим, чтобы было сказано ясно и определенно, что это клевета, будто совет р. и с. д. хочет принять участие в осуществлении государственной власти. Мы хотели, чтобы было сказано, что власть это — Временное правительство, а революционная демократия в лице совета осуществляет свое влияние на ход политической жизни путем непрерывного организованного давления на него и контроля над ним».

Говорилось одно, но делалось совсем другое. Истинное отношение совета к правительству гораздо искреннее охарактеризовано несколько позднее (2

июня) соредактором Дана, Войтинским. «Мы поддерживали, — говорит он, — правительство первого состава условно — постольку, поскольку. У нас не было полного доверия, и фактически получалось так, что единой власти не было» . . . После 20—21 апреля это стало уже очевидным для всех и бесспорным. И, открывая вечером 21 апреля совещание правительства с исполн. комитетом, кн. Львов поставил точки над «i»: «Острое положение, создавшееся на почве ноты 18 апреля, — говорил он, — есть только частный случай. За последнее время правительство вообще взято под подозрение. Оно не только не находит в демократии поддержки, но встречает там попытки подрыва его авторитета. При таком положении правительство не считает себя вправе нести ответственность. Мы решили позвать вас и объяснить. Мы должны знать, годимся ли мы для нашего ответственного поста в данное время. Если нет, то мы для блага родины готовы сложить свои полномочия, уступив место другим».

Не помню, так ли определены были слова кн. Львова, но мысль части членов правительства была такова. Здесь ставился кабинетный вопрос. Поставить его — значило уже стать на точку зрения совета и признать министерство ответственным перед органом «революционной демократии». Это совершенно не соответствовало первоначальной точке зрения Временного правительства, считавшего себя ответственным только перед Учредительным Собранием и присягнувшего довести Россию до него и ему передать свою власть. Признавать «волей народа» мнение явно партийных организаций, не объединявших даже всей демократии, не говоря о дру-

гих общественных классах, значило идти дальше, чем решался идти до тех пор совет. Орган совета говорил теперь, правда, что «каждый шаг и во внутренней, и во внешней политике, если он затрагивает существенные интересы страны, должен быть делом двух органов, Временного Правительства и исп. комитета совета р. и с. д.» («Известия», № 50). Но даже и эта формула не ставила на очередь вопроса об изменении состава правительства. Когда вопрос об этом был поставлен самими членами правительства в одном из заседаний с контактной комиссией, Церетели прямо заявил: «какая вам польза от того, что мы войдем в ваш состав? Ведь мы из каждого спорного вопроса будем делать ультиматум и, в случае вашей неуступчивости, вынуждены будем с шумом выйти из министерства. Это гораздо хуже, чем вовсе в него не входить». Церетели, по своему обыкновению, старался здесь представить нежелательное для самого себя — нежелательным для своих собеседников.

Однако, мысль руководящей группы в правительстве (к этому времени уже совершенно выяснилось, что таковой является Керенский, Некрасов, Терещенко, к которым склоняются, с одной стороны, кн. Львов, с другой — правые члены правительства В. Н. Львов и большей частью И. В. Годнев) окончательно остановилась на идее ко а л и ц и и с членами партий, входивших в совет, как на лучшем выходе из создавшегося положения. Чтобы поставить совет перед необходимостью высказаться по вопросу, желает ли он нести формальную ответственность перед страной за то «давление», которое парализует работу правительства, намечен был проект обращения к стране с отчетом в двухмесячной деятельности пра-

вительства и с указанием на встретившиеся трудности. На идее такого обращения сошлись со сторонниками коалиции и ее противники (как А. И. Гучков, видевший в этом документе своего рода завещание первого правительства), а также и члены правительства, рассчитывавшие, что совет вынужден будет, отказавшись от участия во власти, тем самым возобновить обязательство доверия и поддержки прежнего состава.

П. Н. Милюков, высказывавшийся решительно против замены первого правительства коалиционным, как менее авторитетным и менее способным удержать страну от распада, высказывался и против опубликования документа, который неизбежно должен был повести к кризису власти. Но в руководящем кружке уже стал на очередь вопрос об удалении самого П. Н. Милюкова, откровенно поставленный в совещании 21 апреля В. М. Черновым, который предлагал П. Н. Милюкову переменить портфель министра иностранных дел, например, на портфель министра народного просвещения. Возбуждение общего кабинетного вопроса давало возможность легче решить вопрос об этой перемене и о перемене А. И. Гучкова, чем устранялись самые существенные причины трений между Временным правительством и «революционной демократией» и приобреталась, как казалось тогда, уже не «постольку — поскольку», а безусловно, поддержка партий.

Воззвание к населению было написано Ф. Ф. Кошкиным и опубликовано 26 апреля. В своем первоначальном тексте оно было суровым обвинительным актом против совета рабочих депутатов. Но после троекратной переделки эта часть воззвания была очень сильно затушевана. Центральная мысль воз-

звания, после этих переделок, была формулирована следующим образом. «Говоря об осуществленных и осуществляемых им задачах, Временное Правительство не может скрыть от населения тех затруднений и препятствий, которые оно встречает в своей деятельности. Оно не считает также возможным умалчивать о том, что в последнее время эти затруднения растут и вызывают тревожные опасения за будущее. Призванное к жизни великим народным движением, Временное Правительство признает себя исполнителем и охранителем народной воли. В основу государственного управления оно полагает не насилие и принуждение, а добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти. С тех пор, как Временное Правительство стоит у власти, оно ни разу не отступило от этих начал. Ни одной капли народной крови не пролито по его вине, ни для одного течения общественной мысли им не создано насильственной преграды. К сожалению и к великой опасности для свободы, рост новых социальных связей, скрепляющих страну, отстает от процесса распада, вызванного крушением старого государственного строя (подчеркнутые фразы вставлены эсерами, товарищами Керенского, вместо открытого обвинения совета в парализовании правительства и в содействии распаду страны). В этих условиях, при отказе от старых насильственных приемов управления и от внешних искусственных средств, употребляющихся для поднятия престижа власти, трудности задачи, выпавшей на долю Временного правительства, грозят сделаться неодолимыми.

Стихийное стремление осуществлять желания и домогательства отдельных групп и слоев населения явочным и захватным путем, по мере перехода к менее сознательным и менее организованным слоям населения грозит разрушить внутреннюю гражданскую спайку и дисциплину и создать благоприятную почву, с одной стороны, для насильственных актов, сеющих среди пострадавших озлобление и вражду к новому строю, с другой стороны, для развития частных стремлений и интересов в ущерб общим и к уклонению от исполнения гражданского долга. Правительство считает своим долгом прямо и определенно заявить, что такое положение вещей делает управление государством крайне затруднительным и в своем последовательном развитии угрожает привести страну к распаду внутри и к поражению на фронте. Перед Россией встает страшный призрак междоусобной войны и анархии, несущий гибель свободе. Есть мрачный и скорбный путь народов, хорошо известный истории, — путь, ведущий от свободы через междоусобие и анархию к реакции и возврату деспотизма. Этот путь не должен быть путем русского народа».

После этой объективной характеристики положения, очень мало гармонировавшей с искренним или официальным оптимизмом руководящей группы правительства, в воззвании давалось обещание «с особенной настойчивостью возобновить (этим подчеркивалось, что усилия эти делались и раньше) усилия, направленные к расширению его состава путем привлечения к ответственной государственной работе представителей тех активных творческих сил, которые доселе не принимали прямого и непосредственного участия в управлении государством».

Политический смысл, который руководители правительства придавали этому обещанию, был разъяснен и подчеркнут личным шагом А. Ф. Керенского, поспешившего формально открыть министерский кризис и тем закрепить позицию сторонников коалиции. В тот же день, 26 апреля, появилось в газетах его письмо в ЦК партии с.-р., в совет р. и с. д. и во Врем. комитет Гос. Думы, в котором Керенский заявлял, что отныне «представители трудовой демократии могут брать на себя бремя власти лишь по непосредственному избранию и формальному уполномочию тех организаций, к которым они принадлежат», и что в ожидании решения органов демократии, к которым он обращался, он «будет нести до конца тяжесть фактического исполнения обязанностей». Этим весь вопрос о способе создания нового правительства ставился на новую почву. Члены Временного правительства, назначенные Комитетом Гос. Думы 1 марта, не были формально делегированы партийными организациями, и не считали себя ответственными перед ними.

Мы видели, в какое отношение стал к ним совет р. и с. д. Когда возник вопрос, как уравновесить «давление» и «контроль» совета над правительством, мысль министров — в том числе и А. Ф. Керенского — обращалась обыкновенно к Временному комитету Гос. Думы, как к законному источнику власти. Члены Комитета участвовали и во всех важнейших совещаниях правительства с делегатами совета. Но идея — дать таким образом долю справедливого влияния Гос. Думе — не осуществилась. Состав 4-й Гос. Думы был фактически ослаблен тем, что лучшие элементы ее заняли места в правительстве, получили ответственные поручения вне Петрограда и т. п.

С другой стороны, Гос. Дума, как учреждение, с самого начала революции добровольно устранила себя от официальной деятельности, понимая, что с фактической отменой старых «основных законов» революционным переворотом роль ее, как государственного учреждения в системе других таких же, существенно изменяется. Свое право влиять на ход событий Гос. Дума, по необходимости, выводила не столько из своего права избрания на основе избирательного положения 3 июня 1907 г., сколько из той важной роли, которую она сыграла в успехе революции 27 февраля 1917 г. Но в роли этого фактора являлась не вся Гос. Дума, а ее Временный комитет, от времени до времени делавший свои доклады частному совещанию членов Гос. Думы. Даже и такая скромная роль Гос. Думы начинала вызывать раздражение в рядах «революционной демократии». Преследуемая с самого начала манией контрреволюции, притом сознательно злоупотреблявшая этим призраком и раздувавшая с демагогическими целями страх перед не существовавшей тогда «контрреволюционной опасностью», «революционная демократия» социалистических партий принялась систематически дискредитировать Гос. Думу и ее председателя М. В. Родзянко, пользовавшегося в первое время революции громадной популярностью в стране и в армии.

По тем или другим причинам, но Гос. Дума оказалась не подходящим средством для того, чтобы разделить контроль над правительством, да она и принципиально не захотела бы требовать ответственности правительства перед собой, в особенности требовать ее в равной мере с советом р. и с. д. И естественно, раз уже зашла речь об ответственности мини-

стров перед кем-либо, выдвинулась идея использования их ответственности перед политическими партиями, к которым большинство из них принадлежало. Если министры первого состава не были делегированы партиями и принципиально перед ними не отвечали, то теперь, при создании коалиции, и при наличии ответственности некоторых из будущих министров перед партийными органами, казалось правильным распространить эту ответственность и на отношения других министров (главным образом, членов партии народной свободы, единственно сохранившейся и организованной из несоциалистических партий) к их органам.

Письмо Керенского сделало такую постановку вопроса неизбежной. Мотивируя разницу между своим вступлением в первый состав правительства и в состав, подготовлявшийся теперь, Керенский указал, что тогда «решающие события революции застали демократию неорганизованной»; он «на свой личный страх и риск должен был принять пост в правительстве этой демократии», «когда цензовая Россия одна взяла на себя организацию власти». Теперь же он считал положение коренным образом изменившимся. «С одной стороны положение дел в стране все осложняется. Но, с другой стороны, возросли и силы организованной трудовой демократии, которой, быть может, нельзя более устраняться от ответственного участия в управлении государством». Керенский обещал себе, что это участие «придаст рожденной революцией новой власти новые силы и весь необходимый авторитет для сплочения вокруг нее всех живых сил страны и для преодоления всех преград, препятствующих выходу России на широкую дорогу исторического развития».

Чтобы оценить настроение, продиктовавшее этот шаг и эти слова, нужно вспомнить, что три дня спустя, 29 апреля, А. Ф. Керенский произнес перед фронтовым съездом сильные слова отчаяния. «Неужели русское свободное государство есть государство взбунтовавшихся рабов?.. Я жалею, что не умер два месяца назад: я бы умер с великой мечтой, что раз и навсегда для России загорелась новая жизнь, что мы умеем без хлыста и палки уважать друг друга и управлять своим государством не так, как управляли прежние деспоты». Конечно, в социалистических газетах речь эта не была напечатана. Итак, А. Ф. Керенский своим демонстративным шагом открыл министерский кризис и опять форсировал положение. С одной стороны, шаг его обязывал правительство немедленно сделать вывод из своего обещания 26 апреля. С другой стороны, он ставил и перед советами в решительной форме вопрос об участии социалистов в правительстве. Надо прибавить, что в общей форме намерение правительства призвать все живые силы было доведено до сведения Н. С. Чхеидзе и М. В. Родзянко письмом князя Львова, воспроизводившим выражения декларации 26 апреля.

Наиболее влиятельные руководители совета, вместе с И. Г. Церетели, вовсе не были склонны нести ответственность за пользование правительственной властью в такую ответственную и трудную минуту. Они совершенно правильно учли свои силы, понимали, что необходимый для них процесс организации едва лишь начался в стране, сознавали отлично, что в этом процессе гораздо выгоднее быть на стороне критикующих, чем критикуемых, отдавали себе отчет и в том, что уход наиболее влиятельных из

них из совета в правительство чрезвычайно ослабит их влияние в совете и откроет путь к усилению влияния их противников слева — большевиков. В заседании исполнительного комитета 29 апреля, после продолжительных прений, комитет высказался против участия в правительстве большинством одного голоса, 23 против 22, при 8 воздержавшихся.

Было, однако, несомненно, что раз начатое дело, уже ввиду неизбежности личных перемен, должно быть доведено до конца. В тот же день кн. Г. Е. Львов посетил П. Н. Милюкова и просил его помочь ему выйти из затруднительного положения. П. Н. Милюков в ответ указал альтернативу: или последовательно проводить программу твердой власти и, в таком случае, отказаться от идеи коалиционного правительства, пожертвовать А. Ф. Керенским, который уже заявил о своей отставке, и быть готовым на активное противодействие захватам власти со стороны совета, — или же пойти на коалицию, подчиниться ее программе и рисковать дальнейшим ослаблением власти и дальнейшим распадом государства.

В сущности, выбор кн. Львова был уже сделан, и П. Н. Милюков мог облегчить его положение лишь одним способом: он предложил решить свой личный вопрос в свое отсутствие (он и А. И. Шингарев в этот день выезжали в ставку), предупредив только, что при создании коалиционного правительства он не примет предполагавшейся перемены портфеля, так как он принципиально против коалиции. Уезжая, П. Н. Милюков просил также и А. И. Гучкова, готовившегося подать в отставку, отложить свой личный вопрос до решения принципиального вопроса о коалиции и о ее программе.

Однако, уже вечером 29 апреля А. И. Гучков заявил Временному правительству о своем уходе, и днем 30 апреля кн. Г. Е. Львов получил от него письмо, в котором, «ввиду тех условий, в которые поставлена правительственная власть в стране, а в частности, власть военного и морского министра, условий, которые изменить . . . не в силах, и которые грозят роковыми последствиями армии и флоту, и свободе, и самому бытию России», он «по совести не может более нести обязанности военного и морского министра и разделять ответственность за тот тяжкий грех, который творится в отношении родины». В то же время А. И. Гучков выступил на съезде делегатов с фронта с длинной речью, в которой перечислял все свои заслуги перед армией и флотом и заявлял, что «в том угаре, который нас охватил, мы зашли за ту роковую черту, за которой начинается не созидание, не сплочение, не укрепление военной мощи, а постепенное разрушение». Справедливость требует сказать, что в этом процессе разрушения А. И. Гучков не захотел перешагнуть последней грани: он остановился перед опубликованием «декларации прав солдата», которая была затем опубликована через две недели его преемником, — и которая, по компетентному заявлению высшего командования, должна была нанести военной дисциплине последний и непоправимый удар.

Известие об отставке Гучкова заставило исполнительный комитет, после разъяснений А. Ф. Керенского, пересмотреть свое решение о невступлении в правительство. В вечернем заседании первого мая большинством 41 против 18, при 3 воздержавшихся, было решено принять участие в коалиционном правительстве.

Против этого решения голосовали на этот раз только большевики и меньшевики-интернационалисты. В эту же ночь была выработана и программа пунктов, на которой социалисты соглашались войти в правительство. На первое место здесь был поставлен спорный пункт о внешней политике, вводивший на этот раз целиком популярную формулу: «деятельная внешняя политика, открыто ставящая своей целью скорейшее достижение всеобщего мира без аннексий и контрибуций, на началах самоопределения народов, в частности подготовка к переговорам с союзниками в целях пересмотра соглашения, на основании декларации Временного Правительства от 27 марта».

(П. Н. Милюков, *История Второй Русской Революции*, т. I, София, 1921)

В. Б. СТАНКЕВИЧ

ИЮНЬСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ НА ФРОНТЕ

Каково бы ни было состояние армии, оно не снимало вопроса об активных действиях. Как раз в июне месяце открылся съезд советов, на котором войсковые представительные органы были представлены очень полно. Было специальное военное собрание для того, чтобы представители армий могли высказать свои пожелания Керенскому. Общий голос солдатских представителей был за наступление. Даже Крыленко, который каким-то образом умудрился явиться представителем одной из южных армий, говорил (очевидно по наказу своих товарищей), что армия находится в таком состоянии, что если ее не поведут вперед, то она сама может пойти назад, словом, хотя с оговорками, но недвусмысленно высказался за наступление.

К политическим мотивам присоединялись и военно-стратегические. Уже в прежних разговорах в Ставке указывалось, что необходимо, чтобы летом наша армия проявила активность для того, чтобы облегчить задуманные грандиозные операции союзников на западном фронте. В последнее же время Брусиллов, уже будучи Верховным главнокомандующим, настаивал на скорейшем наступлении, так как имелись сведения о переброске сил противника на наш фронт, и было опасение, что противник сам предполагает перейти в наступление, а Ставка хотела предупредить его.

Наступление было назначено на 10, потом на 15 июня. Керенский, по условию, должен был ехать на фронт. Я сопровождал его. Мы приехали в Тарнополь в день начала артиллерийской подготовки, и командование фронта решило использовать пребывание Керенского для агитации в армии. В первый же день его повезли в 1-й гвардейский корпус.

Колоссальная масса солдат — это был наиболее многочисленный митинг из всех, виденных мной: тысяч, вероятно, до 15-ти. Тут же весь командный состав. Все это расположилось в лощине с пологими боками, сплошь покрытыми солдатским морем. В середине автомобиль Керенского. В общем, митинг проходил гладко. Но командный состав был в волнении — главный агитатор и смутьян, капитан Дзевалтовский, знаменитый большевик, не явился на митинг и, поэтому, по мнению командного состава, митинг наполовину терял свое значение, так как останутся не опровергнутыми главные аргументы, колеблющие порядок. Между тем, Дзевалтовский с двумя наиболее непокорными и деморализованными полками расположился в стороне и в середине митинга прислал депутацию к Керенскому с просьбой прийти к ним. Положение было затруднительное — Дзевалтовский, очевидно, хотел уклониться от боя или дать бой в обстановке, наиболее благоприятной для него, окруженный преданной ему аудиторией. Керенский встал во весь рост и поставил на голосование вопрос: кому идти: ему ли к отделившейся части корпуса, или отделившейся части присоединиться ко всем. Щетиной мгновенно, без колебаний поднявшихся рук, собрание единодушно постановило: отделившиеся должны присоединиться ко всем. Делегаты, смущенные, как побитые, отправились на-

зад. Митинг продолжался, но несколько сумбурнее — комиссару 11-й армии Кириенко не дали договорить до конца, часть митинга покинула поле в виде протеста против своего же собственного решения. Однако митинг был доведен до конца. Но тут вмешалось начальство. Обеспокоенное, что Керенскому не пришлось перед солдатами опровергнуть аргументы Дзевалтовского, оно стало настаивать на том, чтобы Керенский, несмотря на его торжественный отказ, несмотря на то, что отделившиеся были осуждены «всем миром», отправился к гренадерам. Особенно волновался командир корпуса, ген. Илькевич, который плакался, что, если не произойдет встречи с Дзевалтовским, то весь смысл посещения министра пропадет. Сперва Илькевич пробовал убедить меня воздействовать на Керенского, но я определенно сказал, что даже не понимаю, как может ставиться подобный вопрос после всего, что произошло, после того, как приказ не был выполнен.

Не слушая дальнейших аргументов, я направился к автомобилю, стоявшему на дороге, оставляя Керенского беседующим с несколькими солдатами. Но, не успев я дойти до автомобиля, как увидел, что автомобиль Керенского повернул и поехал прямо к гренадерскому полку. Оказалось, Илькевичу удалось убедить Керенского. И началась позорная картина бесполезного словопрения с заведомо несогласными. Первую речь тоном обвинителя произнес Дзевалтовский, самоуверенно и вызывающе повторивший все нападки большевистской прессы. Потом по пунктам отвечал Керенский, потом опять говорил Дзевалтовский. Настроение солдат было неопределенное. Часть аплодировала Дзевалтовскому, часть, не меньшая, Керенскому, но большинство слушало молча, думая

про себя свою думу и, вероятно, не отдавая себе отчета в происходящих спорах и смутно сознавая, что вопрос шел о кардинальнейшем для каждого вопросе, — идти в наступление или не идти... В общем, конечно, был провал. Впечатление уступчивости, нерешительности власти на фоне растерянности командного состава не предвещало ничего доброго.

Я потом спрашивал Духонина, бывшего тогда начальником штаба юго-западного фронта, как это военные не понимают, что подобные выступления необходимо инсценировать по-военному: войска должны быть выстроены, чтобы чувствовалась подтянутость. Он, по-видимому, соглашался со мной и, во всяком случае, в неудаче посещения корпуса винил командира корпуса. Второй день пребывания на фронте прошел в более мелких выступлениях в разных частях. Было, однако, ясно, что, когда дело стало подходить к решительному шагу, настроение солдатских масс быстро падало. Аргументы и убеждения не улучшали положения, но ухудшали, так как вызывали мысль, что солдат волен убедиться или не убедиться аргументами, что не укрепляло, а лишь расшатывало дисциплину. Но едва ли кого можно винить в создавшемся положении. В минуту, когда дезорганизованные толпы солдат вышли на улицы Петрограда, перед русской общественностью встали два пути: или сразу загнать толпу в казармы, стреляя вместе со спрятанными городскими с чердаков, или убеждать солдат... Начали убеждать, сперва в Петрограде, потом, естественно, по просьбе самого начальства, и на фронте. И первый, кто почувствовал, что уговоры в армии не достигают цели, и что революционная власть, если хочет иметь армию, должна научиться приказывать ей и приучить к повинове-

нию без рассуждений, — был Керенский. Через несколько дней, в ответ на просьбу главнокомандующего западным фронтом Деникина приехать в армию для агитации, Керенский ответил телеграммой, где была приблизительно такая фраза:

«Время уговоров и разговоров в армии прошло. Надо приказывать, а не митинговать».

Ночь перед наступлением я хотел было провести в окопах, но задержался на каких-то «уговариваниях» и вынужден был, вместе с Кириенко, заночевать на полу какой-то избы. Рано утром 18 июня мы уже были на фронте.

Артиллерийская стрельба была ожесточенной с обеих сторон. Над головой неустанно проносились свистящие, шипящие и стонущие звуки снарядов. Гора Могила, куда мы направились, дымилась, как вулкан, так что начальник дивизии утверждал, что он никогда не видывал ничего подобного. (Значит, артиллерия противника не подавлена, подумалось мне). Мы обходили окопы, произносили короткие речи кучкам солдат, которые сгруживались около нас, приседая к земле и прижимаясь к стенкам окопов, несмотря на сильный огонь противника и неустанный свист шрапнели и осколков. В одну кучку солдат попал снаряд, едва мы успели отойти от нее за бруствер. К моменту, когда должна была начаться атака на этом участке, мы подошли к первой линии окопов. Но скоро пришел приказ — атаку «отставить», так как соседний участок не успел выполнить своей задачи.

Громадное впечатление произвели на меня бросающиеся в глаза технические недочеты. Участок, имевший по планам наступления весьма большое значение, был вовсе не подготовлен для атаки. О

плацдарме не было и помину, — к первой линии окопов нам пришлось идти по открытой ложине, продольно обстреливаемой шрапнелью противника. Полк, по участку которого мы проходили, и который должен был идти в атаку, не имел пулеметов, так как эти пулеметы были отданы чехословакам, наступающим рядом. Мне казалось, что при таком положении технической стороны и при сильном артиллерийском огне противника, атака не могла бы иметь шансов при наилучшем моральном состоянии войск.

Каково было это состояние? Имея в виду, что все трусы и дезертиры остались так или иначе в тылу, что наиболее разложившиеся части вообще были скинуты с расчетов командного состава, можно утверждать, что те солдаты, которых мы видели в окопах, были полны решимости наступать. В передовом окопе нам все время говорили — «Скорее пришел бы приказ в атаку» . . . Солдаты выглядели бодро и уверенно, без малейшего признака брожения или недовольства. Инерция старого порядка, моменты личного благородства, нежелание в минуту опасности показать себя хуже других — все играло роль в этом настроении.

В штабе 11-й армии в общем были довольны результатами наступления. На некоторых участках было заметное продвижение наших войск. Австрийцы, по обыкновению, сдавались целыми полками. Пленные показывали, что готовится отступление их фронта верст на 40. Командующий Эрдели весь оживился при этих сведениях и стал говорить, что это максимум, о чем можно было мечтать . . . Несколько иные впечатления были в 7-й армии, где Керенский наблюдал за наступлением около Бржезан. Картина первоначального момента атаки была великолепной:

атакующие войска дружно, по приказу, с красными знаменами бросились вперед. Но потом остановились. Кое-где задержались в передовых окопах противника, в большинстве же случаев вернулись в свои окопы. Керенский волновался и огорчался. Но военный элемент говорил, что картина наступления обычная, что общий результат удовлетворителен, и что нужно ждать результатов дальнейших ударов.

19 июня я, по просьбе Савинкова, который был комиссаром 7-й армии, отправился на Бржезанский участок убеждать какую-то дивизию остаться в окопах, занятых у противника. Начальник дивизии оказался очень разговорчивым человеком. Он рассказал, что он принял командование дивизией всего за несколько дней до наступления, когда диспозиция боя была уже составлена и, по его словам, очень неудачно. Он рассказывал, что одному полку была дана весьма сложная задача выбивать фланговым движением противника из окопов при помощи ручных гранат, причем оказалось, что солдаты не имели понятия об употреблении гранат и, получив их перед боем, оставили в тылу, чтобы легче было идти. Рассказывал массу других технических подробностей, которых теперь уже не помню, но которые все вместе показывали, что наступление было организовано ниже всякой критики. В штабе полка командир, горячо поддерживаемый окружавшими его офицерами, стал жаловаться на порядки в тылу и показал мне письмо его жены, где та сообщала, что новые власти заставляют ее, как всех обывателей, по очереди окарауливать улицы, лишённые охраны после упразднения полиции.

Наиболее огорчительное впечатление производили солдаты. Часть хмуро молчала. Многие просились

в тыл. Никакие аргументы не помогали, кроме твердого «невозможно». Просились в тыл «хоть на неделю, хоть на несколько дней, хоть на день», — лишь бы уйти из чужих окопов, куда каждую минуту мог нагрянуть хозяин. Хотя надо заметить, что тревога была совершенно не обоснованной, так как при мне в окопы вернулся с грудой неприятельского снаряжения «охотник», ходивший «в гости» к австрийцам. Он сообщил, что все ближайшие окопы впереди совершенно пусты, так как противник, по-видимому, отошел на весьма далекое расстояние.

На следующий день мне пришлось опять иметь дело с 1-м гвардейским корпусом. В очередной новой атаке на фронте 11-й армии он должен был играть большую роль. Но в штаб армии сообщили из корпуса, что, получив приказ, корпус отказался подчиниться ему и остался на своем месте. Эрдели был в волнении. «Вот, наступай с такими войсками»... Приехал сам ген. Илькевич, смущенный, перепуганный. По просьбе командующего армией я отправился в корпус выяснить, в чем дело. По дороге, недалеко от штаба, навстречу мне попался полк,двигающийся вместе с офицерами в прекрасном порядке. Я спросил, какой это полк. Оказался одним из полков гвардейского корпуса. Разговорился с офицерами — никаких затруднений не было, направляются на указанное место. Дальше — следовал второй полк. Оказалось — вся дивизия целиком. Приехали в штаб корпуса — там еще не знали о движении полков и были в полной уверенности, что корпус еще на месте. Отправился к месту стояния второй дивизии — напрасно, все полки выступили. Оставался, правда, один, но он тоже кончал сборы; замедление же солдаты объяснили тем, что ждали, пока спадет жара

— все равно, на ночь придут в назначенное место. Я не удовлетворился этим и решил проверить, действительно ли полки приходят по назначению, и отправился в ту деревню, которая была назначена для гренадерского полка: я памятовал о Дзевалтовском. Полк находился уже на месте. Ко мне вышел Дзевалтовский и очень смиренно и дружественно старался убедить, что все рассказы о том, что он бунтует солдат, неправда, что он только имеет свое мнение и высказывает его, но, когда дан приказ — он первый выполнит его и считает личным оскорблением подозрения, что он может поступить иначе. Разговор происходил в присутствии многих членов полкового комитета и многих солдат. Затрудняюсь сказать, насколько его слова были искренни в этот момент — ведь все мы жили в совершенно необычной духовной атмосфере . . . Но, хотя он производил сам по себе неприятное впечатление, — тогда я верил ему.

Хотя на этот раз я мог в штабе армии сообщить успокоительные сведения, тем не менее было ясно, что корпус находится в стадии полнейшего административного развала, при котором каждую минуту можно ожидать осложнений. И осложнения были: на другой же день, когда корпусу предстояло перед боем занять исходные позиции, гренадерский полк повернул и отправился верст на 25 в тыл, а за ним последовало несколько сот солдат из других полков. Они были окружены, разоружены, а Дзевалтовский предан суду, причем присяжные из солдат оправдали его.

В день вторичной атаки обнаружилось все значение развала организации. Самого наступления я не видел, так как опоздал из-за автомобильной ка-

тастрофы. Но я поспел к штабу гвардейского корпуса, когда неудача наступления выяснилась вполне. Настроение штаба было нескрываемо, отчетливо и ярко злорадным. Тот же генерал Илькевич, проходя мимо меня, не удержался, чтобы не поиронизировать относительно качеств революционной армии:

«Видали, как наступает революционная армия...»

Судя по рассказам, наступление, действительно, было неприглядным. Корпус, лучший во всей армии, выступил как будто дружно с красными знаменами... но, добежав до проволоки противника, не разрушенной артиллерийским огнем, беспомощно залег и не двинулся с места, пока не был дан приказ об отступлении. Но, опять-таки, помимо «моральной», была и техническая сторона дела: солдаты не были обучены преодолевать препятствия и не имели нужных для этого приспособлений.

Вечером я присоединился к Керенскому. Военный элемент воспринимал события спокойнее, указывая, что картина не была необычной. Но Керенский воспринимал это уже почти как неудачу революции. Не знаю, было ли это сознанием действительного значения неудачи, или огорчением, что не осуществились мечты о тех возможностях, которые открывало бы удавшееся наступление как для внешней, так и для внутренней политики... Но упадок духа был очень резкий.

Уже в качестве комиссара северного фронта, мне пришлось быть свидетелем наступления под Двинском 10 июля. Сперва наступление было назначено

на 5 июля, — но восстание большевиков в Петрограде заставило отложить его, причем некоторые, наиболее надежные части пришлось отправить на «внутренний фронт».

В день моего приезда весь штаб был полон самых неприятных известий об отказе частей и даже целых дивизий выступить на фронт. Однако, к вечеру положение стало проясняться и правдами и неправдами, но все участки, назначенные для наступления, были заняты, кроме одной дивизии, которая до вечера отказывалась выступить и чуть не расстреляла корпусного комиссара, убеждавшего ее исполнить приказ. Ген. Данилов решил принять крутые меры и двинуть против дивизии целый карательный отряд из всех трех родов оружия. Я участвовал в заседании, где вырабатывалась диспозиция окружения дивизии. Мне была отведена роль явиться в дивизию, когда она будет окружена, и дать ей ультимативный приказ идти на позиции, если она не хочет быть истребленной своими войсками. Отряд для окружения был под командой ген. Грекова. Поехали в корпус около станции Калкуны. Уже во время ужина стали поступать утешительные сведения, что два полка подчинились и выступили. Остался один упорствующий полк. Часов около 12 ночи, совместно со штабом карательного отряда, мы двинулись к расположению непокорного полка. Однако, весь отряд пришел в чрезвычайное расстройство, и до утра ген. Греков не мог установить связи ни с одной назначенной в его распоряжение частью. К рассвету, убедившись, что нет никаких надежд найти заблудившиеся в лесу части отряда, я оставил ген. Грекова в железнодорожной будке и отправился сам к оврагу, где находился бунтующий полк. Меня там встретили на-

чальник дивизии и несколько штабных. Я сказал, что хочу переговорить с бунтующими. Солдаты, сидевшие унылыми, неподвижными сонными группами, встали и столпились около того места, где я стоял. Я отказался говорить с ними, пока они не станут в строй. Они, — правда неуклюже и неловко, — но стали в строй. Я обратился к ним с короткой речью, говоря, что не собираюсь ни просить, ни уговаривать, ни приказывать даже, а только предупреждаю, что если они не двинутся немедленно на позицию, то будут уничтожены. С вечера они могли пройти безопасно, теперь же придется идти засветло по открытому месту, но все же они должны идти.

Я не знаю, что я делал бы, если бы солдаты отказались подчиниться. Но, к моему удовольствию, солдаты, даже не совещаясь и не колеблясь, разобрали котомки и пошли на позицию. Вероятно, они знали о приближении отряда и, по уверенному тону моих слов, заключили, что отряд уже подошел.

Я отправился в штаб корпуса. По дороге заехал к ген. Грекову — он мирно спал в железнодорожной будке, около которой возились телеграфисты, налаживая связь с частями отряда. Я предупредил, что отряд больше не нужен.

В корпусе я пытался было соснуть. Но свободной постели не было и, только я уселся к столу, как началась утренняя суматоха. К 8 часам, после чая, я, вместе с командиром корпуса, отправился на участок наступления. Командир корпуса остался в штабе дивизии, а я отправился на наблюдательный пункт. Оттуда, повинуясь какому-то безотчетному позыву, я отправился к участку, где происходил бой и где клубы дыма и взрываемой земли показывали, что противник усиленно отвечает на наш огонь. В

землянке штаба полка, куда я забрел, было душно . . . Много офицеров, а кроме того, и члены комитета. Телефонист кричит, стараясь добиться сведений или соединения. О ходе атаки — почти никакого представления. Что-то заняли, где-то продвинулись. Привели откуда-то пленных. Вдруг у входа в землянку движение — оказалось, одна из резервных рот не выдержала огня противника и отступила. В довольно смешной позе, с прутом в руках, вместо шашки, кричу им слова ободрения и команду «Вперед!» Повернули, пошли и стали на свое место в ходах сообщения неподалеку от первой линии. Навстречу попался председатель полкового комитета. Пошли осматривать участок. Жалуется на пуганицу. Роты перемешались, растеряли своих офицеров. Никто не руководит наступлением, все идет по инерции и, по-видимому, сила инерции уже истощилась. Попали под очень сильный огонь противника. Солдаты стояли, прижавшись к стенкам окопа, оглушенные, засыпанные землей, пораженные немолчным свистом осколков и всесотрясающими взрывами. Спросил, какой полк, — оказалось, тот же, который несколько часов тому назад под моей угрозой оставил мирную и спокойную лощину в лесу. Помню лицо одного наклонившегося солдата; бледное, перекошенное от страха. Посмотрел на него . . . Наши глаза встретились . . . Я улыбнулся и внутренне торжествовал, когда я увидел его встречную улыбку.

(В. Б. Станкевич, *Воспоминания* — 1914—1919, из-во И. Ладыжникова, Берлин, 1920)

И. Г. ЦЕРЕТЕЛИ

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ЗАГОВОР ДЕСЯТОГО ИЮНЯ

В начале июня, через три месяца после свержения старого строя, в Петрограде все еще сохранялось состояние неустойчивого равновесия и такая психологическая атмосфера, которая открывала возможность для хорошо организованной заговорщической партии незаметно подготовить и неожиданно осуществить выступление десятков тысяч вооруженных солдат и рабочих для свержения власти.

Вопросы войны и мира, вопросы заработной платы и, в связи со всем этим, вопрос об отношении к правительству бурно обсуждались на рабоче-солдатских митингах, сопровождавшихся уличными шествиями и манифестациями. В кипящей политической атмосфере столицы то и дело возникали стачки, причем бывали случаи изгнания с заводов технического персонала, а то и ареста неуступчивых фабрикантов бунтарскими группами рабочих. В наиболее разложившихся частях петроградского гарнизона принимались требования отмены приказов о соблюдении военной дисциплины и о посылке маршевых рот на фронт. Демократические организации столицы, — Совет Р. и С. Д.* так же, как и большинство профессиональных союзов и полковых комитетов, боролись с этими эксцессами, вводя стачечное движение в русло организованной борьбы за улучшение условий труда и предотвращая солдатские бунты.

---

* Совет рабочих и солдатских депутатов. — Р е д.

В общем и целом этим организациям, при поддержке большинства рабочих и солдат, удавалось предотвратить столицу от серьезных потрясений. Но постоянные волнения, усиливавшиеся агитацией большевиков и других крайних левых групп, создавали общее тревожное настроение. В городе постоянно ходили слухи, муссировавшиеся правыми кругами, о предстоящих революционных выступлениях, о готовящейся всеобщей стачке, о выходе большевизированных полков на улицу и т. д. С другой стороны, из большевистских кругов распространялись слухи о готовящихся со стороны контрреволюционных кругов покушениях на свободу, о вызове в столицу казачьих частей для разгрома рабочих организаций и пр.

Вот при таком психологическом состоянии столицы, привыкшей к постоянным слухам о готовящихся волнениях, которые часто оказывались или чрезмерно преувеличенными, или совсем неверными, руководимый Лениным большевистский Центральный Комитет и приступил к подготовке выступления 10 июня для свержения коалиционного правительства и для захвата власти большевистской партией.

Все подробности этого плана, выработанного на конспиративном заседании большевистского Центрального Комитета, теперь известны. Их впервые опубликовал в своих «Записках о революции» Суханов на основании сведений, сообщенных ему после октябрьской революции членами большевистского Центрального Комитета, участниками заговора 10 июня. Точность этих сведений несомненна, так как 4-я книга «Записок о революции» Суханова, в которой они напечатаны, вышла в свет в 1922 году, когда еще были живы все участники заговора. И хотя

«Записки о революции» получили широкую известность в советской России, ни Центральный Комитет большевистской партии, ни отдельные лица, поименно названные Сухановым, — Ленин, Каменев, Зиновьев, Сталин, Стасова, Невский, Подвойский — не сделали ни малейшей попытки подвергнуть сомнению точность сообщенных Сухановым фактических данных.

Вот как, со слов непосредственных участников заговора, описывает Суханов происхождение дела 10 июня, «одного из знаменательнейших эпизодов революции».

На конспиративном заседании Центрального Комитета, при обсуждении вопроса о выступлении 10 июня, Ленин и его ближайшие сторонники занимали, по словам осведомителей Суханова, следующую позицию: «группа Ленина не шла прямо на захват власти в свои руки, но она была готова взять власть при благоприятной обстановке, для создания которой она принимала меры». Против этой осторожной тактики высказались двое членов Центрального Комитета, Сталин и Стасова, поддержанные одним из двух главных руководителей большевистской «военной организации» Невским: они предлагали форсировать движение и довести его, при всяких условиях, до конца. С другой стороны, два члена Центрального Комитета, Каменев и Зиновьев, высказались против выступления. Большинство Центрального Комитета отвергло оба эти крайние предложения и приняло следующий конкретный план действия, исходивший от Ленина:

«Ударным пунктом манифестации, назначенной на 10 июня, был Мариинский дворец, резиденция Временного Правительства. Туда должны были на-

правляться рабочие отряды и верные большевикам полки. Особо назначенные лица должны были вызвать из дворца членов кабинета и предложить им вопросы. Особо назначенные группы должны были, во время министерских речей, выражать 'народное недовольство' и поднимать настроение масс. При надлежащей температуре настроения, Временное Правительство должно было быть тут же арестовано. Столица, конечно, немедленно должна была на это реагировать. И в зависимости от характера этой реакции Центральный Комитет большевиков, под тем или иным названием, должен был объявить себя властью. Если в процессе «манifestации» настроение будет для всего этого достаточно благоприятным, и сопротивление Львова—Церетели будет невелико, то оно должно было быть подавлено силой большевистских полков и орудий».

Вопрос о том, смогут ли большевики, представляющие незначительное меньшинство в стране, даже в случае захвата власти в Петрограде, удержать эту власть в своих руках, не мог, конечно, не встать перед Центральным Комитетом. Суханов, со слов осведомивших его участников заговора, сообщает, что этот вопрос вызывал среди членов Центрального Комитета колебания, но что они рассчитывали на возможность закрепления большевистской диктатуры. «Колебания, — говорит Суханов, — вызывались главным образом мыслями о том, что скажет провинция... расчеты же основывались преимущественно на популярности большевистской программы, которая подлежала немедленному осуществлению».

Это означает, что большевики рассчитывали, на другой день после захвата власти, привлечь на свою сторону массы солдат, крестьян и рабочих путем не-

медленного заключения мира, установления террора против буржуазии и предоставления крестьянам и рабочим права самочинно захватывать земли, фабрики и заводы, — как это и было сделано большевистским правительством после октябрьского переворота, в период «военного коммунизма».

Руководители большевистской «военной организации», Невский и Подвойский, представили Центральному Комитету очень оптимистический доклад о военно-технической стороне готовившегося выступления.

**
*

9 июня, во второй половине дня, в казармах большевизированных полков и в рабочих кварталах была расклеена прокламация большевистской партии, зовущая солдат и рабочих выступить на следующий день на улицу с требованием передачи всей власти Советам для проведения в жизнь большевистской программы.

С 4 часов 9 июня в помещение Всероссийского Съезда Советов, на Васильевском Острове, стали стекаться все в большем количестве члены Петроградского Совета, побывавшие на Петроградской Стороне, где примыкавшие к большевикам рабочие и солдаты толпились перед прокламациями, расклеенными на улицах, прилегавших к дому Кшесинской. Наши товарищи отмечали небывалое возбуждение в толпах, из рядов которых слышались угрозы расправиться «с буржуазией» и «соглашательским большинством Съезда». Красноармейцы и солдаты говорили, что выйдут на завтрашнюю демонстрацию с оружием в руках, чтобы подавить всякое сопротивление.

ление контрреволюции. Среди этих толп сновали в большом количестве подозрительные штатские лица, явно не принадлежавшие к среде рабочих и солдат и старавшиеся своими призывами к революционному действию еще больше разжечь страсти. Наши товарищи не сомневались в том, что это были бывшие охранники и жандармы. Скоро появились и стали переходить из рук в руки расклеивавшиеся на улицах листовки.

Прокламация большевистской партии называла предстоящую демонстрацию «мирной». Но и содержание и тон этой прокламации, в которой каждое слово было рассчитано на то, чтобы довести призываемые на улицу массы до крайнего возбуждения, не оставляли сомнения в том, что дело шло о восстании, направленном на свержение правительства. Бросалось в глаза то обстоятельство, что прокламация призывала демонстрантов — солдат и рабочих — проявить те же чувства единства и взаимной поддержки, какие они проявляли в дни февральского восстания . . .

Никто из нас не сомневался, что, при существующем соотношении сил, попытка большевистского переворота не имеет шансов на успех. Но вместе с тем мы знали, что если бы на улицах Петрограда появились многочисленные толпы вооруженных солдат и рабочих с требованием перехода власти к Советам, это неминуемо должно было вызвать кровавые столкновения. Прямым последствием этого выступления были бы трупы на улицах Петрограда, дискредитация демократии, не сумевшей предохранить революционную столицу от таких потрясений, и усиление контрреволюционных течений в стране.

Надо было во что бы то ни стало предотвратить готовившееся выступление.

Временное Правительство, как только ему стало известно о расклеенной большевиками прокламации, приняло постановление: «Ввиду распространяющихся по городу и волнующих население слухов, Временное Правительство призывает население к сохранению полного спокойствия и объявляет, что всякие попытки насилия будут пресекаться всей силой государственной власти». С вечера 9 июня военные патрули разъезжали по городу.

Но всем было ясно, что парализовать авантюру большевистской партии могло только решительное выступление Съезда Советов.

Несколько человек из руководящей группы Советов, — Чхеидзе, Гоц, Дан и я, — составили проект воззвания, которое должно было быть обращено от имени Съезда к рабочим и солдатам, чтобы предостеречь их от участия «в демонстрации, подготовленной партией большевиков без ведома Всероссийского Съезда Советов». Воззвание требовало, чтобы 10 июня «ни одной роты, ни одного полка, ни одной группы рабочих не было на улице». Воззвание указывало на то, что «при существующем тревожном настроении в столице демонстрация с требованием низвержения правительства, поддержку которого Всероссийский Съезд Советов только что признал необходимой», не может не привести к кровавым столкновениям, результатом которых будет не ослабление, а усиление «притаившихся контрреволюционеров, которые жадно ждут минуты, когда междуособица в рядах революционной демократии даст им возможность раздавить революцию».

До открытия вечернего заседания Съезда, Чхеидзе созвал соединенное собрание Президиума и Бюро Исполнительного Комитета. Мы огласили на этом собрании выработанный нами проект воззвания и предложили принять этот проект за основу для установления окончательного текста.

Все присутствовавшие с этим согласились, за исключением двух членов собрания, представлявших большевиков, Каменева и Ногина. Оба они принадлежали к правому крылу большевистской партии, которое не сочувствовало выступлению, затеянному Лениным и его ближайшими сторонниками. Но, как дисциплинированные члены партии, они протестовали против принятия нашего текста за основу обсуждения . . .

Представители большевистской фракции заявили, что они не могут перерешать постановления своей партии, и покинули заседание. Вместе с ними ушел и Луначарский, представлявший в Президиуме «интернационалистов-межрайонцев».

После этого, в отсутствие большевиков, собрание обсудило проект воззвания против демонстрации и, с небольшими изменениями, утвердило его для представления Съезду. Кроме того, было решено предложить Съезду запретить, в особой резолюции, всякие манифестации в Петрограде на три дня, 10, 11 и 12 июня. Для организации противодействия всяким попыткам вывести солдат и рабочих на улицу было решено предложить Съезду избрать бюро, состоящее из председателя Съезда Чхеидзе и нескольких членов Президиума и Исполнительного Комитета.

К концу заседания вернулся Луначарский и сообщил нам, что фракция большевиков отправила в дом Кшесинской своих представителей, чтобы насто-

ять перед большевистским Центральным Комитетом на необходимости отменить демонстрацию. Делегаты фракции, взявшиеся вести переговоры с Центральным Комитетом, — сказал Луначарский, — надеются на успех и просят дать им полтора часа на выяснение вопроса. Они просили его, Луначарского, быть в телефонном общении с ними и служить посредником между ними и Президиумом Съезда. Собрание решило дать большевикам для ответа срок, о котором они просили . . .

Все фракции Съезда, кроме фракции большевиков, решили голосовать за принятые Президиумом Съезда и Исполнительным Комитетом Петроградского Совета проекты воззвания и других постановлений, направленных к предотвращению демонстрации.

Члены Съезда наперебой записывались в списки агитаторов, которые в эту ночь должны были быть брошены в казармы и заводы всех районов Петрограда для проведения в жизнь решения Съезда об отмене демонстрации . . .

В кулуарах Кадетского корпуса, в котором заседал Съезд, царило в момент перерыва необычайное оживление. Здесь были не только члены Съезда, но и многочисленные представители Исполнительных Комитетов Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и Совета Крестьянских Депутатов. Здесь же были представители Центральных Комитетов всех входящих в Советы партий и представители столичной прессы . . .

Всю ночь Таврический дворец поддерживал живую связь с рабочими и солдатскими центрами столицы . . . Около двух часов ночи появились в Таврическом дворце многие члены Съезда из первой группы агитаторов, которые направились в районы с 11

часов вечера, то есть сейчас же после того, как на фракционных собраниях Съезда были приняты решения о запрещении демонстрации. По их рассказам, на большинстве ночных митингов, где они успели побывать, представителей Съезда встречали дружелюбно и резолюции против демонстрации принимались единодушно. Зато на митингах, организованных большевиками, фанатизированные солдаты и рабочие не давали говорить нашим ораторам и встречали их криками «предатели». Участники этих митингов говорили о том, что Всероссийский Съезд Советов — это сборище подкупленных людей, поставивших себя на службу контрреволюции. На этих митингах не упоминали о «мирном» характере предстоящей демонстрации. Здесь говорили о том, что пойдут завтра «резать буржуазию», свергнуть правительство и передать власть рабочим и крестьянам.

Легко себе представить возмущение, какое эти сообщения вызвали среди членов Съезда против тех, кто создавал такие настроения. Все новые и новые группы добровольных агитаторов направлялись из Таврического дворца на заводы и в казармы . . .

Большевики отступили, так как решительные действия большинства Съезда показали им, что никаких колебаний в борьбе с большевистской авантюрой в рядах советской демократии не будет. И Ленин тогда же, 11 июня, на закрытом заседании Петроградского Комитета большевистской партии откровенно признал, что причиной отмены выступления 10 июня явилось то обстоятельство, что «средние мелкобуржуазные слои» (так Ленин называл советское большинство) не проявили тех колебаний, на которые до последней минуты рассчитывал Центральный Комитет большевиков.

«Даже в простой войне случается, — сказал Ленин на этом собрании Петроградского Комитета большевиков, — что назначенные наступления приходится отменять по стратегическим причинам. Тем более это может быть в классовой борьбе, в зависимости от колебания средних мелкобуржуазных слоев. Надо уметь учитывать момент и быть смелым в решениях».

*Разногласия среди советского большинства
по вопросу о методах борьбы с большевиками*

Тот факт, что большевистская партия была вынуждена отменить назначенное ею на 10 июня вооруженное выступление, означал, конечно, поражение большевиков. Но возможность новых большевистских попыток захватить власть вооруженной рукой далеко не была устранена. Полки и части полков, готовившиеся выступить 10 июня, а также и большевистская красная гвардия открыто заявляли, что они отказались от выступления, подчиняясь не решению Съезда, а решению большевистского Центрального Комитета, и остаются готовы, по первому призыву этого последнего, снова взяться за оружие.

Все отдавали себе отчет в опасности, какую создавшееся положение таило в себе.

Было решено устроить одиннадцатого июня закрытое заседание представителей всех фракций Съезда вместе с Президиумом Съезда и представителями Исполнительного Комитета Петроградского Совета с тем, чтобы представители большинства революционной демократии получили возможность начисто-

ту объяснить с большевиками и выработать меры для предупреждения в будущем возможности таких событий.

Инициативу созыва этого собрания и выработку проекта практических мер для предупреждения новых авантюр взяла на себя Комиссия, составленная из представителей двух руководящих фракций Съезда — меньшевиков и социалистов-революционеров. Я участвовал в этой Комиссии и очень живо запомнил те споры, которые разгорелись в ней по поводу мероприятий, направленных против новых попыток вооруженных выступлений.

С начала же обсуждения вопроса в Комиссии я внес предложение считаться с фактом перехода большевиков к методу вооруженной борьбы против политики большинства революционной демократии и признать необходимым радикально изменить, в соответствии с этим, методы нашей борьбы с большевиками. — Ведь ни у кого из нас, — сказал я, — нет сомнений, что мы стояли перед лицом возможности кровавых столкновений на улицах Петрограда, сознательно подготовлявшихся большевистской партией, чтобы, в случае недостаточного отпора со стороны демократии, захватить власть и установить свою диктатуру. Осуществление этого плана было поручено военной организации, имеющей свои разветвления во многих частях петроградского гарнизона и располагающей, кроме того, вооруженными отрядами красной гвардии. Мы видели, с помощью какой беззастенчивой, не останавливающейся ни перед какими клеветническими обвинениями демагогией большевики довели до крайнего предела возбуждения самые темные элементы столичных рабочих и солдат. Затеянная ими авантюра была предотвращена уси-

лиями большинства Съезда. Но нет никакого сомнения, что большевики держат в готовности свои вооруженные силы с тем, чтобы в более благоприятную минуту, при каком-нибудь расстройстве положения в стране или на фронте, с удвоенной энергией предпринять новую авантюру. И тогда их выступление может нанести смертельный удар демократическому строю.

При таком положении, — сказал я, — мы уже не можем удовлетвориться одной идейной борьбой с большевизмом и словесным запрещением вооруженных выступлений, но должны вместе с тем принять практическую меру, лишаящую их возможности вооруженных нападений на демократический строй. А такой мерой является отобрание оружия у военных частей и красной гвардии, отдавших себя в распоряжение большевистской партии.

Конечно, — сказал я, — при проведении в жизнь этой меры мы должны считаться с условиями, созданными революцией. Если даже в деле расформирования отдельных полков, не подчиняющихся дисциплине, требуется участие выборных военных организаций, то тем более активную роль должны играть органы революционной демократии в деле разоружения крупных военных сил партии, входящей в Советы. Для успешного и безболезненного проведения в жизнь такого разоружения надо, чтобы инициатива этой меры исходила от Советов и чтобы советские органы, по соглашению с правительством и военным министерством, руководили ее осуществлением. Главную роль для проведения в жизнь этой меры должны играть военные секции Всероссийского Съезда Советов, Петроградского Совета и Совета Крестьянских Депутатов. Вместе с тем к этому делу

должны быть привлечены армейские комитеты ближайшего к Петрограду северного фронта, а также и представители верных демократии частей Петроградского гарнизона. Все это наглядно покажет большевикам огромный перевес находящихся в распоряжении демократии сил над их собственными силами и парализует всякие попытки сопротивления с их стороны.

Но эту техническую сторону вопроса, — сказал я, разработают наши военные секции. Перед нами сейчас стоит политический вопрос: как должна реагировать советская демократия на переход большевиков от идейной пропаганды диктатуры к вооруженной борьбе за захват власти? Должна ли демократия перейти к применению к большевикам принудительных мер, чего она до сих пор избегала? И я предложил включить в проект резолюции указание, что для предохранения страны от гражданской войны Съезд принимает решение разоружить военные силы, отдавшие себя в распоряжение большевистской партии.

Это мое предложение было с живостью поддержано несколькими другими членами Комиссии, Гоцем, Либером, Ермолаевым, которые не меньше меня были убеждены в необходимости проведения такой меры. Но оно натолкнулось на упорную оппозицию других членов Комиссии, Дана, Богданова, Хинчука. Они доказывали, что такого рода политика пойдет вразрез с настроениями большинства революционной демократии и даст большевикам новый материал для демагогической кампании против большинства демократии, которую они станут обвинять в стремлении разоружить рабочий класс и тем развязать руки контрреволюции. Поэтому они предлагали ограни-

читься тем, чтобы заклеить большевистскую авантюру 10 июня перед лицом рабочих и солдат и запретить на будущее время самочинные вооруженные выступления отдельных партий, грозящие вызвать конфликты внутри демократии и подготовить путь для торжества контрреволюции. Такой образ действий, по их мнению, дал бы возможность большинству демократии, после одержанной победы, отколоть от большевиков обманутые ими массы рабочих и солдат.

Спор в Комиссии по этому вопросу принял очень горячий характер. Ни к какому соглашению прийти не удалось. Это был первый случай, когда в рядах советского большинства возникло такое серьезное политическое расхождение. При голосовании большинство членов Комиссии высказалось против разоружения. Тогда, в согласии с друзьями, поддерживавшими мое предложение, я сказал, что мы внесем это предложение на предстоящем собрании представителей всех фракций и будем всеми силами отстаивать проведение его в жизнь.

Собрание представителей всех съездовских фракций состоялось в тот же вечер, 11 июня, в помещении Съезда, и прения о разоружении развернулись на нем со всей силой. Присутствовали Президиум Съезда, представители Исполнительного Комитета Петроградского Совета и около 60 представителей всех фракций Съезда, разделенных на группы, количественный состав которых отражал соотношение сил представленных на Съезде фракций. Из лидеров фракций отсутствовал только Ленин, который, в объяснение своего отсутствия, опубликовал в «Правде» 13 июня следующее заявление: «Меня спрашивают о причине моего отсутствия на вечернем воскресном

совещании Исполнительного Комитета, Президиума Съезда и Бюро всех фракций. Причина та, что я отстаивал принципиальный отказ большевиков участвовать в этом совещании, с представлением ими письменного заявления: ни в каких совещаниях по таким вопросам (запрещение манифестаций) не участвуем».

Ввиду того, что заседание было объявлено закрытым, ни одна из демократических газет не поместила отчета о прениях на этом собрании. Единственная газета, которая опубликовала отчет об этом заседании, вернее, о первой половине этого заседания, вплоть до момента, когда большевики с протестом покинули собрание, была «Правда». Этот отчет явился основным материалом, использованным «левыми» историками в работах, посвященных описанию этих событий, и потому я привожу его здесь полностью.

«11 июня 1917 г. в помещении Кадетского корпуса произошло заседание, которое без всякого преувеличения можно назвать историческим заседанием. Собрание происходило при торжественной обстановке. В нем участвовали: все члены Исп. Комитета Петрогр. Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, все члены президиума Всероссийского Съезда Советов, все члены бюро фракций, участвующих на Съезде. Всего около 100 человек, среди которых были вожди всех партий.

В порядке дня вопрос о не состоявшейся демонстрации 10 числа. С докладом от комиссии, образованной для «подготовки» этого вопроса, выступает Дан. Он предлагает резолюцию против большевиков, составленную в духе субботней передовицы «Рабочей Газеты». То, что делали большевики, было «полити-

ческой авантюрой». В будущем демонстрации отдельных партий допустимы только с ведома Советов и при отсутствии протеста с их стороны (другими словами, большинству Советов дается право запрета, вето). Военские части (вооруженные) могут вызываться на демонстрацию только Советом Р. и С. Д., как таковым. Те партии, которые не подчиняются этим решениям, ставят себя вне рядов демократии и не могут оставаться в Советах.

Говоря короче: исключительный закон против большевиков, являющихся в данный момент меньшинством Советов. Все партии имеют право демонстраций — кроме большевиков.

Предложение Дана, явно продиктованное фракционным злопыхательством, вызывает протесты даже среди меньшевиков. Первый же оратор, меньшевик-оборонец Булкин, выступает против репрессивных мер, предлагаемых Даном, указывая на то, что времена меняются, и что сегодняшнее большинство может стать завтра меньшинством.

Вне очереди, по предложению собрания, Каменев дает ряд фактических справок о том, как демонстрация подготовлялась, и о том, что было сделано ЦК для ее отмены. Каменеву задают ряд вопросов, на которые он отвечает. Но в эту минуту встает Церетели. Он настойчиво требует прекратить вопросы. Дело не в каких-то мелких фактах. Вопрос требует совсем другого освещения.

Церетели предоставляется слово вне очереди. С первых же слов чувствуется, что Церетели скажет нечто необычное. Он бледен, как полотно, сильно волнуется. В зале воцаряется напряженное молчание.

— Резолюция Дана негодна. Теперь не такие резолюции нужны, — говорит Церетели, пренебрежительно отмахиваясь рукой. — То, что произошло, является не чем иным, как заговором, заговором для низвержения правительства и захвата власти большевиками, которые знают, что другим путем эта власть им никогда не достанется. Заговор был обезврежен в момент, когда мы его раскрыли. Но завтра он может повториться. Говорят, что контрреволюция подняла голову. Это неверно. Контрреволюция не подняла голову, а поникла головой. Контрреволюция может проникнуть к нам только через одну дверь: через большевиков. То, что делают теперь большевики, это — уже не идейная пропаганда, это — заговор. Оружие критики сменяется критикой с помощью оружия. Пусть же извинят нас большевики, теперь мы перейдем к другим мерам борьбы. У тех революционеров, которые не умеют достойно держать в своих руках оружие, нужно это оружие отнять. Большевиков надо обезоружить. Нельзя оставлять в их руках те слишком большие технические средства, которые они до сих пор имели. Нельзя оставить в их руках пулеметов и оружия. Заговоров мы не допустим . . .

Волнение в зале все больше и больше увеличивается. С одним из присутствующих офицеров делается истерический припадок.

— Господин министр, если вы не бросаете слов на ветер, вы не имеете права ограничиваться речью, арестуйте меня и судите за заговор против революции, — заявляет Каменев. Большевики покидают собрание. Напряжение достигает высшей точки».

(«Правда», 13 июня 1917 г.)

Этот отчет довольно верно передает и общую атмосферу, господствовавшую на этом заседании, и содержание заявлений его участников. В частности, точно воспроизведены главные положения моей речи и общее построение моих аргументов. Тенденциозность сказалась только в том, что в речи моей пропущены те фразы, которые ясно показывали, что я говорю не как министр, сообщающий решение правительства разоружить большевиков, а как представитель советского большинства, предлагающий этому большинству принять такое решение. Так, перед словами «пусть извинят нас большевики, теперь мы перейдем к другим мерам борьбы» и т. д., стояла фраза: «В этих условиях мы, советское большинство, должны сказать». Отмечу также, что в черновом протоколе заседания 11 июня, опубликованном большевиками в 1925 году, вместо цитируемых «Правдой» фраз о разоружении, цитируется другое место моей речи о том же предмете: «Мы дошли до грани, за которой начинаются уже кровопролития. Контрреволюция не подняла голову. Она идет от анархии, — единственный путь, которым к нам придет контрреволюция. Ударяя по анархии, мы убьем контрреволюцию. Мы должны принять неизбежно решительные меры. Физическая сила на стороне большинства демократии. Мы должны весь авторитет употребить, чтобы оружие выбить».

(«Петроградский Совет Р. и С. Д., Протоколы Заседаний», стр. 192).

(И. Г. Церетели, *Воспоминания о Февральской Революции*, кн. 2-я, Mouton & Co, La Haye-Paris, 1963)

ИЮЛЬСКИЕ ДНИ

Во вторник, 4 июля, я вышел на улицу около 11 часов. При первом взгляде вокруг было ясно, что беспорядки возобновились. Повсюду собирались кучки людей и яростно спорили. Половина магазинов была закрыта. Трамваи не ходили с 8 часов утра. Чувствовалось большое возбуждение — с колоритом озлобления, но отнюдь не энтузиазма. Разве это только и отличало 4 июля от 28 февраля во внешнем облике Петербурга. В группах людей что-то говорили о к р о н ш т а д т ц а х . . . Я спешил в Таврический дворец.

Чем ближе к нему, тем больше народа. Около дворца — огромные толпы, но как будто не манифестация, не отряды, не колонны, ничего организованного. Масса вооруженных солдат, но разрозненных, самих по себе, без начальства. В сквере так густо, что трудно пройти. Черные, безобразные броневики по-прежнему возвышаются над толпами.

В залах совершенно та же картина, что в первые дни революции. Но страшная духота. Окна открыты, и в них лезут вооруженные солдаты. Я не без труда пробираюсь к комнатам Ц.И.К.

Заседания не было, но оно предполагалось. Я вошел в зал Ц. И. К. Раскрытые окна смотрели в роскошный Потемкинский сад, а в окна смотрели, наседавая друг на друга, вооруженные солдаты. В зале было довольно много народа; было шумно. В другом конце стоял и горячо спорил с кем-то Луначарский.

Вдруг, он круто повернулся от собеседника и быстро пошел в мою сторону. Он был, видимо, взволнован и раздражен спором. И как бы продолжая этот спор, он бросил мне, не здороваясь, сердитым тоном вызова наивные слова оправдания:

— Я только что привел из Кронштадта двадцать тысяч совершенно мирного населения . . .

Я, в свою очередь, широко раскрыл глаза.

— Да? . . . Вы привели? . . . Совершенно мирного? . . .

Кронштадтцы были, несомненно, главной ставкой партии Ленина и главным, решающим фактором в его глазах. Решив накануне призвать массы к «мирной манифестации», большевики, конечно, приняли меры к мобилизации Кронштадта. В часы ночных колебаний, когда движение стало затихать, Кронштадт стал единственным козырем тех членов большевистского ц. к., которые отстаивали восстание . . . Потом восстание отменили. Но, видимо, относительно Кронштадта соответствующих мер не приняли, — или одна большевистская рука не знала, что делала другая. Точно я фактов не знаю.

Но, во всяком случае, дело было так. Часу в десятом утра к Николаевской набережной, при огромном стечении народа, подплыло до 40 различных судов с кронштадтскими матросами, солдатами и рабочими. Согласно Луначарскому, этого «мирного населения» приплыло двадцать тысяч. Они были с оружием и со своими оркестрами музыки. Высадившись на Николаевской набережной, кронштадтцы выстроились в отряды и направились . . . к дому Кшесинской, к штабу большевиков. Точного стратегического плана они, видимо, не имели; куда идти и что именно делать — кронштадтцы знали совсем не твердо. Они имели

только определенное настроение против Вр. Правительства и советского большинства. Но кронштадтцев вели известные большевики Рошаль и Раскольников. И они привели их к Ленину.

Шансы восстания и переворота вновь поднялись чрезвычайно высоко. Ленин должен был очень жалеть, что призыв к петербургскому пролетариату и гарнизону был отменен в результате ночных колебаний. Сейчас движение было бы вполне возможно довести до любой точки. И произвести желанный переворот, то есть по крайней мере ликвидировать министров-капиталистов, а в придачу и министров-социалистов с их мамелюками — было также вполне возможно . . .

Во всяком случае, Ленину приходилось начать колебаться снова. И когда кронштадтцы окружили дом Кшесинской в ожидании директив, Ленин с балкона произнес им речь весьма двусмысленного содержания. От стоявшей перед ним, казалось бы, внушительной силы, Ленин не требовал никаких конкретных действий; он не призывал даже свою аудиторию продолжать уличные манифестации, — хотя эта аудитория только что доказала свою готовность к бою громоздким путешествием из Кронштадта в Петербург. Ленин только усиленно агитировал против Вр. Правительства, против «социал-предательского» Совета и призывал к защите революции, к верности большевикам . . . Ленин, как видим, был верен занятой им позиции: когда-де мы в штабе столкнемся, а движение определится, — там будет видно, как именно защищать революцию и как доказать верность большевикам.

По рассказу Луначарского, он, Луначарский, как раз в это время проходил мимо дома Кшесинской. Во

время овации, устроенной Ленину кронштадтцами, Ленин подозвал его к себе и предложил ему также выступить перед толпой. Луначарский, всегда пылающий красноречием, не заставил себя упрашивать и произнес речь примерно того же содержания, что и Ленин. А потом, во главе кронштадтцев, Луначарский двинулся в центр города, по направлению к Таврическому дворцу. По дороге к этой армии присоединились еще рабочие Трубочного и Балтийского заводов. Настроение было боевое. В отрядах, возглавляемых оркестрами и окруженных любопытными, выражались очень крепко по адресу министров-капиталистов и соглашательского Ц. И. К. При этом поясняли, что Кронштадт весь целиком пришел спасать революцию, захватив с собой боевые припасы и продукты; дома же остались только старые да малые.

Но куда и зачем именно шли — все-таки толком не знали. Луначарский сказал, что он «привел» кронштадтцев. Но, по-моему, они пока застряли где-то на Невском или у Марсова Поля. Кажется, Луначарский не довел их до Таврического дворца. Насколько я лично помню, они появились там только часов в 5 вечера.

Движение развивалось снова и помимо кронштадтцев. С раннего утра снова зашевелились рабочие районы. Часов около 11 «выступила» какая-то воинская часть Волынского полка, за ней половина 180-го, весь 1-й пулеметный и другие. А около полудня в разных концах города началась стрельба — не сражения, не свалки, а стрельба: частью в воздух, частью по живой цели. Стреляли на Суворовском проспекте, на Вас. Острове, на Каменноостровском, а особенно на Невском — у Садовой и у Литейного. Как правило, начиналось со случайного выстрела;

следовала паника; винтовки начинали сами стрелять куда попало. Везде были раненные и убитые . . .

Никакой планомерности и сознательности в движении «повстанцев» решительно не замечалось. Но не могло быть речи и о планомерной локализации и ликвидации движения. Советско-правительственные власти высылали верные отряды юнкеров, семеновцев, казаков. Они дефилировали и встречались с неприятелем. Но о серьезной борьбе никто не думал. Обе стороны панически бросались врассыпную, кто куда, при первом выстреле. Пули в огромном большинстве своем доставались, конечно, прохожим. При встрече двух колонн между собою, ни участники, ни свидетели не различали, где чья сторона. Определенную физиономию имели, пожалуй, только кронштадтцы. В остальном была неразбериха и безудержная стихия . . . Но вот вопрос: случались ли были первые выстрелы, порождавшие панику и свалку? . . .

Начались небольшие, частичные погромы. Ввиду выстрелов из домов под их предлогом начались повальные обыски, которые производили матросы и солдаты. А под предлогом обысков начались грабежи. Пострадали многие магазины, преимущественно винные, гастрономические, табачные. Были нападения и в Гостином Дворе. Разные группы стали арестовывать на улицах кого попало. Между прочим, какие-то господа вломились в квартиру Громана, все перерыли, переломали, разбросали и несколько часов сидели в засаде, ожидая хозяина; но он так и не явился . . .

Все это было не только печально, но и очень странно. Все это совсем не походило на манифестацию против министров-капиталистов; но это не по-

ходило и на восстание против них, за власть Советов... Часам к 4-м число раненых и убитых уже исчислялось, по слухам, сотнями. Здесь и там валялись трупы убитых лошадей.

**
*

В Таврическом дворце была давка, духота и бесптолочь. В Екатерининском зале шли какие-то митинги. Но никаких заседаний не было. Только в два часа власти назначили заседание солдатской секции. Предполагалось, что ее правое большинство окажет помощь в ликвидации беспорядков.

Мы в общем проводили время совершенно празднично в комнатах Исп. Комитета. Из начальства как будто был налицо опять-таки один Чхеидзе. По рукам ходило новое воззвание Ц. И. К., — кем и когда составленное, решительно не помню. В нем уже не говорилось, что движение имеет целью протестовать против расформирования полков. Напротив, беспорядки определенно связывались с проблемой власти. В возвании говорилось, что соединенные Ц.И.К.-цы были заняты именно решением этого вопроса; но незнательные элементы, желающие оружием навязать свою волю организованной демократии, помещали им в этом деле. Уличное движение и эксцессы порицались в самых решительных выражениях. И все «стоящие на страже революции» призывались «ждать решения полномочных органов демократии по поводу кризиса власти»...

Но, вдруг, над Петербургом разразился проливной дождь. Минута — две — три, и «боевые колонны» не выдержали. Очевидцы-командиры рассказывали мне потом, что солдаты-повстанцы разбегались,

как под огнем, и переполнили собой все подъезды, навесы, подворотни. Настроение было сбито, ряды расстроены. Дождь расплыл восставшую армию. Выступившие массы больше не находили своих вождей, а вожди — подначальных... Командиры говорили, что восстановить армию уже не удалось, и последние шансы на какие-нибудь планомерные операции, после ливня совершенно исчезли. Но осталась разгулявшаяся стихия...

Было около пяти часов. В комнатах Исполн. Комитета кто-то впопыхах сообщил, что ко дворцу подошли кронштадтцы. Под предводительством Раскольникова и Рошаля, они заполнили весь сквер и большой кусок Шпалерной. Настроение их самое боевое и злобное. Они требуют к себе министров-социалистов и рвутся всей массой внутрь дворца.

* *
* *
* *

Я отправился в залу заседаний. Из окон переполненного коридора, выходящих в сквер, я видел несметную толпу, плотно стоявшую на всем пространстве, какое охватывал глаз. В открытые окна лезли вооруженные люди. Над толпой возвышалась масса плакатов и знамен с большевистскими лозунгами. В левом углу сквера по-прежнему чернели безобразные массы броневиков.

Я добрался до вестибюля, где было совсем тесно, и вереницы и группы людей в возбуждении, среди шума и лязга оружия, зачем-то проталкивались вперед и назад. Вдруг меня кто-то сильно дернул за рукав. Передо мной стояла служащая в редакции «Известий», моя старая знакомая, недавно вернувшаяся

с каторги эсерка Леша Емельянова. Она была бледна и потрясена до крайности.

— Идите скорее . . . Чернова арестовали . . . Кронштадтцы . . . Вот тут во дворе. Надо скорее, скорее . . . Его могут убить! . . .

Я бросился к выходу. И тут же увидел Раскольникову, пробиравшегося по направлению к Екатерининской зале. Я взял его за руку и потащил обратно, на ходу объясняя, в чем дело. Кому же, как не Раскольникову унять кронштадтцев? . . . Но выбраться было нелегко. В портике была давка. Раскольников покорно шел со мной, но подавал двусмысленные реплики. Я недоумевал и начинал приходить в негодование . . . Мы уже добрались до ступеней, когда, расталкивая толпу, нас догнал Троцкий. Он также спешил на выручку Чернова.

Оказывается, дело было так. Когда в заседании Ц. И. К. доложили, что кронштадтцы требуют министров-социалистов, президиум выслал к ним Чернова. Лишь только он появился на верхней ступени портика, толпа кронштадтцев немедленно проявила большую агрессивность и из многотысячной вооруженной толпы раздались крики:

— Обыскать его! Посмотреть, нет ли у него оружия! . . .

— В таком случае я не буду говорить, — объявил Чернов и сделал движение обратно во дворец.

Вполне возможно, что Чернова и вызывали не для речей, а для других целей. Но, во всяком случае, эти цели были неопределенны, и после его заявления толпа сравнительно затихла. Чернов произнес небольшую речь о кризисе власти, отозвавшись резко об ушедших из правительства кадетях. Речь прерывалась возгласами в большевистском духе. А по

окончании ее какой-то инициативный человек из толпы требовал, чтобы министры-социалисты сейчас же объявили землю народным достоянием и т. п.

Поднялся неистовый шум. Толпа, потрясая оружием, стала напирать. Группа лиц старалась оттеснить Чернова внутрь дворца. Но дюжие руки схватили его и усадили в открытый автомобиль, стоявший у самых ступеней с правой стороны портика. Чернова объявили арестованным в качестве заложника . . .

Немедленно какая-то группа рабочих бросилась сообщить обо всем этом Ц. И. К. и, ворвавшись в белый зал, она произвела там панику криками:

— Товарищ Чернов арестован толпой. Его сейчас расстреляют! Спасайте скорее! Выходите все на улицу!

Чхеидзе, с трудом водворяя порядок, предложил Каменеву, Мартову, Луначарскому и Троцкому поспешить на выручку Чернова. Где были прочие, не знаю. Но Троцкий подоспел вовремя.

Я с Раскольниковым остановился на верхней ступени у правого края портика, — когда Троцкий, в двух шагах подо мною, взбирался на передок автомобиля. Насколько хватал глаз — бушевала толпа. Группа матросов, с довольно зверскими лицами, особенно неистовствовала вокруг автомобиля. На заднем его сиденьи помещался Чернов, видимо, совершенно утерявший «присутствие духа».

Троцкого знал и ему, казалось бы, верил весь Кронштадт. Но Троцкий начал речь, а толпа не унималась. Если бы поблизости сейчас грянул провокационный выстрел, могло бы произойти грандиозное побоище, и всех нас, включая, пожалуй, и Троцкого, могли бы разорвать в клочки. Едва-едва Троц-

кий, взволнованный и не находящий слов в дикой обстановке, заставил слушать себя ближайшие ряды. Но что говорил он!

— Вы поспешили сюда, красные кронштадтцы, лишь только услышали о том, что революции грозит опасность! Красный Кронштадт снова показал себя, как передовой боец за дело пролетариата. Да здравствует красный Кронштадт, слава и гордость революции . . .

Но Троцкого все же слушали недружелюбно. Когда он попытался перейти собственно к Чернову, окружавшие автомобиль ряды снова забесновались.

— Вы пришли объявить свою волю и показать Совету, что рабочий класс больше не хочет видеть у власти буржуазию. Но зачем мешать своему собственному делу, зачем затемнять и путать свои позиции мелкими насилиями над отдельными случайными людьми? Отдельные люди не стоят вашего внимания . . . Каждый из вас доказал свою преданность революции. Каждый из вас готов сложить за нее голову. Я это знаю . . . Дай мне руку, товарищ! . . . Дай руку, брат мой! . . .

Троцкий протягивал руку вниз, к матросу, особенно буйно выражавшему свой протест. Но тот решительно отказывался ответить тем же и отводил в сторону свою руку, свободную от винтовки. Если это были чуждые революции люди или прямые провокаторы, то для них Троцкий был тем же, что и Чернов, или значительно хуже. Они могли только ждать момента, чтобы расправиться вместе с адвокатом и подзащитным. Но я думаю, что это были рядовые кронштадтские матросы, воспринявшие, по своему разумению, большевистские идеи. И мне казалось, что матрос, не раз слушавший Троцкого в Кронштадте,

сейчас, действительно, испытывает впечатление и з м е н ы Троцкого: он помнит его прежние речи, и он растерялся, не будучи в состоянии свести концы с концами . . . Отпустить Чернова? Но что же надо делать? Зачем его звали?

Не зная, что делать, кронштадтцы отпустили Чернова. Троцкий взял его за руку и спешно увел внутрь дворца. Чернов в бессилии опустился на свой стул в президиуме . . . Я же, оставаясь на месте происшествия, вступил в спор с Раскольниковым.

— Уведите же немедленно свою армию, — требовал я. — Ведь вы видите, легко может произойти самая бессмысленная свалка . . . Какая же политическая цель их пребывания здесь и всего этого движения? Воля достаточно выявилась. А силе тут делать нечего. Ведь вы знаете, вопрос о власти сейчас обсуждается, и все, что происходит на улицах, только срывает возможное благоприятное решение . . .

Раскольников смотрел на меня злыми глазами и отвечал неясными односложными словами. Он явно не знал, что именно ему дальше делать со своими кронштадтцами у Таврического дворца. Но он явно не хотел уводить их . . .

Я понимал достаточно хорошо, что такое — стихийное движение. Но я совершенно не понимал Раскольникова в этот момент. Он явно чего-то не договаривал, что знал, но не хотел сказать мне. Я же не понимал его именно потому, что не знал тогда действительной позиции его начальства, большевистского Ц. К.: я не знал, что большевики уже по меньшей мере целый месяц (не на словах, а на деле) находятся в полной готовности взять в свои руки всю полностью государственную власть «при благопри-

ятных условиях» . . . Раскольников имел соответствующие директивы.

Однако, хотя движение было огромно, переворота все же «не выходило». Здесь сказались вся невыгода колебательных и половинчатых решений в критические моменты. В связи с инцидентом Чернова и речью Троцкого, Раскольников не мог вести сейчас свою армию прямо на Ц. И. К., чтобы его ликвидировать. Момент был упущен, настроение сбито, психика запутана, дело могло сорваться, — особенно ввиду торчащих слева броневики. Ведь прямых приказов Раскольников и Рошаль не получили, а только условные . . . Но стоять на месте и ничего не делать многотысячной толпе, приведенной «защищать революцию», — было также невозможно. Настроение могло легко обратиться против самих кронштадтских генералов, как могло обратиться против Троцкого.

Разозленный спором с Раскольниковым я уже, было, взобрался на тот же передок автомобиля — хотя из этого заведомо ничего не могло выйти. Но в этот момент туда уже вскочил Рошаль. По-детски картавя, в заискивающих выражениях он прославлял кронштадтцев за выполнение их революционного долга, — а затем приглашал отправиться на отдых в указываемые им пункты, где армия получит кров и пищу. Но доблестные кронштадтцы должны быть наготове. В каждый момент они могут понадобиться революции снова, и их призовут опять.

Я не дождался результатов. Но ведь кронштадтцы не знали, что им здесь делать, а Рошаль был для них огромным авторитетом . . . Я отправился в залу заседания Ц. И. К.

В это время у левых ворот, выходящих на Шпалерную, показалась какая-то особо густая масса. В сквер входили солдатские отряды несколько особого вида. В пыли и в грязи, промокшие от ливня солдаты имели деловой походный вид, с ранцами за плечами, со скатанными, одетыми через голову шинелями, с манерками и котелками. Толпа расступилась перед их компактными рядами. Заняв всю дорожку сквера, от одних ворот до других, отряд остановился и стал располагаться самым деловым образом: ставили ружья в козла, стряхивали мокрые шинели, складывали в кучи свое имущество... Это был 176-й запасный полк. Это была большевистская «повстанческая» армия. По требованию большевистских организаций, полк пришел пешком из Красного Села, — для «защиты революции».

Ну, и что же намерен делать этот замечательный в своем роде полк? И где же те вожди, которые его зачем-то вызвали?.. Вождей было не видно. А полк опять-таки не знал, что ему делать. Несомненно, после тяжелого пути он был не прочь отдохнуть. Но, казалось бы, в нем должно было все-таки жить сознание, что его вызвали не за этим. Однако, никто ничего не приказывал ему...

У входа во дворец появился Дан. Очевидно, к нему обратилась полковая делегация, посланная на разведку. Дан вышел «принять» полк. И он дал ему дело. Полк совершил, по своей доброй воле, трудный поход для защиты революции? — отлично. Революция, в лице центрального советского органа, действительно, подвергается опасности. Надо организовать надежную охрану для Ц. И. К. ... И Дан лично, при

содействии командиров «восставшего» полка, расставил из солдат-повстанцев караулы в разных местах дворца, для защиты тех, против кого было направлено восстание . . .

Да, бывают и такие случаи в истории! Но едва ли такая история повторяется. Дан не знал, что это за полк и зачем пришел он. И Дан нашел полку применение. А полк не знал, что ему делать у достигнутой цели путешествия. И не получая других приказаний, он беспрекословно стал на службу врагу. Теперь дело уже было кончено: полк был распылен, головы солдат были окончательно запутаны и превратить его вновь в боевую силу восстания было уже невозможно . . . Было часов семь.

Я вернулся на заседание. Там не было ничего нового. Но вот, как стрела, пронеслась весть: подошли путиловцы, их 30 000 человек, они ведут себя крайне агрессивно, часть их ворвалась внутрь дворца, они ищут и требуют Церетели . . . Церетели в этот момент не было в зале. Говорили, что за ним гнались по дворцу, но не нашли, потеряли из виду. В зале волнение, шум, неистовые выкрики. В этот момент бурно врывается толпа рабочих, человек в 40, многие с ружьями. Депутаты вскакивают с мест. Иные не проявляют достаточно храбрости и самообладания.

Один из рабочих, классический санкюлот, в кепке и короткой синей блузе без пояса, с винтовкой в руке вскакивает на ораторскую трибуну. Он дрожит от волнения и гнева и резко выкрикивает, потрясая винтовкой, бессвязные слова:

— Товарищи! Долго ли терпеть нам, рабочим, предательство?! Вы собрались тут, рассуждаете, заключаете сделки с буржуазией и помещиками . . . За-

нимаетесь предательством рабочего класса. Так знайте, рабочий класс не потерпит! Нас тут, путиловцев, 30 000 человек, все до одного!.. Мы добьемся своей воли! Никаких чтобы буржуев! Вся власть Советам! Винтовки у нас крепко в руке! Керенские ваши и Церетели нас не надуют...

Чхеидзе, перед носом которого плясала винтовка, проявил выдержку и полное самообладание. В ответ на истерику санюлота, изливавшего голодную пролетарскую душу, председатель, спокойно наклонившись со своего возвышения, протягивал и всовывал в дрожащую руку рабочего вчерашнее воззвание.

— Вот, товарищ, возьмите, пожалуйста, прошу вас, и прочтите. Тут сказано, что вам надо делать и вашим товарищам-путиловцам. Пожалуйста, прочтите и не нарушайте наших занятий. Тут все сказано, что надо...

В воззвании было сказано, что все выступавшие на улицу должны отправляться по домам, иначе они будут предателями революции...

(Ник. Суханов, *Записки о революции*, кн. 4-я, из-во Гржебина, Берлин, 1922)

А. Ф. КЕРЕНСКИЙ

ПОСЛЕИЮЛЬСКИЕ ДНИ И ВЫСТУПЛЕНИЕ ГЕН. КОРНИЛОВА

Оборачиваясь назад к июльским событиям семнадцатого года, я должен сказать: большевистское восстание вместе с начавшимся стремительным отступлением наших войск в Галиции содействовало укреплению чувства патриотизма и сознания ответственности перед государством в самых широких народных слоях России и в руководящих кругах левых, социалистических антибольшевистских партий.

Обычно ход событий в России между февралем и ноябрем 1917 года описывается как однотонный процесс постепенного, но неуклонного, и все усиливающегося распада государства.

На самом деле, Россия в эти месяцы проделала зигзагообразную кривую: до конца августа (времени восстания Корнилова) Россия с некоторыми срывами и падениями шла неуклонно кверху, преодолевая революционный хаос и вынашивая в себе новую государственность. После разгрома большевиков в июле этот процесс пошел вперед с исключительной быстротой. Он был сорван внезапным безумием честных, но слишком в политике неграмотных и нетерпеливых генералов.

Наряду с новым поражением русских войск на фронте, — внутри России во многих местах происходят разгромы большевистских комитетов и газет. В столичных и местных советах всюду подавляющее

большинство оказывается в руках оборонцев и государственников. Представительство большевиков в Испол. Комитетах Советов и во Всероссийском Исполнительном Комитете Совета Съездов фактически сводится почти на нет. Они устраняются со всех руководящих мест внутри советского аппарата. И сами Советы, как органы государственной власти, совершенно вычеркиваются из сознания руководителей советского большинства.

Выработанные Временным Правительством еще первого состава новые законы о широком городском и земском самоуправлении на основе всеобщего, пропорционального, равного для обоих полов избирательного права вступают в силу: к началу августа почти двести городов имеют уже новые демократические Городские Думы; в середине сентября из семисот приблизительно городов Российской Империи 650 уже имеют новые Городские Думы. В несколько более медленном темпе, благодаря условиям деревенской жизни, но все-таки быстро подвигается к концу и земская реформа. Мощное кооперативное строительство в рамках нового основного, изданного Временным Правительством кооперативного закона, создает для демократического государства и демократической власти чрезвычайно серьезную общественную опору в стране. Первоначальный анархический период рабочей самодеятельности перерождается понемногу в здоровое профессиональное движение, где большевики отходят на левый фланг. В армии растет авторитет правительственных комиссаров, которые по плану Военного Министерства должны были сыграть роль среднего звена в переходе армии от мартовского комитетского состояния к нормальному единоначалию.

Подчеркиваю, описанный мною сейчас процесс роста здоровых государственных и общественных связей, укрепление новых форм демократической государственности, находившихся еще в мае месяце в зачаточном состоянии, — этот процесс сопровождался летом целым рядом чрезвычайно тяжелых явлений распада и разложения. Да и возможно ли было сразу в несколько коротких месяцев, еще и во время продолжавшей расшатывать все хозяйство страны войны, справиться со всеми последствиями и старого режима, и экономического переистощения, и боевого переутомления? Конечно, нет! Но тогда все были крайне нетерпеливы.

Новый правительственный кризис

7 июля, на другой день после моего возвращения с фронта, князь Львов и три кадетских министра вышли из состава Временного Правительства. В том же заседании Правительства, в котором была принята отставка Львова, было подписано постановление о моем назначении на его место, с оставлением меня в должностях военного и морского министров . . .

9 июля Вцик Совета С. и Р. Д., а также Цик Крестьянских Депутатов, в особом воззвании к стране объявили Врем. Правительство «Правительством спасения родины и революции». Воззвание требовало от солдат, крестьян и рабочих полного доверия и подчинения единой национальной всенародной власти. Тогда же общее собрание полков Петербургского гарнизона единодушно вынесло резолюцию о доверии «только Временному Правительству».

Однако, при каком угодно доверии революционных и левых организаций необходимо было восста-

новить внутри правительства тот союз (коалицию) всех живых сил страны, в существовании которой и лежал залог быстрого возрождения Государства. Пустое место, оставленное уходом трех министров из партии к.-д., должно было быть заполнено людьми, выражающими те же политические и социальные настроения.

В июле месяце это было даже более необходимо, чем в апреле или мае, ибо теперь за спиной партии к. д. организовались политические и социальные элементы, представлявшие интересы имущих классов, высшего командования и остатков старой бюрократии, отчасти даже аристократии. Этим я вовсе не хочу обвинять партию народной свободы, имевшую в своем прошлом огромные заслуги перед русским освободительным движением, в том, что она по существу «изменила своей программе и перешла на службу реакции», как выражались тогда не одни только большевистские демагоги. Все в идеологии конст.-демократической партии осталось на своем месте. Только человеческий материал, наполнявший ее ряды, весьма резко изменился. Ведь все партии, существовавшие до революции и занимавшие место направо от либерального центра, — все эти партии исчезли. Сама же кадетская партия стала правым флангом русской общественности после революции.

Очевидно, надпартийное, национальное правительство должно было иметь в своем составе ответственных представителей правого политического фланга, в лице той партии, которая после (февральского. — Д. А.) переворота твердо стала на почву Республики.

Представители социалистических партий и вожди Советов совершенно откровенно стремились к тому,

чтобы пополнение состава Временного Правительства после ухода кн. Львова обошлось бы как раз без представителей партии к.д. С 7 по 13 июля положение в правительстве оставалось неопределенным, ибо в самый день назначения моего министром-председателем я снова уехал на фронт в армию ген. Деникина. После моего окончательного возвращения с фронта (кажется 14 июля) — все министры передали свои министерские портфели в мое распоряжение. Такой коллективной отставкой создавался новый способ пополнения Временного Правительства . . .

Ровно десять дней тянулись переговоры между министром-председателем и Центральными Комитетами различных партий. Опять начались бесконечные программные споры . . .

21 июля я сложил с себя все свои должности и звания, передал текущие дела заместителю министра-председателя и уехал по секрету в Царское Село. Сейчас же в Центральный Комитет всех партий были разсланы приглашения на срочное заседание по вопросу исключительной государственной важности. Вечером в день моего отъезда, в Малахитовом Зале Зимнего Дворца произошло заседание ответственных представителей всех партий, на которые опиралась Власть после революции.

Излагать то, чему свидетелем я сам не был, я не хочу. Знаю только, что заседание продолжалось всю ночь и кончилось только ранним утром 22 июля.

Оказавшись лицом к лицу с вопросом об ответственности за Государство, никто из присутствовавших взять на себя эту ответственность не осмелился. Совещание закончилось в конце концов постановлением: вновь поручить лично мне пополнить состав Временного Правительства и предоставить мне в выборе

министров полную самостоятельность и независимость от каких бы то ни было претензий, требований, давлений отдельных политических организаций и партий.

Правда, прямой смысл этого постановления сразу же был нарушен с обеих сторон — и слева, и справа. С обеих сторон в «частном порядке» мне заявляли: «конечно, вы совершенно свободны в выборе членов Правительства, но если вы не пригласите такого-то, то Центральный Комитет (такой-то) партии будет считать участие членов партии в вашем правительстве их личным делом». Другими словами — мне в «частном порядке» совершенно определенно грозили партийной «войной», или, правильнее, партийными войнами и слева, и справа. Такое партийное двуличие сразу весьма вредно отразилось на личном составе и деятельности пополненного мной Врем. Правительства. Оно лишило правительство нужной ему в то исключительно трудное время особенной крепкой спайки. Однако, я все-таки решил вернуться к власти, полагая, что признанная всеми партиями неизбежность моего участия в управлении Государством даст мне — хоть на некоторое время — твердую опору в борьбе за восстановление крепкой России.

Может быть, возвращаясь тогда к власти, я делал коренную ошибку? Может быть, мне нужно было уйти в сторону? Может быть, спасая тогда уходом свой авторитет в народе, я бы сберег кое-что, что пригодилось бы России в самые черные дни, которые пришли потом?

Не знаю, может быть. Во всяком случае это было бы самым лучшим выходом лично для меня. «Жажда власти», в противоположность утверждению обо мне моих правых и левых ненавистников, у меня сов-

сем не было. Не один раз предлагал я критикам политики Врем. Прав-ва взять в свои руки формальную ответственность за государство. Только не в порядке восстаний и заговоров . . .

Меня вернула в Зимний Дворец не воля к личной власти, а сознание своего долга перед страной. «При настоящих обстоятельствах, когда стране угрожает внутренний разгром и внешний распад, — писал я 24 июля в официальном письме на имя заместителя министра-председателя, — я не считаю возможным отказать от тяжкого долга, возлагаемого на меня представителями главных социалистических, демократических и либеральных партий».

Дальше в этом письме я устанавливал основные положения управления страной. — «Я полагаю в основу осуществления этой задачи непоколебимое мое убеждение, что дело спасения Родины и Республики требует забвения партийных распрей, что эта всенародная национальная работа спасения государства должна происходить в условиях и формах, властно диктуемых суровой необходимостью вести войну, поддерживать боеспособность армии и восстановить хозяйственную мощь государства» . . .

После ночной душевной встряски, которую пережили все участники Совещания в Малахитовом Зале, я в сутки пополнил состав Временного Прав-ва. В отмену порядков первых месяцев Революции, теперь члены Правительства, носители Верховной власти, формально были освобождены от всякой зависимости от каких-либо партийных комитетов, советов и т. д. Они несли впредь ответственность «только перед страной и своей совестью». Больше не было ни «дум-

ских», ни «советских» министров. Были министры Российского Государства!

Также было на этот раз покончено с никому не нужным, кроме самих партийных догматиков, обычаем пространных программных, коллективных министерских деклараций. Вместо этого 27 июля только за подписью председателя Врем. Прав-ва было опубликовано краткое обращение к населению . . .

Надпартийной, общенациональной государственной задаче управления соответствовал и новый личный состав Временного Правительства.

Из 16 министров только трое были противниками буржуазно-демократической коалиции. Эти трое про себя мечтали — двое об однородно-буржуазном правительстве (Юренев и Кокошкин — министры из партии к. д.), а один (лидер партии соц.-рев. министр земледелия Чернов) о правительстве однородно-социалистическом. Все остальные министры были убежденными сторонниками правительства, объединяющего в своем составе все государственно-творческие силы без различия их партийной и классовой принадлежности.

Разительность перемены в народных настроениях после разгрома большевиков, быстрое нарастание государственной мощи и независимости государственного аппарата от отдельных, хотя бы и чрезвычайно влиятельных общественных организаций, особенно явствуется из того обстоятельства, что на 16 членов Врем. Прав-ва лишь двое (Чернов и министр труда с. д. Скобелев) были тесно связаны с Исполнительным Комитетом Петербургского Совета.

Не вошедший в новый состав Временного Правительства вождь «советской группы» министров в первой коалиции Врем. Прав-ва (май-июль), один из са-

мых талантливых, чистых и преданных интересам всей демократии лидеров сначала всероссийской, а затем только грузинской с. д. Ираклий Церетели со свойственным ему мужеством открыто признал происшедшее в июле коренное изменение в соотношении политических и социальных сил в стране.

«Мы пережили только что, — говорил он в заседании ВЦИК, Съезда Советов и Исп. К. Крестьян. Деп., — не только кризис власти, но кризис революции. В ее истории началась новая эра . . . Два месяца назад советы были сильнее. Теперь мы стали слабее, ибо соотношение сил изменилось не в нашу пользу».

Оно изменилось в пользу страны. Ибо укрепило государственное сознание в народе и власть Государства в стране.

Государственное совещание в Москве

Кризис революции, о котором говорил Церетели в день образования второй коалиции во Врем. Правительстве, был кризисом роста государства, его победой . . .

Правительство, равняясь на страну, должно было где-то и как-то к общественному мнению всей России в каком-то организованном порядке прислушиваться. Назначенный на 30 сентября созыв Учредительного Собрания пришлось, ввиду только что пережитого затяжного кризиса, отложить на 28 ноября.

Ждать было слишком долго. Нового съезда Советов было бы совсем недостаточно, ибо его мнение теперь было бы меньше, чем когда-либо, мнением всей России. В самом начале июльского кризиса, сейчас же после ухода князя Львова, Врем. Правительство

постановило созвать в Москве Всероссийское Государственное Совецание, дабы в нем найти новую опору для укрепления власти. Теперь таковой задачи перед нами не стояло. Правительство чувствовало свою силу. Однако, оно ощущало чрезвычайную потребность произвести смотр политическим силам страны, установить точнее их удельный вес в государстве, дать самим политическим партиям, Советам и прочим организациям ощутить рост общественных сил, общественной организованности в стране. Поэтому в первые же дни существования второй коалиции во Временном Правительстве созыв Государственного Московского Совецания был подтвержден и назначен на 13 августа.

В день открытия Гос. Совецания Большой Московский Театр, наполненный тысячами людей, представлял собой весь цвет политической, общественной, культурной и военной России. Только кучка откровенных монархистов и почти в подполье загнанные большевики не имели своих представителей на этом Земском Соборе всея Руси.

Большевики пытались даже организовать в Москве всеобщую забастовку протеста против «реакционного сборища», которое должно было продемонстрировать верноподданнические чувства России к «диктатору Керенскому». В правых кругах тоже шушукались: «Керенский едет в Москву короноваться». На самом деле под шум ораторских речей в Зале Большого театра, в его кулуарах и за его стенами созревала в некоторых головах, как мы это скоро увидим, безумная мысль: увенчать лаврами диктатора, смелого в бою, но совершенно неумелого в политике генерала . . .

Тот, кто просидел дни Государственного Совеца-

ния в Московском Большом Театре, этих дней никогда не забудет. Вся радуга политических мнений, вся гамма общественных настроений, все напряжение борьбы, вся сила патриотической тревоги, вся ярость социальной ненависти, вся горечь накопившихся обид и оскорблений, — все это бурным потоком стремилось на сцену, к столу Временного Правительства. От него требовали; его обвиняли, ему жаловались; ему хотели помочь; от него ждали какого-то чудесного слова. Каждая из двух России хотела, чтобы Власть была только с ней.

А Власть была только с Государством, ибо мы — Временное Правительство — видели в целом то, что каждая из борющихся за власть сторон замечала только в части, ее интересующей. Мы видели, что обе стороны одинаково нужны Государству.

Суть Московского Государственного Всероссийского Совецания заключалась, конечно, не в программном содержании различных деклараций, резолюций и речей, а, именно, в определении удельного веса представленных на собрании общественных организаций. Правительство нащупывало волевой пульс страны. Представители отдельных партий и организаций определяли степень авторитета самого правительства в государстве; одни хотели его силы; другие искали ахиллесову его пяту. Самой острой, самой напряженной минутой Съезда было выступление Верховного Главнокомандующего генерала Лавра Корнилова. Для левой части театра это был символ грядущей «контрреволюции», для правой — живой «национальный герой», которому предстояло свергнуть «безвольное, находившееся в плену у Советов Временное Правительство» и утвердить «сильную власть» в государстве.

Которая сторона — левая или правая — тогда 13—15 августа представляла несомненное большинство страны? Людям, не ослепленным партийной страстью и социальной ненавистью, это было ясно сразу. Достаточно было прослушать длинный список общественных организаций, которые подписались под декларацией, оглашенной председателем Всер. Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) Съезда Советов Чхеидзе.

Здесь были: сам ВЦИК С. и Р. Д., Исполнительный Комитет Съезда Крестьянских Депутатов, Представители фронтовых и армейских организаций, Солдатская секция крестьянских, солдатских и рабочих депутатов, Всеросс. кооперативный союз, Всеросс. земский союз и Союз городов, Центральный Комитет Всеросс. Союза служащих в правительственных, общественных и частных учреждениях, Всероссийский железнодорожный союз; большинство (управ) Городских Дум, выбранных на основании всеобщего избирательного права, и т. д. и т. д. Одним словом, налево была представлена вся новая, рожденная революцией демократическая, народная Россия, в руки которой переходил весь аппарат самоуправления и местного управления Россией. Эта Россия безоговорочно теперь, после шестимесячного революционного опыта, признала всю полноту власти Временного Правительства. Она вместо прежних отвлеченных деклараций пришла на Государственное Совецание с практической программой восстановления государственной и хозяйственной жизни России, с программой, которая во многом не могла быть программой Врем. Прав-ва, но которая все-таки была деловой программой. Общественные организации и партии, занимавшие левый сектор Московского Государст-

венного Совещания, являлись тогда несомненным оплотом государства слева; плотиной, за которой еще яростно бушевала классовая стихия низов, разжигаемая большевистской демагогией и германской пропагандой.

Кто же был направо? Финансовая и промышленная аристократия страны. Цвет городской либеральной интеллигенции. Две эти силы были нужны новой России. Но они на Гос. Совещании растворились в большинстве бывших людей, представлявших из себя разные призрачные уже тогда группы.

Тут было представительство Государственной Думы, Гос. Совета, Союза объединенного дворянства под новым заглавием — «Союза землевладельцев»; городские и земские гласные дореволюционных, цензовых самоуправлений; профессора, журналисты и, наконец, представители высшего командования армии, всероссийского союза офицеров, совета казачьих войск, союза георгиевских кавалеров и прочих (действительных и дутых) офицерских организаций. Собственно говоря, офицерские организации во главе с командным составом и были единственной действительной силой в распоряжении всего правого сектора Государственного Совещания.

Незадолго до открытия Государственного Совещания имущая Россия создала в Москве же свой постоянный боевой политический центр под именем «Совещание Общественных Деятелей». Это Совещание стало настоящим «Советом» зарождавшейся тогда «белой» России. Когда обозначились для него благоприятные условия, Белый Совет и действовать начал по методам Красного Совета первых недель революции.

В последний день Государственного Совещания

на авансцене Большого Театра пред лицом всей России произошла знаменательная сцена рукопожатия между представителем левой половины Театра — Церетели и выразителем настроений сидевшей на право финансово-промышленной России Бубликовым. Рукопожатие это знаменовало собой утверждение всенародного единства вокруг внепартийного, национального Временного Правительства, знаменовало собой объявление социального перемирия, во имя борьбы за Россию. А в это же время за стенами Государственного Совецания некоторые отдельные вожди правого крыла во главе с некоторыми бывшими членами Временного Прав-ва и бывшими верховными и просто командующими на фронте подписывали всенародному единству и коалиции трудовых и буржуазных сил смертный приговор, одобряя безумную попытку кучки офицеров и политических авантюристов взорвать Временное Прав-во, то есть снести до основания ту единственную плотину, которая одна спасала и могла спасти Россию от нового взрыва . . .

До конца военной кампании 1917 года оставалось уже не так долго. Общесоюзная задача нашего фронта уже выполнена. Ленин в бегах; Советы отошли на задний план национальной жизни. Власть государственная окрепла. До Учредительного Собрания осталось только три месяца. Три месяца трудной организаторской работы, но уже в рамках отвердевшего государства.

Все это было совершенно очевидно для маломальски вдумчивого и объективно настроенного человека. Этой объективности, казалось, можно было требовать от тех политических и культурных верхов России, на глазах которых так недавно произо-

шел распад монархии, которые собственными руками осызали все язвы старого режима. Они — старые, искушенные опытом государственные и политические деятели — больше, чем кто-нибудь, должны были понимать, каким огромным, нечеловеческим терпением нужно было обладать, строя Россию в первые месяцы после катастрофы, равной которой мир не видел, может быть, со времени падения Римской Империи.

Терпения-то, однако, у них и не хватало!

Зыбкая еще плотина, ограждавшая Россию от распада и разложения, была взорвана руками людей, которых можно обвинить во всем, в чем угодно, кроме отсутствия патриотизма. Но бывает, очевидно, слепая любовь к родине, которая хуже зрячей к ней ненависти. Государственное Совещание стало прологом страшной драмы, разыгравшейся между Могилевом, где помещалась ставка Верховного Главнокомандующего, и Петербургом, где находилось Временное Правительство — Верховная Власть в Государстве Российском.

Заговорщики справа

Безумный мятеж Верховного Главнокомандующего ген. Корнилова, мятеж, открывший двери большевикам в Кремль, а Гинденбургу — в Брест-Литовск, является лишь заключительным звеном в истории заговоров справа против Временного Правительства. Обычно, за границей, движению ген. Корнилова придается характер почти неожиданного для него самого и его соратников прорыва негодующего патриотизма. Соответственно обычному представлению, рисующему историю России с марта по ноябрь

1917 года, как историю постепенного и все усиливающегося разложения, советизации и большевизации государства, — мятежный акт ген. Корнилова представляется героическим подвигом самоотверженного патриота, пытавшегося тщетно освободить Россию от «безвольного» Правительства и остановить гибнущую Родину на самом краю пропасти.

В действительности ничего внезапного не было в деятельности людей, подготовлявших заговор Верховного Главнокомандующего против Правительства, ему доверившего Армию в самые ответственные месяцы войны. Напротив, работа эта шла медленно, выдержанно, с холодным расчетом и с учетом всех «про» и «контра». Источник всей заговорщицкой работы также был отнюдь не бескорыстно-патриотический, а наоборот чрезвычайно эгоистический, — конечно, не в личном, а в сословном, в классовом смысле этого слова.

Оговариваюсь сразу, чтобы не было недоразумений: устанавливая сейчас социально-политический источник преступной деятельности инициаторов и первоначальных руководителей заговора справа, я отнюдь не приписываю эти классовые мотивы втянутым впоследствии в заговорщицкую работу офицерам — ни самому Корнилову, ни его военным ближайшим соучастникам, мужественным и боевым русским патриотам.

Первоначально идея свержения Врем. Правительства в путях заговора появилась в Петербурге в узком кругу некоторых банковых и финансовых деятелей в апреле 1917 г., а может быть, даже и раньше. Уж эта дата сама по себе показывает, что затевалась борьба не с теми или иными «эксцессами» революции или с «безволием правительства Керен-

ского», а с революцией, как таковой, с новым порядком вещей в России вообще. Конспиративная работа этой первоначальной группы подлинных реакционеров-заговорщиков мало известна. Знаю только, что уже сразу в апреле было положено начало некоторому денежному фонду, тогда же были завязаны связи с некоторыми отдельными политическими деятелями, тогда же стали нащупывать связи с руководящими военными кругами . . .

Психологическая подготовка переворота

Однако, нужные для широкого развития военного заговора настроения пришли только после июльского большевистского восстания и начавшегося 6 июля стремительного отступления наших армий из Галиции.

Обстановка большевистского восстания показала руководителям заговора: 1) слабость раздираемых внутренней борьбой советов, 2) неустойчивость анархически настроенных «революционных полков» Петербургского гарнизона и, наконец, 3) те нечаянные возможности, которые открываются перед предприимчивым, смелым, дерзающим меньшинством. Втайне, по-большевистски, подготовить захват стратегических пунктов в Петербурге (правительственных зданий, телефонов, почты, самих советов и т. д.); насытить столицу верными отрядами своих людей, подготовить агитацией в «своей» печати общественное мнение, и затем в удобный момент совершить быструю хирургическую операцию на верхах власти. Таков был внушенный июльским опытом деловой план переворота для достижения военной диктатуры.

Начавшийся же разгром русских войск, новое от-

ступление, сопровождаемое всеми обычными ужасами паники, в чрезвычайной степени обострили чувство уязвленного патриотизма в командных, комиссарских и комитетских кругах армии . . .

Отступление русских армий продолжалось не долго. Новая психология страны, молодой патриотизм демократических организаций и беззаветная самоотверженность командного состава сделали почти чудо. — 17 июля я получил рапорт комиссара Северного фронта о том, что после потери предместных укреплений под Иксюлем — «настроение в рядах войск, по мере приближения к родной земле, резко меняется». А 27 июля последовал с Галицийского юго-западного фронта рапорт Главнокомандующего ген. Балужева: отступление окончательно приостановлено и положение армии упрочено. Сам новый Верховный Главнокомандующий генерал Корнилов, делая 3 августа свой первый доклад в заседании Временного Прав-ва, дал успокоительную картину общего положения на фронте и сообщил о своем намерении вскоре частично возобновить наступление в Галиции.

Я напомнил об остро-патриотических, напряженных переживаниях России в июле-августе 1917 года для того, чтобы понятнее стала вся работа сторонников военного переворота по психологической подготовке их атаки на власть.

Подготовка эта заключалась: 1) в сознательном преувеличении остроты переживаемых и без того тяжелых испытаний русской армии, 2) в предъявлении Правительству демагогически преувеличенных и явно неисполнимых требований для восстановления дисциплины, 3) в травле всех демократических армейских организаций, наконец, 4) в открытой га-

зетной кампании в пользу генерала Корнилова, как «единственного» и возможного «спасителя России».

Эта демагогическая кампания возбуждения в определенных кругах общества патриотического негодования не только не слабела вместе с успокоением на фронте, а наоборот — крепла. И при действительно обостренном тогда в стране чувстве патриотизма игра на больных чувствах ущемленного национального достоинства давала заговорщикам превосходные результаты.

К середине августа обе столицы были уже достаточно насыщены различными конспиративными военными и штатскими организациями. Тогда практическая подготовка самого осуществления переворота во имя диктатуры генерала Л. Г. Корнилова пошла полным ходом.

Корнилов, Алексеев, Деникин

Корнилов всю свою жизнь оставался по своим вкусам и привычкам человеком простым, из народа. В нем ничего не было ни от природного бюрократа, ни от человека петербургского, дворянско-аристократического круга. Кстати, все три главных военных героя «белого» движения — Корнилов, Алексеев, Деникин, — все они пришли с низов и пробились на вершины военной иерархии собственным горбом. Воспитанные на гроши, они испытали на себе всю тяжесть армейской, офицерской лямки при старом режиме. Все трое они к привилегированной гвардейской среде относились очень отрицательно. Все трое блестяще кончили Академию Генерального Штаба. А обстановка войны, когда рухнуло столько блестящих, сделанных в придворных гостиных и министерских

передних карьер, быстро стала продвигать их всех трех вперед.

Алексеев еще в 1915 году попадает в Ставку начальником штаба при Верховном Главнокомандующем Николае II. Деникина и Корнилова революция застаёт на фронте. Оба они участвуют с блестящим успехом во всех операциях Галицийского фронта. Корнилов в одной из несчастных операций, где проявилась вся его личная доблесть и отвага, попадает в плен к австрийцам. Дерзкий его оттуда побег создает вокруг него некоторую легенду, впрочем, не дошедшую до широких народных и армейских низов.

Из всех будущих вождей белой армии — как раз Корнилов меньше всего был подготовлен к роли политика. (Наоборот, ген. Алексеев хорошо разбирался в государственных вопросах, но был слишком «политиком»). Даже в военном искусстве Корнилов совсем не был стратегом, а только тактиком, что вполне соответствовало его не размышляющей, напористой, в опасности не рассуждающей, вперед поступков не рассчитывающей природе . . .

**
*

Настроения Корнилова в Ставке превосходно передал единственный из будущих участников восстания, никогда не игравший, как он сам выразился о себе, «в прятки», — генерал Деникин. Получив еще 1 июля назначение командующим юго-западным фронтом, ген. Деникин приехал в Могилев. После одного из деловых заседаний, — рассказывает он, — «Корнилов предложил мне остаться, и когда все ушли, тихим голосом, почти шепотом, сказал следующее «Нужно бороться, иначе страна погибнет. Ко

мне на фронт приезжает Н. Он все носитя со своей идеей переворота и возведения на трон Великого Князя Дмитрия Павловича; что-то организует и предлагает совместную работу. Я ему заявил, что ни на какую авантюру с Романовым не пойду. В правительстве сами понимают, что совершенно бессильны что-либо сделать. Они предлагают мне войти в состав правительства. Но нет: эти господа слишком связаны с советами и ни на что решиться не могут. Я им говорю: предоставьте мне власть. Тогда я поведу борьбу. Нам нужно довести страну до Учредительного Собрания, а там пусть делают, что хотят: я устранюсь и ничему препятствовать не буду. Так вот, могу ли я рассчитывать на вашу поддержку. — В полной мере . . . — Мы обняли друг друга» («Очерки русской смуты», т. I, выпуск 2, стр. 97).

Приведенные ген. Деникиным слова ген. Корнилова показывают, какой политический сумбур и фантастика царствовали в голове этого совершенно неискущенного в политических вопросах, но сбитого с толку окружающими его политиками генерала. В частности, ни одно слово ген. Корнилова о Врем. Прав-ве не соответствовало действительности.

Незадолго до Московского Государственного Совецания Корнилов приезжает в Петербург. Оставшись с ним в кабинете с глазу на глаз, я пытался убедить генерала в том, что между ним с его окружением и Временным Прав-вом нет расхождений в целях, задачах работы в армии. Я доказывал Корнилову, что всякая попытка грубо перегнуть палку даст самые отрицательные результаты для самой же армии. Я повторил ему то, что еще в мае месяце говорил на фронте, — если кто-нибудь сделает попытку установить в России личную диктатуру, то он на

другой же день останется в безвоздушном пространстве, без железных дорог, без телеграфа, без армии. Я указывал ему на ту страшную судьбу, которая ждет в случае попытки переворота офицеров.

— Ну что же, — как бы размышлял вслух Корнилов, — многие погибнут, зато остальные наконец возьмут армию в руки.

**
*

Должен сказать, что во время ликвидации бунта генералов, я пережил два очень тяжелых и трудных дня: 27 и 28 августа. В Петербурге началось величайшее смятение, почти паника. Никто ничего точно не знал. Двигавшиеся на Петербург полки ген. Крымова превращались в воображении обывателей в целые армии. В советских кругах, захваченных совершенно врасплох, сразу же вспыхнули старые мартовские настроения — крайней подозрительности, недоверия к власти, боязни «контрреволюции». В офицерских организациях и в юнкерских кружках напряженно готовились к «боевым» действиям в момент появления авангарда ген. Крымова в предместьях Петербурга. А умеренные политические круги втайне, а иногда и въяве сочувствующие Корнилову, мобилизовали все свои силы для того, чтобы оказать давление на Зимний Дворец и заставить его пойти на компромисс, на соглашение с мятежниками.

Никогда! Этого никогда не будет. Правительство можно свергнуть вооруженной рукой; его отдельных представителей можно уничтожить физически, но Временное Прав-во, присягавшее довести страну до Учредительного Собрания, от избранного им пути борьбы за Россию, за восстановление государства не

отступит. Диктатура, откуда бы она ни пришла и кто бы ни стал ее главой, — это неизбежный сепаратный мир на фронте!

Часами мучили меня являвшиеся для переговоров сторонники «примирения» ген. Корнилова с Временным Прав-вом. Сначала, когда положение было очень неясно, они скорее требовали, чем уговаривали. Потом, когда исход стал уже почти несомненным, они стали скорее умолять, чем уговаривать. Даже в самой узкой среде Временного Прав-ва не было больше единства. В особенности я помню ночь на 28 августа, когда в огромных помещениях Дворца я остался совершенно один. И министры, и ответственные политические деятели предпочитали на всякий случай быть подальше от «обреченного» места.

Как раз в эту ночь ко мне приходили из ВЦИК Съезда Советов предлагать коренной перелом всей политики Временного Прав-ва. Объединенные, мол, вокруг Правительства Советы, социалистические партии, включая и отрезвевших под отдаленный топот конницы Крымова большевиков, и прочие демократические организации должны спасти страну, взяв в свои руки власть . . . без буржуазии.

Никогда! Этого тоже никогда не будет, пока я остаюсь в составе Временного Прав-ва. Россия должна сломить генеральское безумие национальным единением всех социально-творческих сил — сил и труда и капитала! Отказ от всенародной, надпартийной власти — это тоже гражданская война внутри и неизбежный сепаратный мир на фронте . . .

Собственно говоря, — политический провал военной авантюры обнаружился сразу. Не только демократические, но и широкие либеральные круги вне Петербурга (и отчасти Москвы)

решительно и сразу осудили попытку совершить государственный переворот. В своей собственной партии те столичные кадеты, которые были за диктатуру, оказались в ничтожном меньшинстве . . .

Весь план похода на Петербург был построен на детском расчете: действовать против Временного Прав-ва, убеждая полки, что корпус идет на помощь Временному Прав-ву против большевиков. 28—29 августа этот обман ген. Корнилова строевые казаки обнаружили. Из Петербурга в Лугу пришли газеты, где были напечатаны и мои приказы, и соответствующие воззвания Советов. Кроме того, в «дикую дивизию» ген. Корнилова приехала из С. Петербурга особая мусульманская делегация во главе с членами Гос. Думы и муллами. Дело Корнилова—Крымова было кончено: выбранные представители от всех полков 3-го конного корпуса явились в помещение местного совета с заявлением: против Врем. Прав-ва драться не пойдем, а если будет начальство на этом настаивать, самовольно повернем на фронт . . .

К утру 31 августа все было кончено: в четыре дня открытое восстание Верховного Главнокомандующего было подавлено без одного выстрела, без одной капли человеческой крови.

Кровь полилась теперь . . . Много крови, крови бессмысленно пролитой.

(А. Ф. Керенский, «Политика Временного Правительства», *Современные Записки*, т. 50-52, Париж, 1932)

Генерал А. И. ДЕНИКИН

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ПЕРЕВОРОТА

Широкое обобщение слагаемых сил революции в две равнодействующие — Временное правительство и Совет — допустимо в известной степени лишь в отношении первых месяцев революции. В дальнейшем течении ее происходит резкое расслоение в среде правящих и руководящих кругов, и месяцы июль и август дают уже картину многосторонней междоусобной борьбы. На верху эта борьба идет еще в довольно отчетливых границах, разделяющих борющиеся стороны, но отражение ее в массах являет образ полного смещения понятий, неустойчивости политических взглядов и хаоса в мыслях, чувствах и движениях. Иногда только, в дни серьезных потрясений, происходит вновь дифференциация, и вокруг двух борющихся сторон собираются самые разнообразные и зачастую политически и социально враждебные друг другу элементы. Так было 3 июля (восстание большевиков) и 27 августа (выступление Корнилова). Но тотчас же по миновании острого кризиса внешнее единение, вызванное тактическими соображениями, распадается, и пути вождей революции расходятся.

Резкие грани прошли между тремя главенствующими учреждениями: Временным правительством, Советом (Центральный исполнительный комитет) и Верховным командованием.

В результате длительного правительственного кризиса, вызванного событиями 3—5 июля, разгро-

мом на фронте и непримиримой позицией, занятой либеральной демократией, в частности кадетской партией, в вопросе об образовании власти, Совет вынужден был освободить формально министров-социалистов от ответственности перед собою и предоставить право Керенскому единолично формировать правительство. Объединенные центральные комитеты постановлением от 24 июля обусловили поддержку со стороны Советов правительству соблюдением им программы 8 июля и оставляли за собою право отзывать министров-социалистов в случае уклонения их деятельности от намеченных программой демократических задач. Но, тем не менее, факт известной эмансипации правительства от влияния советов, как результат растерянности и ослабления руководящих органов революционной демократии в июльские дни, не подлежит сомнению. Ф. Кокоскин в московском комитете партии к. д. говорил: «За месяц нашей работы в правительстве совершенно не было заметно влияние на него Совдепа... Ни разу не упоминалось о решениях Совдепа, постановления правительства не применялись к ним...» И внешне взаимоотношения изменились: министр-председатель не то избегал, не то игнорировал Совет и Центральный комитет, не появляясь на их заседаниях и не давая им, как раньше, отчета.

Но борьба — глухая, напряженная, продолжалась, имея ближайшими поводами расхождение правительства и центральных органов революционной демократии в вопросах о начавшемся преследовании большевиков, репрессиях в армии, организации административной власти и т. д.

Верховное командование занимало отрицательную позицию как в отношении Совета, так и Прави-

тельства. Оставляя в стороне детали и поводы, обострявшие дело, остановимся на основной причине: генерал Корнилов стремился явно вернуть власть в армии военным вождям и ввести на территории всей страны такие военно-судебные репрессии, которые острее своим в значительной степени были направлены против Советов и особенно их левого сектора. Поэтому, не говоря уже о глубоком политическом расхождении, борьба Советов против Корнилова являлась, вместе с тем, борьбой за их самосохранение. Тем более, что давно уже в руководящих органах революционной демократии капитальнейший вопрос обороны страны потерял свое самодовлеющее значение и, по свидетельству Станкевича, если иногда и выдвигался в Исполнительном комитете на первый план, «то только как средство для сведения других политических счетов». Совет и Исполнительный комитет требовали поэтому от правительства смены Верховного главнокомандующего и разрушения «контрреволюционного гнезда», каким в их глазах представлялась Ставка.

Керенский, фактически сосредоточивший в своих руках правительственную власть, очутился в особенно трудном положении: он не мог не понимать, что только меры сурового принуждения, предложенные Корниловым, могли еще, быть может, спасти армию, освободить окончательно власть от советской зависимости и установить внутренний порядок в стране. Несомненно, освобождение от Советов, произведенное чужими руками или свершившееся в результате событий стихийных, снимавших ответственность с Временного правительства и Керенского, представлялось ему государственно полезным и желательным. Но добровольное принятие предуказанных командо-

ванием мер вызвало бы полный разрыв с революционной демократией, которая дала Керенскому имя, положение и власть, и которая, не взирая на оказываемое ею противодействие, все же, как это ни странно, служила ему хоть и шаткой, но единственной опорой. С другой стороны, восстановление власти военным командованием угрожало не реакцией — об этом Керенский часто говорил, хотя вряд ли серьезно в это верил, — но, во всяком случае, перемещением центра влияния от социалистической к либеральной демократии, крушением социал-революционной партийной политики и утратой преобладающего, быть может и всякого, влияния его на ход событий. К этому присоединилась и личная антипатия между Керенским и генералом Корниловым, из которых каждый не стеснялся высказывать подчас в весьма резкой форме свое отрицательное отношение один к другому и ожидал встретить не только противодействие, но и прямое покушение с противной стороны. Так, генерал Корнилов опасался ехать к 10 августа в Петроград на заседание Временного правительства, ожидая почему-то смещения с поста и даже личного задержания . . . И когда все же по совету Савинкова и Филоненко он поехал, его сопровождал отряд текинцев, которые поставили пулеметы у входов в Зимний дворец во время пребывания там Верховного главнокомандующего. В свою очередь Керенский еще 13—14 августа в Москве в дни государственного совещания ожидал активного выступления со стороны приверженцев Корнилова и принимал меры предосторожности. Несколько раз Керенский возбуждал вопрос об удалении Корнилова, но, не встречая сочувствия этому решению ни в военном министерстве, ни в среде самого прави-

тельства, с тревогой ждал развития событий. Еще 7 августа помощник комиссара при Верховном главнокомандующем предупредил Корнилова, что вопрос об его отставке решен в Петрограде окончательно. Корнилов ответил: «Лично меня вопрос о пребывании на посту мало занимает, но я прошу довести до сведения кого следует, что такая мера вряд ли будет полезна в интересах дела, так как может вызвать в армии волнения».

Раскол не ограничился вершинами власти: он шел глубже и шире, поражая бессилием ее органы.

Временное правительство представляло механическое соединение трех групп, не связанных между собою ни общностью задач и целей, ни единством тактики: министры-социалисты, либеральные министры и отдельно — триумvirат в составе Керенского (с.-р.), Некрасова (к.-д.) и Терещенко (бесп.). Если часть представителей первой группы находила зачастую общий язык и одинаковое государственное понимание с либеральными министрами, то Авксентьева, Чернова и Скобелева, сосредоточивших в своих руках все важнейшие ведомства, отделяла от них пропасть. Впрочем, значение обеих групп было довольно ничтожно, так как триумvirат самостоятельно решал все важнейшие вопросы вне правительства, и иногда даже решения их не докладывались последнему. Протесты министров против такого порядка управления, представлявшего совершенно неприкрытую диктатуру, оставались тщетными. В частности, свое расхождение с Корниловым и вопрос о предложенных им почти ультимативно мероприятиях Керенский старался всемерно изъять из обсуждения правительства.

Несколько в стороне от этих групп, вызывая к се-

бе сочувствие либеральной, оппозицию социалистической и плохо скрываемое раздражение триумвирата, стояло военное министерство Савинкова. Савинков порвал с партией (эсеров. — Ред.) и с советами. Он поддерживал резко и решительно мероприятия Корнилова, оказывая непрестанное и сильное давление на Керенского, которое, быть может, увенчалось бы успехом, если бы вопрос касался только идеологии нового курса, а не угрожал Керенскому перспективой самоупряднения... Вместе с тем, Савинков не шел до конца и с Корниловым, не только облекая его простые и суровые положения в условные внешние формы «завоеваний революции», но и отстаивая широкие права военно-революционным учреждениям — комиссарам и комитетам. Хотя он и признавал чужеродность этих органов в военной среде и недопустимость их в условиях нормальной организации, но... по-видимому надеялся, что после прихода к власти — комиссарами можно было бы назначать людей «верных», а комитеты — взять в руки. А в то же время бытие этих органов служило известной страховкой против командного состава, без помощи которого Савинков не мог достигнуть цели, но в лояльность которого в отношении себя он плохо верил.

Савинков мог идти с Керенским против Корнилова и с Корниловым против Керенского, холодно взвешивая соотношение сил и степень соответствия их той цели, которую он преследовал. Он называл эту цель — спасением родины; другие считали ее личным стремлением его к власти. Последнего мнения придерживались и Корнилов, и Керенский.

Раскол созрел и в руководящих органах революционной демократии. Центральный исполнительный

комитет советов все более и более расходился с Петроградским советом как по вопросам принципиальным, в особенности о конструкции верховной власти, так и вследствие претензий обоих на роль высшего представительства демократии. Более умеренный Центральный комитет не мог уже состязаться пленительными для масс лозунгами с Петроградским советом, неудержимо шедшим к большевизму. В среде самого Совета по основным политическим вопросам все чаще обозначалась прочная коалиция меньшевиков-интернационалистов, левых социал-революционеров и большевиков. Если обострялись сильно грани между двумя основными подразделениями социал-демократии, то еще резче проявилось разложение другой главенствующей партии — социал-революционеров, из которой после июльских дней, не порывая еще окончательно формальной связи со старой партией, выделилось левое крыло ее, наиболее яркой представительницей коего была Спиридонова. В течение августа левые с.-р., возросшие численно чуть ли не до половины ее состава, становятся в резкую оппозицию к партии и к кругам, единомышленным с Центральным исполнительным комитетом, требуя полного разрыва с правительством, отмены исключительных законов, немедленной социализации земли и сепаратного перемирия с центральными державами.

В такой нервной, напряженной атмосфере протекал весь июль и август месяцы. Трудно учесть и разграничить зависимость двух аналогичных явлений полного разброда — среди правящих и руководящих верхов с одной стороны, и народной массы — с другой: был ли разброд наверху прямым отражением того состояния брожения страны, в котором еще не мог-

ло определяться конечных целей, стремлений и воли народной, или, наоборот, — болезнь верхов поддерживала и углубляла процесс брожения. В результате, однако, не только не проявлялось ни малейших признаков оздоровления, а, наоборот, все стороны народной жизни быстро и неизменно шли к полному расстройству.

Участились и внешние проявления этого расстройства, в особенности в области защиты страны. 20 августа разразилась рижская катастрофа и германцы явно начали готовиться к большой десантной операции, угрожавшей Ревелю и Петрограду. В то время, когда производительность военной промышленности падала в угрожающих размерах (снарядное производство на 60 процентов), 14 августа происходит вызванный несомненно злонамеренно грандиозный взрыв пороховых заводов и артиллерийских складов в Казани, которым уничтожено было до миллиона снарядов и до 12 тысяч пулеметов. Во второй половине августа назревала всеобщая железнодорожная забастовка, угрожавшая параличем нашему транспорту, голодом на фронте и всеми сопряженными с этим явлением роковыми последствиями. В армии участились случаи самосудов и неповиновения. То словоблудие, которое текло непрерывно из Петрограда и там отравляло и опьяняло мысль и совесть верхов революционной демократии, на широкой арене народной жизни обращалось в прямое действие. Целые области, губернии, города порывали административную связь с центром, обращая русское государство в ряд самодовлеющих и самоуправляющихся территорий, связанных с центром почти исключительно... неизмеримо возросшей потребностью в государственных денежных знаках. В этих

«новообразованиях» постепенно пропал вызванный первым подъемом революции интерес к политическим вопросам и разгоралась социальная борьба, принимая все более сумбурные, жестокие, негосударственные формы.

А на фоне этой разрухи надвигалось новое потрясение — вновь и явно подготовлявшееся восстание большевиков. Оно было приурочено к концу августа. Если тогда могли возникать сомнения и колебания в оценке положения и грозящей опасности, в выборе «равнодействующей» и в томительных поисках жизнеспособной коалиции, то теперь, когда август 1917 года — уже далекое прошлое, сделавшееся достоянием истории, не может быть никаких сомнений по крайней мере в одном: что только власть, одухотворенная решимостью беспощадной борьбы с большевизмом, могла спасти страну, почти обреченную.

Этого не мог сделать Совет, органически связанный со своим левым крылом. Не мог и не хотел, «не допуская борьбы с целым политическим течением» и лицемерно требуя от правительства прекращения «незаконных арестов и преследования», применяемых к «представителям крайних течений социалистических партий».

Этого не мог и не хотел сделать Керенский — товарищ председателя Совета, грозивший некогда большевикам «железом и кровью». Даже 24 октября, то есть накануне решительного большевистского выступления, признав, наконец, «действия русской политической партии (большевиков) предательством и изменой Российскому государству», Керенский, говоря о захвате власти в Петроградском гарнизоне военно-революционным комитетом, поясняет: «Но и

здесь военная власть по моему указанию, хотя и было наличие всех данных для того, чтобы приступить к решительным и энергичным мерам, считала надобным дать сначала людям возможность сознать свою сознательную или бессознательную ошибку...».

Таким образом, стране предстояла альтернатива: без борьбы и в самом непродолжительном времени подпасть под власть большевиков, или выдвинуть силу, желающую и способную вступить с ними в решительную борьбу.

Корниловское «дело», «выступление», «заговор», «мятеж», — вот в каких терминах определялись трагические события конца августа, связанные с именем Корнилова. Обстановка, однако, по природе своей была несравненно сложнее и, захватывая широкие круги русской общественности, не может быть втиснута в узкие рамки таких определений. Гораздо правильнее назвать эти события корниловским движением, оставляя за актом, имевшим место 27—31 августа, название корниловского выступления.

Итак, по личному твердому и искреннему убеждению и под влиянием общественного мнения, Корнилов видел в диктатуре единственный выход из положения, созданного духовной и политической протрацией власти. Формы диктатуры определялись весьма разнообразно не в силу личного честолюбия или двуличия, в чем тщится обвинить Корнилова Керенский, а исключительно как мучительное искание наилучшего и наиболее безболезненного разрешения кризиса власти. Мы знаем, что 19 июля Корнилов при назначении своем на пост Верховного требовал от правительства признания за ним ответ-

ственности «только перед собственной совестью и всем народом», устанавливая какую-то оригинальную схему суверенного военного командования. 30 или 31 июля в разговоре со мной он упоминал о полной мощи Верховного главнокомандующего, но несколько расширенной правами по умиротворению взбаламученной народной стихии. Позднее в беседах с целым рядом лиц, так или иначе причастных к движению, выдвигаются самые разнообразные формы «сильной власти», как то пересоздание на национальных началах кабинета Керенского, перемена главы правительства, введение Верховного главнокомандующего в состав правительства, совмещение званий министра-председателя и Верховного, директория и, наконец, единоличная диктатура.

Нет сомнения, что и сам Корнилов, и, в особенности, ближайшее его окружение, склонялись к этой последней форме правления. Но лично Корнилов в своем сознании не ставил диктатуру самоцелью, придавая огромное значение факту законной преемственности. В силу этого окончательное решение вопроса ставилось в полную зависимость от хода событий: будет достигнуто соглашение с Керенским и изменение курса государственной политики — тогда возможно устройство власти в порядке сговора, возможны и коллективные формы ее; не будет достигнуто соглашение, и, следовательно, исчезнут всякие надежды на спасение страны, — предстояло насильственное устранение представителей верховной власти и в результате потрясения рисовалась одна перспектива — личной диктатуры. При этом возможность крушения власти далеко не обуславливалась одним лишь корниловским движением: оно могло наступить стихийно и непредотвратимо в любой мо-

мент, как результат одного из не прекращавшихся внутренних кризисов правительства, большевистского ли восстания или нового наступления австро-германцев, грозившего смести фронт и в его бешеном потоке затопить и правительство.

Все эти перспективы были равно возможны, роковым образом приближались и требовали принятия героических мер для их предотвращения. Попытки Корнилова привлечь на этот путь Керенского оставались пока безрезультатными. Поэтому Верховный главнокомандующий счел себя вынужденным принять некоторые предварительные меры, применение которых могло быть определено лишь историческим ходом событий.

Нет сомнения, что переброска войск на Северный фронт, их дислокация, создание петроградской армии и ее усиление — вызывались безусловно стратегической необходимостью; но, конечно, выбор войск соответствовал и другой цели — создания благоприятных условий на случай крушения центральной власти.

Таким же подсобным средством считались офицерские организации.

Ввиду полной ненадежности Петроградского гарнизона, столичные организации представлялись полезным орудием как для вооруженной борьбы против большевистского восстания, так и на случай падения власти или окончательного уклонения ее на путь, predetermined соотношением сил в Советах, в которых большевистские течения получали явное преобладание.

(А. И. Деникин, *Очерки Русской Смуты*, т. 2, Париж, 1925—1926)

Часть III (сентябрь-декабрь)

(Подготовка и проведение Октябрьского переворота)

После подавления заговора ген. Корнилова, события развивались в двух направлениях. С одной стороны, благодаря наступившему политическому и все углублявшемуся экономическому кризису, Ленин настойчиво требует немедленной подготовки и проведения вооруженного переворота; с другой стороны, противники большевиков пытаются кое-какими паллиативами преградить путь большевизму. Такой попыткой был, во-первых, созыв Демократического Сопещания, из которого был выделен Совет Республики или так называемый «Предпарламент». Другими попытками явились инициатива, или «план» одного из последних военных министров Временного правительства ген. Верховского, с одной стороны, и некоторых руководителей Революционной демократии с другой... Буквально в последний момент они настаивали на проведении мер, которые, предположительно, могли бы выбить почву из-под ног большевиков.

ХРОНИКА СОБЫТИЙ

25 августа и 6 сентября. Впервые большевистские резолюции проходят соответственно в Петроградском и Московском Советах.

14—22 сентября. Демократическое Сопещание заседает в Петрограде.

23 сентября. Образование четвертого Временного

Правительства (коалиционного) под председательством Керенского.

30 сентября. Победа большевиков на выборах в районные думы в Москве.

7 октября. Открытие Совета Республики (Предпарламент).

10 октября. Заседание ЦК большевиков, на котором принимается резолюция Ленина о вооруженном восстании. Против резолюции голосуют Зиновьев и Каменев. На этом заседании избрано Политическое бюро ЦК по руководству восстанием в составе: Ленина, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Сталина, Сокольникова, Бубнова.

11 октября. Съезд Советов Северной области под руководством Троцкого.

16 октября. Расширенное заседание ЦК большевиков с участием представителей военной организации, большевистских деятелей профсоюзов, фабзавкомов и т. д. Резолюция Ленина о вооруженном восстании принимается 14 голосами против двух (Зиновьева и Каменева). Образование Военно-революционного комитета (ВРК) при Петроградском комитете.

17 октября. Ленин встречается с руководителями военной организации (Антонов-Овсеенко, Подвойский, Невский) и требует проведения восстания до открытия Второго Съезда Советов.

18 октября. Газета М. Горького «Новая жизнь» печатает заявление Каменева и Зиновьева против восстания.

21—24 октября. ВРК призывает войска не выполнять приказов правительства без его одобрения. «Переговоры» штаба Керенского с представителями ВРК. «День Петроградского Совета»; демонстрации,

митинги... 24 октября Троцкий и Лашевич убеждают гарнизон Петропавловской крепости перейти на сторону ВРК; собрание представителей Петроградского гарнизона переходит на сторону ВРК.

Керенский решает арестовать членов ВРК и закрыть большевистские газеты. Штаб Керенского пытается стягивать войска в Петроград; Керенский обращается к Предпарламенту за поддержкой и требует предоставить ему чрезвычайные полномочия; Петроградская городская дума пытается путем переговоров «разрешить конфликт» между правительством и ВРК. Троцкий обращается за помощью к кронштадтским матросам. ВРК занимает телеграф. Предпарламент принимает двусмысленную резолюцию, которая требует энергичных мер, создание комитета Общественного Спасения и как бы выражает косвенно недоверие правительству Керенского. Керенский угрожает отставкой.

25 октября. Последнее заседание оборонческого ЦИК'а. Дан протестует против большевистского восстания и предупреждает о неминуемой контрреволюции; большевистские части занимают телефонную станцию, почту, вокзалы. Крейсер «Аврора» появляется у Николаевского моста. В 9 часов утра ВРК объявляет, что «Временное Правительство низложено». Тройке, в составе Антонова, Подвойского и Чудновского, поручается с войсками занять Зимний дворец, в котором заседают министры Временного Правительства. С целью привести верные войска с фронта, Керенский покидает Петроград. Министры решают покинуть дворец только в случае применения к ним силы. Большевистские отряды разгоняют членов Предпарламента. Главнокомандующий Северным

фронтом (Главкосев) ген. Черемисов отказывает в Пскове Керенскому в помощи.

В 10 часов вечера — холостой выстрел «Авроры». Открытие Второго Съезда Советов; в 12 часов ночи — занятие Зимнего дворца. Арест Временного Правительства.

26 октября рано утром. Съезд Советов официально перенимает власть. Керенский пытается убедить ген. Краснова и его казаков начать поход на Петроград.

27 октября. Образование демократическими партиями «Комитета спасения родины и революции».

29 октября. ВИКЖЕЛЬ (Всероссийский Исполнительный Комитет Железнодорожников) начинает свои попытки образования социалистического правительства, которое должно было бы состоять из представителей всех социалистических партий.

30 октября. Неудачный для Керенского исход битвы у Пулково; перемирие большевиков с казаками в Гатчине.

2 ноября. Сломив сильное и упорное сопротивление, московские большевики занимают Кремль.

4 ноября. Сторонники коалиционного социалистического правительства в большевистском руководстве (Зиновьев, Каменев, Рыков, Ломов, Ногин, Милютин, Теодорович) выходят из Совнаркома и ЦК.

12 ноября. Выборы в Учредительное Собрание. Эсеры получают абсолютное большинство голосов и мандатов; за большевиков голосует приблизительно 25 процентов избирателей.

20 ноября. Большевики занимают Ставку в Могилеве. Убийство Верховного главнокомандующего генерала Духонина.

10 декабря. Левые эсеры входят в Совет Народных Комиссаров.

5 января 1918 года. Созыв и разгон Учредительного Собрания.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ГЕНЕРАЛА А. И. ВЕРХОВСКОГО

20 октября (2 ноября) военный министр ген. А. И. Верховский сделал на объединенном заседании комиссий военных и иностранных дел Предпарламента секретный доклад о положении в армии. Председательствовал на этом заседании председатель Комиссии иностранных дел М. И. Скобелев. Содержание и выводы доклада не были полной неожиданностью для некоторых присутствующих, ибо, по свидетельству министра, он свои мысли, оценки и выводы сообщил Временному правительству днем раньше, 19 октября (1 ноября):

«Я сказал прямо и просто всему составу Вр. правительства, что при данной постановке вопроса о мире катастрофа неминуема . . . В самом Петрограде ни одна рука не вступится в защиту Вр. прав., а эшелоны, вытребованные с фронта, перейдут на сторону большевиков . . . Действия правительства ведут к катастрофе . . . Я заявил, что не могу нести ответственности за порученное мне дело и прошу сложить с меня полномочия . . . Мои сотоварищи по кабинету считают, что я переоцениваю опасность, что с нарастающим движением можно будет справиться без тех героических мер, которые я предлагаю . . . 20-го я объехал все руководящие политические центры, а вечером делал доклад . . . Я шел на все последствия и толкования моего поступка, так как в мину-

ту, когда все готово рухнуть, не место дипломатии».

Одно из посещений Верховским «политических центров» описано Набоковым, на квартире которого и произошло свидание Верховского с лидерами партии к. д. Он прибыл на секретное совещание «в сопровождении адъютанта». Из кадетов присутствовали Милюков, Шингарев, Аджемов и Кокошкин. «Верховский сразу заявил, что он хотел бы знать мнения лидеров к. д. по вопросу о том, не следует ли немедленно принять все меры — в том числе воздействие на союзников — для того, чтобы начать мирные переговоры», так как «всякие попытки продолжать войну только могут приблизить катастрофу». Лидеры к. д. отнеслись с осторожностью к заявлению Верховского: «Как бы ни была обоснована и доказательна аргументация Верховского, — замечает Набоков, — его собственная несостоятельность была слишком очевидна и ожидать от него планомерной и успешной деятельности в этом сложнейшем и деликатнейшем вопросе было невозможно. Он и здесь, и раньше всей своей личностью вызывал определенно отрицательное отношение. Можно было опасаться, что, предоставленный своей собственной инициативе, он заведет нас в безвыходный тупик. Кроме того, все его недавнее прошлое было настолько — в политическом отношении — сомнительно, что не исключалось предположение, что он просто играет в руку большевикам».

Получив отрицательный ответ в смысле возможности поддержки со стороны к. д., Верховский раскланялся. Надо думать, что он не раскрывал своих карт на квартире Набокова. На вечернем заседании Верховский повторил «в дополненном виде» свою аргументацию с тем же выводом. Насколько можно су-

дить по черновому протоколу и по тезисам, приведенным в книге Верховского, его доклад сводился к следующему: положение на фронте катастрофично . . . Выхода нет. Всякие паллиативы восстановления боевой мощи не способны преодолеть разлагающую пропаганду мира. Здесь тупик. Единственная возможность бороться с тлетворным влиянием большевиков — это вырвать у них почву из-под ног и самим немедленно возбудить вопрос о заключении мира. Весть о мире, по мнению Верховского, внесет в армию оздоровляющие начала. Опираясь на наиболее сохранившиеся части, можно было бы силою подавить анархию в стране.

По-видимому, многие поняли, что Верховский говорил о заключении сепаратного мира с Германией. «Дрожь прошла от этих жутких слов по всему собранию, — вспоминает Винавер. — Кто стоял за сепаратный мир, тот невольно объединялся с большевиками. Когда Терещенко пояснил, что Вр. правительство не только не уполномочивало Верховского на такие заявления, но никогда военный министр правительству об этих своих взглядах не докладывал, тогда состоялось впечатление, что речь военного министра имела целью дискредитировать правительство перед лицом общества в страшную минуту, когда именно под лозунгом мира старались поднять против него бунтующую стихию». О сепаратном мире Верховский не говорил. Мало того, на вопрос Кусковой, что же произойдет, если союзники не пойдут на предложение заключить мир, военный министр ответил: «До сих пор никто еще не давал союзникам вполне откровенного освещения о положении нашей армии, и это создавало у них иллюзии . . . Надо это прямо сказать союзникам и тогда они отнесутся к де-

лу более серьезно . . . в противном случае (отказа союзников от мирных переговоров), будучи связаны известными обязательствами, мы должны будем подчиниться судьбе, то есть пройти через такие испытания, как восстание большевиков».

Как видим, Верховский ставил вопрос довольно реалистично. В его докладе не было того «верхоглядства», которое произвело отвратное впечатление на Винавера: «Сухим, беззвучным голосом, окидывая собрание холодным взглядом бесстрастных, точно стеклянных глаз, молодой человек в генеральском мундире путем цифр, дилетантски составленных, доказывал нашу небоеспособность», не задаваясь, по видимому, даже вопросом о «моральном и государственном смысле предлагаемого им поворота». «Мы с Милюковым, — добавляет мемуарист, — желая все же пролить свет на основную проблему о нашей неподготовленности, предложили пригласить всех начальников военных управлений, чтобы проверить приведенные военным министром цифры. Такое заседание состоялось . . . и при свете точных данных все выводы военного министра о нашей технической неподготовленности рассеялись бесследно. Технически мы были в блестящем состоянии — не было только духа в армии, а показной пессимизм военного министра способен был лишь искоренить остатки воодушевления даже в высшем командовании». По мнению военного историка ген. Головина, Верховский представил «правдивую картину» катастрофического положения в армии.

Однако, вернемся к самому докладу Верховского.

Определив общее количество русских войск в 10,2 миллионов, министр уточнил, что шесть миллионов находятся на фронте, а остальные в тылу и

различных организациях. Государство не может содержать такую многочисленную армию. Ее следовало бы уменьшить до девяти миллионов — путем демобилизации; однако, согласно министру продовольствия, страна не может прокормить более семи миллионов. Уменьшение армии до последней цифры наталкивается на сопротивление генерального штаба . . . Министр далее оглашает цифры, которые свидетельствуют о том, что питание армии все время ухудшается, и что положение в этом смысле на северном фронте становится даже критическим. В плачевном состоянии находится также снабжение армии одеждой и обувью. Что касается состояния духа армии, то оно очень низко и у солдат, и у офицеров. Число дезертиров достигает по меньшей мере двух миллионов. Разложение в тылу перебрасывается в армию.

Министр указывает, что наиболее слабые и наименее требовательные офицеры наиболее популярны среди солдат. Наоборот, офицеры, требующие соблюдения дисциплины и выполнения приказов, вызывают у солдат неприязнь и даже ненависть. «Шкурничество» и разложение в результате большевистской агитации имеет место не только среди солдат, но также и среди офицеров и командного состава.

Резюмирует свой доклад военный министр следующим образом: «Надо сказать, что мы не можем продолжать войну»; во всяком случае, он, Верховский, не в состоянии больше оставаться военным министром и просил уже министра-председателя найти ему преемника. Министр не верит в планы оздоровления армии, которые, будучи замечательны сами по себе, в наличных условиях являются только «пал-

лиативами». «Если большевики до сих пор не захватили власть, то только потому, что они боялись фронта; но кто может гарантировать, что через пять дней (когда произойдет Второй съезд советов) они не возьмут власть?» Указав, что пропаганда против войны финансируется Германией, он подчеркивает, что «единственный путь преграждения силам разложения» это немедленно заключить мир. Мир оздоровит армию и позволит успешно покончить с анархией и на фронте, и в тылу. Министр добавляет (в ответ на поставленные ему вопросы), что в случае заключения мира даже большевистски настроенные части и комитеты приняли бы участие в подавлении попыток захвата власти большевиками. Указав (в ответ на возражения некоторых участников заседания), что никто еще не давал союзникам честного и откровенного отчета об истинном положении в армии, Верховский заявляет: «Если нет возможности получить лучших условий мира, надо заключить тот, который представляется возможным, иначе мы катимся в пропасть». Что касается технической помощи союзников, — прибавил министр, — она прибывает в очень малых количествах; с другой стороны, те 130 немецких дивизий, которые Германия держит на восточном фронте, состоят, в большой степени, из частей, которые, ввиду их слабой боеспособности, непригодны на западном фронте.

Члены комиссий решили перенести прения по докладу на следующее заседание. Ровно через пять дней, как предсказал Верховский, власть была захвачена большевиками.

Примечание. Эта заметка составлена на основании материалов, заимствованных из книги С. Мельгунова *Как большевики захватили власть*, Париж,

Paris, Payot, 1929, pp. 91—109.
ленного С. Ольденбургом „*Le Coup d'Etat Bolcheviste*“,
Paris, Payot, 1929, pp. 91—109.

Ф. И. ДАН

ПОСЛЕДНЯЯ ПОПЫТКА ЛИДЕРОВ ЦИК'а

*(К истории последних дней
Временного правительства)*

В 10-й книге «Современных Записок» помещена статья А. Ф. Керенского «Гатчина», посвященная моменту гибели Временного правительства, под напором большевистского восстания. Одна страничка этой статьи отведена беседе моей с Керенским, происходившей в Зимнем дворце в ночь на 25 октября 1917 года.

Сведения об этой беседе, сколько мне известно, впервые появляются в печати. Излагая ее содержание, Керенский говорит: «Конечно, я не могу сейчас воспроизвести заявление Дана в его собственных выражениях, но за точность смысла передаваемого ручаюсь».

К сожалению, «ручательство» дано Керенским в данном случае не вполне основательно. То ли память ему изменила, то ли в момент беседы он был слишком утомлен и взволнован или слишком поглощен своими собственными переживаниями и настроениями, чтобы сколько-нибудь вникать в чужие слова и мысли, но только с его передачей беседы случилось как раз обратное тому, о чем он предупреждает читателей своей статьи: отдельные «выражения», быть может, и сохранились, но смысл беседы не только

не передан «точно», но прямо-таки искажен, превращен в свою собственную противоположность.

Ни на минуту не заподозривая Керенского в намеренном искажении истины, я не стал бы торопиться с восстановлением действительного содержания беседы, если бы речь шла только о личной характеристике моей, как политического деятеля: обличение представителей «революционной демократии» (кавычки принадлежат Керенскому) в том, что эти «искусники были способны лишь проводить ночи напролет... в бесконечных спорах над различными формулами», в то время, как представители Временного правительства обнаруживали величайшую государственную проницательность и деловитость — обличение это, повторяемое Керенским, слишком не оригинально, чтобы надо было спешить вступать в полемику по этому поводу. Но я, вместе с Керенским, полагаю, что «сцена» нашей беседы была, в известном смысле, «поистине исторической»: в том именно смысле, что в ней очень ярко выявились, на мой взгляд, позиции различных общественных сил, противодействовавших большевистскому перевороту, и выяснились причины полного бессилия Временного правительства и молниеносного успеха большевиков. В этом отношении «сцена» эта очень важна для характеристики исторического момента октябрьской революции и понимания всей будущей политики нашей социал-демократической партии по отношению к восторжествовавшему большевизму.

В предотвращение образования новых «исторических» легенд, в добавление к немалому числу уже циркулирующих, я и считаю своим долгом теперь же рассказать, «как это было в действительности».

Начать приходится несколько издалека — с дея-

тельности так называемого «предпарламента» — Совета Российской Республики и работы нашей социал-демократической фракции в этом совете.

Идея Демократического Сопещания, созванного после и в противоположность Общегосударственному Сопещанию в Москве, связывалась в умах инициаторов его с сознанием необходимости образования однородного демократического правительства взамен правительства коалиционного с участием представителей буржуазии, явно начавшего разваливаться после пресловутого июньского наступления на фронте и получившего смертельную рану в дни Корниловского восстания. Я не берусь утверждать, что все руководящие члены Центрального Исполнительного Комитета так именно смотрели на задачи Демократического Сопещания, но могу категорически утверждать, что так именно смотрели на них видные члены ЦИК, и такова именно была моя собственная точка зрения. Доказательством тому — не только тот факт, что на заседаниях более интимного кружка, получившего шуточное прозвище «звездной палаты» и привлекавшего в это время к своим занятиям ряд лиц, постоянно в его состав не входивших, серьезно обсуждались списки возможных кандидатов в будущее демократическое правительство (одним из авторов таких списков был я), но и вся та литературная кампания по подготовке Демократического Сопещания, которую я вел в согласии с президиумом ЦИК — в передовицах «Известий».

Мысль, руководившая нами при созыве Демократического Сопещания, состояла в том, чтобы попытаться создать демократическую власть, опирающуюся не только на те элементы революционной де-

мократии, в тесном смысле этого слова, которые сосредоточились в Советах, но и на те, которые имели прочную базу в кооперативах и органах местного самоуправления (городских думах и земствах). Считая, что положение будущего демократического правительства будет крайне затруднительным, мы полагали необходимым привлечь к участию в нем эти демократические силы, в которых ценили навыки к практической общественной работе, особенно в хозяйственной области, и органическую связь с широкими народными массами, — прежде всего с крестьянством и демократическим мещанством. Нас поощряли к тому успехи в деле сближения с этой «несоветскою» демократией, достигнутые еще на Государственном Совещании в Москве: как известно, после долгих споров и пререканий, и кооператоры, и демократические представители земств и городов подписали политическую и экономическую платформу, составленную делегацией ЦИК и оглашенную Чхеидзе от имени всей демократии на заседании Совещания 14 августа.

Однако — «не так склалось, яко ждалось»: демократического правительства из Демократического Совещания не вышло. Более того. Официальным представителям ЦИК пришлось с самого начала отказаться от проведения на Совещании линии безусловного разрыва коалиции и создания чисто демократической власти, а отстаивать лишь выработку платформы, на основе которой могли бы принимать участие в правительстве все группы, готовые эту «платформу» проводить в жизнь. Я лично без особого восторга относился к такого рода политике после того, как столько прекрасных «платформ» было написано со времени образования первого коалицион-

ного правительства без сколько-нибудь решительного результата в смысле проведения в жизнь того, что в этих «платформах» было самого существенного. Но для данного момента я не видел другого исхода и потому на самом Демократическом Советании его и отстаивал.

Главная причина неудачи заключалась в позиции, занятой группами «несоветской» демократии. При подробном обсуждении положения с представителями этих групп обнаружилось, что они несколько иначе смотрят на подписанную в Москве программную декларацию, чем я и значительное число ближайших моих товарищей по ЦИК. В то время, как для нас это была — программа ближайшей деятельности правительства, подлежащая немедленному осуществлению, для них это были, в лучшем случае, лишь общие директивы, « в духе » которых правительство должно действовать, но полное проведение которых в жизнь есть вопрос более или менее отдаленного будущего. Переоценивая вес и значение своей «почвенной» связи с массами и относясь поэтому даже с оттенком презрения к большевизму, как явлению налетному и едва ли не «столичной» выдумке, не имеющей «корней» в «низах», представители «несоветской» демократии не только не видели необходимости в резком разрыве с политикой коалиции, но наотрез отказались участвовать в образовании чисто демократической власти. Они не только начисто отрицали возможность каких бы то ни было попыток образовать правительство со включением в его состав большевиков, но, ссылаясь на свой «опыт», утверждали, что и без большевиков чисто демократическое правительство не будет «признано» населением, вызовет лишь анархию и немедленную

гражданскую войну. Мне очень врезалось в память одно из последних утренних собраний «звездной палаты» в кабинете М. И. Скобелева с участием представителей «несоветской» демократии перед самым Демократическим Совещанием. Запомнились мне среди присутствовавших Руднев (московский городской голова), педагог Душечкин, кооператор Беркенгейм и др. Здесь буквально в десять минут была похоронена идея образования чисто демократической власти, после того, как оглашенному мною списку проектируемого правительства был противопоставлен категорический и единодушный отказ всех «несоветских» демократов без исключения! Все они заявили, что в состав чисто демократического правительства не войдут.

Тогда оставался — теоретически! — только один путь для немедленного разрыва коалиции: образование правительства с большевиками, не только без «несоветской» демократии, но и против нее. Этот путь мы считали неприемлемым при той позиции, которую занимали уже к этому времени большевики. Мы отчетливо сознавали, что вступить на этот путь значило вступить на путь террора и гражданской войны, проделать все то, что впоследствии и действительно вынуждены были проделать большевики. Ответственность за такую политику некоалиционной власти ни один из нас брать на себя не считал возможным.

При таких условиях Демократическое Совещание оказалось, в сущности, беспредметным. Главная цель, ради которой оно было задумано, исчезла. Оно превратилось просто в арену совершенно ненужной и даже вредной концентрированной перепалки с

большевиками. Вместо укрепления позиций демократии оно привело к их ослаблению.

Однако, была сделана еще одна попытка образования чисто демократической власти в связи с Демократическим Совещанием. Это было, если не ошибаюсь, на замкнутом собрании представителей всех групп Демократического Совещания, на котором делали доклады Керенский, Верховский и, помнится, еще кто-то из министров. Керенский заявлял о своей готовности передать власть демократическому правительству, если ЦИК признает это нужным. Каменев много говорил о необходимости покончить с коалицией и убеждал президиум ЦИК взять власть в свои руки, обещая демократическому правительству поддержку большевиков. Тогда я в упор поставил Каменеву вопрос: обязуются ли большевики поддерживать новое правительство до Учредительного Собрания? После совещания большевиков между собою, Каменев ответил от их имени, что поддерживать демократическое правительство они берутся, но не до Учредительного Собрания, а лишь до советского съезда, т. е. каких-нибудь 3—4 недели. Это была явная насмешка, и, конечно, о создании такой власти-поденки не могло быть и речи, тем более, что при таких условиях вся «поддержка» сводилась бы в лучшем случае к отказу от попыток насильственного свержения до недалекого уже съезда, и только.

Бешеная демагогическая агитация против не-большевистских социалистических партий велась бы без ослабления, хотя бы уже ради того, чтобы бороться за большинство на съезде. Таким образом и этот путь преобразования правительства в однородно демократическое — путь перехода власти в руки тогдашнего советского большинства — оказался за-

крыт, и в результате Демократического Сопещения мы получили даже не коалиционное правительство, а какой-то коалиционный недоносок: ни один из сколько-нибудь видных вождей социалистических партий в правительстве не участвовал; но и «министры-капиталисты» не принадлежали к руководящим буржуазным партиям, а были сплошь «дикими».

Правительство по-прежнему весьма мало руководилось «платформой» 14 августа. Вопросы о войне и мире, о регулировании промышленности и торговли, о земле почти не двигались с места или двигались таким черепашиным темпом, который совершенно не соответствовал катастрофической обстановке, не допускавшей «откладывания» их до Учредительного Собрания, которое, в свою очередь, откладывалось с месяца на месяц во имя совершенства избирательной процедуры.

Вместо смелого приступа к решению основных политических и социальных вопросов момента, — решению, которое могло бы укрепить власть, подводя под нее прочный фундамент народных симпатий, — правительство, возглавляемое Керенским, увлеклось чисто формальной идеей создания «сильной власти», опирающейся неизвестно на что и на кого: последние 2—3 месяца существования Временного правительства целиком наполнены стараниями его разрешить задачу квадратуры круга — создать правительству опору в виде военных сил, которые сами неудержимо разлагались вследствие утраты надежды на скорое заключение мира. Отсюда — непрерывный ряд трагикомических эпизодов, вплоть до всевозможных «недоразумений» с Корниловским восстанием, и вечно обманутые надежды и мечтания, о которых так охотно повествует А. Ф. Керенский, все свои не-

удачи приписывающий единственно интригам против него, зависти, властолюбию, непониманию, предательству и т. д.

Понятно, почему отношение социалистических партий к политике коалиционных правительств становилось, выражаясь мягко, все более критическим, а после Демократического Сопения зачастую и прямо враждебным: напомню, что наша партия сочла даже нужным исключить из своих рядов А. М. Никитина, занимавшего в последнем коалиционном правительстве пост министра внутренних дел.

Уже из этого краткого наброска развития взаимоотношений между коалиционной властью и социалистическими партиями, еще до созыва «предпарламента», видно, какую ужасающую политическую слепоту обнаруживает А. Ф. Керенский, когда изображает, как полную неожиданность, тот факт, что «левое большинство» Совета Республики отделяло себя от правительства и его борьбы, и, опять-таки, оказывается способным объяснить этот факт исключительно тем, что это «левое большинство» имело «очень малое представление» о событиях или попросту обожало «бесконечные и бесполезные споры и ссоры» в отличие от людей дела, сидевших в правительстве и ведших переговоры с казаками, офицерами Генерального Штаба, Ставкой и т. д. и т. д.

Конституция предпарламента, вследствие сопротивления правительства, была сильно изуродована по сравнению с первоначальными предположениями ЦИК. Вопреки этим представлениям, Совет Республики формально получил лишь права совеща-

тельного органа. Но мы, — я говорю о себе и своих ближайших единомышленниках, — рассчитывали на то, что «фактическое соотношение сил» окажется сильнее всех формальных препон. Говоря просто, мы надеялись, что на почве Совета Республики нам удастся добиться смены коалиционного правительства правительством чисто демократическим, способным на деле быстро и решительно осуществить основные положения платформы 14 августа.

В этом именно направлении — сплочения «левого большинства» для создания «левого», чисто демократического правительства — велась вся работа с.-д-й фракции в предпарламенте, и в этом направлении сосредоточивались и все личные мои усилия — не только внутри нашей фракции, но и в выступлениях с трибуны предпарламента, например, в первой большой моей речи по вопросу о внешней политике правительства.

Правда, шансов на успешное завершение этой работы было немного: слишком уже много времени было упущено, и события развивались с головокружительной быстротой. К тому же вожди большевиков усиленно гнали дело к развязке. Я говорю — вожди, имея в виду, главным образом, Ленина и Троцкого, которые, очевидно, к этому времени уже твердо решились на открытую пробу сил. Не только рядовая масса, но и большевики, так сказать, среднего калибра вряд ли отдавали себе в этом отчет. Я хорошо помню разговор, бывший у меня за несколько дней до 25 октября с И. Жуковым, игравшим и тогда и впоследствии довольно видную роль в большевистской партии. На мой вопрос: что же, вы снова готовите выступление? — Жуков, с которым, несмотря на острую политическую борьбу, личные отношения

были у меня тогда вполне сносные, с видимым волнением и искренностью отвечал: «Нет! Мы июльских дней не забыли и новой глупости не сделаем! Выступать нам незачем, — и так у нас будет большинство!»

Из напечатанных в большевистской прессе документов стало известно, что и такие люди, как Каменев, Зиновьев и др. были решительно против восстания. Но как бы то ни было, в тактике большевистской партии побеждали тенденции к ускорению восстания. Открытым призывом к восстанию был уход большевистской фракции из предпарламента и декларация, прочитанная при этом случае Троцким. Этот уход не только с формальной стороны мешал нашей работе по созданию чисто демократической власти на почве деятельности предпарламента — тем, что затруднял образование левого большинства, но и по существу ставил эту работу, требовавшую для своего завершения известного времени, под сомнение — тем, что приближал катастрофу и, даже в случае образования демократического правительства, заранее ставил его под ожесточенные удары слева.

Но выбирать не приходилось. Как ни малы были шансы на успех, надо было до последней минуты пытаться предупредить катастрофу, по нашему глубокому убеждению гибельную для всего дальнейшего хода революции.

Борьба велась нашею с.-д.-ю фракциею на вполне конкретной почве: мы требовали от правительства не медленного обращения к союзникам с предложением открыть переговоры о всеобщем мире; не медленной передачи всех помещичьих земель в руки местных земельных комитетов, как залого разрешения аграрного вопроса в духе требова-

ний крестьянской массы; ускорения созыва Учредительного Собрания. По нашему представлению, только на почве выполнения этой программы мыслима была борьба с большевиками с некоторыми шансами на успех. Более того. Только на почве этой программы считали мы, с точки зрения социализма и демократии, допустимым противопоставлять силу большевистскому насилию. Острая борьба за образование правительства, способного не на словах, а на деле провести в жизнь эту программу, привела к бурному эпизоду, разыгравшемуся на соединенном заседании комиссий Совета Республики — военной и по иностранным делам. В заседании этом читал доклад тогдашний военный министр, генерал Верховский. С цифрами и фактами в руках он убедительно доказывал полную материальную и моральную невозможность для русской армии продолжать войну и требовал крутого перелома нашей внешней политики в сторону мира. Верховскому возражал министр иностранных дел М. И. Терещенко, защищавший свою политику. В числе прочих членов «левой» части Совета я горячо поддерживал Верховского и резко обрушился на внешнюю политику Временного правительства, которое, на мой взгляд, слепо шло на поводу у дипломатов Антанты и вело и армию, и революцию к катастрофе.

По окончании заседания ко мне подбежал с искривленным от бешенства лицом Терещенко и, швырнув свой министерский портфель на стол, прошипел: «Вам нужен мой портфель? Берите его! Я не стану за него цепляться».

Видно было, что человек от злобы не помнит себя. Я сухо ответил: «Мне ваш портфель не нужен; но если вы не можете вести политику мира, то, ко-

нечно, вам надо с поста министра иностранных дел уйти». Терещенко, молча, забрал свой портфель и вышел из комнаты.

Я был доволен. Мне казалось, что дело преобразования правительства в желательном для нас духе сделало большой шаг вперед. Но прошло несколько дней, и стало известно, что уходит — только не Терещенко, а Верховский. Правительство, возглавляемое Керенским, не только «отделяло» себя от «левой» части Совета Республики, но явно шло ей наперекор. Это сказывалось и во внешних признаках: не только у меня, но сколько мне известно, и у многих вождей с.-р.-ов — Гоца и др. — в это время почти прекратились какие бы то ни было личные, неофициальные сношения с членами правительства. И не только отсутствие наших лидеров в составе правительства было тому причиной, а именно глубокое расхождение в самых основных вопросах политики. У нашей партии был еще, правда, в это время представитель в составе правительства К. Гвоздев. Но он был поглощен своим ведомством — министерством труда, и «политической» фигурой был в этот период в весьма малой степени.

II

Между тем, атмосфера сгущалась все больше и больше. Большевицкая опасность нарастала с часу на час. В воздухе пахло грозой.

Я не знаю, насколько прав Керенский, утверждая, что «стратегические планы» некоторых правых кругов сводились к тому, чтобы «не препятствовать успеху вооруженного восстания большевиков» и лишь «после падения ненавистного

Временного правительства» подавить большевистский «бунт», для чего нужно будет «3—4 недели».

Я думаю, что Керенский падал жертвой странной аберрации, когда, сводя все свои заботы о борьбе с большевиками к «разработке подробного плана подавления мятежа» в штабе Петроградского военного округа и к «срочному» вызову эшелонов с фронта, т. е. исключительно к мероприятиям военно-технического свойства, полагал, что этим самым противодействует планам правых и ведет борьбу «на два фронта». Но он, кроме того, с моей точки зрения, — и на этот раз вместе с «правыми кругами», — падал жертвою опасной иллюзии, когда воображал, будто в гарнизоне ли, на фронте ли может найти какие-то «верные части», готовые по мановению руки Временного правительства пойти в бой с большевиками — за что? За мир, в достижении которого через правительство Керенского они отчаялись? Или за землю, судьба которой оставалась все еще не решенной до далекого и смутно представляемого себе Учредительного Собрания? Может быть ошибался не Керенский, а я. Но я и тогда думал, и теперь думаю, что если в июле еще были «верные части», которые готовы были «начисто» расправиться с большевиками, то в октябре таких частей уже не было. Поэтому, если в июле приходилось противодействовать слишком ретивой «расправе», чтобы не сыграть в руку военной диктатуре, то в октябре надо было опасаться вызывать части с фронта — и даже казаков — уже просто потому, что каждая вызванная часть легко могла стать лишним орудием в руках большевистского восстания. Об этом убедительно говорил уже о п ы т с вызванными с фронта «самокатчиками», которые в какую-нибудь неделю «разложились» чуть ли не до

полного «большевизма». Об этом очень скоро должен был засвидетельствовать печальный опыт самого Керенского с его походом на Петроград.

А. Ф. Керенский, по-видимому, и сейчас все эти неудачи свои приписывает исключительно либо злоумышлениям отдельных лиц против него, либо несчастным «случайностям» и «недоразумениям». Ни я, ни с.-д. фракция предпарламента, ни наши единомышленники в других фракциях, к сожалению, не были в состоянии «смотреть и видеть, слушать и слышать» так, как это было желательно и Керенскому и правым. Для нас было аксиомой, что пытаться бороться с большевиками чисто военными средствами было нелепо не только в силу «запутанных» соображений, по уверению Керенского, «обыкновенным смертным мало понятных в существе своем», но и просто в силу того факта, что таких средств не было и быть не могло. Для нас было аксиомой, что если еще можно было противопоставить что-либо большевикам с надеждой на успех, то только определенную политику, которая собрала бы вокруг правительства недостающие ему силы и позволила бы ему с их помощью противодействовать насилию большевиков.

Читатель может теперь сам понять, с каким чувством слушали мы речь Керенского в памятное утро 24 октября, когда, явившись в Совет Республики, он потребовал себе слова для «срочного сообщения».

А. Ф. Керенский так передает содержание этой речи: «Получив слово, я заявил, что в моем распоряжении находятся бесспорные доказательства организации Лениным и его сотрудниками восстания против Революционного правительства. Я заявил, что все возможные меры для подавления восстания при-

няты и принимаются Временным правительством; что оно будет до конца бороться с изменниками Родине и Революции; что оно прибегнет без всяких колебаний к военной силе, но что для успешной борьбы Правительству необходимо немедленное содействие всех партий и групп, представленных в Совете Республики; нужна помощь всего народа. Я потребовал от Совета Республики всей меры доверия и содействия».

А. Ф. Керенский, сколько я помню, вполне правильно и исчерпывающе передает содержание своей речи. Прибавлю, что произнес он ее со свойственным ему большим пафосом и с особенным пафосом несколько раз повторял, что правительством уже отдан приказ об аресте «государственного преступника Ульянова-Ленина». Но чем с большим пафосом говорил Керенский, тем более удручающим было впечатление, производимое на нас его речью. Вот уж подлинно можно сказать, — нам было бы смешно, если бы не было так грустно! Грустно и ввиду общего политического положения, грустно и лично за Керенского, который, при всех своих благих намерениях и искренней преданности делу свободы, так очевидно, с закрытыми глазами, катился в пропасть.

Немедленно после своей речи Керенский, по его словам, «вернулся в штаб к прерванной срочной работе», уверенный, что «не пройдет и часа», как он получит сообщение о всех решениях и деловых начинаниях Совета Республики в помощь правительству. Каких именно «деловых начинаний» ждал Керенский от этого органа, при его же содействии превращенного в безвластный и бессильный «парламент мнений», он конкретно не говорит. Из дальнейшего видно лишь его разочарование и огорчение по тому

поводу, что — «боевые силы с.-р. и меньшевиков не были вовремя мобилизованы».

Я не решаюсь, однако, приписывать Керенскому чересчур уж наивную мысль, будто этих «боевых сил» было достаточно для победы над петроградским гарнизоном, кронштадтскими матросами и пушками «Авроры», находившимися в руках большевиков. Очевидно, все «деловые начинания», которых А. Ф. Керенский мог ожидать от Совета Республики, сводились к чисто политическому акту — к резолюции, выражающей « всю меру доверия » правительству и одобряющей все его действия.

Правы ли мы были или не правы, — об этом каждый может судить по-своему. Но, я думаю, и «обыкновенным смертным» после всего рассказанного выше будет понятно, почему такого политического акта совершить и такой резолюции принять мы не могли. Мы готовы были содействовать правительству в его обороне революции, но мы никоим образом не могли свести это «содействие» к тому, чтобы укреплять правительство в его ослеплении и собственными руками подталкивать его к пропасти, в которую оно и без того катилось слишком быстро. Наоборот. Мы считали своим долгом в последнюю минуту еще раз указать правительству путь, на котором только и может (если вообще может) быть спасение, и подтвердить ему, что на этом пути мы, действительно, готовы идти с ним до конца.

В этом именно духе и был составлен мною проект резолюции, которую Керенский характеризует, как «никому не нужную, бесконечно длинную, запутанную, обыкновенным смертным мало понятную в существе своем». Очень может быть. О литературных достоинствах своего произведения спорить не буду.

Но для того, чтобы сделать ее понятной, если не «обыкновенным смертным», то хоть Временному правительству и его председателю, и служила та «историческая» беседа, о которой повествует Керенский. Но, прежде чем перейти к ней, скажу несколько слов о предшествовавших ей событиях в недрах Совета Республики.

Смысл моей резолюции, резко критиковавшей большевиков, сводился к тому, что для успешного противодействия им необходимы решительные акты в области борьбы за мир, перехода помещичьих земель в руки крестьян и ускорения созыва Учредительного Собрания. Только такие меры вырвут почву из-под ног большевиков, эксплуатирующих в своих целях настроения разлагающейся на 99/100 крестьянской армии, и дадут в руки правительства силы, достаточные для противодействия всяким попыткам насильственного его низвержения.

В нашей фракции точка зрения на совершавшиеся события была уже настолько определена и однородна, что принятие этого проекта резолюции не потребовало большого труда. Приняли его и меньшевики-интернационалисты (группа Мартова), державшиеся тогда обособленной фракцией.

Не так обстояло дело в других фракциях. Из сделанных уже выше замечаний о составе, группировках, настроении Совета Республики ясно, почему невозможно было собрать большинства за такую резолюцию без «бесконечных» споров. В частности, очень сильна была оппозиция во фракции с.-р., где довольно большое крыло готово было пойти навстречу требованиям Керенского. Однако, другая часть фракции с.-р., с А. Р. Гоцом во главе, упорно боролась за ту

же самую точку зрения, которая была формулирована в нашей резолюции.

На почве этой внутренней борьбы среди с.-р. произошел эпизод, не совсем обычный в истории парламентских фракций. По настоянию Гоца я был приглашен сделать во фракции с.-р. доклад о переживаемом кризисе и обосновать предлагаемый мною проект резолюции. После моего доклада были продолжительные и довольно бурные прения, продолжавшиеся и по моему удалении с заседания.

В результате всей этой борьбы внутри Совета, занявшей, действительно, весь день и часть вечера, резолюция прошла незначительным большинством голосов. Замечу тут же мимоходом, что одним из первых актов большевиков после занятия телеграфа, было распоряжение о том, чтобы эта резолюция никуда не передавалась и нигде не опубликовывалась: большевики считали, очевидно, невыгодным для успеха своего дела, чтобы население было осведомлено о том, что Совет Республики принял такое постановление.

Лишь только резолюция была принята, возник вопрос, что же делать дальше, так как было ясно, что дорога каждая минута, и времени терять нельзя.

У меня возникла мысль отправиться немедленно на заседание Временного правительства и потребовать от него от имени большинства Совета Республики немедленного отпечатания и расклейки тою же ночью по всему городу афиш с заявлением, что Временное правительство: 1) обратилось к союзным державам с требованием немедленно предложить всем воюющим странам приостановить военные действия и начать переговоры о всеобщем мире; 2) распорядилось по телеграфу о передаче всех помещичьих

земель, впредь до окончательного решения аграрного вопроса, в ведение местных земельных комитетов; 3) решило ускорить созыв Учредительного Собрания, назначив его — не помню уже точно, на какое число.

Гоц, которому я сообщил свою мысль, охотно ухватился за нее. Мы решили, что к нам двоим надо присоединить председателя Совета Республики Н. Д. Авксентьева, как лицо, призванное официально выражать мнение предпарламента, фиксированное в только что принятой резолюции. Авксентьев всячески отнекивался: он по существу не разделял точки зрения, выраженной в резолюции, и потому, конечно, имел мало склонности отстаивать ее, да еще в такой необычной форме, как задуманная нами. Только уступая нашим настояниям, ссылкам Гоца на партийную дисциплину и на формальные обязанности его, как председателя, он нехотя отправился с нами.

Такова была «делегация от социалистических групп», о составе которой А. Ф. Керенский почему-то умалчивает. Прибавлю, что в течение всей беседы этой делегации с Керенским, Авксентьев, как то и соответствовало его общему настроению, в разговор почти не вмешивался, а поскольку вмешивался отдельными замечаниями, то преимущественно с целью ослабить резкость нашей постановки и поддержать Керенского. Но вся беседа с Керенским велась не мною одним, как можно подумать из изложения Керенского, а мною и Гоцом, с которым у меня в ходе беседы никакого разногласия не обнаружилось.

Изложение «исторической сцены» А. Ф. Керенским начинается уже с внешней неточности. Беседа происходила не в его кабинете и не в «перерыве заседания Временного правительства». Временное правительство заседало, когда мы прибыли в Зимний

дворец, — если не ошибаюсь, в Малахитовом зале. По нашему требованию дежурный чиновник вызвал Керенского, который — с явным неудовольствием и неохотой — вышел к нам в комнату, соседнюю с залом заседания.

Беседа, действительно, началась с того, что мы сообщили Керенскому текст принятой Советом Республики резолюции и он, действительно, отвечал на нее «взволнованной филиппикой». Я не помню, чтобы А. Ф. Керенский говорил, что «после такой резолюции правительство завтра же подаст в отставку», но из дальнейшего хода беседы видно во всяком случае, что эти слова не были для него твердым политическим выводом из создавшегося положения, а максимум крайним выражением возмущения и взволнованности.

Ввиду этой взволнованности Керенского мы, действительно, старались, по возможности, подавить свое собственное возмущение и тревогу и говорить «спокойно и рассудительно». Повторяю — мы, потому что говорили и Гоц, и я, оба — вполне солидарно, и я не могу уже теперь припомнить, что именно в беседе принадлежало мне, и что Гоцу.

Самое содержание беседы А. Ф. Керенский излагает так: «Прежде всего Дан заявил мне, что они осведомлены гораздо лучше меня, и что я преувеличиваю события под влиянием сообщений моего «реакционного штаба». Затем он сообщил, что неприятная для «самолюбия правительства» резолюция большинства Совета Республики чрезвычайно полезна и существенна для «перелома настроения в массах», что эффект ее «уже сказывается», и что теперь влияние большевистской пропаганды будет «быстро падать». С другой стороны, по его словам, сами боль-

шевики в переговорах с лидерами советского большинства изъявили готовность «подчиниться воле большинства советов», что они готовы «завтра же» предпринять все меры, чтобы потушить восстание, «вспыхнувшее помимо их желаний, без их санкции». В заключение Дан, упомянув, что большевики «завтра же» (все завтра) распустят свой военный штаб, заявил мне, что все принятые мною меры к подавлению восстания только «раздражают массы», и что вообще я своим «вмешательством» лишь мешаю представителям большинства советов успешно вести переговоры с большевиками о ликвидации восстания».

А. Ф. Керенский пишет, что «не может сейчас воспроизвести заявление Дана в его собственных выражениях». Не знаю, что после этого дает ему право привести целый ряд слов и фраз в кавычках, придающих им вид именно моих «собственных выражений». Но это — сравнительно мелочь. Важно то, что в передаче А. Ф. Керенского весь основной смысл беседы и с к а ж е н до неузнаваемости.

Я уже сказал, что мы приехали с вполне определенным и конкретным предложением Временному правительству: немедленно принять весьма существенные решения по вопросу о войне, земле и Учредительном Собрании и немедленно оповестить об этих решениях население рассылкой телеграмм и расклейкой афиш. Мы настаивали, что это непременно должно быть сделано тою же ночью, так, чтобы утром уже каждый солдат и каждый рабочий знали о решениях Временного правительства. В плоскости этого решения и велась вся беседа Гоца и моя с Керенским. А в передаче Керенского об этом предложении даже не упоминается. Как будто бы его и

не было. Очевидно, взволнованное состояние Керенского достигло такой степени, что он плохо мог запомнить даже, о чем, собственно, шла речь.

А между тем, только в свете этого предложения становится понятной и приобретает смысл вся «историческая» беседа. Мы с Гоцом действительно говорили о заблуждении, в которое вводит Керенского «реакционный штаб», но говорили мы это в том смысле, что штаб обманывает правительство, — а, может быть, обманывается и сам, — уверяя, будто у него имеются какие-то «верные части», достаточные для того, чтобы в открытом бою победить большевиков; мы прибавляли и то, что «реакционный штаб» ослеплен своим тяготением к «сильной власти» военщины и, строя иллюзии насчет легкости справиться с большевистским восстанием, быть может потому и убаюкивает правительство ссылками на то, что сил у него достаточно. Говорили мы и о полезности резолюции Совета Республики, и переломе настроения в массах. Но говорили, конечно, не в том смысле, что он «уже сказывается» — как бы это могло быть, когда, по свидетельству самого Керенского, резолюция не могла быть принята «до позднего вечера» и никакие «массы» о ней и знать ничего не могли? — а в том, что принятие и выполнение правительством нашего предложения вызовет в настроении масс перелом, и что в этом случае можно будет надеяться на быстрое падение влияния большевистской пропаганды. Говорили мы и о подготовке восстания большевиками, только, опять-таки, не так, что оно «вспыхнуло помимо их желания», а так, что среди самих большевиков идут на этот счет сильные колебания, что масса большевиков не хочет и боится восстания, что поэтому принятие нашего предложе-

ния может и среди большевиков усилить течение в пользу ликвидации восстания. Резко критиковали мы, наконец, и «все принятые меры к подавлению восстания», поскольку эти, чисто военно-технические меры, без подведения под них прочного политического фундамента, казались нам и нелепыми, и не достигающими цели, и, пожалуй (я не помню, чтобы мы употребили это выражение), действительно только «раздражающими массы» без всякой реальной пользы для правительства. Мы упорно и горячо убеждали Керенского в том, что даже с точки зрения чисто военной борьбы с большевиками, она только тогда может иметь шансы на успех, когда солдаты-крестьяне будут твердо знать, что они защищают против большевиков мир и землю.

Таково было действительное содержание «исторической» беседы.

Разговор наш продолжался не особенно долго, Керенский, производивший впечатление человека, до последней степени измотанного и измученного, относился к нашим аргументам с крайним раздражением и высокомерно заявил под конец, что правительство в наставлениях и указаниях не нуждается; что теперь время не разговаривать, а действовать.

Мы не успокоились, однако, на том. Мы потребовали, чтобы Керенский доложил заседавшему еще правительству о резолюции Совета Республики, о нашем предложении и о нашем желании быть допущенными на заседание правительства и выслушанными. Керенский круто повернулся и ушел в соседний зал заседания.

Через несколько минут он вернулся и сухо заявил, что правительство считается с нашим отказом ему в безусловном содействии, что в посторонних со-

ветах оно не нуждается, будет действовать само и само справиться с восстанием.

Мы тут же ответили, что своим образом действий правительство не только губит себя и революцию, но лишает нас и представляемые нами партии всякой возможности солидаризироваться с ним и оказывать ему действительную поддержку.

(Ф. Дан, «К истории последних дней Временного правительства», *Летопись Революции*, кн. I, Берлин, 1923)

25 ОКТЯБРЯ

Решительные операции военно-революционного комитета начались около двух часов ночи . . .

. . . Антонов (Овсеенко) свидетельствует, что был принят его план. Он состоял в том, чтобы первым делом занять части города, прилегающие к Финляндскому вокзалу: Выборгскую сторону, окраины Петербургской стороны, и т. д. Вместе с частями, прибывшими из Финляндии, потом можно было бы начать наступление на центры столицы . . . Но понятно — это лишь на крайний случай, на случай серьезного сопротивления, которое считалось возможным.

Однако, сопротивление не было оказано. Начиная с двух часов ночи, небольшими силами, выведенными из казарм, были постепенно заняты вокзалы, мосты, осветительные учреждения, телеграф, телефонное агентство. Группки юнкеров не могли и не думали сопротивляться. В общем, военные операции были похожи скорее на смены караулов в политически важных центрах города . . .

. . . Город был совершенно спокоен. И центр, и окраины спали глубоким сном, не подозревая, что происходит в тиши холодной осенней ночи. Не знаю, как выступали солдаты . . . По всем данным, без энтузиазма и подъема. Возможно, что были случаи отказа выступать. Ждать боевого настроения и готовности к жертвам от нашего гарнизона не приходилось. Но сейчас это не имело значения. Операции, развиваясь постепенно, шли настолько гладко, что больших сил

не требовалось. Из 200-тысячного гарнизона едва ли пошла в дело десятая часть. Вероятно — гораздо меньше. При наличии матросов и рабочих — можно было выводить из казарм только одних охотников. Штаб повстанцев действовал осторожно и ощупью — можно сказать, слишком осторожно и слабо нащупывая почву . . .

Естественно было прежде всего стремиться парализовать политический и военный центр правительства, то есть занять Зимний дворец и штаб. Надо было прежде всего ликвидировать старую власть и ее военный аппарат. Без этого восстание никак нельзя считать законченным. Без этого две власти — одна «законная», другая только б у д у щ а я — могли вести гражданскую войну с большими шансами на стороне первой. Надо было раньше всего сделать ее несуществующей. Телеграф же, мосты, вокзалы и прочее — приложатся.

Между тем, повстанцы в течение всей ночи и не пытались трогать ни Зимнего, ни штаба, ни отдельных министров . . . Можно против этого сказать, что ликвидация старой власти — это з а к л ю ч и т е л ь н ы й м о м е н т восстания. Это — самое трудное и рискованное. Ибо сюда направлен центр обороны. Но так ли было в особых условиях нашего октябрьского восстания? Была ли Смольным достаточно нащупана почва в его осторожных действиях? Была ли произведена самая примитивная разведка — путем посылки курьеров к штабу и к Зимнему дворцу? Нет, не была. Ибо охрана пустого Зимнего в эти часы была совершенно фиктивна; а главный штаб, где находился глава правительства, не охранялся вовсе. Насколько можно судить по некоторым данным, у подъезда не было даже обычной пары часовых. Глав-

ный штаб, вместе с Керенским, можно было взять голыми руками . . .

. . . В общем это было совсем несерьезно. Но, во всяком случае, мы запомним абсолютно достоверный факт. Керенский (как и все министры на своих квартирах) мог быть захвачен в штабе без малейшего труда и препятствия . . .

* *
*

. . . В 5 часов утра Керенский вызвал в штаб военного министра Маниковского, которому пришлось ехать с Петербургской стороны. У Троицкого моста автомобиль беспрекословно пропустили. У Павловских казарм — задержали. Генерал пошел объясняться в казармы. Там перед ним извинились и заявили, что он может ехать дальше. То есть может ехать в штаб и принимать свои меры к разгрому восстания.

В 9 часов утра Керенский спешно вызвал в штаб всех министров. У большинства не оказалось автомобилей. Явились Коновалов и Кишкин, а потом подошел Малянтович. Штаб по-прежнему никем и никак не охранялся. В подъезд входили и из него выходили сплошные вереницы военных людей всех родов оружия. Что это были за люди и зачем они шли — никому не было известно. Никто не требовал пропусков и удостоверений личности. Все входившие могли быть агентами военно-революционного комитета и могли в любую секунду объявить штаб перешедшим в руки Смольного. Но этого не случилось.

В штабе находится глава правительства, но проходящие люди не знают, где он, и им не интересуются. Должен знать дежурный офицер, но его нет на

своем месте. К услугам приходящих только его стол, заваленный бумагами. Но нет желающих ни унести бумаги, ни положить бомбу, ни произвести что-либо антиправительственное . . .

Керенский пребывал в кабинете начальника штаба. У дверей ни караула, ни адъютантов, ни прислуги. Можно просто отворить дверь и взять министра — кому не лень.

Керенский был на ходу, в верхнем платье. Он собрал министров для последних указаний. Ему одолжило автомобиль американское посольство и он едет в Лугу, навстречу войскам, идущим с фронта для защиты Временного Правительства . . .

— Итак, — обратился Керенский к Коновалову, — вы остаетесь заместителем.

Глава правительства вышел, сел в автомобиль и благополучно выехал из города, миновав все цепи . . .

. . . Но где командующий войсками? Где начальник штаба? Что они делают? Ведь у них должны быть сведения о верных войсках. Они должны доложить, что делается и что может быть сделано для подавления мятежа. Надо призвать их. Если их нет, то их помощников. Если уже никого нет, то, видимо, министрам самим надо взяться за оборону. Может быть, министры разъедутся по юнкерским училищам и по более надежным частям, чтобы побудить и их выступить? Ведь так делали не менее штатские члены ЦИК в критические моменты. Может быть, они еще соберут тысячу-две юнкеров и офицеров, несколько броневиков, разгонят цепи, освободят занятые пункты, сделают попытку штурмовать Смольный, выступая на митинге в Петропавловке и мирно отвоюют крепость. Все это очень трудно. Но что же делать? Другой выход — сдаться. Но сдаться нельзя:

Керенский и самокатчики могут скоро выручить. Тогда третий выход — скрывается и подождать помощи.

Однако министры пошли по четвертому пути. Они единодушно решили, что надо в Зимнем собрать весь кабинет и устроить заседание. Поехали в Зимний, стали вызывать коллег. Через час коллеги явились — кроме Прокоповича, который почему-то был арестован на извозчике, но через час был освобожден. Стали заседать. Взвешивали шансы. Шансов казалось немного; но положение отнюдь не было признано безнадежным.

В первом часу на Николаевской набережной стал высаживаться транспорт кронштадтцев. Вместе с ним на помощь крейсеру «Аврора» пришли из Кронштадта три или четыре миноносца и стали рядом на Неве, у Николаевского моста. Это была первая серьезная сила Смольного, которая заведомо могла выдержать сопротивление и могла преодолеть его в активных операциях.

* *
*

... В Смольный я попал около 3 часов. Картина была в общем та же. Но людей было еще больше и беспорядок увеличился. Защитников налицо было много, но сомневаюсь, чтобы защита могла быть стойкой и организованной. По темному заплеванному коридору я прямо прошел в большой зал. Он был полон и не было ни малейшего намека на порядок и благообразие. Происходило заседание. Троцкий председательствовал. Но за колоннами плохо слушали и сновали взад и вперед вооруженные люди. Когда я вошел, на трибуне стоял и горячо говорил незнако-

мый лысый и бритый человек. Но говорил он странно знакомым хрипло-звучным голосом, с горловым оттенком и очень характерными акцентами на концах фраз... Ба! Это — Ленин. Он появился в этот день после четырехмесячного пребывания в подземельях. Ну, стало быть, тут окончательно торжествуют победу.

Военно-революционный комитет дал Временному Правительству 20 минут срока для сдачи. После этого будет открыт огонь с «Авроры» и из Петропавловской крепости. Однако, с момента получения ультиматума прошло более получаса... Министры быстро решили совсем не отвечать на ультиматум. Может быть, это простая словесная угроза. Может быть, у большевиков нет сил и они прибегают к хитрости... Решили не сдаваться. Отпустили парламента с заявлением, что никакого ответа не будет.

Атаковать дворец, чтобы захватить правительство, можно было с разных сторон. Но больше всего шансов было подвергнуться штурму со стороны двора, смотрящего чугунными воротами на Дворцовую площадь. Эта огромная площадь, как и набережная, как и площадь Адмиралтейства, были наполнены толпой. Из темноты слышались одиночные ружейные выстрелы. Они становились чаще. Но никакой попытки штурма еще не было...

Однако, почему же не выполняется ультиматум? Почему не стреляет Петропавловка? Ультиматум еще с утра подписал Антонов, и он же лично хлопотал в крепости о том, чтобы немедленно начать обещанный обстрел Зимнего. Но в самый критический момент военные люди Петропавловки ему докладывают, что стрелять никак нельзя, причин много: снаряды не подходят к пушкам, нет какого-то масла,

нет каких-то панорам. В ответ на возражения, одна причина сменяет другую. Ясно, что ни одна не действительна. Все — фиктивны. Просто артиллеристы не хотят стрелять . . . Митинг — это одно, а активные действия — другое. Ни убеждения, ни настроения нет налицо.

Однако, как же быть? Ведь отсюда могут произойти большие неприятности. Было с утра условлено, что по сигналу Петропавловки начнет стрелять холостыми «Аврора». Антонов дал приказ выпалить из сигнальной пушки (по которой петербуржцы ежедневно в полдень проверяют свои часы). Но сейчас не полдень и сигнальная пушка не стреляет. Около нее суетятся, возятся . . . не стреляет! Прошел час, полтора после крайнего срока ультиматума. Антонов зачем-то скачет на автомобиле к Зимнему и попадает в главный штаб. Вокруг дворца учащаются выстрелы. Но молчат и Петропавловка и «Аврора».

Министры ждали . . . Загасили верхний свет. Только на столе горела лампа, загороженная от окна газетой. Кто сидит, кто полулежит в креслах, кто лежит на диване. Короткие, негромкие фразы коротких бесед . . . Шел девятый час. Вдруг раздался пушечный выстрел, за ним другой . . . Кто стреляет? Это охрана министров по напиранию толпе.

— Вероятно в воздух, для острстки, — компетентно разъяснил адмирал Вердеревский.

Опять говорили по телефону, который — не в пример штабу и Мариинскому дворцу — до конца не был выключен. Говорили с Городской Думой, сое-

динялись с окрестностями. Откуда-то сообщили, что к утру придут казаки и самокатчики. Что ж, может быть, до утра продержатся! Вдруг раздался пушечный выстрел — совсем иного тембра. Это — «Аврора». Минут через 20 вошел Пальчинский и принес осколок снаряда, попавшего во дворец. Вердеревский компетентно разъяснил: с «Авроры». И положили осколок на стол в виде пепельницы.

— Это для наших преемников, — сказал кто-то из обреченных, не сдающихся людей.

Сценки из Второго съезда Советов

... Зал был полон мрачными, равнодушными лицами и серыми шинелями. Через густую толпу, стоявшую в проходе, я пробираюсь вперед, где для меня должно быть занято место. В зале не то было опять темновато, не то клубы табачного дыма заслоняли яркий свет люстр между белыми колоннами... На эстраде, не в пример вчерашней пустоте, толпилось гораздо больше людей, чем допускал элементарный порядок и организованность... Я искал глазами Ленина, но, кажется, его не было на эстраде... Я добрался до своего места в одном из первых рядов, когда на трибуну вошел Дан, чтобы открыть съезд от имени ЦИК.

За всю революцию я не помню более беспорядочного и сумбурного заседания. Открывая его, Дан заявил, что он воздержится от политической речи: он просит понять его и вспомнить, что в данный момент его партийные товарищи, самоотверженно выполняя свой долг, находятся в Зимнем дворце под обстрелом.

У Аванесова в руках был готовый список прези-

диума. Но представители меньшевиков и эсеров заявляют, что они отказываются участвовать в нем. От имени нашей фракции кто-то сделал заявление, что мы «пока воздерживаемся» от участия в президиуме, впредь до выяснения некоторых вопросов. Президиум составляется из главных большевистских лидеров и из шестерки левых эсеров. Они едва рассаживаются — от тесноты и беспорядка на эстраде . . . В течение всего съезда председательствует Каменев. Он оглашает порядок дня: 1) об организации власти, 2) о войне и мире, 3) об Учредительном Собрании . . . Слова о порядке дня требует Мартов.

«Прежде всего надо обеспечить мирное разрешение кризиса. На улицах Петербурга льется кровь. Необходимо приостановить военные действия с обеих сторон. Мирное решение кризиса может быть достигнуто созданием власти, которая была бы признана всей демократией. Съезд не может оставаться равнодушным к разворачивающейся гражданской войне, результатом которой может быть грозная вспышка контрреволюции».

Выступление Мартова встречается шумными аплодисментами очень большой части. Видимо многие и многие большевики, не усвоив духа учения Ленина и Троцкого, были бы рады пойти именно по этому пути. К предложению Мартова присоединяются новожиизненцы, фронтовая группа, а главное — левые эсеры . . . От имени большевиков отвечает Луначарский: большевики ровно ничего не имеют против; пусть вопрос о мирном разрешении кризиса будет поставлен в первую очередь. Предложение Мартова голосуется. Против — никто. . . . После того, как было принято предложение Мартова, но раньше, чем его начали обсуждать, — от имени меньшевистской

фракции выступил ее представитель, будущий большевистский сановник и канцелярский буквоед Хинчук:

«Единственный выход — начать переговоры с Временным Правительством об образовании нового правительства, которое опиралось бы на все слои... (в зале поднимается страшный шум, возмущены не только большевики, оратору долго не дают говорить...) Военный заговор организован за спиной съезда. Мы снимаем с себя всякую ответственность за происходящее и покидаем съезд, приглашая остальные фракции собраться для обсуждения создавшегося положения».

Это блестящее выступление сейчас же оборачивает настроение против «соглашателей». Большевистская масса сжимается вокруг Ленина. Негодование выражается очень бурно. Слышны крики: «Дезертиры! Ступайте к Корнилову!.. Лакеи буржуазии!.. Враги народа!»

Среди шума на трибуне появляется эсер Гендельман и от имени своей фракции повторяет то же заявление... Настроение в зале еще поднимается. Начинается топот, свист, ругань.

«Чистые» ушли... Что же — теперь без них будет обсуждаться предложение Мартова? Теперь это потеряло львиную долю своего смысла. Но, кажется, пока и не до этого. Градом посыпались «внеочередные заявления» — от имени всяких организаций и от имени самих ораторов... Правый меньшевик Кучин, всегда выпускаемый от имени фронта, также обвиняет большевиков в противонародном военном заговоре и также со своей «фронтной группой» покидает съезд.

Вышел Абрамович от группы «Бунда», сообщает:

начался обстрел Зимнего дворца; меньшевики, эсеры, крестьянский ЦИК и Городская Дума решили идти к Зимнему и подставить себя под пули. Это очень эффектно и драматично, но решительно не вызывает сочувствия. Среди шума выделяются насмешки, частью грубые, частью ядовитые . . . Однако, до сих пор у нас в революции все же стреляют не каждый день. На многих сообщение Абрамовича произвело тягостное впечатление. Но его рассеял Рязанов, заявивший от имени военно-революционного комитета:

«Часа полтора тому назад к нам явился городской голова и предложил взять на себя переговоры между Зимним дворцом и осаждающими. Военно-революционный комитет послал своих представителей. Таким образом он делает все, чтобы предупредить кровопролитие».

Рязанов известен всем, как человек, не склонный к кровопролитию. Ему верят . . . Но когда же начнется обсуждение предложения Мартова? Его, по-видимому, начинает сам Мартов, когда получает слово среди бесконечной серии внеочередных заявлений.

«Сведения, которые здесь поступают . . .» — начинает он, но собрание, которое час назад единогласно приняло его предложение, теперь уже раздражено против всякого вида «соглашателей». Мартова прерывают:

«Какие сведения? Что вы нас пугаете? Как вам не стыдно!»

Мартов довольно подробно развивает мотив своего предложения. А затем вносит резолюцию: съезд должен принять постановление о необходимости разрешения кризиса путем образования общедемократического правительства и избрать делегацию для

переговоров со всеми социалистическими партиями. С ответом Мартову выступает Троцкий, который стоит рядом с ним в толпе, переполняющей эстраду. У Троцкого в руках — готовая резолюция. Сейчас, после исхода правых, его позиция настолько же прочна, насколько слаба позиция Мартова.

«Восстание народных масс, — чеканит Троцкий, — не нуждается в оправдании. То, что произошло, это восстание, а не заговор. Мы закаляли революционную энергию петербургских рабочих и солдат. Мы открыто ковали волю масс на восстание, а не на заговор . . . Народные массы шли под нашим знаменем, и наше восстание победило. И теперь нам предлагают: откажитесь от своей победы, идите на уступки, заключите соглашение. С кем? Я спрашиваю вас, с кем мы должны заключить соглашение? С теми жалкими кучками, которые ушли отсюда, или которые делают это предложение. Но ведь мы видели их целиком. Больше за ними нет никого в России. С ними должны заключить соглашение, как равноправные стороны, миллионы рабочих и крестьян, представленных на этом съезде, которых они не в первый и не в последний раз готовы променять на милость буржуазии. Нет, тут соглашение не годится. Тем, кто ушел отсюда и кто выступает с предложениями, мы должны сказать: вы — жалкие единицы, вы — банкроты, ваша роль сыграна и отправляйтесь туда, где вам отныне надлежит быть: в сорную корзину истории . . .»

«Тогда мы уходим!» — крикнул с трибуны Мартов среди бурных рукоплесканий по адресу Троцкого.

.. На другой же день после победоносного восстания петербуржцы не досчитались нескольких столичных газет. Не вышли 26 октября «День», «Биржевые ведомости», «Петроградская газета», и какие-то еще буржуазно-бульварные газеты. Их закрыл военно-революционный комитет — за травлю Советов и тому подобные преступления. Почтенные Подвойский, Антонов и другие, действовавшие по указке Ленина, не были изобретательны: они заимствовали свои мотивировки из лексикона старой царской полиции. Но, в силу своего положения революционеров и социалистов, они позволили себе роскошь выражаться более примитивно и менее грамотно. Можно было бы и лучше было бы совсем не мотивировать.

Кроме того, Подвойский и Антонов вообще очень топорно выполнили распоряжение своего вождя. Они почему-то бросились на мелкие сошки и второстепенные органы, оставив без внимания руководящие корниловские официозы. С утра были посланы матросы в экспедицию «Речи» и «Современного слова». Все наличные номера были конфискованы, вынесены огромной массой на улицу и тут же сожжены. Невиданное доселе аутодафе вызвало большое стечение публики.

В это время проехал транспорт суворинского «Нового времени». Матросы остановили было фургон, но потом отпустили. Что же с них спрашивать, если сам военно-революционный комитет так непоследовательно проводил принципы новорожденного пролетарского государства?

А в течение этого дня была прикрыта вся столич-

ная буржуазная пресса. Были разосланы приказы, а при них военные караулы. Наборщикам было предложено оставаться в типографиях, но с условием — не набирать закрытых газет.

Больше ни в чем новая власть пока не проявлялась. Но этот дебют ее произвел, с непривычки, сильное впечатление. Подобных массовых расправ с печатью никогда не практиковалось царизмом... Была ли к тому необходимость? Какой был смысл этого дебюта? Тут естественно обратить взоры к трудности и остроте положения новой власти в огне гражданской войны. Но это пустяки. Не было налицо ни гражданской войны, ни особой трудности положения. Теперь, через сутки, восстание действительно уже победило. Трудности могли начаться после успехов Керенского на фронте. Но о них ничего слышно не было. До сих пор вести на этот счет были вполне утешительны... Да и при походе на Петербург буржуазная печать не могла играть никакой роли. Если угодно, опаснее была пресса социалистическая. Но ее не трогали.

Разгром буржуазной печати, будучи полной практической бессмыслицей, сильно повредил большевикам. Он отпугнул, отшатнул и возмутил, заставил насторожиться решительно все нейтральные и колеблющиеся элементы, каких было немало. Вот как начинает править новая власть! Больше пока ничего нет, но погром и бессмысленное насилие уже есть. Оплевание ценностей революции, втоптывание в грязь принципов демократической грамоты — уже налицо...

(Ник. Суханов, *Записки о революции*, кн. 7-я, из-во Гржебина, Берлин—Москва, 1923)

Г. В. ПЛЕХАНОВ

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО К ПЕТРОГРАДСКИМ РАБОЧИМ

Товарищи!

Не подлежит сомнению, что многие из вас рады тем событиям, благодаря которым пало коалиционное правительство А. Ф. Керенского и политическая власть перешла в руки Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

Скажу вам прямо: меня эти события огорчают.

Не потому огорчают, чтобы я не хотел торжества рабочего класса, а, наоборот, потому, что призываю его всеми силами своей души.

В течение последних месяцев некоторые агитаторы и публицисты изображали меня чуть ли не контрреволюционером. Во всяком случае, они охотно распространялись на ту тему, что я готов перейти или уже перешел на сторону буржуазии. Но эти агитаторы и публицисты, — по крайней мере, те между ними, которые не страдали неизлечимым простодушием, — конечно, сами не верили тому, что распространялось ими на мой счет. Да и нельзя было этому верить.

Повторяю, этому не верят сами наши обвинители. И, конечно, сознательные элементы русского рабочего класса отвергнут это обвинение, как недостойную клевету на тех, которых сами обличители не могут не признать первоучителями русской социал-демократии.

Итак, не потому огорчают меня события последних дней, чтобы я не хотел торжества рабочего класса в России, а именно потому, что я призываю его всеми силами души.

В течение последних месяцев нам, русским социал-демократам, очень часто приходилось вспоминать замечание Энгельса о том, что для рабочего класса не может быть большего исторического несчастья, как захват политической власти в такое время, когда он к этому еще не готов. Теперь, после недавних событий в Петрограде, сознательные элементы нашего пролетариата обязаны отнестись к этому замечанию более внимательно, чем когда бы то ни было.

Они обязаны спросить себя: готов ли наш рабочий класс к тому, чтобы теперь же провозгласить свою диктатуру?

Всякий, кто хоть отчасти понимает, какие экономические условия предполагаются диктатурой пролетариата, не колеблясь ответит на этот вопрос решительным отрицанием.

Нет, наш рабочий класс еще далеко не может, с пользой для себя и для страны, взять в свои руки всю полноту политической власти. Навязать ему такую власть, значит толкать его на путь величайшего исторического несчастья, которое было бы в то же время величайшим несчастьем для всей России.

В населении нашего государства пролетариат составляет не большинство, а меньшинство. А между тем он мог бы с успехом практиковать диктатуру только в другом случае, если бы составлял большинство. Этого не станет оспаривать ни один серьезный социалист.

Правда, рабочий класс может рассчитывать на поддержку среди крестьян, из которых до сих пор состоит наибольшая часть населения России. Но крестьянству нужна земля, в замене капиталистического строя социалистическим оно не нуждается. Больше того: хозяйственная деятельность крестьян, в руки которых перейдет помещичья земля, будет направлена не в сторону социализма, а в сторону капитализма. В этом опять-таки не может сомневаться никто из тех, которые хорошо усвоили себе нынешнюю социалистическую теорию. Стало быть, крестьяне — совсем ненадежные союзники рабочего в деле устройства социалистического способа производства. А если рабочий не может рассчитывать в этом деле на крестьянина, то на кого же он может рассчитывать? Только на самого себя. Но ведь он, как сказано, в меньшинстве, тогда как для основания социалистического строя необходимо большинство. Отсюда неизбежно следует, что если бы, захватив политическую власть, наш пролетариат захотел совершить «социальную революцию», то сама экономика нашей страны осудила бы его на жесточайшее поражение.

Говорят: то, что начинает русский рабочий, будет dokonчено немецким. Но это — огромная ошибка.

Спора нет, в экономическом смысле Германия гораздо более развита, чем Россия. «Социальная революция» ближе у немцев, чем у русских. Но и у немцев она еще не является вопросом нынешнего дня. Это прекрасно сознавали все толковые германские социал-демократы как правого, так и левого крыла, еще до начала войны. А война еще более уменьшила шансы социальной революции в Германии, благодаря тому печальному обстоятельству, что большинст-

во немецкого пролетариата с Шейдеманом во главе стало поддерживать германских империалистов. В настоящее время в Германии нет надежды не только на «социальную», но и на политическую революцию. Это признает Бернштейн, это признает Гаазе, это признает Каутский, с этим наверное согласится Карл Либкнехт.

Значит, немец не может докончить то, что будет начато русским. Не может докончить это ни француз, ни англичанин, ни житель Соединенных Штатов. Несвоевременно захватив политическую власть, русский пролетариат не совершит социальной революции, а только вызовет гражданскую войну, которая, в конце концов, заставит его отступить далеко назад от позиций, завоеванных в феврале и марте нынешнего года.

А война, которую поневоле приходится вести России? Страшно осложняя положение дел, она еще больше уменьшает шансы социальной революции и еще больше увеличивает шансы поражения рабочего класса.

На это возражают: мы декретируем мир. Но, чтобы германский император послушался нашего декрета, надо, чтобы мы оказались сильнее его, а так как сила на его стороне, то, «декретируя» мир, мы тем самым декретируем его победу, т. е. победу германского империализма над нами, над трудящимся населением России. Решите сами, можем ли мы радостно приветствовать подобную победу.

Вот почему, дорогие товарищи, меня не радуют, а огорчают недавние события в Петрограде. Повторяю еще раз. Они огорчают меня не потому, чтобы я не хотел торжества рабочего класса; а, наоборот, потому, что я призываю его всеми силами души, и

вместе с тем вижу, как далеко отодвигают его названные события.

Их последствия и теперь уже весьма печальны. Они будут еще несравненно более печальными, если сознательные элементы рабочего класса не выскажутся твердо и решительно против политики захвата власти одним классом или, — еще хуже того, — одной партией.

Власть должна опираться на коалицию всех живых сил страны, то есть на все те классы и слои, которые не заинтересованы в восстановлении старого порядка.

Я давно уже говорю это. И считаю своим долгом повторить это теперь, когда политика рабочего класса рискует принять совсем другое направление.

Сознательные элементы нашего пролетариата должны предостеречь его от величайшего несчастья, какое только может с ним случиться.

Весь ваш Г. Плеханов.

(Г. В. Плеханов, *Год на Родине*, полн. собр. статей и речей 1917—1918 гг., т. II, Париж, 1921)

А. Ф. КЕРЕНСКИЙ

ГАТЧИНА

(Керенский пытается организовать сопротивление)

Последний акт борьбы Революционного Временного Правительства с большевиками справа и слева продолжался с 24 октября по 1 ноября 1917 г. Да, я особенно настаиваю на том, что мы боролись сразу на два фронта. И никто никогда не будет в состоянии опровергнуть ту несомненную связь, которая существовала между большевистским восстанием и усилиями реакции свергнуть Временное Правительство и повернуть государственный корабль вспять к берегу социальной реакции.

После безуспешной для заговорщиков и столь несчастной для государства попытки свергнуть Временное Правительство вооруженной рукой ген. Корнилова, общественные группы, поддержавшие «диктатора» и связанные с ним, постановили не оказывать правительству в случае столкновения его с большевиками никакой помощи. Их стратегический план состоял в том, чтобы сначала не препятствовать успеху вооруженного восстания большевиков, а затем, после падения ненавистного Временного Правительства, быстро подавить большевистский «бунт». Таким образом должны были быть достигнуты, наконец, цели, поставленные Корниловскому восстанию.

Военные и штатские стратеги, авторы этого замечательного плана, были твердо убеждены в том,

что большевистский триумф не представит из себя никакой серьезной опасности, и что через 3—4 недели «здоровые элементы» русского народа справятся с бунтующей массой и установят в России «сильную власть». Увы, выполнив блестяще первую, так сказать, пассивную часть своего плана — «свергнув» руками большевиков Временное Правительство, наши «патриоты» оказались совершенно не способными победить большевиков не только в три месяца, но и в три года! . .

Около 20 октября начали большевики осуществлять в Петербурге свой план вооруженного восстания для свержения Временного Правительства во имя «мира, хлеба и скорейшего созыва Учредительного Собрания». Эта подготовка шла довольно успешно, в частности и потому, что остальные социалистические партии и советские группировки, относясь ко всем сведениям о готовящихся событиях как к «контрреволюционным измышлениям», даже не пытались своевременно мобилизовать свои силы, способные в нужный момент оказать сопротивление большевистским затеям, так сказать, внутри самой «революционной демократии». Со своей стороны правительство готовилось к подавлению мятежа, но, не рассчитывая на окончательно деморализованный Корниловской авантюрой гарнизон Петербурга, изыскивало другие средства воздействия. По моему приказу с фронта должны были в срочном порядке выслать в Петербург войска и первые эшелоны с Северного фронта должны были появиться в столице 24 октября.

В то же время полк. Полковников, командующий войсками Петербургского военного округа, получил приказ разработать подробный план подавления мя-

тежа. Ему же было предложено своевременно взять на учет, организовать все верные долги части того же гарнизона. Полк. Полковников каждое утро лично представлял мне рапорт, причем постоянно докладывал, что во вверенных ему войсках, которыми может располагать Правительство, «вполне достаточно» сил для того, чтобы справиться с готовящимся восстанием. К великому сожалению, мы, члены правительства, слишком поздно узнали, что как сам Полковников, так и часть его штаба вели в эти роковые дни двойную игру и примыкали как раз к той части офицерства, в планы которой входило свержение Временного Правительства руками большевиков.

24 октября было уже совершенно очевидно, что восстание неизбежно, что оно уже началось. Около 11 час. утра я явился в заседание Совета Республики и попросил Н. Д. Авксентьева, председателя Совета, предоставить мне, как председателю Временного Правительства, немедленно слово для срочного сообщения, которое я должен сделать Совету Республики. Получив слово, я заявил, что в моем распоряжении находятся бесспорные доказательства организации Лениным и его сотрудниками восстания против Революционного Правительства. Я заявил, что все возможные меры для подавления восстания приняты и принимаются Временным Правительством, что оно будет до конца бороться с изменниками Родине и Революции; что оно прибегнет без всяких колебаний к военной силе, но что для успешности борьбы Правительству необходимо немедленное содействие всех партий и групп, представленных в Совете Республики; нужна помощь всего народа. Я потребовал от Совета Республики всей меры доверия и содействия . . .

... Уверенный в том, что представители нации до конца сознали всю исключительную тяжесть и ответственность положения, я, не ожидая голосования Совета, вернулся в Штаб к прерванной срочной работе, уверенный, что не пройдет и полтора часа, как я получу сообщение о всех решениях и деловых начинаниях Совета Республики в помощь правительству.

Ничего подобного не случилось. Совет, раздираемый внутренними распрями и непримиримыми разногласиями мнений, до поздней ночи не мог вынести никакого решения. Вожди всех антибольшевистских и демократических партий, вместо того, чтобы спешно организовать силы своих партий для трудной борьбы с изменниками, весь этот день и весь вечер потеряли на бесконечные и бесполезные ссоры и споры.

А тем временем, уже господствуя в Смольном и готовясь к последнему удару, большевики повсюду кричали, что все утверждения о «каком-то» большевистском восстании являются измышлениями «контрреволюционеров» и «врага народа» Керенского. К сожалению, хорошо зная психологию своих советских соперников, большевики этим приемом достигали своих целей.

Никогда не забуду следующей, поистине исторической сцены. Полночь на 25 октября. В моем кабинете, в перерыв заседания Временного Правительства, происходит между мной и делегацией от социалистических партий Совета Республики достаточно бурное объяснение по поводу принятой, наконец, левым большинством Совета резолюции по поводу восстания, которую я требовал утром. Резолюция эта, уже никому тогда не нужная, бесконечно длинная,

запутанная, обыкновенным смертным мало понятная в существе своем, вместо доверия и поддержки правительства, если прямо и не отказывала ему в этом, то, во всяком случае, совершенно недвусмысленно отделяла левое большинство Совета Республики от правительства и его борьбы. Возмущенный я заявил, что после такой резолюции правительство завтра же утром подает в отставку, что авторы этой резолюции и голосовавшие за нее должны взять на себя всю ответственность за события, хотя по-видимому они о них имеют очень мало представления. На эту мою взволнованную филиппику спокойно и рассудительно ответил Дан, тогда не только лидер меньшевиков, но и исполняющий должность председателя ВЦИК. Конечно, я не могу сейчас воспроизвести историческое заявление Дана в его собственных выражениях, но за точность смысла передаваемого ручаюсь. Прежде всего Дан заявил мне, что они осведомлены гораздо лучше меня и что я преувеличиваю события под влиянием сообщений моего «реакционного штаба». Затем он сообщил, что неприятная для «самолюбия правительства» резолюция большинства Совета Республики чрезвычайно полезна и существенна для «перелома настроения в массах»; что эффект ее «уже сказывается», и что теперь влияние большевистской пропаганды будет «быстро падать». С другой стороны, по его словам сами большевики в переговорах с лидерами советского большинства изъявили готовность «подчиниться воле большинства советов», что они готовы «завтра же» предпринять все меры, чтобы потушить восстание, «вспыхнувшее помимо их желаний, без их санкции». В заключение Дан, упомянув, что большевики «завтра же (все завтра!) распускают свой военный штаб», заявил мне, что

все принятые мной меры к подавлению восстания только «раздражают массы», и что вообще я своим вмешательством лишь «мешаю представителям большинства советов успешно вести переговоры с большевиками о ликвидации восстания» . . . Для полноты картины нужно добавить, что как раз в то время, как Дан делал мне это замечательное сообщение, вооруженные отряды «красной гвардии» занимали одно за другим правительственные здания. А почти сейчас же по отъезде Дана и его товарищей из Зимнего дворца, на Миллионной улице по пути домой с заседания Временного Правительства был арестован министр исповеданий Карташев и отвезен в Смольный, куда Дан вернулся продолжать мирные беседы с большевиками.

Нужно признать, что большевики действовали тогда с большой энергией и не меньшим искусством.

В то время, когда восстание было в полном разгаре и «красные войска» действовали по всему городу, некоторые большевистские лидеры, к тому предназначенные, не без успеха старались заставить представителей «революционной демократии» смотреть, но не видеть, слушать, но не слышать. Всю ночь напролет провели эти искусники в бесконечных спорах над различными формулами, которые, якобы, должны стать фундаментом примирения и ликвидации восстания. Этим методом «переговоров» большевики выиграли в свою пользу огромное количество времени. А боевые силы с.-р. и меньшевиков не были вовремя мобилизованы. Что, впрочем, и следовало доказать.

Не успел я кончить разговор с Даном и его товарищами, как ко мне явилась делегация от стоявших в Петербурге казачьих полков, насколько помню, из

двух-трех офицеров и стольких же простых казаков. Прежде всего эта делегация сообщила, что казаки желают знать, какими силами я располагаю для подавления мятежа. А затем она заявила, что казачьи полки только в том случае будут защищать правительство, если лично от меня получат заверение в том, что на этот раз кровь казачья не прольется даром, как это было в июле, когда, будто бы, мной не были приняты против бунтовщиков достаточно энергичные меры. Наконец, делегаты особенно настаивали на том, что казаки пойдут драться только по моему личному приказу.

В ответ на все это я прежде всего указал казакам, что подобного рода заявления в их устах, как военнослужащих, недопустимы; в особенности сейчас, когда государству грозит опасность и когда каждый из нас должен до конца без всяких рассуждений исполнять свой долг! Затем я добавил: «Вы отлично знаете, что во время первого восстания большевиков с 3 по 6 июля я был на Западном фронте, где началось тогда наступление; вы знаете, что бросив фронт, я 6 июля приехал в Петербург и сейчас же приказал арестовать всех большевистских вождей; вы знаете также, что тут же я уволил от должности Командующего войсками ген. Половцева, именно за его нерешительность во время этого восстания».

В результате этого разговора казаки категорически заявили мне, что все полки, расположенные в Петербурге, исполнят свой долг. А я тут же подписал особый приказ казакам — немедленно поступить в распоряжение Штаба округа и беспрекословно исполнить все его приказания. В этот момент, в первом часу ночи на 25 октября, у меня не было ни малейших сомнений в том, что эти три донских полка не

нарушат своей присяги, и я немедленно послал одного из моих адъютантов в штаб сообщить, что он может вполне рассчитывать на казаков.

Как утром в Совете Республики, я еще раз жестоко ошибся. Я не знал, что пока я разговаривал с делегатами от полков, Совет казачьих войск, заседавший всю ночь, решительно высказался за невмешательство казаков в борьбу Временного Правительства с восставшими большевиками...

...В этих условиях было очевидно, что только действительное появление через самое короткое время подкреплений с фронта могло еще спасти положение! Но как их получить?! Оставалось одно: ехать не теряя ни минуты навстречу эшелонам, застрявшим где-то у Гатчины и протолкнуть их в Петербург, несмотря ни на какие препятствия. Посоветовавшись с министрами Коноваловым и Кишкиным (к этому времени подоспевшими), переговорив с некоторыми оставшимися верными присяге офицерами штаба, я решил прорваться через все большевистские заставы и лично встретить подходившие, как мы думали, к самому Петербургу войска...

...Пожав последний раз руку Кишкину, взявшему на себя на время моего отсутствия руководство обороной столицы, я, с самым беззаботным видом, сошел вместе со своими спутниками во двор штаба. Сели в автомобиль. Тут оказалась кстати и американская машина: одному из офицеров не хватило у меня места и он поехал отдельно, но с условием держаться от нас в городе со своим американским флагом на «почтительном расстоянии». Наконец мы пустились в наше интересное путешествие. Вся привычная внешность моих ежедневных выездов была соблюдена до мелочей. Я сел, как всегда, на свое ме-

сто — на правой стороне заднего сидения, в своем полувоенном костюме, к которому так привыкли и население и войска. Автомобиль пошел своим обычным городским ходом. В самом начале Морской, у телефонной станции, мы проехали мимо первого большевистского караула. Потом у Астории, у Мариинского дворца — повсюду стояли патрули и отряды красных. Нечего и говорить, что вся улица — и прохожие и солдаты — сейчас же узнала меня. Военные вытягивались, как будто и правда ничего не случилось. Я отдавал честь, как всегда, немного небрежно и слегка улыбаясь. Наверное секунду спустя после моего проезда ни один из них не мог себе объяснить, как это случилось, что он не только пропустил этого «контрреволюционера, врага народа», но и отдал ему честь.

... Не стоит описывать нашу безумную погоню за неуловимыми эшелонами с фронта, которых мы нигде не нашли, вплоть до самого Пскова. Въезжая в этот город, насколько помню, в девятом часу вечера, мы ничего не знали о том, что здесь происходит, известны ли уже петербургские события и, если известны, то как они здесь отразились. Поэтому решили действовать с величайшей осмотрительностью и поехали не прямо в ставку Главнокомандующего Северным фронтом, генерала Черемисова, а на частную квартиру, к его генерал-квартирмейстеру Барановскому, бывшему начальнику моего военного кабинета. Тут я узнал, что все сведения из Петербурга самые мрачные, что в самом Пскове уже действует большевистский военно-революционный комитет; что в руках этого комитета подписанная прап. Крыленко и матросом Дыбенко телеграмма о моем аресте в случае появления в Пскове. Сверх всего этого я

узнал и еще худшее: что сам Черемисов делает всяческие авансы революционному комитету, и что он не примет никаких мер к посылке войск в Петербург, так как считает подобную экспедицию бесцельной и вредной.

Вскоре по моему вызову явился сам Главнокомандующий. Произошло весьма тяжелое объяснение. Генерал не скрывал, что в его намерения вовсе не входит в чем-нибудь связывать свое будущее с судьбой «обреченного» Правительства. Кроме того, он пытался доказать, что в его распоряжении нет никаких войск, которые он мог бы выслать с фронта, и заявил, что не может ручаться за мою личную безопасность в Пскове. Тут же Черемисов сообщил, что он уже отменил свой приказ, ранее данный в соответствии с моим требованием из Петербурга, о посылке войск, в том числе и 3-го Конного корпуса. «Вы видели ген. Краснова, он разделяет ваше мнение?» — спросил я. «Ген. Краснов с минуты на минуту придет ко мне из Острова». «В таком случае, генерал, немедленно направьте его ко мне». «Слушаюсь».

Генерал ушел, сказав, что идет прямо на заседание военно-революционного комитета, там окончательно выяснит настроение местных войск и вернется мне доложить. Отвратительное впечатление осталось у меня от свидания с этим умным, способным, очень честолюбивым, но совершенно забывшим о своем долге человеком. Значительно позже я узнал, что, по выходе от меня, генерал не только пошел в заседание военно-революционного комитета. Он пытался еще по прямому проводу уговорить Командующего Западным фронтом ген. Балуюева не оказывать помощи Правительству.

Отсутствие Черемисова тянулось бесконечно. А

между тем, каждая минута была дорога, ибо всякое опоздание могло вызвать в Петербурге событие непоправимое. Был одиннадцатый час ночи. Разве мы в Пскове могли знать тогда, что в это самое время Зимний дворец, где заседало Временное Правительство, выдерживал бомбардировку и последние атаки большевиков?! Только в первом часу ночи явился, наконец, генерал Черемисов, чтобы заявить, что никакой помощи правительству он оказать не может. А если, продолжал генерал, я остаюсь при убеждении о необходимости сопротивления, то мне нужно немедленно ехать в Могилев, так как здесь в Пскове мой арест неизбежен. Говоря о Могилеве, генерал Черемисов, однако, не доложил мне, что начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал Духонин дважды добивался непосредственного разговора со мной, и что дважды он ему в этом отказал, не спрашивая меня. «А что Краснов?» — спросил я. — «Он был и уже уехал назад в Остров». — «Но, позвольте, генерал, я же просил вас прислать Краснова ко мне! . . .» Насколько я помню, на это восклицание ответа не последовало. Во всяком случае я его не помню. Да и не все ли равно мне, что ответил генерал! Его преступное уклонение от исполнения своего долга было очевидно и я торопился от него отделаться. Ведь у меня не было никаких колебаний. Я должен вернуться в Петербург, хотя бы с одним полком. Обсудив вместе с ген. Барановским и моими молодыми спутниками создавшееся положение, я решил немедленно ехать в Штаб-квартиру 3-го Конного казачьего корпуса в Остров, а, если там ничего не выйдет, продолжать путь в свою ставку в Могилев. В ожидании автомобиля я прилег отдохнуть. В ночной тишине, казалось, слышен был стремитель-

ный бег секунд, и сознание, что каждый потерянный миг толкал все в пропасть, было прямо невыносимо! Никогда я еще так не ненавидел этот бессмысленный бег времени все вперед, все вперед . . . Вдруг звонок у парадной двери! Краснов со своим начальником штаба. Желает сейчас же меня видеть. Одним прыжком я оказался в зале, где сидели оба офицера. Оказывается, получив от ген. Черемисова моим именем приказ, отменяющий начатое движение на Петербург, ген. Краснов усомнился в подлинности этого приказа, и, вместо отъезда в Остров, стал тут же ночью разыскивать меня. «А я, генерал, только что должен был ехать к вам в Остров, рассчитывая на ваш корпус и предполагая, несмотря ни на какие препятствия, идти на Петербург».

Было решено, что мы сейчас же вместе выезжаем в Остров, с тем, чтобы в то же утро с наличными силами двинуться к столице . . .

. . . Поздней ночью мы выехали в Остров. На рассвете были там. Данный по корпусу приказ об отмене похода был в свою очередь отменен. Поход на Петербург — объявлен. Мы не знали тогда, что Правительство, на помощь которому мы спешили, уже во власти большевиков, а сами министры в Петропавловской крепости. Но мы воочию наблюдали, с какой стремительной быстротой петербургские события отзывались на фронте, разрушая дисциплину и едва налаженный после Корнилова порядок. Не успели мы въехать в Остров, как стали уже поговаривать кругом, что местный гарнизон решил прибегнуть к силе, дабы не выпустить казаков из города. Действительно, присутствуя утром по просьбе ген. Краснова на собрании гарнизонных и казачьих делегатов, я сам мог убедиться, что каждый лишний

час промедления в городе делал самое выступление корпуса из Острова все более гадательным. Постепенно вокруг самого здания Штаба 3-го корпуса скапливалась, все разрастаясь, солдатская толпа, возбужденная и частью вооруженная.

Наконец, около 10 час. утра с вокзала сообщили, что воинские поезда готовы к погрузке. Наши автомобили пошли к станции, конвоируемые казаками, напутствуемые ревом и угрозами разнузданной солдатчины. На вокзале новые серьезнейшие затруднения: Псков, под разными предлогами, чтобы сразу парализовать все наше начинание, не давал пути нашим поездам. Только мое личное присутствие среди войск устранило, в конце концов, все тайные и явные препятствия. С большим опозданием поезда, груженные эшелонами 3-го Конного корпуса, двинулись в путь. Вся «боевая мощь» корпуса сводилась к 500—600 казаков и к нескольким пушкам. С этими «силами» мы решились, однако, во что бы то ни стало пробить себе дорогу в Петербург, не ожидая никаких подкреплений и нигде не останавливаясь. Теперь я думаю, что это была ошибка непоправимая. Если бы в то утро, 26 октября, я бы уже знал о захвате большевиками Временного Правительства, я, наверное, не остановился бы на этом слишком рискованном плане. Основной его недостаток заключался в том, что, пробивая себе с казаками путь через все препятствия, разрушая все козни, я оставлял за собой все опасные пункты в руках враждебных Правительству сил и терял всякую связь с тылом, откуда нужно было подтягивать подкрепления...

... 27-го на рассвете наш отряд приблизился к Гатчине, которая к этому времени была уже официально во власти большевиков, во власти местного

военно-революционного комитета и Совета. Город был переполнен различными большевистскими войсками: местной пехотой, артиллерией, матросами из Кронштадта, блиндированными автомобилями из Петербурга и т. д. Несмотря на подавляющее численное превосходство «врага», было решено город занять немедленно. Войска были выгружены и военные операции начались. Эта операция быстро и блестяще закончилась. Почти без выстрела и, насколько помню, без всяких жертв Гатчина была занята правительственными «войсками». «Революционные» же войска удирали во все стороны или сдавались со всеми своими ружьями, пулеметами, гранатами и т. д. При поспешном отступлении даже один блиндированный автомобиль остался просто брошенным своей командой...

... Как ни были ничтожны наши силы, мы решили в ожидании подкреплений с фронта не останавливать нашего марша на Петербург. Прежде всего, мы были убеждены, что первые эшелоны, как я уже говорил, будут в Гатчине вечером 27-го или, в крайнем случае, на рассвете 28 октября. А затем нужно было использовать до конца деморализующее впечатление, которое произвело на восставших мое быстрое возвращение с войсками с фронта и захват Гатчины. Ведь никто еще не знал действительное количество штыков и орудий, бывших в нашем распоряжении.

Весь Петербург, дружественный и враждебный, был убежден, что количество «войск Керенского» исчисляется тысячами! Наконец, тактика «быстроты и натиска» диктовалась повелительно общим состоянием страны и, в особенности, фронта. Главным козырем большевистской игры был мир, мир немедлен-

ный! Захватив в ночь на 26-е здание Главного телеграфа в Петербурге и самую в России могущественную Царскосельскую радиостанцию, гг. большевики стали немедленно рассылать по всему фронту свои воззвания о мире, провоцируя утомленных солдат, толкая их на стихийную демобилизацию и бегство домой, на братание и постыдные «замирения» поротно и повзводно. Необходимо было попытаться разорвать все связи между петербургскими большевиками и фронтом, остановить поток отравленной пропаганды, растекавшейся повсюду по проводам и приемникам правительственного телеграфа и радио. Через 8—10 дней было бы уже поздно: фронт был бы сорван, и страну затопила бы стихия сорвавшейся с фронта солдатчины. Выхода не было. Надо было безумно рисковать, но действовать!

Кстати, я должен сказать, что установившаяся легенда о том, что Временное Правительство — Правительство Февральской Великой Революции — исчезло с лица земли среди всеобщего равнодушия, не вполне соответствует правде. В действительности дни нашего похода на Петербург были днями, когда гражданская война вспыхнула и разгорелась по всей стране и на фронте. Героическое восстание юнкеров 29-го в Петербурге, уличные бои в Москве, Саратове, Харькове и т. д., сражения между верными Революции и восставшими войсковыми частями на фронте — все это достаточно свидетельствует, что мы были не совсем одиноки в нашей последней борьбе за честь и самое существование нашей Родины...

**
*

... Утром 31 октября я созвал Военный совет. Присутствовали ген. Краснов, его начальник штаба

полк. Попов, помощник командующего войсками Петербургского военного округа капитан Кузьмин, начальник обороны Гатчины Савинков, комиссар Северного фронта Станкевич и кто-то из корпусного штаба. Открыв заседание, я дал короткий политический обзор событий, насколько, конечно, они были мне известны; затем предложил начальнику штаба осветить военное положение и сообщить о передвижениях войск. После этого я поставил совету вопрос: следует ли принять предложение о переговорах о перемирии или категорически отвергнуть и продолжать борьбу? Мнения были поданы по старшинству, начиная с младшего. Только два мнения — Савинкова и мое — были поданы за безусловный отказ от переговоров. Все военные без исключения были единодушны: для выигрыша времени нужно сейчас же начать переговоры, иначе нельзя ручаться за спокойствие казаков. Итак, мнение большинства было ясно и очевидно! Как не было это мне отвратительно и трудно — другого выхода не было — нужно выиграть время переговорами. Кроме того, невозможно было допустить, чтобы Краснов и его штаб могли сказать казакам: мы за мир, но Керенский приказал драться. Я утвердил мнение большинства и Военный совет приступил к обсуждению самой техники переговоров. Было решено, что Станкевич объездом поедет в Петербург, чтобы там передать «Комитету Спасения Родины и Революции» мои условия перемирия. К сожалению, я не могу вспомнить текст этого документа, копия которого у меня не могла сохраниться; во всяком случае эти условия не были приемлемы для большевиков, которые, после нашего отхода из Царского Села, вероятно, мало сомневались в своей победе . . . Два из моих условий я не забыл:

во-первых, большевики должны были немедленно сложить оружие и подчиниться обновленному все-народному Временному Правительству; во-вторых, состав и программа этого правительства должны быть установлены по соглашению существующего Временного Правительства с представителями всех политических партий и «Комитетом Спасения Родины и Революции».

Около четырех часов дня комиссар Станкевич выехал в Петербург. А ген. Краснов к этому же времени организовал делегацию для командирования ее в Красное Село с целью заключения немедленного перемирия на фронте, впредь до выяснения результатов миссии Станкевича. Парламентеры уехали в штаб-квартиру большевистских войск лишь вечером. Это были исключительно казаки, так как помощник командующего войсками Петербургского военного округа капитан Кузьмин, несмотря на настояния ген. Краснова, категорически отказался войти в состав мирной делегации . . .

**
*

Так началась ночь на первое ноября. Никаких сведений от парламентаров с «фронта»! Никаких сведений из Петербурга. В полутемных и мрачных бесконечных коридорах Павловского дворца толпятся настороженные, озлобленные люди. В отравленном страхе воздухе носятся самые невероятные, чудовищные слухи. Начинаются повсюду шепоты: если казаки выдадут добровольно Керенского, они свободно вернутся к себе домой, на тихий Дон . . . Соблазн слишком велик: мысль о предательстве овладевает умами и незаметно превращается в действи-

тельность... Долгая осенняя ночь никогда не кончится. Минуты кажутся часами. А крысы бегут с тонущего корабля. В моих комнатах, вчера еще переполненных, ни души. Тишина и покой смерти царствуют вокруг. Мы одни. Нас очень немного, неразлучных эти месяцы, связанных общим жребием. Никто не мешает нам теперь в тишине и покое подумать о грядущем... Уже было светло, когда, уничтожив все бумаги, письма, которые нельзя оставить «в чужих руках», я прилег на постель и задремал с единственной мыслью: придут ли утром эшелоны.

Около 10 часов утра меня внезапно будят. Совершенно неожиданное известие: казаки-парламентеры вернулись вместе с матросской делегацией во главе с Дыбенко! Основное условие матросской делегации — безусловная выдача Керенского в распоряжение большевистских властей; казаки готовы принять это условие!

Сообщение достаточно неожиданное! До последней минуты, несмотря на все подозрительные симптомы и мрачные предчувствия, мы не допускали такой низости! Но факт был налицо.

Оставалось одно: вывести на свежую воду самого Краснова и его штаб. Оставалось выяснить, замешаны ли они сами в предательстве. Посылаю тотчас же за генералом. Приходит, корректный, слишком спокойный. Я спрашиваю, известно ли ему, что происходит сейчас внизу? Прошу объяснить, как он мог допустить присутствие матросов в самом дворце? Как он мог даже не предупредить, не осведомить меня об этом? Краснов с чрезмерной длительностью стал разъяснять, что это совещание с матросами никакой особой важности не имеет, что он пристально следит через верных людей за всем там происходящим, что

он считает даже эти переговоры событием чрезвычайно для нас благоприятным. «Пусть их там говорят, — рассуждал он, — день пройдет в разговорах, спорах и к вечеру положение разъяснится; придет пехота и мы переменим тон». А что касается моей выдачи, то ничего подобного он никогда не примет. Я могу быть совершенно спокойным. Но ему кажется, что, может быть, было бы полезно, если бы я сам лично, конечно, с хорошим эскортом — он его даст — поехал в Петербург непосредственно договориться с партиями и даже со Смольным! Да, это предприятие очень рискованное, но не следует ли на него решиться во имя спасения Государства . . . Так рассуждал в моем присутствии ген. Краснов. Это было мое последнее свидание с генералом. Нервность, сменившая наружное спокойствие первых минут, бегающие глаза, странная улыбка — все это не оставляло никаких сомнений. Торг о цене за мою голову, происходящий внизу, не был вовсе так безобиден, как мне старались изобразить!

Генерал ушел. Я рассказал всю правду тем, кто еще оставался со мной. Как быть?! Все мои отношения с 3-м корпусом порваны самими казаками. Было бы просто безрассудно считать себя связанным с теми, кто уже изменил. Но выхода не было. Никаких мер личной охраны я не предпринимал. Никаких подготовительных действий на случай выезда из Гатчины не делалось. Для вооруженной борьбы нас было слишком мало — менее десятка. Уйти из дворца невозможно, — построенное Павлом I в виде замкнутого прямоугольника, здание имело только один выход, уже занятый смешанным караулом из казаков и матросов. Пока мы рассуждали, как выйти из этого тупика, как выскочить из этой ло-

вушки, явился один из высших служащих дворца с предложением помощи. По своим служебным обязанностям он знает тайный, никому не известный подземный ход, который выходит за стенами этого дворца-крепости. Но чтобы пройти к этому тайнику, нужно ждать сумерек. Что же?! Если до этого времени ничего не случится, мы уйдем из западни этим таинственным путем. Ну, а если... Я прошу моих спутников не терять времени и спастись по одиночке сейчас же, кто как может.

Что же касается меня лично и моего юного адъютанта, который в этот час решительно отказался покинуть меня, то свою судьбу мы разрешили очень просто. Мы остаемся здесь в этих комнатах, но живыми предателям не сдадимся. Вот и все! Пока ворвавшаяся банда матросов с казаками будет искать нас в первых комнатах, мы успеем покончить свои счета с жизнью, запершись в самые дальние. Тогда, утром 1 ноября 1917 года, это решение казалось таким простым, логичным и неизбежным... Время шло. Мы ждали. Внизу торговались. Вдруг, в третьем часу дня, вбегает тот самый солдат, который утром принес нам весть о Дыбенко. На нем лица не было. Торг состоялся, объявил он. Казаки купили свою свободу и право с оружием в руках вернуться домой всего только за одну человеческую голову! Для исполнения принятого решения, т. е. для моего ареста и выдачи большевикам, вчерашние враги по-дружески выбрали смешанную комиссию. Каждую секунду матросы и казаки могли ворваться...

... Я не считаю еще себя вправе подробно рассказать мой уход из Гатчинского дворца. Большевики еще у власти — люди еще живы... Я ушел из дворца за 10 минут до того, как предатели ворвались в

мои комнаты. Я ушел, не зная еще за минуту, что пойду. Прошел нелепо переодетый под носом у врагов и предателей. Я еще шел по улицам Гатчины, когда началось преследование. Шел вместе с теми, кто меня спас, но кого я никогда раньше не знал и видел в первый раз в жизни. В эти минуты они проявили выдержку, смелость и самоотверженность незабываемую . . .

(А. Керенский, *Издавека*, сб. статей 1920—1921 гг., Париж, 1922)

Л. Д. ТРОЦКИЙ

КЕМ И КАК БЫЛ СОВЕРШЕН ОКТЯБРЬСКИЙ ПЕРЕВОРОТ?

Новейшая советская историография совершенно вычеркнула из Октябрьской революции крайне важную и поучительную главу о разногласиях Ленина с ЦК, как в том основном и принципиальном, где Ленин был прав, так и в тех частных, но крайне важных вопросах, где правота была на стороне ЦК: согласно новой доктрине ни ЦК, ни Ленин не могли ошибаться, следовательно, между ними не могло быть конфликтов. В тех случаях, когда расхождения отрицать невозможно, их, в порядке общего предписания, переносят на Троцкого.

Факты говорят, однако, другое. Ленин настаивал на поднятии восстания в дни Демократического совещания: ни один из членов ЦК не поддержал его. Неделю спустя Ленин предлагал Смилге организовать штаб восстания в Финляндии и оттуда нанести удар по Правительству силами моряков. Еще через десять дней он настаивал на том, чтобы Северный съезд стал исходным моментом восстания. На Съезде никто не поддержал этого предложения. Ленин считал в конце сентября оттягивание восстания на три недели, до Съезда советов, гибельным. Между тем, восстание, отложенное до кануна Съезда, закончилось во время его заседаний. Ленин предлагал начать борьбу в Москве, предполагая, что там дело разрешится без боя. На самом деле восстание в Москве,

несмотря на предшествовавшую победу в Петрограде, длилось восемь дней и стоило многих жертв . . .

Как же объясняет эпигонская школа несоответствие между тактическими предложениями Ленина и действительным ходом восстания в Петрограде? Она либо придает конфликтам анонимный и бесформенный характер; либо проходит мимо разногласий, объявляя их не заслуживающими внимания; либо пытается опровергнуть несокрушимо установленные факты; либо подставляет имя Троцкого там, где у Ленина идет речь о ЦК в целом или о противниках восстания внутри ЦК; либо, наконец, комбинирует все эти приемы, не заботясь об их согласовании.

«Образцом (большевистской) стратегии, — пишет Сталин, — можно считать проведение Октябрьского восстания. Нарушение этого условия (правильного выбора момента) ведет к опасной ошибке, называемой «потерей темпа», когда партия отстает от хода движения или забегает вперед, создавая опасность провала. Примером такой «потери темпа», примером того, как не следует выбирать момент восстания, нужно считать попытку одной части товарищей начать восстание с ареста Демократического совещания в сентябре 1917 г.» Под именем «одной части товарищей» фигурирует в этих строках Ленин. Никто кроме него не предлагал начать восстание с ареста Демократического совещания и никто не поддержал этого предложения. Тактический план Ленина Сталин рекомендует в качестве «примера того, как не следует выбирать момент восстания». Анонимная форма изложения позволяет Сталину в то же время начисто отрицать разногласия между Лениным и ЦК.

Еще проще выходит из затруднений Ярославский.

«Дело не в частностях, конечно, — пишет он, — дело не в том, началось ли восстание в Москве или в Петрограде, — дело в том, что весь ход событий показал правильность ленинской линии, правильность линии нашей партии». Находчивый историк чрезвычайно упрощает свою задачу. Что Октябрь дал проверку стратегии Ленина и показал, в частности, какое значение имела его апрельская победа над руководящим слоем «старых большевиков» — это бесспорно. Но если дело вообще не в том, где начинать, когда начинать и как начинать, то не только от эпизодических разногласий с Лениным, но и от тактики вообще не остается ничего.

В книге Джона Рида есть рассказ о том, будто 21 октября вожди большевиков имели «второе историческое заседание», на котором, как передавали Риду, Ленин говорил: «24 октября слишком рано действовать: для восстания нужна всероссийская основа, а 24-го не все еще делегаты на Съезд придут. С другой стороны, 26-го будет слишком поздно действовать... Мы должны действовать 25-го — в день открытия Съезда...» Рид был исключительно чуткий наблюдатель, сумевший перенести на страницы своей книги чувства и страсти решающих дней революции. Именно поэтому Ленин пожелал в свое время несравненной хронике Рида распространения в миллионах экземпляров во всех странах света. Но работа в огне событий, записи в коридоре, на улицах, у костров, схваченные налету беседы и обрывки фраз, при необходимости пользоваться переводчиками, все это делало неизбежным частые ошибки. Рассказ о заседании 21 октября представляет одну из наиболее явных ошибок в книге Рида. Рассуждение о необходимости «всероссийской советской основы» для вос-

стания никак не могло принадлежать Ленину, ибо он не раз называл погоню за такой основой ни более и ни менее, как «полным идиотизмом и полной изменой». Ленин не мог говорить, что восстать 24-го слишком рано, ибо уже с конца сентября он считал недопустимым откладывать восстание ни на один лишний день: запоздать оно может, но «преждевременного в этом отношении быть теперь не может». Однако, и помимо этих политических соображений, решающих сами по себе, сообщение Рида опровергается тем простым фактом, что 21-го никакого «второго исторического совещания» не было: такое совещание не могло бы не оставить после себя следов в документах и памяти участников. Было всего два совещания с участием Ленина: 10-го и 16-го. Рид не мог этого знать. Но опубликованные после того документы не оставляют никакого места для «исторического заседания» 21 октября. Эпигонская историография не задумалась, однако, включить явно ошибочное показание Рида во все официальные издания: этим достигается внешнее, календарное совпадение директив Ленина с действительным ходом событий. Правда, официальные историографы заставляют при этом Ленина вступать в непонятные и необъяснимые противоречия с самим собою. Но ведь по существу дело и не идет вовсе о Ленине: эпигоны превратили Ленина попросту в свой исторический псевдоним и бесцеремонно пользуются им для подтверждения своей непогрешимости задним числом.

Официальные историки идут и дальше по пути подгонки фактов под маршруты. Так: Ярославский пишет в своей «Истории партии»: «На заседании Центрального комитета 24 октября, последнем засе-

дании перед восстанием, присутствовал Ленин». Официально изданные протоколы, дающие точный перечень участников, свидетельствуют, что Ленин отсутствовал. «Ленину и Каменеву было поручено вести переговоры с левыми эсерами», пишет Ярославский. Протоколы говорят, что это поручение было дано Каменеву и Берзину. Но и без протоколов должно было бы быть ясно, что второстепенного «дипломатического» поручения ЦК на Ленина не стал бы возлагать. Решающее заседание ЦК происходило утром. Ленин прибыл в Смольный только ночью. Член петроградского Комитета Свешников рассказывает, как Ленин «вечером (24-го) куда-то ушел, оставив в комнате записку, что ушел тогда-то. Узнав об этом, мы в душе испугались за Ильича . . .» В районе уже «поздно вечером» стало известно, что Ленин отправился в Военно-революционный комитет.

Удивительнее всего, однако, то, что Ярославский прошел мимо первостепенного политического и человеческого документа: письма к руководителям районов, написанного Лениным в часы, когда открытое восстание уже в сущности началось. «Товарищи! Я пишу эти строки вечером 24-го . . . Изю всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс . . . Надо во что бы то ни стало сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д.» . . . Ленин в такой мере опасается нерешительности ЦК, что пытается в самый последний момент организовать давление на него снизу.

«Надо, — пишет он, — чтобы все районы, все полки, все силы мобилизовались тотчас и послали немедленно делегации в Военно-революционный комитет, в ЦК большевиков, настоятельно требуя: ни в коем случае не оставлять власти в руках Керенского и компании до 25-го, никоим образом, — решать дело сегодня непременно вечером или ночью». Когда Ленин писал эти строки, полки и районы, которые он призывал мобилизоваться для давления на Военно-революционный комитет, были уже мобилизованы Военно-революционным комитетом для захвата города и низвержения правительства. Из письма, каждая строка которого трепещет тревогой и страстью, видно, во всяком случае, что Ленин не мог ни предлагать 21-го отложить восстание до 25-го, ни участвовать в утреннем заседании 24-го, где решено было немедленно перейти в наступление.

В письме есть, все же, элемент загадки: каким образом Ленин, укрывавшийся в Выборгском районе, не знал до самого вечера о решении столь исключительной важности? Из рассказа того же Свешникова, как и из других источников, видно, что связь с Лениным поддерживалась в этот день через Сталина. Остается предположить, что не явившись на утреннее заседание ЦК, Сталин так и не узнал до вечера о вынесенном решении.

Непосредственным толчком к тревоге Ленина могли послужить сознательно и настойчиво распространявшиеся в этот день из Смольного слухи, что до решения Съезда советов никаких решительных шагов предпринято не будет. Вечером этого дня на экстренном заседании петроградского Совета Троцкий говорил в докладе о деятельности Военно-революционного комитета: «Вооруженный конфликт се-

годня или завтра не входит в наши планы — у порога Всероссийского Съезда советов. Мы считаем, что Съезд проведет наш лозунг с большей силой и авторитетом. Но если правительство захочет использовать тот срок, который остается ему жить, — 24, 48 или 72 часа, — и выступит против нас, то мы ответим контрнаступлением, ударом на удар, сталью на железо». Таков был лейтмотив всего дня. Оборонительные заявления имели задачей в последний момент перед ударом усыпить и без того не очень активную бдительность противника. Именно этот маневр дал, по всей вероятности, Дану основание заверять Керенского в ночь на 25-е, что большевики все и не собираются сейчас восставать. Но, с другой стороны, и Ленин, если одно из этих успокоительных заявлений Смольного успело дойти до него, мог, в своем состоянии напряженной недоверчивости, принять военную уловку за чистую монету.

Хитрость входит в искусство войны необходимым элементом. Плоха, однако, та хитрость, которая может попутно обмануть свой собственный лагерь. Если б дело шло об огульном призыве масс на улицы, слова насчет «ближайших 72 часов» могли бы оказать пагубное действие. Но 24-го переворот уже не нуждался в революционных призывах без адреса. Вооруженные отряды, предназначенные для захвата важнейших пунктов столицы, находились наготове и ждали от своих командиров, связанных телефонными проводами с ближайшим революционным штабом, сигнала к выступлению. В этих условиях обоюдоострая военная хитрость революционного штаба была на своем месте...

Как видно из давно опубликованных воспоминаний, Троцкий, с конца сентября, не раз указывал про-

тивникам восстания, что назначение срока Съезда советов равносильно для большевиков назначению восстания. Это не значило, разумеется, что переворот должен произойти не иначе, как по решению Съезда советов, — о таком ребяческом формализме не могло быть и речи. Дело шло о предельном сроке: нельзя было откладывать восстание на неопределенное время после Съезда. Через кого и в каком виде эти споры в ЦК дошли до Ленина, из документов не видно. Свидания с Троцким, который был слишком на виду у врагов, представляли для Ленина слишком большую опасность. В своей тогдашней настороженности Ленин мог опасаться, что Троцкий ставит ударение на Съезде, а не на восстании, и во всяком случае не дает «конституционным иллюзиям» Зиновьева и Каменева необходимого отпора. Могли Ленина беспокоить также и мало знакомые ему новые члены ЦК, бывшие межрайонцы (или объединенцы) Иоффе и Урицкий. На это есть прямое указание в речи Ленина уже после победы, на заседании петроградского Комитета 1 ноября. «Был поднят вопрос на заседании (10 октября) о выступлении. Боялся оппортунизма со стороны интернационалистов-объединенцев, но это рассеялось; в нашей же партии (некоторые старые) члены (ЦК) не согласились. Это меня крайне огорчило». 10-го Ленин, по собственным словам, убедился, что не только Троцкий, но и находившиеся под его непосредственным влиянием Иоффе и Урицкий решительно стоят за восстание. Вопрос о сроках вообще ставился впервые на этом заседании. Когда же и кем отвергнуто было «предложение Троцкого» не начинать восстания без предварительного решения Съезда советов? Как бы специально для того, чтобы еще более уве-

личить радиус путаницы, официальные справочники, как мы уже знаем, приписывают точно такое же предложение и Ленину, со ссылкой на апокрифическое решение 21 октября . . .

В последнюю неделю перед восстанием Сталин явно маневрировал между Лениным, Троцким и Свердловым с одной стороны, Каменевым и Зиновьевым с другой. Редакционное заявление 20 октября, бравшее под защиту противников восстания от ударов Ленина, именно у Сталина не могло быть случайным: в вопросах внутривнутрипартийного маневрирования его мастерство является неоспоримым. Как в апреле, после приезда Ленина, Сталин осторожно выдвинул вперед Каменева, а сам молча выжидал в стороне, прежде чем заново ангажироваться, так теперь, накануне переворота, он явно готовил себе, на случай возможной неудачи, отступление по линии Зиновьева—Каменева. Сталин доходит по этому пути до грани, за которой открывается разрыв с большинством ЦК. Эта перспектива пугает его. Вследствие этого Сталин спешит восстановить полуразрушенный мост к левому крылу ЦК, предлагая поручить Ленину подготовку тезисов по основным вопросам Съезда советов и возложить на Троцкого политический доклад. И то и другое принято единогласно. Застраховав себя слева, Сталин в последнюю минуту отходит в тень: он выжидает. Все новейшие историки, начиная с Ярославского, тщательно обходят тот факт, что Сталин не присутствовал в Смольном на заседании ЦК 24-го и не взял на себя никакой функции в организации восстания! Между тем этот факт, неоспоримо устанавливаемый документами, как нельзя лучше характеризует политическую личность Сталина и его приемы.

С 1924 года неисчислимы́е усилия были затрачены на то, чтоб заполнить пустое место, каким Октябрь является в политической биографии Сталина. Делалось это под двумя псевдонимами: «ЦК» и «практический центр». Мы не поймем ни механики октябрьского руководства, ни механики позднейшей эпигонской легенды, если не подойдем здесь несколько ближе к личному составу тогдашнего ЦК.

Ленин, признанный вождь, для всех авторитетный, но, как показывают факты, отнюдь не «диктатор» в партии, в течение четырех месяцев не принимал непосредственного участия в работах ЦК и по ряду тактических вопросов находился к нему в резкой оппозиции. Виднейшими руководителями в старом большевистском ядре, на очень большом расстоянии от Ленина, но и от тех, кто следовал за ними, считались Зиновьев и Каменев. Зиновьев скрывался, как и Ленин. Перед Октябрем Зиновьев и Каменев находились в решительной оппозиции к Ленину и большинству ЦК: это вывело их обоих из строя. Из старых большевиков быстро выдвигался Свердлов. Но он был тогда еще новичком в ЦК. Его талант организатора расцвел лишь позже, в годы строительства советского государства. Дзержинский, недавно примкнувший к партии, выделялся своим революционным темпераментом, но не претендовал на самостоятельный политический авторитет. Бухарин, Рыков и Ногин проживали в Москве. Бухарин считался даровитым, но ненадежным теоретиком. Рыков и Ногин были противниками восстания. Ломов, Бубнов и Милютин при решении больших вопросов вряд ли кем-либо принимались в расчет; к тому же Ломов работал в Москве, Милютин был в разъездах. Иоффе и Урицкий были своим эмигрант-

ским прошлым тесно связаны с Троцким и действовали в согласии с ним. Молодой Смилга работал в Финляндии. Состав и внутреннее состояние ЦК достаточно объясняют, почему партийный штаб, до возвращения Ленина к непосредственному руководству, не играл и не мог играть, хотя бы в отдаленной степени, той роли, которая ему принадлежала впоследствии. Протоколы показывают, что важнейшие вопросы: о Съезде советов, о гарнизоне, о Военно-революционном комитете не обсуждались предварительно в ЦК, не исходили из его инициативы, а возникали в Смольном, из практики Совета, чаще всего при участии Свердлова.

Сталин в Смольный вообще не показывался. Чем решительнее становился напор революционных масс, чем больший размах принимают события, тем более Сталин ступшевуется, тем бледнее его политическая мысль, тем слабее его инициатива. Так было в 1905 году. Так было осенью 1917 года. То же повторялось и дальше каждый раз, когда большие исторические вопросы поднимались на мировой арене. Когда выяснилось, что опубликование протоколов ЦК за 1917 год только обнажило октябрьский пробел в биографии Сталина, бюрократическая историография создала легенду «практического центра». Разъяснение этой версии, широко популяризованной за последние годы, входит необходимым элементом в критическую историю Октябрьского переворота.

На совещании ЦК в Лесном, 16 октября, одним из доводов против форсирования восстания служило указание на то, что «мы не имеем еще даже центра». По предложению Ленина, Центральный Комитет решил тут же, на летучем заседании в углу, заполнить пробел. Протокол гласит: «ЦК организует во-

енно-революционный центр в следующем составе: Свердлов, Сталин, Бубнов, Урицкий и Дзержинский. Этот центр входит в состав Революционного советского комитета». Забытое всеми постановление было открыто в архивах впервые в 1924 году. Его стали цитировать, как важнейший исторический документ. Так, Ярославский писал: «Этот орган (а не кто другой) руководил всеми организациями, принимавшими участие в восстании (революционными военными частями, Красной гвардией)». Слова «а не кто другой» достаточно откровенно указывают цель всей этой конструкции задним числом. Еще откровеннее был Сталин: «В состав практического центра, призванного руководить восстанием, странным образом не попал . . . Троцкий». Чтоб иметь возможность развивать эту тему, Сталин вынужден был опустить вторую половину постановления: «Этот центр входит в состав Революционного советского комитета». Если принять во внимание, что Военно-революционный комитет возглавлялся Троцким, то не трудно понять, почему ЦК ограничился назначением новых работников в помощь тем, которые и без того уже стояли в центре работы. Ни Сталин, ни Ярославский не объяснили к тому же, почему о «практическом центре» впервые вспомнили в 1924 году.

Между 16 и 20 октября восстание окончательно становится на советские рельсы. Военно-революционный комитет с первых шагов сосредоточивает в своих руках непосредственное руководство не только гарнизоном, но и Красной гвардией, которая уже с 13 октября встала в подчинение петроградского Исполнительного комитета. Для какого-либо другого руководящего центра не остается никакого места. Во всяком случае, ни в протоколах ЦК, ни в каких-либо

иных материалах за вторую половину октября нельзя открыть ни малейших следов деятельности столь важного, казалось бы, учреждения. Никто не дает отчета о его работах, на него не возлагают никаких поручений, самое имя его никем не произносится, хотя члены его присутствуют на заседаниях ЦК и участвуют в разрешении вопросов, которые должны были бы входить в прямую компетенцию «практического центра».

Свешников, член петроградского Комитета партии, почти непрерывно дежуривший для связи в Смольном в течение второй половины октября, должен был во всяком случае знать, где искать практических указаний по вопросам восстания. Вот, что он пишет: «Возникает Военно-революционный комитет. С его возникновением стихия революционной активности пролетариата приобретает руководящий центр». Каюров, хорошо известный нам по февральским дням, рассказывает, как Выборгский район в напряжении ждал сигнала из Смольного: «К вечеру (24-го) был ответ Военно-революционного комитета — готовить Красную гвардию к бою». Каюрову ничего не известно о каком-либо другом центре в момент перехода к открытому восстанию. Можно с таким же правом сослаться на воспоминания Садовского, Подвойского, Антонова-Овсеенко, Мехоношина, Благоднава и других непосредственных участников переворота: ни один из них не упоминает о «практическом центре», который, по утверждению Ярославского, руководил, будто бы, всеми организациями. Наконец, сам Ярославский в своей Истории ограничивается голым сообщением о создании центра: о деятельности его он не сообщает ни слова. Вывод напрашивается сам собою: руководящий центр,

о котором не знает никто из руководимых, для истории не существует.

Но можно представить и более прямые доказательства фиктивности «практического центра». В заседании ЦК 20 октября Свердлов оглашает заявление Военной организации, заключавшее в себе, как видно из прений, требование привлекать руководителей Военной организации при решении вопросов восстания. Иоффе предлагает отклонить эту претензию: «Все желающие работать могут войти в революционный центр при Совете». Троцкий придает предложению Иоффе смягченную формулировку: «Все наши организации могут войти в революционный центр и в нашей фракции там обсуждать все интересующие их вопросы». Вынесенное в этом виде решение показывает, что революционный центр был один, при Совете, т. е. Военно-революционный комитет. Если бы существовал какой-либо другой центр по руководству восстанием, то кто-нибудь должен был бы, по крайней мере, вспомнить о его существовании. Но не вспомнил никто, ни даже Свердлов, имя которого стоит первым в составе «практического центра».

Еще поучительнее, если возможно, на этот счет протокол заседания 24 октября. В часы, непосредственно предшествовавшие захвату города, не только нет речи о «практическом центре» восстания, но само постановление о создании его настолько пришло в забвение в вихре протекших восьми дней, что, по предложению Троцкого, «в распоряжение Военно-революционного комитета» назначаются: Свердлов, Дзержинский и Бубнов, то есть те члены ЦК, которые, по смыслу решения 16 октября, и без того должны были входить в состав Военно-революционного комитета. Самая возможность такого недоразумения

объясняется тем, что едва вышедший из подполья ЦК по организации и методам работы еще очень мало походил на могущественную всеохватывающую канцелярию позднейших лет. Главную часть аппарата ЦК Свердлов носил в боковом кармане.

Эпизодических органов, создававшихся к концу заседания и сейчас же тонувших в забвении, в то горячее время было немало. На заседании ЦК 7 октября создано было «бюро для информации по борьбе с контрреволюцией»: это было зашифрованное имя первого органа по разработке вопросов восстания. О составе его протокол гласит: «От ЦК в бюро избраны трое: Троцкий, Свердлов, Бубнов, которым и поручено составить самое бюро». Существовал ли этот первый «практический центр» восстания? Очевидно, нет, так как он не оставил после себя никаких следов. Политическое бюро, созданное на заседании 10-го, также оказалось нежизнеспособным и решительно ничем себя не проявило: вряд ли оно заседало хоть один раз. Чтобы петроградская организация партии, непосредственно ведшая работу в районах, не оказалась оторвана от Военно-революционного комитета, Троцкий, по инициативе Ленина, который любил систему двойной и тройной страховки, был введен на критические недели в руководящую головку петроградского Комитета. Однако, и это решение осталось только на бумаге: ни одного заседания с участием Троцкого не было. Такая же участь постигла и так называемый «практический центр». В качестве самостоятельного учреждения он не должен был существовать и по замыслу: но он не существовал и в качестве подсобного органа.

Из намеченной в состав «центра» пятерки Дзержинский и Урицкий полностью вошли в работу Во-

енно-революционного комитета только после переворота. Свердлов играл крупнейшую роль по связи Военно-революционного комитета с партией. Сталин в работе Военно-революционного комитета не принимал никакого участия и никогда не появлялся на его заседаниях. В многочисленных документах, показаниях свидетелей и участников, как и в позднейших воспоминаниях, имя Сталина не встречается ни разу.

В официальном справочнике по истории революции октябрю месяцу посвящен самостоятельный том, группирующий по дням все фактические сведения из газет, протоколов, архивов, воспоминаний участников и прочее. Несмотря на то, что сборник издан был в 1925 году, когда ревизия прошлого шла уже полным ходом, указатель в конце книги сопровождает имя Сталина лишь одной цифрой, и когда мы открываем соответственную страницу сборника, то находим все тот же текст решения ЦК о «практическом центре», с упоминанием Сталина, как одного из пяти членов. Тщетно стали бы мы искать в этом сборнике, столь обильном даже и третьестепенными материалами, сведений о том, какую, собственно, работу выполнял Сталин в октябре, в составе ли «центра» или вне его . . .

Бюрократическим пересмотром истории партии и революции непосредственно руководит Сталин. Вехи этой работы ярко отмечают этапы в развитии и советского аппарата. 6 ноября (нового стиля) 1918 года Сталин писал в юбилейной статье «Правды»: «Вдохновителем переворота с начала до конца был ЦК партии, во главе с тов. Лениным. Владимир Ильич жил тогда в Петрограде, на Выборгской стороне, на конспиративной квартире. 24 октября, вечером, он

был вызван в Смольный для общего руководства движением. Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя петроградского Совета тов. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому. Товарищи Антонов и Подвойский были главными помощниками тов Троцкого».

Ни автор этой книги, ни, надо думать, Ленин, управлявшийся от эсеровских пуль, не обратили в те дни внимания на это ретроспективное распределение ролей и заслуг. Статья осветилась новым светом лишь несколько лет спустя, обнаружив, что Сталин уже в тяжкие осенние месяцы 1918 года подготавливал, пока еще с чрезвычайной осторожностью, новое изображение партийного руководства в октябре. «Вдохновителем переворота с начала до конца был ЦК партии, во главе с тов. Лениным». Эта фраза есть полемика против тех, кто считал, и вполне правильно, что действительным вдохновителем восстания был Ленин, в значительной мере в борьбе против ЦК. В этот период Сталин не мог еще прикрывать свои октябрьские колебания иначе, как безличным псевдонимом ЦК. Дальнейшие две фразы — о том, что Ленин жил в Петрограде на конспиративной квартире и был вызван вечером 24-го в Смольный для общего руководства движением, имеют целью ослабить господствовавшее в партии представление, что руководителем переворота был Троцкий. Следующие затем фразы, посвященные Троцкому, звучат в сегодняшней политической акустике, как панегирик; на самом деле это было наименьшее из того,

что Сталин был вынужден сказать, чтобы замаскировать свои полемические намеки. Сложность конструкции и тщательная покровительственная окраска этой «юбилейной» статьи сами по себе дают недурное представление о тогдашнем общественном мнении партии.

В статье, к слову сказать, совершенно не упоминается о «практическом центре». Наоборот, Сталин категорически заявляет: «вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством... Троцкого». Но Троцкий не входил в «практический центр», от Ярославского же мы слышали, будто именно «этот орган (а не кто другой) руководил всеми организациями, принимавшими участие в восстании». Разгадка противоречия проста: в 1918 году события были еще слишком свежи в памяти у всех, и попытка извлечь из протоколов постановление о никогда не существовавшем «центре» не могла рассчитывать на успех.

В 1924 году, когда многое уже было позабыто, Сталин следующим образом объяснял, почему Троцкий не входил в «практический центр»: «Должен сказать, что никакой особой роли в октябрьском восстании Троцкий не играл и играть не мог». Сталин прямо провозгласил в этом году задачей историков разрушение «легенды об особой роли Троцкого в октябрьском восстании», Как примиряет, однако, Сталин эту новую версию со своей собственной статьей 1918 года? Очень просто: он запретил цитировать свою старую статью. Историки, пытающиеся взять среднюю линию между Сталиным 1918 и Сталиным 1924 годов, немедленно исключаются из партии.

Существуют, однако, более авторитетные свидетельства, чем первая юбилейная статья Сталина. В

примечаниях к официальному изданию сочинений Ленина под словом ТРОЦКИЙ значится: «После того, как петербургский Совет перешел в руки большевиков, был избран его председателем, в качестве которого организовал и руководил восстанием 25 октября». Таким образом, «легенда об особой роли» прочно утвердилась в собрании сочинений Ленина при жизни их автора.

По официальным справочникам можно из года в год проследить процесс переработки исторического материала. Так, в 1925 году, когда кампания против Троцкого была уже в полном разгаре, официальный ежегодник, «Календарь коммуниста», писал еще: «В Октябрьской революции Троцкий принимает самое деятельное, руководящее участие. В октябре 1917 года его избирают Председателем Петроградского Революционного Комитета, который организовал вооруженное восстание». В издании 1926 года это место заменяется короткой нейтральной фразой: «В октябре 1917 г. — председатель Ленинградского ревкома». С 1927 года школой Сталина выдвинута новая версия, вошедшая во все советские учебники: будучи противником «социализма в одной стране», Троцкий не мог по существу не являться противником октябрьского переворота. К счастью, существовал «практический центр», который довел дело до счастливого конца! Находчивые историки упускают лишь объяснить, почему большевистский Совет выбрал Троцкого председателем и почему тот же Совет, руководимый партией, поставил Троцкого во главе Военно-революционного комитета.

Ленин не был доверчив, особенно в таком вопросе, где дело шло о судьбе революции. Словесными заверениями его успокоить нельзя было. На расстоянии

он склонен был каждый признак истолковывать в худшую сторону. Он окончательно поверил, что дело ведется правильно, когда увидел собственными глазами, то есть когда появился в Смольном. Троцкий рассказывает об этом в своих воспоминаниях в 1924 г.: «Помню, огромное впечатление произвело на Ленина сообщение о том, как я вызвал письменным приказом роту Литовского полка, чтобы обеспечить выход нашей партийной и советской газеты... Ленин был в восторге, выражавшемся в восклицаниях, смехе, потирании рук. Потом он стал молчаливее, подумал и сказал: «Что же, можно и так. Лишь бы взять власть». Я понял, что он только в этот момент окончательно примирился с тем, что мы отказались от захвата власти путем конспиративного заговора. Он до последнего часа опасался, что враг пойдет наперерез и застигнет нас врасплох. Только теперь... он успокоился и окончательно санкционировал тот путь, каким пошли события».

(Л. Троцкий, *История Русской революции*, Октябрьская революция, т. II, ч. 2-я, из-во «Гранит», Берлин, 1933)

М. В. ВИШНЯК

СОЗЫВ И РАЗГОН УЧРЕДИТЕЛЬНОГО СОБРАНИЯ

Открытие Учредительного Собрания было назначено на полдень, 5 января. Но проходил час за часом, и ничто не предвещало готовности открыть заседание. Из официальных большевистских кругов заверяли, что отсрочка случайна и кратковременна, — какие-нибудь полчаса, несколько затянувшиеся, и только. Не желая вызывать конфликта по внешне малозначительному поводу, большинство терпеливо выжидало все положенные и переотложенные сроки. Но и нашему долготерпению пришел конец. После новой отсрочки постановлено было во что бы то ни стало открыть Собрание в 4 часа. Не откроют они, откроем его мы.

К четырем часам физический победитель на улице уже определился. Но мы еще не знали о предрешенности нашей судьбы и тщете наших усилий.

Всей эсеровской фракцией двинулись в зал. В дверях расписались на листах. Зал чисто убран и декорирован. Кресла заново обиты. На покрытых коричневой материей щитах литеры «У. С.». Наша фракция заняла весь центр и правый от председателя сектор. Правее эсеров заняли места трое эн—эсов и несколько депутатов «национально-буржуазных» групп, левее — наши недавние злополучные товарищи, левые эсеры, из которых многие прошли в Учредительное Собрание по общим кандидатским спис-

кам с нами. И, наконец, главные «герои дня», они же и главные враги Учредительного Собрания Всея России — большевики. Среди них, как и в нашей среде, несколько женщин: среди эсеров — В. Н. Фигнер, А. Н. Слетова, О. А. Матвеевская. У них — А. М. Коллонтай, будущий следователь по политическим делам Е. Ф. Розмирович, будущая чекистка В. Н. Яковлева, левая эсерка М. А. Спиридонова. На эстраде — командующая верхушка и служилые советские люди. Рослый, с цепью на груди, похожий на содержателя бань «жгучий брүнэт» Дыбенко, Стеклов, Козловский. В левой от председателя ложе Ленин, сначала прислушивавшийся, а потом безучастно развалившийся то на кресле, то на ступеньках помоста и вскоре совсем исчезнувший.

Ровно в четыре часа из эсеровских рядов поднялся Лордкипанидзе и предложил, чтобы старейший из членов Учредительного Собрания открыл Собрание, не дожидаясь появления отсутствующих большевиков. «Старейшим» фактически был Е. Е. Лазарев. Но по предварительному соглашению он уступил свое первенство С. П. Швецову. Последний не спеша поднялся на трибуну, сопровождаемый звериным аккомпанементом, который, раз начавшись, уже продолжался непрерывно — с промежутками только на секунды — в течение всех последующих 12 с лишним часов.

Стенографический отчет отмечает кратко и сдержанно: «Шум слева. Голоса: «Долой». «Самозванец». Продолжительный шум и свист слева». На самом деле было много ужаснее, гнуснее и томительнее. С выкриками и свистом слились вой и улюлюканье, топание, хлопанье пюпитрами и по пюпитрам. Это была бесновавшаяся, потерявшая человеческий облик и

разум толпа. Особо выделялись своим неистовством Крыленко, Луначарский, Степанов-Скворцов, Спиридонова, Камков. Видны открытые пасти, сжатые и потрясаемые кулаки, заложенные в рот для свиста пальцы. С хор усердно аккомпанируют. Весь левый сектор являл собою зрелище бесноватых, сорвавшихся с цепи. Не то сумасшедший дом, не то цирк или зверинец, обращенные в лобное место. Ибо здесь не только развлекались, здесь и пытали: горе побежденным!

Старейший не перестает орудовать председательским звонком и сквозь шум и неистовство объявляет Учредительное Собрание открытым. В тот же момент появляются на трибуне, сзади Швецова и рядом с ним, несколько фигур. Секретарь ЦИК и будущий чекист Аванесов вырывает звонок из рук Швецова. Борьба за звонок как бы предвосхищает и символизирует последующую борьбу. Из рук Аванесова звонок переходит к Свердлову и тот вторично объявляет заседание открытым.

Ленин посылает со своего места за председательским креслом записку во фракцию большевиков. И точно по команде поднимается Степанов-Скворцов и предлагает пропеть Интернационал. Все встают и поют. У левых и правых свои дирижеры. У эсеров — Чернов, сидящий в первом ряду. Время от времени он оборачивается лицом к членам фракции и широкой жестикуляцией силится ее вдохновить и увлечь. Поют однако немногие. На обоих флангах нестерпимо фальшивят. Не только поющие вразброд, по фракциям, фальшивят — самый Интернационал в создавшейся обстановке отдает фальшью.

Устами Свердлова большевики предъявили категорическое требование — признать «в корне непра-

вильным, даже с формальной точки зрения, противопоставление себя советской власти. Власть должна принадлежать целиком и исключительно трудящимся массам и их полномочному правительству — Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». Задачи же Учредительного Собрания «исчерпываются общей разработкой коренных оснований социалистического переустройства общества».

Яснее нельзя было сказать. Обманувшись в расчете: если выборы в Учредительное Собрание будут «делать» они, то и большинство в Учредительном Собрании будет «ихнее», большевистское, большевики уже приняли решение осуществлять власть, не считаясь с волей Учредительного Собрания, без него и, в случае нужды, против него. Но прежде, чем насильственно упразднить Учредительное Собрание, советская власть решила его унижить — предложить добровольно капитулировать, согласиться на превращение в учено-исследовательское учреждение по вопросам социалистического строительства при Совнарком.

**
*

Позиции определились. Обстоятельства заставили фракцию с.-р. играть первенствующую и руководящую роль. Это вызывалось численным превосходством фракции. Это вызывалось и тем, что члены Учредительного Собрания более умеренного толка, избранные в числе 64, не рискнули, за единичными исключениями, явиться на заседание. Кадеты были официально признаны «врагами народа», а некоторые из них были заключены в тюрьму.

Наша фракция тоже была в известном смысле

«обезглавлена». Авксентьев находился по-прежнему в Петропавловской крепости. Отсутствовал и Керенский, на котором по преимуществу сосредоточилась большевистская клевета и ярость. Его искали везде и повсюду, ночью и днем. Он находился в Петрограде, и немало усилий потребовалось, чтобы убедить его отказаться от безумной мысли явиться в Таврический дворец для заявления, что он слагает власть пред законно избранным и полномочным Собранием. До безрассудства отважный Гоц все же явился на заседание, несмотря на приказ об аресте за участие в юнкерском восстании. Охраняемый близкими друзьями, он был стеснен даже в передвижении и не мог быть активным. Таково же было положение Руднева, возглавлявшего сломленное сопротивление Москвы большевистскому захвату власти. И В. М. Чернов, намеченный в председатели Собрания, тем самым тоже выбывал из числа возможных руководителей фракцией. Не было ни одного лица, которому можно было бы доверить руководство. И фракция доверила свою политическую судьбу и честь коллективу — пятерке: В. В. Рудневу, М. Я. Гендельману, Е. М. Тимофееву, И. Н. Коварскому и А. Б. Ельяшевичу.

Зарекшись не поддаваться никаким провокационным выходкам и сохранять хладнокровие, чего бы это ни стоило, члены фракции связали друг друга торжественным обязательством воздержаться от индивидуальных импровизаций, следовать установленному плану, а в случае непредвиденном и неожиданном положиться на находчивость, интуицию и такт «пятерки».

Кандидатуре Чернова в председатели была противопоставлена кандидатура Спиридоновой. При баллотировке Чернов получил 244 белых шара против

151 «черняка». По объявлении результатов, Чернов занял монументальное кресло председателя на эстраде, возвышавшееся над ораторской трибуной. Между ним и залом образовалось большое расстояние. И приветственная, основополагающая речь председателя не только не преодолела образовавшегося «мертвого пространства» — она даже увеличила расстояние, отделявшее его от Собрания. В наиболее «ударных» местах речи Чернова по правому сектору пробегал явный холодок. Речь вызвала неудовлетворенность у руководителей фракции и простодушное непонимание этой неудовлетворенности со стороны самого оратора.

Конечно, большевики и левые эсеры всячески «срывали» Чернова, заглушали его речь свистом, оскорбительным улюлюканьем и угрожающими выкриками. В этом активно участвовали и подвыпившие матросы и красногвардейцы и прочая публика, заполнившая по пропускам власти все ходы и выходы на хорах и даже в зале заседания. Председатель не раз, во время своей речи и речей других ораторов, призывал аудиторию «уважать достоинство Собрания»; увещевал и просил публику «не вмешиваться в дела Собрания и соблюдать спокойствие»; предлагал «удалиться гражданам, не могущим сохранять спокойствие»; грозил «поставить вопрос о том, в состоянии ли здесь некоторые вести себя так, как это подобает членам Учредительного Собрания»; и на самом деле ставил вопрос: «угодно ли Учредительному Собранию, чтобы его председатель принял меры к соблюдению тишины и достоинства Собрания?» Голос Чернова, его увещевания, призывы и просьбы терялись в гаме и выкриках. Многие его не слышали. Мало кто слушал.

Кроме беспомощно звеневшего колокольчика, в распоряжении председателя не было никаких других средств воздействия против неистовствовавших и буянивших. При совмещении в такой аудитории функций оратора с обязанностями председателя невозможно было выполнить удовлетворительно ни то, ни другое. В этом была объективная трудность положения. В том же положении очутился и я, избранный секретарем Собрания. Я на опыте познал и ощутил, что значит занимать ответственную должность, не обладая даже минимумом реальных возможностей для осуществления связанных с должностью обязанностей. Ни Чернов, ни я не имели в своем распоряжении не только «приставов» для поддержания элементарного порядка в зале, — мы не имели никакого аппарата для обслуживания заседания и ведения записи.

Фальшивости внешнего положения — председателя суверенного учреждения, располагавшего лишь звонком для осуществления верховной власти — соответствовало внутреннее содержание речи Чернова. Она была выдержана в социалистических и интернационалистических тонах и как бы пыталась быть созвучной и левому крылу Собрания. Точно оратор стремился в чем-то заверить или переубедить противников, вместо того, чтобы возможно резче отмежеваться от них и противопоставить им себя, как символ всероссийского народовластия. Это было не то, что могло хоть сколько-нибудь импонировать, задать тон, удовлетворить требованиям и ожиданиям исторического момента. Это была одна из многих ординарных речей Чернова — далеко не из лучших.

Он утверждал, что «страна показала небывалое в

истории желание социализма»; что «все усталые, которые должны вернуться к своим очагам, которые не могут быть без этого, как голодные не могут быть без пищи», должны быть немедленно заменены «добровольно шествующей под знаменем социализма армией»; что «уже самым фактом открытия первого заседания Учредительного Собрания провозглашается конец гражданской войны между народами, населяющими Россию». Он счел нужным подчеркнуть, что «важнейший пункт социалистической программы — проверочное всенародное голосование», и что «как только Учредительное Собрание постигнет несчастье разойтись с волей народа, оно должно будет сложить с себя полномочия и немедленно назначить перевыборы».

Во время этой речи выкрики слева, злобные и кровожадные — «без пули вам не обойтись!» — стали перемежаться с издевками лично над оратором и содержанием его речи. И на противоположном секторе речь эта не вызвала энтузиазма. Она не повысила, а, наоборот, понизила настроение. Она вызвала и раздражение против лидера, с которым в общей форме условились о содержании речи и который без предупреждения и не импровизируя, а справляясь с заготовленной записью, сказал не то. Мужество и выдержку Чернов проявил огромные, как мужественным и достойным было поведение всей фракции. Но мужества и выдержки было недостаточно.

Что не удалось отчетливо сказать в речи председателя, пришлось кропотливо и частично досказывать в последующих речах. Немало душевной энергии ушло на то, чтобы, наверстывая утерянное, пробиться сквозь большевистскую провокацию и левосеровский шантаж, подстерегавшие на каждом ша-

гу. Нашей задачей по-прежнему оставалось — выйти из борьбы, не предрешив дальнейших ее путей, с постановлениями, исходящими не от партийных комитетов и профессиональных съездов, не от частных совещаний и общественных учреждений, а от Всероссийского Учредительного Собрания.

То, от чего пытался уклониться председатель, поставили ребром представители партии, захватившей власть. В вызывающей по форме речи Бухарин наметил «водораздел, который сейчас делит все собрание на два непримиримых лагеря»: у нас — «воля к диктатуре трудящихся классов», к «диктаторскому завоеванию власти», которая «сейчас закладывает фундамент жизни человечества на тысячелетия»; у них же все сводится к воле защищать «паршивенькую буржуазно-парламентарную республику». «Мы с этой кафедры провозглашаем смертельную войну буржуазно-парламентарной республике!»

Ту же мысль развивали два других большевистских оратора — если не считать бессвязной речи Дыбенки. «Как это можно, — удивлялся Скворцов-Степанов, — апеллировать к такому понятию, как общенародная воля... Народ немислим для марксиста, народ не действует в целом, народ в целом — это фикция, и эта фикция нужна господствующим классам». Другой оратор, Раскольников, оглашая заключительное заявление большевиков об их уходе из Учредительного Собрания, назвал партию Керенского, Авксентьева, Чернова «вчерашним днем революции», а их самих — «врагами народа», отвергшими «в согласии с притязаниями буржуазии» предложение «признать для себя обязательной волю громадного

большинства трудящихся», воплощенную в декларации Советов.

Один оратор сменял другого. Центральным было появление на трибуне И. Г. Церетели. Встреченный необычным даже для этого собрания ревом и воем: «Изменник! Палач! Предатель! Смертная казнь!» — Церетели сумел к концу речи заставить себя слушать даже большевиков. Церетели сменил Зензинов; украинец Северов-Одоевский; «живописный» крестьянин на костылях Сорокин; меньшевик Скобелев, недавний министр и будущий сменовеховец, внес предложение избрать комиссию для расследования обстоятельств расстрела «без всякого предупреждения», «прямо в толпу», которая мирно демонстрировала в честь Учредительного Собрания и молитвенно пела революционные гимны; агенты власти выхватывали красные знамена, бешено рвали их на куски и швыряли в огонь уличных костров... Официально большевики зарегистрировали по Петрограду за 5 января убитых 9 и раненых 22.

Выступил и другой социал-демократ, Трояновский, впоследствии занявший пост большевистского посла сначала в Токио, а потом в Вашингтоне; мусульманин Цаликов; эстонец Сельяма; латыш Гольдман; еврей Львович-Давидович; от эсеров Тимофеев с несколько затянувшейся речью о мире; простецкая речь крестьянина-втородумца Ефремова о груди говорящего под угрозой браунинга: «грудь каждого из вас, народные избранники, открыта... Если здесь в стенах этого высокого собрания решено кому-нибудь из нас пасть жертвою злодейства, это послужит правде, истине, священной обязанности народного избранника...» Все говорили о разном, каждый о своем, но общий смысл был один и тот же.

Старый большевик Н. Л. Мещеряков, позднее ликвидированный Сталиным, описал, как происходившее преломлялось в сознании господ положения. «Вспоминается, как живая, фигура Ильича, сидящего на приступках трибуны председателя. На выложенные речи Чернова и Церетели он не обращал никакого внимания. Сперва он что-то писал, а потом просто полулежал на ступеньках, то со скучающим видом, то весело смеясь. Около 11 часов вечера большевистская фракция потребовала перерыва для совещания. Перед нами стал вопрос, что делать дальше? Выступил Владимир Ильич: «Центральный Комитет предлагает уйти с Учредительного Собрания».

После некоторого колебания было решено последовать совету Ильича. Для прочтения резолюции был намечен тов. Раскольников. Мы все стали собираться к возвращению в залу заседания.

— Как, товарищи? Вы хотите вернуться в залу и уйти оттуда после прочтения нашей резолюции? — спросил нас Владимир Ильич.

— Да.

— Да разве вы не понимаете, что наша резолюция об уходе, сопровождаемая уходом всех нас, так действует на держащих караул солдат и матросов, что они тут же перестреляют всех оставшихся эсеров и меньшевиков? — был ответ Ленина.

Многие с ним согласились не сразу. После второй энергичной речи Ленина его предложение было принято. Одни разошлись по домам, другие наблюдали сцену с хора, из дверей и т. п. На заседание вернулся один тов. Раскольников, который прочитал декларацию и ушел. На солдат караула она произвела громадное впечатление. Многие из них взяли винтовки на изготовку. Товарищ, бывший на хорах, рассказы-

вал мне, что один из солдат даже прицелился в толпу делегатов эсеров. Еще момент, и могла бы разыграться ужасная сцена. Знают ли, подозревают ли бывшие депутаты эсеры, что только Ленину они обязаны своим спасением от смерти?» — заключает свой рассказ сердобольный Иудушка (сборник воспоминаний «О Ленине», т. I, стр. 49).

Долгие и томительные часы прошли прежде, чем Собрание освободилось от тормозивших его работу враждебных фракций. Давно уже зажглось электричество. Напряженная атмосфера военного лагеря нарастала и точно искала для себя выхода. Со своего кресла секретаря на трибуне я видел, как вооруженные люди после ухода большевиков все чаще стали вскидывать винтовки и брать «на мушку» находящихся на трибуне или сидящих в зале. Отсвечивавшая лысина О. С. Минора представляла собой привлекательную мишень для коротавших время солдат и матросов. Ружья и револьверы грозили ежеминутно «сами» разрядиться, ручные бомбы и гранаты «сами» взорваться.

Друзья уводят Гоца, самим фактом своего присутствия вызывавшего непреодолимую ярость толпившихся на хорах и в самом зале. Заставляют уйти и Руднева. Какой-то матрос, признав в Бунакове-Фондаминском бывшего комиссара Черноморского флота, без долгих размышлений, тут же у трибуны, взял на изготовку ружье и нацелился на него, стоявшего на трибуне. Только исступленный окрик случайного соседа, эсера из сектантов — позднее обернувшегося большевистским сексотом — Бакуты: «Брат, опомнись!» — сопровождаемый энергичным ударом по плечу, остановил шалого матроса.

Спустившись с помоста, я пошел взглянуть, что

делается на хорах. В полукруглом зале по углам сложены гранаты и патронные сумки, составлены ружья. Не зал, а становище. Учредительное Собрание не окружено врагами, оно во вражеском лагере, в самом логовище зверя. Отдельные группы продолжают «митинговать», спорить. Кое-кто из депутатов пытается убедить солдат в правоте Собрания и преступности большевиков. Проносится:

— И Ленину пуля, если обманет!

Комната, отведенная для нашей фракции, уже захвачена матросами. Из комендатуры услужливо общаются, что она не гарантирует неприкосновенности депутатов, — их могут расстрелять и в самом заседании. Тоска и скорбь отягчаются от сознания полного бессилия. Жертвенная готовность не находит для себя выхода. Что делают, пусть бы делали скорей!

В зале заседания матросы и красноармейцы уже окончательно перестали стесняться. Прыгают через барьеры лож, щелкают на ходу затворами винтовок, вихрем проносятся на хоры. Из фракции большевиков покинули Таврический дворец лишь более видные. Менее известные лишь переместились с делегатских кресел на хоры и в проходы зала и оттуда наблюдают и подают реплики. Публика на хорах в тревоге, почти в панике. Депутаты на местах неподвижны, трагически безмолвны. Мы изолированы от мира, как изолирован Таврический дворец от Петрограда и Петроград от России. Кругом шумят, а мы точно в пустыне отданы на волю торжествующего врага, чтобы за народ и за Россию испить горькую чашу.

Передают, что к Таврическому дворцу высланы кареты и автомобили для увоза арестуемых. В этом

было даже нечто успокоительное — все-таки некоторая определенность. Кое-кто начинает спешно уничтожать компрометирующие документы. Кое-что передаем нашим близким — в публике и в ложе журналистов. Среди документов передали и «Отчет Всероссийскому Учредительному Собранию членов Временного Правительства», находившихся на свободе. Тюремные кареты, однако, не приезжают. Новый слух — будет выключено электричество. Через несколько минут А. Н. Слетова добыла уже десятки свечей.

... Был пятый час утра. Оглашали и вотировали заготовленный закон о земле. На трибуну поднялся неизвестный матрос — один из многих, слонявшихся весь день и ночь в кулуарах и проходах. Приблизившись к креслу председателя, занятого процедурой голосования, матрос постоял некоторое время как бы в раздумье, и, видя, что на него не обращают внимания, решил, что настал час «войти в историю». Владелец прославленного отныне имени, Железняков, тронул председателя за рукав и заявил, что, согласно полученной им от комиссара (Дыбенки) инструкции, присутствующие должны покинуть зал.

Началось препирательство между В. М. Черновым, настаивавшим на том, что «Учредительное Собрание может разойтись лишь в том случае, если будет употреблена сила», и «гражданином матросом», требовавшим, чтобы «немедленно покинули зал заседания». Реальная сила, увы, была на стороне анархиста-коммуниста, и верх одержал не Виктор Чернов, а Анатолий Железняков.

Быстро заслушиваем ряд внеочередных заявлений и, в порядке спешности, принимаем десять первых статей основного закона о земле, обращение к

союзным державам, отвергающее сепаратные переговоры с центральными державами, и постановление о федеративном устройстве российской демократической республики. В 4 часа 40 мин. утра первое заседание Всероссийского Учредительного Собрания закрывается. Следующее назначено на 5 час. того же дня.

Медленный поток выносит взволнованную толпу из зала. Спускается с помоста и В. М. Чернов, свертывая на ходу бумажки в трубочку. Вместе проходим к вешалкам с платьем. Караул никого не останавливает. Только слышу по адресу Чернова:

— Вот этого бы в бок штыком!

Не чувствуется усталости. Грызет тоска и возмущение. На душе сумрачно и тревожно. Что готовит грядущий день России? Учредительному Собранию? Его членам?

Наших дедов мечта невозможная,
Наших героев жертва острожная,
Наша молитва устами несмелыми,
Наша надежда и вздыхание —
Учредительное Собрание, —
Что мы с ним сделали?!

(Марк Вишняк, *Дань прошлому*, из-во им. Чехова, Нью-Йорк, 1954)

ПОСЛЕСЛОВИЕ

(О причинах поражения)

Д. Анин

Помещенные в этой книге материалы исходят от разных авторов и толкуют о разных событиях и этапах революции. Тем не менее, всем этим материалам присуще что-то общее. Это трудно определимое «что-то» свидетельствует о крайней сложности, многогранности и противоречивости этих событий, которые никак нельзя уместить в прокрустово ложе непогрешимых законов и закономерностей. Приведенные здесь факты, суждения и умонастроения наносят, мне кажется, ущерб не только многим легендам, которые упрочились в советских книгах о революции, но также и некоторым общепринятым представлениям, которые нашли себе приют и в трудах западных авторов.

Начнем с малоизвестных, но в некоторой степени курьезных фактов. Из почти протокольных, сухих записей ген. Лукомского мы с некоторым изумлением узнаем, что обычно «слабовольный» и «нерешительный» Николай Второй, находившийся в первые дни революции в Ставке в Могилеве, проявил в те дни несвойственную ему самостоятельность и непреклонность. Игнорируя советы не только Родзянко, ген. Алексеева и некоторых Великих князей (которых он, может быть, имел основание подозревать в привязанности к «либерализму» и «конституционализму»), Николай Второй отмечает также увещевания последнего царского председателя Совета министров кн. Голицына и других министров, в преданности которых он сомневаться никак не мог. Несколькими днями позже в вопросе об отречении «безволь-

ный» царь опять проявляет неожиданное и никем не предвиденное упорство.

Кстати, в тех же своих записях ген. Лукомский настойчиво говорит о существовании «Особой армии», состоявшей из «гвардейцев», армии, на преданность которой царь, по мнению Лукомского, вполне мог рассчитывать. Что стало с этой «надежной» армией? Почему ею не воспользовались в дни, когда верные части были так необходимы для подавления революции? Очень немногие историки обратили внимание на эту историю об «Особой армии»; ни один из них не рассказал о ее дальнейшей судьбе. Остается поэтому предположить, что «надежной» эта армия была только в воображении генерал-квартирмейстера.

**
*

Поразительные истории рассказывает очевидец революции В. М. Зензинов. Во-первых, это загадочное предостережение «депутатам» Керенскому и Чхеидзе от рабочих-путиловцев. Как они могли столь точно предвидеть все неожиданное развитие событий? Во-вторых, из рассказа Зензинова следует, что в знаменитом восстании Павловского полка — событие, которое многими историками считается настоящим началом Февральской революции, — участвовало всего несколько десятков перепуганных солдат. В-третьих, оказывается, что непосредственным сигналом к революции послужило не столкновение между революционерами или рабочими с полицией (как полагают многие), а шальной выстрел казака, убившего полицейского пристава . . .

Но вот революция восторжествовала и Временному комитету Государственной думы приходится, по соглашению с возникшим сравнительно умеренным Советом, образовывать «цензовое» Временное правительство, то есть правительство, долженствующее состоять из кругов консервативной и благомыслящей Думы. Председателем Думы и выделенного ею Временного комитета являлся М. В. Родзянко. Казалось, что Родзянко будет также естественным кандидатом и на должность главы Временного правительства. Однако, эта высокая и сугубо ответственная должность была предложена не М. В. Родзянке, а кн. Г. Е. Львову, человеку почтенному, идеалистически настроенному, но который ни волей, ни желанием править не отличался. Львов был назначен не только главой правительства, но также министром внутренних дел, т. е. главой ведомства, которое требовало твердости, воли, большой энергии — качеств, которых у славянофильского идеалиста Львова как раз не было. Набоков утверждает, что П. Н. Милюков (от которого, по-видимому, в большой степени зависело назначение Львова) впоследствии о сделанном им выборе сожалел. Родзянко, — утверждал он, — по крайней мере знал, чего хотел, и всегда умел с должной энергией и мужеством отстаивать свои взгляды.

Сам Родзянко полагал, что Временное правительство совершило большую ошибку, когда оно перестало считаться с Государственной думой — учреждением, откуда вышло само правительство. Благодаря тому, — утверждал Родзянко, — что Государственная дума превратилась как бы в мертвое учрежде-

ние, Временное правительство подпало под исключительное влияние Совета рабочих депутатов. В результате Временное правительство перестало быть независимым учреждением, способным маневрировать между «цензовой» и относительно правой Государственной думой и Советом. Со своей стороны, Милюков и другие кадеты полагали, что четвертая «стольпинская» Дума не смогла стать учреждением, на которое Временное правительство могло бы опереться впредь до избрания Учредительного собрания, хотя бы потому, что революция, уничтожив старый режим, как бы уничтожила этим и его учреждения — Государственную думу и Государственный совет.

Изменило ли бы назначение Родзянко вместо Львова ход событий? В этом позволительно сомневаться. Гучков тоже был сильным и волевым человеком; тем не менее, будучи назначен на ключевой пост военного министра, он скоро убедился в том, что в создавшихся тогда условиях он мог сделать очень немного.

**
*

Упреки по адресу кн. Львова, этого «воплощения наивности», якобы «заискивавшего» перед Керенским и выказывавшего непригодность для руководства правительством, исходят, главным образом, от Набокова, полагавшего, что можно было тогда железной рукой навести порядок, притом не только в столице, но и в провинции. Факты, однако, отчасти приводимые и самим Набоковым, свидетельствуют совсем о другом. Даже теперь, задним числом, нельзя назвать ни одного из наличных тогдашних деятелей, который мог бы, в качестве министра, водворить

порядок в стране или в армии. Этого не могли сделать ни сменившие Львова на посту министра внутренних дел Авксентьев, Церетели, Никитин, ни к концу ставший во главе военного ведомства, отличавшийся волей и решимостью Савинков. Что касается провинции, где губернаторы попрятались или разбежались, то там аппарат подавления совершенно разложился.

Что могло сделать правительство и его министр, у которых не было полиции, и которые не были в состоянии опираться на воинские части? Ведь не надо забывать, что уже после апрельских дней, показавших слабость правительства и вынудивших ген. Корнилова уйти с поста командующего Петроградским гарнизоном, умеренные лидеры Совета рабочих и солдатских депутатов провозгласили, что войска гарнизона не должны выполнять приказов правительства без ведома и санкции руководства Советов... При таких условиях не удивительно, что Львов хотел уйти уже 25 апреля и передать власть партиям Революционной демократии.

* *
*

Недоуменные вопросы вызывает поведение некоторых, наиболее влиятельных кадетских лидеров. Можно вполне понять поведение Милюкова, который во время революции и после нее упорно и до последнего дня продолжал стоять на ясной позиции продолжения войны, верности союзникам и отстаивания старых целей или «призов» войны, таких, как проливы и Константинополь. Милюков был, как мы уже указывали выше, уверен в том, что сама революция явилась, главным образом, патриотическим протес-

том против бездарного ведения войны царским правительством. В доверительном разговоре с Набоковым он даже высказывал предположение, что «у нас кое-как держится» именно благодаря войне. Тем не менее, даже Милюков впоследствии признал, что война, вернее неспособность Временного правительства ее закончить, оказалась главной причиной победы Ленина. Другими словами, Милюков сам признал, что в решающем вопросе революции его политика и позиция содействовали успеху большевизма.

Но оставим Милюкова. Как понять Набокова, который в предоктябрьские месяцы стал фактически лидером кадетской партии? При всем своем преклонении перед интеллектом и неисчерпаемой эрудицией Милюкова, Набоков явно не разделял точки зрения последнего в вопросе о войне. В этом вопросе Набоков, как он сам пишет, был ближе к Гучкову, считавшему (уже 7 марта), что положение безнадежное, что страна обречена, и что «война несовместима с революцией». Даже страшная (для этих людей) мысль о необходимости или неизбежности заключения сепаратного мира была высказана . . . . Набоков в вопросе о мире примыкал к группе кадетских деятелей, вдохновляемых бароном Нольде, — группе, считавшей, что Россия больше воевать не может, и что из этого факта необходимо сделать надлежащие выводы. Группа Нольде—Набокова—Трубецкого собиралась, обсуждала, но ничего конкретного не предпринимала. Более того, Набоков признал, что ознакомившись с докладом Верховского, в некоторой степени выражавшего оценку положения самих Набокова и Нольде, он воскликнул: «Увы, приходится признать, что по существу Верховский прав . . .» Тем

не менее, Верховский ему показался «психопатом», человеком «не вызывающим доверия» и т. д.

Очень строгий и взыскательный к другим, Набоков проявлял, особенно в предоктябрьские дни, когда он, в качестве кадетского лидера, вел переговоры с представителями Революционной демократии, странное непонимание целей и аргументации своих контрагентов. Понимая, как будто, что для того, чтобы преградить путь большевикам, надо предпринять в вопросе о войне, земле и Учредительном собрании что-то конкретное, существенное, осязаемое и немедленное, — что-то такое, что могло бы привести к перелому в сознании солдатско-матросских и рабочих масс, — Набоков, тем не менее, называет условия и аргументы представителей Революционной демократии (которые именно к этому «перелому» и стремились) «талмудическими» и не соответствовавшими моменту . . .

Приходится признать, что у российских деятелей семнадцатого года имело место какое-то несоответствие между их личными и моральными качествами, с одной стороны, и их политической незрелостью и неспособностью к действию, с другой. Сказанное о Набокове можно в большой степени (несмотря на огромную разницу во многом другом) применить и к Керенскому, и к Корнилову, и ко многим деятелям Революционной демократии. Идеализм, жертвенность, личная отвага, принципиальность уживались в них с беспримерной политической недалекостью, безволием и беспечностью. Может быть, «уживались» здесь не подходящее слово, ибо идеализм, принципиальность и другие упомянутые благородные качества часто как раз и порождают политическую незрелость и наивность. Наоборот, опыт и прак-

тичность находятся обычно в конфликте с принципиальностью и тяготеют к оппортунизму и компромиссу, то есть к чему-то такому, что в русском политическом словаре имело явно отрицательный оттенок.

**
*

Говоря о «переломе», следует подчеркнуть, что рабоче-крестьянско-солдатская масса несомненно его ждала уже в начале февральских дней, ибо он вытекал из самого факта победившей революции. В этом смысле можно предположить вместе с В. М. Черновым, что большую ошибку совершили первые руководители Совета (Чхеидзе, Суханов, Соколов, Стеклов), которые в переговорах с представителями «буржуазии», образовавшей Временное правительство, не предъявили последнему условий, выполнение которых, с одной стороны, могло бы выбить почву из-под ног большевиков, а с другой — стабилизировать революцию на ее начальной демократической фазе. Действительно, представим себе, что эти упомянутые лидеры Революционной демократии потребовали бы в первые дни в ультимативной форме немедленного отчуждения помещичьей земли в пользу крестьян, быстрого созыва Учредительного собрания и отказа от завоеваний и контрибуций; при таком положении Россия должна была бы только «держаться фронт», что заставляло бы Германию все-таки сохранять на Восточном фронте многие десятки дивизий.

Кадеты, вероятно, эти требования приняли бы без особых возражений, ибо они в эти дни были очень растеряны и озабочены начинавшимися бесчинства-

ми в казармах и убийствами офицеров. Вместо этого, очень левый циммервальдовец Суханов и крайне левый Стеклов выставили условия, которые, за исключением одного весьма злополучного пункта, фактически ни к чему Временное правительство не обязывали. О мире и земельной реформе в этих условиях не говорилось ни слова, а об Учредительном собрании говорилось только в смысле выработки мер к его созыву без указания срока. Вместо этого, представители Советов потребовали... полной свободы агитации, требование в тогдашних условиях совершенно беспредметное, ибо с победой революции полная свобода агитации была все равно завоевана «явочным» порядком. Что касается злополучного пункта, то он действительно сыграл фатальную роль в исходе революции. Речь идет о 7-м пункте, запрещающем правительству вывод и разоружение военных частей Петроградского гарнизона, принимавших участие в революции. Эти части, наиболее разложившиеся, скоро превратились либо в активную опору большевиков, либо же, благодаря своему «нейтралитету», ввели в заблуждение тех, кто хотел на них опереться. В том и другом случае они, в большой степени, решили судьбу революции.

**
*

Известно, что по наблюдениям некоторых компетентных авторов и очевидцев, Ленин мог бы, если бы он не проявил описанных выше колебаний, захватить власть уже в июле. Боевое настроение среди кронштадтских матросов (главной силы революции) и рабочих-путиловцев проявлялось в июле гораздо сильнее, чем в октябре. Интересным в этом отноше-

нии является предположение Суханова, что своей известной речью к кронштадтцам, в которой он угрожал матросов отпустить захваченного ими Чернова (которого они намеревались, по-видимому, линчевать), Троцкий как бы сорвал июльскую попытку Ленина захватить власть. Своей речью Троцкий «сбил» боевой дух матросских боевиков и тем ослабил их напор. Да, в те дни и часы маловажные события — речь, жест, случайность — могли изменить течение истории. Не надо забывать, что в те июльские дни Троцкий формально еще не был большевиком, и мог поэтому не знать истинных намерений Ленина.

**
**

Должен ли был Керенский так упорствовать в своем «единении живых сил страны», то есть в вопросе о коалиции с кадетами, особенно после корниловского выступления, когда все более и более выяснялось, что это «единение» являлось плодом воображения, а не реальной действительностью? Ведь из рассказа Набокова (и уж, конечно, из собственных писаний Керенского) явствует, что сам Набоков и другие кадетские лидеры были осведомлены о планах соратников генерала. Тем не менее, эти «партнеры» по коалиции «единения» не считали нужным предупредить Керенского о грозившей ему опасности... Сам Керенский называет, с полным правом, такое поведение своих товарищей по кабинету «гнилью»; тем не менее, он продолжает упорствовать в сохранении этой коалиции и отвергает все действительные предложения, имеющие целью произвести упомянутый выше так необходимый «перелом». Вместе

со своей довольно бесцветной «директорией», или «триумvirатом», он смещает генерала Верховского, хотя многим, находившимся тогда у «кормила власти» (если так можно выразиться), было ясно, что в том состоянии развала, в котором тогда находилась армия, заключения военного министра заслуживали более серьезного обсуждения.

**
*

Данные выше материалы обильно подтверждают и более чем двусмысленное поведение генералов, многие из которых, по свидетельству Станкевича, злорадствовали по поводу неудачи июньского наступления (ими же, генералами, плохо организованного), и более чем легкомысленное отношение политических деятелей к выводам ген. Верховского... Ведь комиссия предпарламента, назначенная для расследования положения в армии (после доклада Верховского), пришла к выводу, что «в техническом отношении» русская армия находится «в блестящем состоянии»... Только «дух» в армии был не на должной высоте...

**
*

Утопизм Керенского, сводившийся к его попытке опереться против большевиков на разваливавшуюся армию, в которой командный состав сочувствовал Корнилову и ненавидел Керенского, с особой отчетливостью, как мы видели, проявился в предоктябрьские дни, когда покинутый почти всеми Керенский не сумел найти ни одной верной ему части. Правда, этот утопизм или неоправданный оптимизм

(в тех условиях это было одно и то же) был присущ почти всем. Если заглянуть в тогдашние газеты и ознакомиться с речами, резолюциями и статьями всех руководящих деятелей тех дней, легко убедиться в том, что и у правых, и у левых преобладал по существу один взгляд, одна оценка того, что тогда называли «текущим моментом».

Несколько примеров: об оптимизме Керенского, готового отслужить молебен в случае большевистского выступления и уверенного в том, что он располагает «большими, чем нужно силами» для подавления такого выступления, уже рассказал Набоков. В самый день Октябрьского переворота Станкевич нашел Керенского в радостном настроении, оптимистическим, не сомневающимся в исходе этого выступления. Потом (вернее, очень скоро) выяснилось, что военные, на которых Керенский надеялся и оптимистическим рапортам которых он верил, — все эти Полковниковы и Черемисовы, — оказались или людьми нерадивыми, или скрытыми корниловцами. Так ли это в действительности было, сказать трудно; однако, такова версия самого Керенского.

* *
* *

Такой же слепотой страдали и все другие. Двадцать первого октября (т. е. за четыре дня до переворота) кадетская *Речь* писала о глубоком кризисе большевизма... «Если они рискнут выступить, то будут раздавлены тут же и без труда»... *Меньшевицская Рабочая газета* писала: «Разве не видят эти люди (т. е. большевики. — Д. А.), что никогда еще петроградский пролетариат и гарнизон не были так изолированы от всех других общественных слоев?

Разве они не видят, что и среди рабочих и крестьян массы не пойдут за ними, и что их лозунги способны толкнуть на улицу лишь небольшие кучки разгоряченных рабочих и солдат, которые неминуемо будут разгромлены?» Орган Мартова *Искра* напоминал июльские дни и их последствия... Газета Максима Горького *Новая жизнь* писала: «Выступление, а тем более вооруженное, имеющее все шансы вылиться в гражданскую войну, ничего не разрешает и ничего не облегчает; есть только одна партия, которой это послужит на пользу, это партия Корнилова»... В этой последней фразе вся суть тогдашнего умонастроения Революционной демократии, на которую Керенский только и мог, после разгрома Корнилова, в какой-то степени еще опираться.

**
*

Тут мы подходим к центральному или, если угодно, к самому роковому повороту революции, который драматически олицетворяется Корниловым, Керенским, Лениным и наиболее влиятельными лидерами ЦИК'а Советов и партий Революционной демократии. В данном месте нас не интересуют сами факты и детали этого «поворота» — кстати говоря, очень запутанные, до сих пор мало выясненные и основанные на многочисленных недоразумениях, — а его политическая суть. Оставляя в стороне роль и действия, часто весьма двусмысленные, главных участников этого «поворота» (Корнилова, ген. Крымова, Савинкова, В. Львова, Керенского и других), здесь уместно поставить два гипотетических вопроса: во-первых, мог ли бы Керенский дотянуть до созыва Учредительного собрания, если бы выступ-

ление Корнилова не имело бы места? Во-вторых, могло ли бы выступление Корнилова оказаться успешным, если бы Керенский пытался искренне ему потворствовать?

В отношении первого вопроса, вполне, мне думается, позволительно (вместе с Керенским и другими) предположить, что если бы не было выступления Корнилова и его генералов, не было бы и Октябрьского переворота. Большевики были, даже по их собственным признаниям, так слабы после июльских дней, что самый вопрос о захвате ими власти, независимо от «взятия ленинского курса на вооруженное восстание», серьезно не ставился и не мог ставиться. Именно корниловское выступление вывело, по общему мнению, большевиков из изоляции и превратило их в крупную силу и претендента на власть. Керенский, по-видимому, также прав, когда утверждает, что после июльских дней упало влияние не только большевиков, но и Советов, возглавляемых умеренными лидерами Революционной демократии. Это подтверждает не только Церетели, но и кадетский лидер и министр Ф. Ф. Кокошкин . . . «Совет больше не оказывает влияния на решения правительства», заявил последний. С другой стороны, успех Корнилова в те месяцы не был бы, вероятно, равнозначен реставрации самодержавия. Человек лично безупречно честный (по отзыву всех его знавших, включая Керенского) и не питавший особых симпатий к царю и династии, Корнилов заявил Деникину, что его целью является довести страну до Учредительного собрания и устраниваться . . . Тем не менее, Корнилова не поддерживали не только социалисты, но также многие, вернее, большинство государственно мыслящих кадетов.

Союз, хотя бы временный, между сторонниками Корнилова и умеренными социалистами мог бы предположительно осуществиться на основе соглашения о немедленном отчуждении помещичьей земли в пользу крестьян и быстром созыве Учредительного собрания. Ни одна из этих сторон не могла бы согласиться на немедленный мир, ибо последний, в наличных тогда условиях, означал сепаратный мир, то есть то, что было одинаково неприемлемым для социалистов Авксентьева, Гоца, Церетели, Дана, с одной стороны, и для Корнилова и его друзей, с другой. Вполне допустимо, что при осуществлении первых двух условий (земельной реформы и созыва Учредительного собрания) мир «во что бы то ни стало» (то есть сепаратный мир) больше не стоял бы в порядке дня. Получив землю и полномочный парламент, крестьянская армия, руководимая патриотически настроенными комиссарами и военными, действительно бы «повторила сказку Французской революции». Не пытаясь, по примеру санкюлотов, прощупать штыком Европу, русская армия могла бы, при этих условиях, по крайней мере охранять национальные границы и «завоевания революции».

Вместе с тем, не менее позволительно предположить, что в той разрухе, в которой все более утонула страна, спасение, казалось, могло прийти только от сильной или, во всяком случае, более сильной власти, чем одно из тех Временных правительств, которое тогда возглавлял А. Ф. Керенский. Другими словами, власть должен был бы, в создавшихся тогдашних условиях, взять или сам Корнилов (человек, по всей видимости, для этого малоприспособленный), или один из его покровителей или сотрудников.

Не следует, однако, забывать, что в тогдашней

расстановке политических сил Корнилов, его сотрудники и покровители могли взять власть только в результате согласия, поощрения или хотя бы нейтрального поведения и попустительства Революционной демократии, то есть руководства меньшевиков и эсеров, в первую очередь руководства меньшевистско-эсеровского ВЦИК'а Советов — единственного учреждения, которое, несмотря на все его слабости, все еще в те месяцы обладало какой-то реальной властью и авторитетом. Против воли меньшевистско-эсеровского ВЦИК'а, Керенский самолично отдал власть Корнилову, вероятно, не мог бы, даже если бы он этого хотел. Следует предположить, что если бы Керенский попытался это сделать, то немедленно начались бы забастовки железнодорожников с маячившим голодом и гражданской войной, короче, то, что действительно немедленно случилось при выступлении Корнилова, только во много раз сильнее. Керенский, если бы он пошел открыто вкуче с Корниловым и против ВЦИК'а и партий, за ним стоящих, был бы немедленно заклеямен обманщиком и предателем.

Попытка Корнилова могла бы, мне кажется, быть успешной только в одном случае, а именно, если бы руководители ВЦИК'а Советов и партий эсеров и меньшевиков решились сделать в России что-то аналогичное тому, что более чем годом позже лидеры социал-демократов (такие же, в общем, социалисты и патриоты, как эсеры и меньшевики) Эберт, Шейдеман, Носке и др. сделали в Германии. Именно эти весьма умеренные социал-демократы, объединившись с их немецкими «корниловцами», уничтожили коммунистов и их попутчиков, которые (как в Рос-

сии левые эсеры) оказались временными союзниками коммунистов. Только благодаря этому союзу Германия смогла после поражения 1918 года избежать коммунизма и установить и укрепить Веймарскую республику.

По-видимому, только этот путь — путь единого действия генералов с умеренными социалистами — мог и в России обеспечить победу и российских «корниловцев», и, тем самым, может быть, и победу российской демократии. По многим причинам — политическим, психологическим и другим — по этому пути не могли следовать ни русские социал-демократы меньшевики и эсеры, ни российские корниловцы. Немецким «корниловцам» и немецким умеренным социалистам это было гораздо легче сделать, ибо им пришлось образовывать этот (для масс столь непопулярный, непонятный и малопримлемый) союз годом позже, когда они уже имели перед собой большевистский опыт в России. Именно в свете этого опыта Эберт и Шейдеман опасались брать пример с «мужицкой» России и превращать Германию, как годом раньше была превращена Россия, в плацдарм террора, голода и гражданской войны.

*
**

Из включенных в эту книгу материалов явствует, что из всех советских лидеров Церетели видел большевистскую опасность наиболее отчетливо. Действительно, уже в июне Церетели требовал разоружения большевистски настроенных частей, а после июльских дней он с удовлетворением констатировал усиление власти Временного правительства и упадок влияния Советов. Однако в антибольшевизме Церете-

ли не было нужной настойчивости, и потому он оказался недейственным. Этот антибольшевизм ограничивался речами, причем иногда двусмысленными. Так, например, в своей знаменитой речи на Первом съезде советов он все еще причислял большевиков к «семье революционной демократии»; тактику большевиков он все еще считал только «ошибочной» . . . «Сейчас контрреволюция в прямой борьбе не страшна, — восклицал он под рукоплескания съезда, — но она в нашу крепость революции может ворваться через большевистские ворота» . . . Красиво сказано, но действительный смысл этих слов был тот же: под «контрреволюцией» подразумевался не самый большевизм, а контрреволюция правая, классическая, генеральско-атаманская, которая непременно уничтожит большевизм.

В известной мере июньские дни и антибольшевистское выступление Церетели можно считать переломным моментом революции.

Во-первых, июньские дни являются первой репетицией или первой попыткой большевиков захватить власть.

Во-вторых, эти дни показали, что большая часть гарнизона столицы, и особенно красная гвардия, уже подчинялись не «соглашательскому» Совету, а Центральному комитету партии большевиков.

В-третьих, впервые руководитель Революционной демократии потребовал принятия настоящих мер, а не только бумажных резолюций, в отношении «заблуждающихся товарищей большевиков». Однако, тут выяснилось, что Церетели — этот, казалось, признанный лидер Советов — был по этому кардинальному вопросу в меньшинстве, и что действительным руководителем меньшевистского центра был не Це-

ретели, а Ф. И. Дан. Дан воспротивился, а он, если верить Суханову, становился в те и последующие месяцы наиболее влиятельным человеком не только в своей партии, но и в руководстве ЦИК'а Советов.

Дело, разумеется, было не в одном только применении репрессий к большевикам. В результате июньской манифестации (организованной формально ЦИК'ом оборонческого Совета, но фактически прошедшей под большевистскими лозунгами), должно было, казалось, стать ясным, что страна настоятельно нуждается одновременно (перефразируя знаменитую формулу Столыпина) и в успокоении, и в реформах. Однако, ни Церетели, ни Дан не проявили нужного понимания и настойчивости. Благородный, обаятельный, но немного медлительный Церетели уступал и не поспевал за бурно развивающимися событиями. В большей или меньшей мере так вели себя и другие лидеры «Звездной палаты». Инициатива Дана—Гоца, предпринятая буквально в последний день перед большевистским переворотом, свидетельствует о том, что только в последние дни февральского режима некоторые из деятелей Совета спохватились и пытались что-то сделать... Однако, уже было поздно.

Следует отметить, что инициаторы этой попытки полагали, что немедленное принятие решений о мире, земле и Учредительном собрании заставит большевиков отказаться от их намерения захватить власть. В этот момент они не думали о физическом противодействии большевикам, ни о немедленной мобилизации реальных (если таковые были) сил против большевиков, а исключительно о политических мерах, принятие которых могло бы предположительно привести большевиков в смятение. В разговоре с

Керенским, Дан и Гоц главным образом подчеркивали, что по вопросу о выступлении у самих большевиков имеют место колебания; таковые, конечно, были. Но были ли они достаточно сильны, чтобы отменить само выступление, это другой вопрос.

**
*

Чем же объясняются эти заблуждения одних и других? Ретроспективно на этот вопрос ответить, разумеется, гораздо легче. Современники Ленина — его противники и даже многие его сотрудники — не понимали ни Ленина, ни его «партию нового типа». Когда генералы или кадетские лидеры мечтали о свержении Керенского руками большевиков, которых потом, в свою очередь, нетрудно будет раздавить, они упустили из виду, что Ленин и его преторианцы принимали меры не только и даже не столько для захвата власти, сколько для ее удержания и укрепления. Захватить власть нетрудно, она валяется на улице. Ее легко поднять, как перышко; но как ее удержать? Керенский и его министры, которые никаких осведомителей у большевиков не имели (они бы такие приемы считали аморальными и недостойными демократии), не отдавали себе отчета ни в положении в своих собственных рядах, ни в том, что творилось в Петроградском гарнизоне, Балтийском и Кронштадтском флоте. Если активные силы большевиков, группировавшиеся в Красной гвардии, военной организации («Военке») активистов-рабочих, членов партии и кронштадтских матросов, были относительно невелики, то резервы их были значительны. Подавляющее большинство из двухсот тысяч гарнизона, от которого, в конце концов, все зависело,

было «нейтральным». Кроме того, были латышские стрелки, сорокатысячная армия, на которую большевики, по всей видимости, могли опереться; с другой стороны, командование фронтов, дивизий и частей было не только «корниловским»; многие предпочитали выждать, ибо все было так зыбко и неопределенно.

Характерный факт, который, увы, не является единственным в своем роде. В дни Гатчины, когда решалась судьба России, все военные руководители (а это были казачьи офицеры во главе с антибольшевиком Красновым) высказались за перемирие с большевиками; против такого перемирия были только социалисты (ну, хоть в какой-то мере) Керенский и Савинков . . .

**

Существует, мне кажется, и другая причина (историками мало исследованная), которая, усилив шансы большевиков, дезориентировала в то же время их противников, особенно в среде Революционной демократии. В последние предоктябрьские недели большевистская партия была в действительности не такой, какой ее воспринимал внешний мир. В Советах, предпарламенте, в городских думах, словом, публично от имени партии выступали «приличные» или «умеренные» большевики, вроде Каменева, Луначарского, Рязанова, Рыкова. В Центральном комитете действительно были либо открытые противники восстания, как Каменев и Зиновьев; либо скрытые «саботажники», как Рыков, Милютин, Ногин; либо выжидающие, как Сталин. Однако, в эти дни большевистской партией руководил не ее Центральный

комитет. Инспириатором был остававшийся в подполье Ленин, а исполнителями была группа большевистских активистов, которые, вместе с Троцким и его сторонниками из бывших «межрайонцев» или «объединенцев», заняли ключевые позиции в Советах, ревкомах, фабзавкомах, а главное в ударных военных организациях, в гарнизоне и Кронштадте; большевики, как Подвойский, Невский, Крыленко, Раскольников, Скрыпник, Бокий и другие руководители Петроградского комитета (ПК); бывшие «межрайонцы» Антонов-Овсеенко, Володарский, Чудновский. Ленин в 1917 году отошел от многих старых большевиков, которые, по привычке употребляя марксистские формулы, сомневались в целесообразности и возможности захвата власти и построения социализма в отсталой России. Став фактически заговорщиком-бланкистом и бакуинцем, Ленин нашел своих сторонников среди дюжих молодцов, у которых «революционное действие» заслоняло теоретические рассуждения. В эти дни Ленин игнорировал ЦК, а обращался через его голову к «отдельным товарищам», пользовался «обходными путями», вырабатывал самочинно планы восстания, встречался и советовался с руководителями военной организации, с главой Балтфлота в Финляндии Смильгой. ЦК как бы перестал существовать. Вольно или невольно, Каменев, Рязанов, Луначарский, а отчасти даже Троцкий служили как бы прикрытием, убаюкивая многих деятелей Революционной демократии... Достаточно сказать, что в списках министров, которые руководители умеренного ЦИК'а Советов тогда составляли (главой такого правительства должен был стать Чернов), фигурировали также и эти «приличные» большевики. Вдобавок большевики, в особен-

ности Троцкий, отрицали самый факт подготовки восстания, постоянно утверждая, что их целью является не захват власти большевистской партией, а только быстрый созыв Учредительного собрания, заключение мира и передача помещичьей земли земельным комитетам. Само выступление «мотивировалось» такими заведомо вымышленными предложениями, как необходимость защищать Петроград, который Керенский и его «корниловцы» якобы хотят сдать немцам.

О сумбуре и непонимании, имевшем место в среде и противников большевиков, и самих большевиков, свидетельствует, например, среди многих и тот факт, что почти сразу после открытия Второго съезда советов, на котором большевики и левые эсеры имели подавляющее большинство, единогласно была принята резолюция Мартова, требовавшая начать переговоры со всеми социалистическими партиями об образовании однородного социалистического правительства, то есть переговоры с партиями Революционной демократии, представители которых сидели в осаждавшемся тогда Зимнем дворце. Резолюция Мартова явно шла вразрез с целями Ленина и Троцкого, но Луначарский ее поддерживал, а простодушные большевики за нее голосовали... Правда, Ленин мог в те часы быть заинтересованным в выигрыше времени, в том, чтобы усыпить внимание своих противников и в среде большевиков, и меньшевиков.

О непонимании тогдашнего положения в стане противников Ленина свидетельствуют также и «обращения» Плеханова. Маститый теоретик толкует о «большинстве» и «меньшинстве» пролетариата, о том, является ли учреждаемая Лениным «диктатура про-

летариата» и «советская власть» актом, соответствующим или не соответствующим учениям Маркса и Энгельса . . . Никто или почти никто тогда не понимал, что дело тут вовсе не в «марксизме», в «пролетариате», в его «меньшинстве» или «большинстве», а в установлении нового, до сих пор невиданного строя, выражающегося в единодержавии вождя и его аппарата . . . Люди тогда не понимали, что в те дни закладывался фундамент новой эры, которая перевернет мир и придаст новый смысл всем привычным понятиям и образам.

**
*

О самом Октябрьском перевороте существует, разумеется, много версий. Согласно Суханову и Троцкому, переворот фактически уже совершился 21 октября, когда гарнизон столицы признал единственной властью Совет и его Военно-революционный комитет (ВРК). Суханов говорит, что формально в таком поведении гарнизона не было ничего необычного, ибо и раньше — в апрельские, июньские, июльские дни, а также во время корниловского восстания — гарнизон признавал только распоряжения Совета и в очень малой степени считался с приказами Временного правительства. Формально это так. Однако в действительности разница, разумеется, была огромная. Раньше Советы могли иметь и имели конфликты с Временным правительством, но только конфликты. В основном Советы, руководимые меньшевиками и эсерами, не только признавали правительство, но с ним также активно сотрудничали. В предоктябрьские недели и дни Советы — особенно петроградский, кронштадтский и московский — были

большевицскими. Отказ гарнизона выполнять приказы Временного правительства без санкций б о л ь ш е в и с т с к и х Советов, фактически означал акт неповиновения. В наличных условиях это означало, что в борьбе против большевиков правительство не может рассчитывать на поддержку гарнизона.

Дело в том, — и в этом, может быть, состоял весь трагизм положения, — что ни Керенский, ни его штаб во главе с Полковниковым, по-видимому, не отдавали себе отчета в происходившем. Военные полагали, что создание ВРК и невыполнение приказов Временного правительства было результатом . . . недоразумений, точнее, результатом второстепенного конфликта между ЦИК'ом Советов (где все еще главенствовали проправительственные меньшевики и эсеры) и Петроградским советом, где уже прочно засели большевики и их союзники — левые эсеры. Они не понимали, что это «недоразумение» и этот «второстепенный конфликт» решали судьбу революции и страны.

**
*

Была ли демократия, представляемая Керенским и умеренными социалистическими партиями, в те дни так уж безнадежно обречена? Была ли большевицская победа так неизбежна и «закономерна», как ее представляли официальные, а подчас и западные историки? Хроникеры и свидетели тех дней не склонны давать категорический и положительный ответ на этот вопрос. Суханов, — много видевший и много знавший о том, что делалось в правительстве, в партиях и у большевиков (достаточно сказать, что «историческое» заседание большевицкого ЦК 10

октября, на котором формально было принято решение об организации вооруженного восстания, произошло, без ведома хозяина, на квартире Суханова), — не сомневался в том, что «хороший отряд в 500 человек» был бы совершенно достаточен, чтобы «ликвидировать Смольный со всем его содержанием». Он также был уверен, что правительство могло «сформировать сводный отряд в несколько тысяч человек», состоящий из юнкеров, ударниц, инженерных войск и казаков. Однако, штаб Полковникова не попытался создать сводного отряда. Он растерялся, колебался, советовал выждать . . . Момент был упущен.

Вопреки официальным большевистским утверждениям, крепко укоренившимся во многих исторических трудах, свидетели тех дней не замечали боевого настроения у большевиков. Преобладала нерешительность, пассивность. Такое же настроение было у рабочих, особенно у путиловцев. Гарнизон, помнивший поражение июльских дней, не рвался в бой. Большевики легко могли взять штаб, арестовать министров, в том числе и Керенского, ибо штаб и Керенский даже не охранялись. Однако, они выжидали, по-видимому (думает Суханов), по политическим соображениям, желая прикрыть и санкционировать восстание авторитетом Второго съезда советов, который должен был собраться в эту ночь.

**
*

Итак, одно из величайших событий в человеческой истории явилось, в большой степени, результатом случайностей, неверных оценок и недоразумений. Тем не менее, можно, не рискуя ошибиться, ска-

зять: большевистское завершение революции в первую очередь обязано непреклонному фанатизму Ленина и разнузданной демагогии Троцкого. Были ли это только фанатизм и демагогия? По некоторым сведениям, компетентные врачи определяли у Ленина «сифилис мозга». «Очевидно, — пишет по этому вопросу С. П. Мельгунов, отмечавший этот факт или предположение, — разрушение организма Ленина началось задолго до его смерти». Не объясняются ли и навязчивые идеи Ленина таким же болезненным состоянием? Назойливые рефлексии в больном мозгу давали искривленные оценки и нарушали тот «отличный логический аппарат», который, по отзыву Струве, «был свойственен в прежние годы Ленину». Что касается Троцкого, то у него (как он сам пишет) немецкие врачи склонны были находить симптомы падучей болезни . . .

Октябрьский переворот, как это показывает Троцкий, был проведен «не по указаниям» Ленина. Однако, без его целеустремленности — независимо от того, чем она была вызвана (не все ли равно?) — переворота бы не было.

**
*

Демократический режим в России был свергнут во имя немедленного мира, передачи земли крестьянам и скорейшего созыва свободно избранного Учредительного собрания. Вместо этого Россия была ввергнута в долгую гражданскую войну, а крестьяне были определены в колхозы. Что касается Учредительного собрания, то вместо него народы России получили Верховный Совет, куда все избираются и где все решается с обязательным единодушием.

В свете этой «диалектической» метаморфозы, трудно согласиться с Троцким, который в предисловии ко второму тому своей *Истории Русской революции* самодовольно утверждает, что так же, как и якобинцы, большевики могут вызывать вражду, ненависть, ужас, проклятия, но ни в коем случае не иронию. «Ирония к ним не приставала; ей не за что зацепиться». Нет, Троцкий заблуждался и в отношении якобинцев, и в отношении большевиков. Вражда и ненависть к якобинству и к большевизму законны, хотя с годами и с исчезновением революционного поколения они, разумеется, притупляются. Пристает к ним, большевикам, однако, и ирония. И судьба, постигшая большевиков-революционеров, и судьба идей, программ, надежд и лозунгов, во имя которых революция была совершена, не могут не вызывать не только чувства ненависти и злорадства, но также иронию, то есть чувство, которое, по известному французскому выражению, противника убивает вернее всего.

Д. АНИН

ПРИМЕЧАНИЯ

к статье «Революция и ее историография»

¹ Попытки составить библиографию русской революции делались неоднократно в Советском Союзе и на Западе. Из советских библиографий (неполных и сейчас уже устарелых) упоминания заслуживают следующие работы, появившиеся в двадцатых годах: Э. Генкина, «Обзор литературы по февральской революции», журнал *Пролетарская революция*, Литгиз, 1924, № 2/3; М. Добраницкий, *Систематический указатель литературы по истории революции*, М.—Л., Гиз, 1926, 152 стр.; И. В. Владиславцев, «Литература по истории Октября и гражданской войны», *Пролетарская революция*, 1924, № 10; С. Л. Данишевский, *Опыт библиографии Октябрьской революции*, М.—Л., Гиз, 1926, 275 стр. В 1933 году вышла отмеченная «культом личности» работа М. Ахуна и В. Петрова *1917 год в Петрограде; хроника событий и библиография*. Из послевоенных библиографий приходится отметить очень одностороннюю работу под ред. Е. Н. Городецкого *Великая Октябрьская социалистическая революция; библиографический указатель документальных публикаций*, Москва, 1961. Кроме того, в советских журналах по вопросам истории были напечатаны многие библиографические работы; некоторые из них я упоминаю в настоящих примечаниях.

Из западных и эмигрантских опытов библиографии русской революции особого внимания заслуживает изданная в 1938 году в Праге *Библиография русской революции и гражданской войны (1917—1921 гг.)*, 445 стр., составленная эсером С. П. Постниковым, под редакцией Яна Славика, директора Русского загранич-

ного архива в Праге. Другими библиографическими работами, вышедшими преимущественно в тридцатых годах, являются: Michael Karpovich, "The Russian Revolution of 1917", *The Journal of Modern History*, vol. II, No. 2, June 1930 (Harvard University); Klaus Mehnert, *The Soviet Union 1917—1932*, Königsberg u. Berlin, 1933, X+186 S.; *Bibliothèque et Musée de la Guerre*, — *Catalogue Méthodique du Fonds Russe de la Bibliothèque*; Rédigé par Alexandre Dumesnil, Paris, 1932, XIV+734.

«Избранные библиографии» имеются, в виде отдельных приложений в книгах о революции и в специальных статьях. Из последних я пользовался, кроме вышеупомянутых, следующими работами западных авторов: Robert D. Warth, "On the Historiographie of the Russian Revolution", *Slavic Review*, vol. XXXVI, No. 2, June 1964, pp. 247—264; Paul N. Avrich, "The Short Course and Soviet Historiography", *Polit. Science Quarterly*, vol. LXXV, pp. 539—558; M. Dewhirst, "L'historiographie Soviétique Recente et l'Histoire de la Revolution", *Cahiers du Monde Russe et Soviétique*, No. 4, Octobre—Decembre 1964, pp. 549—566; Robert H. Mc. Neal, "Soviet Historiography of the October Revolution": *A Review of Forty Years*, *American Slavic and East European Review*, XVII, No. 3, October 1958.

² Г. Н. Голиков, *Вопросы истории*, № 11, 1962, стр. 47—49.

³ И. И. Минц, академик, *Вопросы истории*, № 11, 1963, стр. 86.

⁴ «Литература по истории к 50-летию Великого Октября» (по издательствам), *Вопросы истории*, № 4, 1967, стр. 172. Культ Ленина начал особенно сильно развиваться после его смерти. Вышеупомянутая статья М. Карповича указывает, что только за 1925 год «Лениниана» насчитывала 6296 названий.

⁵ И. М. Пушкарева, *Вопросы истории*, № 2, 1967, стр. 4.

⁶ М. Карпович, *цит. статья*, стр. 259.

- ⁷ П. Н. Миллюков, *История второй русской революции*, том. I, вып. 1, София, 1921, стр. 34.
- ⁸ *Под знаменем марксизма*, 1922, № 4, стр. 129; *Пролетарская революция*, 1924, № 3, стр. 28; М. Н. Покровский, *Очерки русского революционного движения, XIX—XX вв.*, Москва, 1924, стр. 32; *Вестник коммунистической академии*, 1924, кн. 8, стр. 392; Н. К. Крупская, *Вопросы истории КПСС*, 1960, № 2, стр. 184.
- ⁹ Н. А. Рожков, *Русская история в сравнительно-историческом освещении*, т. I, М., 1928 (предисловие).
- ¹⁰ Ник. Суханов, *Записки о революции* (7 книг), Берлин, 1922—23.
- ¹¹ *История и историки*, сборник статей, Москва, 1965. См. статьи: академик М. В. Нечкина, «История истории», стр. 6—27; Городецкий, «Первые труды В. И. Ленина по истории Октябрьской революции», стр. 47—65.
- ¹² *Революция 1917 года; хроника событий*, Истпарт, М.—Л., Гиз, 1923—30 гг. (7 томов), под ред. Н. Авдеева (т. 1—2), В. Владимировой (т. 3—4), К. Рябинского (т. 5), И. Н. Любимова (т. 6—7).
- ¹³ Заславский Д. О. и Канторович В. А., *Хроника февральской революции*, том I, 1917, февраль-май, Петроград, 1924.
- ¹⁴ *Октябрьская революция; мемуары*, Керенский, Миллюков, Деникин и др. Составил С. А. Алексеев, М.—Л., Гиз, 1926.
- ¹⁵ В. П. Семенников, *Монархия перед крушением*, 1914—1917, *политика Романовых накануне революции*, 1926—1927; *Падение царского режима*, под ред. П. Е. Щеголева (7 томов), Л.—М., 1924—1927; Александр Блок, «Последние дни старого режима», *Архив русской революции*, Берлин, 1922, № 4, стр. 5—54.
- ¹⁶ А. Г. Шляпников, *Семнадцатый год*, 4 тома, Л.—М., 1923—31; В. И. Невский, *История РКП(б)*; краткий очерк, М. Л., 1926, 426 стр.; А. С. Бубнов, *ВКП(б)*, М.—Л., 1931, 800 стр.; В. Антонов-Овсеенко, *В семнад-*

- цатом году, 340 стр.; П. Е. Дыбенко, *Мятежники*, 1923, 111 стр.; Ф. Ф. Раскольников, *Кронштадт и Питер в 1917 году*, 1925, 219 стр.
- ¹⁷ Л. Д. Троцкий, 1917; *Уроки Октября*; Л. Каменев и И. Сталин, *Ленинизм или троцкизм? Ответ Троцкому* (год и место издания не указаны).
- ¹⁸ *Очерки по истории Октябрьской революции*, под общей ред. М. Н. Покровского, том 1—2, М.—Л., 1927 (очерки доходят только до июльских дней). Покровский также издал совместно с А. Я. Яковлевым *Материалы и документы*, относящиеся к Советам и Государственному совещанию.
- ¹⁹ *История ВКП(б)*, под общей ред. Емельяна Ярославского, том IV; составили Д. Кин, Минц, С. Пионтковский, Ем. Ярославский, М.—Л., 1929, 452 стр.
- ²⁰ И. В. Сталин, «О некоторых вопросах истории большевизма», *Сочинения*, том 13, стр. 84—102, Москва, 1946—51.
- ²¹ *История гражданской войны в СССР*, том 1, Москва, 1935.
- ²² *История Всесоюзной коммунистической партии (большевик)*; краткий курс, Москва, 1938.
- ²³ *Большевик*, 1938, №№ 17—18, стр. 2; *Историк-марксист*, 1938, № 85, стр. 7.
- ²⁴ *История гражданской войны в СССР*, том 2, Москва, 1942.
- ²⁵ И. М. Пушкарева, *Вопросы истории*, 1967, № 2, стр. 15—16.
- ²⁶ «Пятьдесят лет коммунистической партии Советского Союза» (1903—1953), *Правда и Известия*, 26 июля 1953; Н. С. Хрущев, *Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза*, 14 февраля 1956 г., Москва, 1957; «Речь товарища Мико-

- яна», *Правда*, 18 февраля 1956; «Речь А. М. Панкратовой», *Правда*, 22 февраля 1956.
- ²⁷ Особенно четко и резко эти обвинения сформулированы в статьях, появившихся в таких сугубо авторитетных органах, как *Вопросы истории КПСС*, 1965, № 2, стр. 131—135 и *Вопросы истории*, 1962, № 11, стр. 41—47.
- ²⁸ *Коммунист*, 1964, № 8, стр. 121.
- ²⁹ *Вопросы истории*, 1956, № 4, стр. 38—56; там же, 1956, № 8, стр. 109—114.
- ³⁰ *Вопросы истории КПСС*, 1958, №№ 2—3.
- ³¹ В. Н. Залежский, *Пролетарская революция*, № 1(13), 1923, стр. 140.
- ³² *Contemporary History in the Soviet Mirror*, Ed. by John Keep and Liliana Brisby, London, 1964; см. в особенности статьи Бертрама Д. Вольфа, Леонарда Шапиро, С. В. Утехина и Г. М. Каткова.
- ³³ Э. Н. Бурджалов, *Вторая русская революция; восстание в Петрограде*, Москва, 1967.
- ³⁴ Академик И. И. Минц, *История великого Октября; том 1—2; свержение самодержавия, свержение Временного правительства, установление диктатуры пролетариата*, Москва, 1967—68.
- ³⁵ *История Коммунистической партии Советского Союза* (изд. II, дополненное), Москва, 1962.
- ³⁶ *Великая Октябрьская социалистическая революция; хроника событий*, т. 4, 12 сент.—25 окт. 1917 г., изд. Академии наук СССР, Москва, 1961.
- ³⁷ *The Russian Provisional Government 1917*. Documents selected and edited by Robert Paul Browder and Alexander F. Kerensky, Volume I, Stanford University Press, Stanford, California, 1961; Statement by Alexander F. Kerensky.
- ³⁸ Е. Ярославский, *Великий вождь рабочей революции, Владимир Ильич Ульянов-Ленин*, Л.—М., 1918.

- ³⁹ См., напр., статью А. Я. Гуревича «Общий закон и конкретная закономерность в истории», *Вопросы истории*, 1965, № 8, стр. 14—30.
- ⁴⁰ О концепциях Ленина по этим вопросам см.: «Две тактики социал-демократии в демократической революции»; «Империализм, как высшая стадия капитализма»; «Письма издалека»; «О задачах пролетариата в данной революции» (более известны как «Апрельские тезисы») и, разумеется, все его статьи и брошюры, написанные им после приезда в Россию в апреле 1917 года.
- ⁴¹ С. П. Мельгунов, *Мартовские дни 1917 года*, Париж, 1961, стр. 17.
- ⁴² *Пролетарская революция*, № 1(13), 1923, стр. 156—170.
- ⁴³ Ник. Суханов, *Записки о революции*, кн. 1, стр. 19.
- ⁴⁴ Мельгунов, *цит. соч.*, стр. 18.
- ⁴⁵ *Там же*, стр. 20.
- ⁴⁶ *Там же*, стр. 18.
- ⁴⁷ *Там же*, стр. 20.
- ⁴⁸ А. Блок, *цит. соч.*, стр. 4.
- ⁴⁹ Н. Авдеев, «Первые дни Февральской революции», *Пролетарская революция*, 1923, № 1 (13), стр. 17.
- ⁵⁰ А. Блок, *цит. соч.*, стр. 22—23.
- ⁵¹ *Там же*, стр. 14—15.
- ⁵² См. «Протоколы исполкома Совета», *Пролетарская революция*, № 1(13), 1923, а также *Хронику событий* Авдеева.
- ⁵³ Шляпников, *цит. соч.*, том 1, стр. 148—154.
- ⁵⁴ Е. Д. Черменский, «Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 года», *Вопросы истории*, 1957, № 2, стр. 10.
- ⁵⁵ *Там же*, стр. 15.
- ⁵⁶ М. Е. Найденов, «Великая октябрьская социалистическая революция», *Вопросы истории*, 1957, № 10, стр. 162—166.

- ⁵⁷ Шляпников, *цит. соч.* (примеч.16); Г. Е. Зиновьев, *Сочинения*, т. 7, февраль 1917—февраль 1918 г., 1925; Троцкий, см. *Уроки Октября и Историческое подготовка Октября*, Гиз, 1925; Н. Бухарин, *От крушения царизма до падения буржуазии*, Харьков, 1923.
- ⁵⁸ Об «ошибках» Покровского и других историков см. *цит. статьи* Найденова и Пушкаревой.
- ⁵⁹ Г. Н. Голиков, «К изучению истории великого Октября», *Вопросы истории*, 1962, № 11, стр. 39—40.
- ⁶⁰ Vernadsky, George, *The Russian Revolution 1917—1931*, New York, Henry Holt & Co.; Katkov, George, *Russia 1917; The February Revolution*. Harper & Row, Publishers, New York, 1967.
- ⁶¹ М. Karpovich, см. примеч. 1.
- ⁶² Florinsky Michael, *The End of the Russian Empire*, Yale University Press, 1931, 272 p.
- ⁶³ Бьюкенен, Джордж, *Моя миссия в России; воспоминания дипломата*, Берлин, 1924, т. 1—2; Палеолог, Морис, *Царская Россия накануне революции*, Париж, 1922.
- ⁶⁴ Рид, Джон, *Десять дней, которые потрясли мир*, М.—Л., 1927 (переиздано после смерти Сталина в 1957 г.).
- ⁶⁵ Суханов, *цит. соч.*, кн. 2, стр. 266.
- ⁶⁶ *Переписка Николая и Александры Романовых*, с предисловием М. Н. Покровского, Гиз, 1927.
- ⁶⁷ Документы о связях Ленина с Германией анализированы, помимо других работ, в пятой главе упомянутой книги Каткова (стр. 63—114) и в работе С. П. Мельгунова *Золотой немецкий ключ к большевистской революции*, Париж, 1940; см. также примеч. 73.
- ⁶⁸ Наиболее известными из них являются: *Архив русской революции*, Берлин, изд. И. В. Гессен, 1921—37 гг. (22 книги); *На чужой стороне*, под ред. С. П. Мельгунова, Прага, 1923—25, №№ 1—13; *Былое*, под ред. В. Л. Бурцева (1917—1926); из сборников документов:

Le Coup d'Etat Bolcheviste, 20 octobre-3 decembre 1917, Recueil de documents traités et annotés par Serge Oldenburg, Paris 1929; Bunyan James and Fisher M. M. *The Bolshevik Revolution 1917—1918*, Hoover War Library, Stanford University Press, 1934; Golder, Frank Alfred, *Documents of Russian History 1914—1917*, New York—London, 1927; *The Russian Provisional Government*, 3 vol., Ed. by Browder and Kerensky.

⁶⁹ Carr E. N., *The Bolshevik Revolution 1917—1923*, vol. one, London, 1959; Deutscher Isaac, *The Prophet Armed; Trotsky 1879—1921*, New York and London, 1954; *Stalin, a political Biography*, London, 1949—1967; Schapiro Leonard, *The Communist Party of the Soviet Union*, New York, 1959—1960 (подробнее Л. Шапиро останавливается на событиях 1917 года в своей более ранней книге *Origin of Communist Autocraci*, London, 1917, pp. 17—68).

⁷⁰ Anet Claude, *La Revolution Russe*, 3 vol., Paris 1918—1919; Levine, Isaac Don (Levin), *The Russian Revolution*, London, 1917; Masson Aimée, *Histoire Complète de la Revolution Russe du 10 Mars au 17 Novembre 1917*, Paris, 256 p.; Mavor James, *The Russian Revolution*, Lond., 1928, p. 470; Rollin, Henry, *La Revolution Russe — Ses origines, ses resultats*, vol. I—II, Paris, 1934.

⁷¹ Chamberlin, William Henry, *The Russian Revolution, 1917—1921*, in two volumes, New York, 1965.

⁷² Katkov, см. примеч. 60.

⁷³ Moorhead, Alan, *History of the Russian Revolution* London, 1958; A. B. Zeman, *Germany and the Revolution in Russia; 1915—1918*, Documents from the archives of the German Foreign Ministry, London, 1948.

⁷⁴ Carmichael, Joel, *A short History of the Russian Revolution*, New York, 1964.

⁷⁵ Daniels, Robert V., *Red October; The Bolshевич Revolution of 1917*, New York, 1967.

⁷⁶ Ferro, Marc, *La Revolution de 1917*, Paris, 1967.

⁷⁷ Мельгунов С. П.: *Мартовские дни 1917 года*, Париж, 1961; *Как большевики захватили власть*, Париж, 1939; *Золотой немецкий ключ к большевистской революции*, Париж, 1940; *Легенда о сепаратном мире*, Париж, 1957; *На путях к дворцовому перевороту*, Париж, 1931; *Судьба императора Николая II после отречения*, Париж, 1951.

⁷⁸ См. Милюков, *Россия на переломе* (предисловие, стр. VII—IX) и Виктор Чернов, «Историк или истерик», *Воля России*, III, Прага, 1925.

⁷⁹ Anweiler Osc., *Die Räte-Bewegung in Russland, 1905—1921*, Leiden, Brill, 1958; *Revolutionary Russia*, ed. by Richard Pipes, Harvard University Press, 1968. Для нашей темы интерес представляют статьи: George F. Kennan, *The Breakdown of the Tzarist Autocracy*; George Katkov, *German Political Intervention in Russia during World War I*; Leonard Schapiro, *The Political Thought of the First Provisional Government*; Oscar Anweiler, *The Political Ideology of the Petrograd Soviet in the Spring of 1917*; Comments by Bertram Wolfe on the articles by Leonard Schapiro and Oscar Anweiler.

⁸⁰ Милюков, *Россия на переломе*, том 1, Париж, 1927, стр. 45.

⁸¹ Милюков, *История*, том I (предисловие).

⁸² Л. Троцкий, *История русской революции*, том I (предисловие).

⁸³ См. примеч. 68.

⁸⁴ *Современные записки*, под ред. эсеров Н. Д. Авксентьева, И. И. Бунакова, М. В. Вишняка, В. Руднева; см. *Указатель статей за 1920—25 гг.*, книга 26 и *Указатель за 1926—32 гг.*, книга 50, Париж; «партийные» эсеры — сторонники В. Чернова — издавали в Праге *Волю России* (1922—1926 гг.); меньшевики выпускали в течение 45 лет *Социалистический вестник*, а монархисты — *Русскую летопись* (7 томов, 1921—25 гг.).

⁸⁵ Более полный текст этих «записок» см. у Троцкого,

История, том I, стр. 50 и у Ф. Дана, *Происхождение большевизма*, Нью-Йорк, 1946, стр. 444—445.

- ⁸⁶ Предвидения Дурново можно сравнить с предсказаниями Иосифа Пилсудского, бывшего тогда руководителем польской социалистической партии ППС, а потом основателем, маршалом и почти диктатором Польши между двумя войнами. В своих воспоминаниях В. М. Чернов рассказывает, что в январе 1914 года, то есть за полгода до начала мировой войны, Пилсудский точно предсказал не только возникновение самой войны, но также расстановку сил в будущей войне, ее этапы и ее конечный исход. См. В. М. Чернов, *Перед бурей; воспоминания*, Нью-Йорк, 1953, стр. 196—197.
- ⁸⁷ А. И. Деникин, *Очерки русской смуты*, 5 томов, Париж, 1925—26.
- ⁸⁸ Спиридович А. И., *Великая война и Февральская революция*, 1917—1919 гг., 3 тома, Нью-Йорк, 1960—62.
- ⁸⁹ Лукомский А. С., *Воспоминания*, Берлин, 1922; *Из дневника ген. М. В. Алексева*, подготовил к печати Ян Славик, Прага, 1929.
- ⁹⁰ Танеева А. (Вырубова), *Страницы моей жизни*, 1923; Воейков В. Н., *С царем и без царя*, Гельсингфорс, 1936; Шавельский Георгий, *Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота*, Нью-Йорк, 1954.
- ⁹¹ Миллюков, *История . . .*, т. I, вып. I, стр. 36—37.
- ⁹² Набоков В., «Временное правительство», *Архив русской революции*, т. I, стр. 74.
- ⁹³ Родзянко М. В., *Государственная дума и Февральская 1917 года революция*, Ростов-на-Дону, 1919, стр. 20.
- ⁹⁴ Маклаков В. А., *Русские ведомости*, № 221, цит. у Каткова, стр. 445.
- ⁹⁵ Достаточно напомнить, что «Особое совещание», выработавшее избирательный закон для выборов Учредительного собрания, фактически начало функциони-

ровать только три месяца спустя после возникновения революции. Набоков утверждает, что в качестве управляющего делами Временного правительства он неоднократно напоминал о необходимости ускорить работу «Совещания»; однако, всегда как-то появлялись более спешные и неотложные дела. Со своей стороны, Церетели считал затяжку с созывом Учредительного собрания одной из главных или главной причиной агонии февральского режима.

- ⁹⁶ Милюков, *История . . .*, гл. 4, стр. 9.
- ⁹⁷ Милюков, *Россия на переломе*, стр. 38—43.
- ⁹⁸ Милюков, *Воспоминания*, т. II, стр. 337.
- ⁹⁹ Маклаков, *Воспоминания*, Нью-Йорк, 1954, стр. 320—321.
- ¹⁰⁰ Набоков, см. примеч. 92.
- ¹⁰¹ Родзянко М. В., *Крушение империи*, Л., 1927; см. также примеч. 93.
- ¹⁰² Шульгин В. В., *Дни*, Белград, 1925.
- ¹⁰³ Шульгин В. В., «Годы», *История СССР*, 1966—1967.
- ¹⁰⁴ Nolde, Boris, *L'Ancien Regime et la Revolution Russe*, Paris, 1928; Tyrkova-Williams, Ariadna, *From Liberty to Brest-Litovsk; The First Years of the Russian Revolution*, London, 1919.
- ¹⁰⁵ *Общественное движение в России в начале двадцатого века*, под ред. Ю. Мартова, П. Маслова, А. Потресова и др., СПб, 1909.
- ¹⁰⁶ Г. Аронсон, *Россия накануне революции*, Нью-Йорк, 1962, стр. 24—63. Автор приводит факты и документы, из которых явствует, что Охранное отделение, пытаясь предотвратить объединение большевиков с меньшевиками, насаждало в большевистские комитеты своих агентов, которые выступали в качестве неприимимых большевиков-ленинцев и противников объединения. Например, агентами-провокаторами были лидер большевистской фракции в Четвертой Государ-

ственной думе Роман Малиновский и редактор *Правды* Мирон Черномазов. Большинство членов Петроградского комитета большевиков одно время состояло из провокаторов; в Московском комитете таковыми оказались двое из пяти членов.

- ¹⁰⁷ Суханов, *Записки о революции*, кн. 4, стр. 27.
- ¹⁰⁸ См. статью «Ленин» в сборнике А. Н. Потресов, *Посмертный сборник произведений*, Париж, 1937.
- ¹⁰⁹ Н. В. Рубан, *Октябрьская революция и крах меньшевизма*, Москва, 1968, стр. 252; см. Шапиро, *цит. соч.*, стр. 170—171.
- ¹¹⁰ В 1968 году был опубликован составленный Анной Бургиной в сотрудничестве и под руководством Б. И. Николаевского *Библиографический указатель социал-демократической меньшевистской литературы* (The Hoover Institution of War, Revolution and Peace, Stanford University). В *Библиографии* указано, что в распоряжении между-университетского «проекта» по изучению истории меньшевистского движения (Inter-University project on the History of the Menshevik Movement) имеются mimeографические работы, относящиеся также к 1917 году. Таковыми являются: Б. И. Николаевского — о меньшевиках в дни Октябрьского переворота; Б. Двинова — о Московском совете рабочих депутатов (1917—1922 гг.); Г. Аронсона — о правом течении меньшевизма. В предисловии к *Библиографии* А. Бургиной, проф. Л. Хаимсон, руководитель этого «проекта», указывает, что в результате сотрудничества между американскими историками русской революции и оставшимися в живых меньшевистскими деятелями был создан при Колумбийском университете архив по истории меньшевизма.
- ¹¹¹ Г. В. Плеханов, «Год на родине», *полное собрание статей и речей*, 1917—1918 гг., в двух томах, Париж, 1921.
- ¹¹² Потресов, *Посмертный сборник произведений*, Париж, 1937.

- ¹¹³ Там же, стр. 293—303.
- ¹¹⁴ Ф. Дан, «К истории последних дней Временного правительства», *Летопись революции*, кн. I, Берл., 1923.
- ¹¹⁵ W. S. Woytinsky, *Stormy passages; A Personal History Through Two Russian Revolutions to Democracy and Freedom* (1905—1960), The Vanguard Press, inc. New York, 1969, pp. 43—396.
- ¹¹⁶ И. Г. Церетели, *Воспоминания о Февральской революции*, кн. первая и вторая, Париж, 1963.
- ¹¹⁷ Г. Аронсон, *Россия в эпоху революции*, Нью-Йорк, 1966, стр. 31.
- ¹¹⁸ Церетели, *цит. соч.*, см. главу «Причины поражения демократии», кн. II, стр. 401—417.
- ¹¹⁹ *Дело народа*, 26 апреля 1917, цитировано в *Documents*, Browder and Kerensky, стр. 1208—1209.
- ¹²⁰ Там же, стр. 1768.
- ¹²¹ Набоков, *цит. соч.*, стр. 76.
- ¹²² *Пролетарская революция*, 1928, № 3, стр. 251.
- ¹²³ Ю. Мартов, *Мировой большевизм*, Берлин, 1923; *Мартов и его близкие*, сборник, Нью-Йорк, 1959.
- ¹²⁴ Raphael A. Abramovich, *The Soviet Revolution 1917—1939*, London, 1962.
- ¹²⁵ Суханов, см. примеч. 10.
- ¹²⁶ Миллюков, *Россия на переломе*, т. 1, Париж, 1924, стр. 48—49.
- ¹²⁷ Oliver H. Radkey, *The Agrarian Foes of Bolshevism*, New York and London, 1958, 1962, pp. 76—77.
- ¹²⁸ Там же, стр. 47—87.
- ¹²⁹ Там же, стр. 101.
- ¹³⁰ Там же, стр. 221—222.
- ¹³¹ В. Чернов, *Революционные дни в Петрограде* (фактический отчет по материалам русских газет), Лондон, 1917.
- ¹³² В. Чернов, *Рождение революционной России* (Фев-

ральская революция), Париж—Прага—Нью-Йорк, 1934.

- ¹³³ А. Ф. Керенский оставил книги и статьи, относящиеся к 1917 году, на разных языках; некоторые из них в большой степени повторяют друг друга и почти все они пытаются объяснить и оправдать роль автора в имевших место событиях. Наиболее известными из этих книг и статей, помимо изданных в 1917 г. речей и приказов по армии, являются: (по-русски) Керенский А., *Издаലെка*, сборник статей, 1920—1921, Париж, 1922; Керенский А. Ф., *Дело Корнилова*, 1918; Керенский А. Ф., «Политика Временного Правительства», *Современные записки*, т. 50—52, Париж, 1932. На иностранных языках: Kerensky Alexander F., *The Catastrophe; Kerensky's own story of the Russian Revolution*, New York and London, 1927; Kerensky Alexander, *The Crucifixion of Liberty*, New York, 1963; Kerensky A. F., *The Prelude to Bolshevism, The Kornilov Rebellion*, London; Kerensky Alexandre, *La vérité sur le massacre des Romanov*, Paris, 1938; Kerensky Alexandre, *L'expérience Kerensky*, Paris, 1936. После второй мировой войны Керенский издал свои воспоминания: *The Kerensky Memoirs; Russian's and History's Turning point*, London, 1966, и вместе с профессором Браудером отобрал три тома документов, озаглавленных *The Russian Provisional Government*, 1917, см. примеч. 37.
- ¹³⁴ Станкевич В. Б., *Воспоминания*, 1914—1919 гг., Берлин, 1920.
- ¹³⁵ В. М. Зензинов, «Февральские дни», *Новый журнал*, 1953, № 34-35.
- ¹³⁶ Марк Вишняк, *Дань прошлому*, Нью-Йорк, 1954; М. В. Вишняк, *Два пути: Февраль и Октябрь*, Париж, 1935.
- ¹³⁷ Е. Д. Брешковская, «1917-й год», *Новый журнал*, № 38, стр. 191—206, Нью-Йорк.
- ¹³⁸ Мстиславский С., *Пять дней* (начало и конец Февральской революции), Берлин, 1922.

¹³⁹ Штейнберг И. З., *Нравственный лик революции*, Берлин, 1923; его же, *Als ich Volkskommissar war*, Münch., 1929; его же, *От Февраля до Октября 1917 года*, Берлин, 1918—1919.

¹⁴⁰ Radkey, см. примеч. 127.

¹⁴¹ См. примеч. 17.

¹⁴² Троцкий Л. Д., *Моя жизнь, опыт автобиографии*, том I—II, Берлин, 1930; его же, *История русской революции*, т. I—II, Берлин, 1933; Leon Trotsky, *Stalin: Appraisal of the Man and his Influence*, New York, 1946.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абрамович Р. А. 110, 405—406, 513
- Аванесов В. А. 403, 458
- Авдеев Н. 21, 503, 506
- Авксентьев Н. Д. 67, 92, 114, 117, 119, 233, 353, 390, 417, 460, 464, 477, 487, 509
- Аврич П. 502
- Аджемов М. С. 366
- Адоратский В. В. 23
- Азеф Е. Ф. 115
- Аксельрод (Ортодокс) Л. 22
- Александра Федоровна (императрица) 169—170, 507
- Александрович-Дмитриевский 139, 159, 160, 196
- Алексеев М. В. (ген.) 59, 79, 146, 165—171, 182, 210, 243—244, 473, 510
- Алексеев С. А. 21, 503
- Алексей (престолонаследник) 140, 146—147, 183, 188
- Алексинский Г. А. 101
- Анвейлер Оскар, 61, 509
- Андреев Л. Н. 158
- Аникеев В. В. 34
- Антонов-Овсеенко В. А. 23, 68, 362—363, 396, 401—402, 448, 452, 494, 503
- Анэ Клод 508
- Аргунов А. А. 118
- Аронсон Г. Я. 511—513
- Ахун М. 501
- Бакуты 467
- Балк (ген.) 152
- Балуев П. С. (ген.) 342, 424
- Барановский В. Л. (ген.) 423, 425
- Батурский Г. 140
- Беляев (ген.) 164, 174
- Березин М. Е. 159
- Берзин 440
- Беркенгейм 376
- Бернштейн Эдуард 413
- Бетман-Гольвег Т. 240
- Бинасик 194
- Благоиравов Г. И. 448
- Блок А. А. 22, 503, 506
- Богданов Б. О. 102, 138, 140, 191, 256, 304
- Бокий Г. И. 494
- Бонч-Бруевич В. Д. 32
- Брамсон Л. М. 140, 193, 257

- Браудер Роберт Поль 505,
508, 513—514
- Брешко-Брешковская Е. Д.
67, 92, 114, 117, 118, 127,
228, 514
- Брисби Лилиана 505
- Брусиллов А. А. (ген.) 59,
278
- Бубликов А. А. 338
- Бубнов А. С. 23—24, 35,
362, 445, 447, 449, 450, 503
- Бугаев Е. И. 35
- Булкин А. А. 307
- Бунаков-Фондаминский
И. И. 92, 114, 116, 118, 192,
467, 509
- Буниан, Джеймс 508
- Бургина А. 512
- Бурджалов Э. Н. 29, 32—38
- Бурцев В. Л. 507
- Бухарин Н. И. 39, 53, 445,
464, 507
- Быстрянский В. 23
- Бьюкенен Джордж 57, 507
- Вернадский Г. В. 56—57,
507
- Верховский А. И. (ген.) 361,
365—371, 377, 382—383,
478—479, 483
- Винавер М. М. 367—368
- Витте С. Ю. 76
- Вишняк М. В. 126, 456—470,
509, 514
- Владимирова В. 503
- Владиславцев И. В. 501
- Воейков В. Н. (ген.) 79, 169,
170
- Войтинский В. С. 107, 266,
513
- Володарский М. 494
- Вырубова А. 76, 79
- Вяземский 180—181
- Гаазе 413
- Гвоздев К. А. 102, 138, 192,
383
- Гендельман М. Я. 405, 460
- Генкина Э. Б. 27, 54, 501
- Гершуни Г. А. 114
- Гессен И. В. 507
- Годнев И. В. 145, 267
- Голиков Г. Н. 11, 502, 507
- Голицын Н. 166—169, 473
- Головин Я. М. (ген.) 79,
368
- Гольдер Франк 508
- Гольдман 465
- Городецкий Е. Н. 21, 501,
503
- Горький Максим 28, 38, 159
- Гоц А. Р. 68, 92, 111, 114,
116—119, 192, 224—225,
227, 259, 297, 304, 460,
467—468, 487, 491—492
- Греков (ген.) 288—289
- Гриневич В. 138, 154, 159
- Громан В. Г. 68, 314

- Гуревич А. Я. 506
 Гурко В. И. (ген.) 79
 Гучков А. И. 62, 80, 83,
 85—86, 140, 145, 147, 180
 —184, 186—188, 200, 207
 —211, 233, 260, 268, 275 —
 276, 476
 Дан Ф. И. 92—93, 95, 98,
 102—103, 107, 109, 111,
 116, 123, 192, 253, 259,
 265, 297, 304, 306—308,
 322—323, 363, 371, 395,
 442, 487, 491—492, 510,
 513
 Данилов Ю. Н. (ген.) 187
 Данишевский С. Л. 501
 Даниэльс Роберт 60, 508
 Двинов Б. 512
 Дейчер И. 58, 508
 Деникин А. И. (ген.) 22, 79,
 122, 282, 329, 343—345,
 349—360, 486, 503, 510
 Дзевалтовский И. Л. (кап.)
 279—280, 286
 Дзержинский Ф. Э. 445,
 447, 449—450
 Дмитрий Павлович (вели-
 кий князь) 345
 Добраницкий М. 501
 Дурново П. Н. 77—78, 509
 —510
 Духонин Н. Н. (ген.) 68,
 281, 425
 Душечкин 376
 Дыбенко П. Е. 23, 68, 423,
 432, 434, 457, 464, 469, 504
 Дьюирст Мартин 502
 Дюмениль, Александр 502
 Емельянова Л. 417
 Ерманский О. А. 22, 159
 Ермолаев К. М. 304
 Ефремов И. Н. 465
 Железняков Анатолий 469
 Жуков И. 380
 Завадья В. 194
 Залежский В. Н. 35, 505
 Залуцкий П. А. 33, 139, 193
 Заславский Д. О. 503
 Земан А. Б. 60
 Зензинов В. М. 47, 114, 117
 —119, 126, 140, 149 —163,
 192, 465, 474, 514
 Зиновьев Г. Е. 25, 39, 53,
 129, 234, 293, 362, 364, 381,
 443—445, 493, 507
 Знаменский С. Ф. 159, 193
 Иванов Н. И. (ген.) 165, 168,
 172—173
 Ильин-Женевский А. Ф. 23
 Илькевич (ген.) 280, 285,
 287
 Иорданский Н. К. 109
 Иоффе, А. А. 443, 445, 449

- Калинин М. И. 35
- Каменев Л. Б. 25, 30, 34, 39, 53, 129, 193, 257, 293, 298, 307—308, 318, 362, 364, 377, 381, 404, 440, 443—445, 493—494, 504
- Камков Б. Д. 68, 458
- Канторович В. А. 503
- Капелинский 138—139
- Кармайкл Лжозль 60
- Карпович М. М. 15, 56, 502, 507
- Капр Э. Н. 58, 508
- Карташев А. В. 420
- Катков Г. М. 56, 59—60, 505, 507—509
- Каутский Карл 21, 413
- Каюров В. 46, 448
- Кеннан Лжорлж 509
- Керенский А. Ф. 22, 40, 47—48, 52, 62, 67, 85—87, 90, 92, 95, 97, 98, 107, 109, 111, 120, 122—126, 138, 144—145, 149—151, 156, 158—163, 176—179, 181, 200—203, 207, 211, 212, 214, 215, 234, 235, 264, 265, 267, 271, 273—276, 278—280, 282—284, 287, 324, 325, 348, 354, 357—364, 371—372, 377—379, 383—388, 390—394, 398—400, 409—410, 415—435, 441, 442, 460, 464, 474, 476, 479, 482—488, 492, 493, 495, 497, 498, 503, 508, 514
- Кин Д. 504
- Кип Джон 505
- Кириенко (военн. комиссар) 280, 282
- Кишкин Н. М. 398, 422
- Коварский И. Н. 460
- Козловский М. Н. 140, 193, 457
- Коковцов В. Н. 76, 79
- Кокошкин Ф. Ф. 67, 68, 268, 332, 350, 366, 486
- Коллонтай А. М. 34, 457
- Колокольников П. Н. 102
- Коновалов А. И. 80, 145, 211—212, 398—399, 422
- Корнилов Л. Г. (ген.) 79, 86, 87, 125—126, 132, 144, 235, 261, 325, 335, 339—340, 342—344, 345—346, 348—349, 351—354, 358—361, 405, 415, 426, 477, 479, 482, 483, 485—488, 514
- Красиков-Павлович П. А. 139
- Краснов П. Н. (ген.) 364, 424—426, 429—433
- Кривошеин А. В. 76
- Крупская Н. К. 19, 503
- Крыленко Н. В. 68, 278, 423, 458, 494
- Крылов (пристав) 155
- Крымов А. М. (ген.) 346—348, 485

- Кузьмин (кап.) 430—431
 Кускова Е. Д. 367
 Кучин Г. Д. 405
- Лазарев Е. Е. 118, 457
 Ларин Ю. 22, 105
 Лашевич М. М. 363
 Левин Исаак Дон 508
 Лелевич Г. 23
 Ленин В. И. 13, 18—21, 25,
 30—32, 34—35, 40—41, 43
 —47, 51—52, 57, 59, 65—
 66, 70—71, 77, 84, 86, 96,
 101, 103—105, 109—110,
 113, 124—125, 127, 130—
 133, 198, 233—234, 236—
 248, 260—262, 292—293,
 298, 300—301, 305, 311—
 313, 338, 361—362, 380,
 385—386, 401, 404—405,
 417, 436—446, 450, 452,
 454—455, 457, 466, 468,
 478, 481—482, 485, 492,
 494—495, 497, 499, 502—
 503, 506, 512
 Либер М. И. 68, 102, 106,
 111, 140, 192, 304
 Либкнехт Карл 413
 Линде Ф. Ф. 262—263
 Ломов А. 364, 445
 Лордкипанидзе С. М. 457
 Лукомский А. С. (ген.) 22,
 79, 164—175, 473—474,
 510
- Луначарский А. В. 298—
 299, 310—313, 318, 404,
 458, 493—495
 Любимов И. Н. 503
 Людендорф (ген.) 125
 Львов В. Н. 145, 267, 485
 Львов Г. Е. 85—86, 144, 146,
 166—167, 200, 203—207,
 233—234, 239, 251, 253,
 266—267, 274—276, 294,
 327, 333, 475—477
 Львович-Давидович 465
- Маклаков В. А. 83, 88—90,
 201, 212, 220, 510, 511
 Малиновский Роман 512
 Малянтович П. Н. 398
 Мануйлов А. А. 144
 Маркс Карл 241, 244—248,
 496
 Мартов Ю. О. 92, 95, 103—
 106, 110, 116, 120—121,
 123, 318, 385, 404—407,
 495, 511, 513
 Мартынов А. С. 22
 Маслов П. П. 501
 Маслов С. П. 95
 Массон Эме 508
 Матвеевская О. А. 457
 Мейнерт Клаус 502
 Мельгунов С. П. 60—61,
 370, 499, 506—507, 509
 Мехоношин К. А. 448
 Мещеряков Н. Л. 466—467

- Мейвор Джеймс 508
Микоян А. И. 30, 504
Милюков П. Н. 15, 22, 48,
61, 63, 70—73, 78, 81—82,
85—88, 90, 94, 98, 111, 122,
142—144, 146—147, 181,
201—202, 206—207, 209,
212, 233, 250—252, 254—
257, 260, 263—277, 366,
368, 475—478, 503, 509—
511, 513
Милютин В. П. 364, 445,
493
Минор О. С. 467
Миц И. И. 12, 27, 35, 38,
502, 504, 505
Михаил Александрович
(вел. кн.) 140, 146—148,
166—167, 188
Молотов В. М. 33, 38, 140
Мстиславский С. Д. 127,
514
Муранов М. К. 34
Мурхед Аллен 60, 508
Мякотин В. А. 193

Набоков В. Д. 67, 82, 90,
124, 200—214, 366, 475—
476, 478—479, 482, 484,
510—511
Найденов М. Е. 506, 507
Натансон М. А. 115, 119
Невский В. И. 23—24, 26,
68, 293, 295, 362, 494, 503
Некрасов Н. В. 85, 145, 264
—265, 267, 353
Нератов А. А. 212
Нечкина М. В. 21, 503
Никитин А. М. 379, 477
Николаевский Б. И. 22, 512
Николай Второй (импера-
тор) 47, 49, 57, 61, 75—76,
78, 140, 146—147, 164—
171, 173, 175, 180—188,
344, 473, 486, 507, 509
Ногин В. П. 35, 298, 445,
493
Нольде Б. Э. 90, 212, 478,
511
Носке 488

Оарт Роберт 502
Ольденбург Серж 371, 508
Ольминский М. С. 19

Павел Первый (император)
433
Пайпс Ричард 509
Палеолог Морис 57, 507
Панков Г. Г. 138
Панкратова А. М. 27, 30—
31, 505
Петров В. 501
Пешехонов А. В. 140, 149,
193
Пилсудский Иосиф 510
Пионтковский С. 504
Плеханов Г. В. 67, 73, 92,

- 98, 101—102, 106, 107—
110, 116, 198, 236—248,
410—414, 495, 512
- Подвойский Н. И. 293, 295,
362—363, 408, 448, 452,
494
- Победоносцев К. П. 76
- Покровский М. Н. 16, 17, 19,
27—28, 47, 54—55, 503—
504, 507
- Поливанов А. А. (ген.) 76
- Полковников Г. П. (полк.)
416—417, 484, 497—498
- Половцев П. А. (ген.) 421
- Пономарев Б. Н. 38
- Попов (полк.) 430
- Поспелов П. Н. 35
- Постников С. П. 501
- Потресов А. Н. 92, 95, 102—
104, 106—107, 511—512
- Прокопович С. Н. 400
- Протопопов А. Д. 63, 76,
166, 177—179
- Пуришкевич В. М. 78
- Путилов А. И. 137, 149—
151
- Пушкарева И. М. 502, 504,
507
- Рабинович А. 61
- Раскольников Ф. Ф. 23, 68,
111, 312, 316—318, 320—
325, 464, 466, 494, 504
- Распутин Г. Е. 15, 76, 79
- Рафес М. 140—141
- Рид Джон 57, 438—439, 507
- Родзянко М. В. 22, 47—49,
78, 80, 82, 85, 90, 144, 148,
165—167, 170—171, 173—
174, 176—178, 180—182,
198, 206—207, 212, 272,
274, 473, 475—476, 510—
511
- Родичев Ф. И. 201, 510
- Рожков Н. А. 20, 95, 503
- Розмирович Е. Ф. 457
- Роллэн Анри 508
- Романовы, см. Николай
Второй, Александра Фе-
доровна, Алексей, Миха-
ил Александрович, Дмит-
рий Павлович
- Рошаль С. Г. 111, 312, 316,
321
- Рубан Н. В. 512
- Руднев В. В. 118, 376, 460,
467, 509
- Русский Н. В. (ген.) 59, 147,
171, 182, 185, 187
- Русанов Н. С. 140
- Рыков А. И. 35, 39, 445,
493
- Рэдки Оливер 127—128, 513,
515
- Рябинский К. 503
- Рязанов Д. Б. 19, 22, 406,
493—494

- Савинков Б. В. 92, 118, 284, 352, 354, 430, 477, 485, 493
Савич 212
Садовский А. Д. 448
Сазонов С. Д. 76, 79
Свердлов Я. М. 444—447, 449—451, 458
Свешников Д. А. 440—441, 448
Северов-Одоевский 465
Сельяма 465
Семенников В. П. 22, 503
Сидоров А. П. 23
Скворцов-Степанов И. И. 458, 469
Скобелев М. И. 62, 92, 138, 156, 159, 191, 251, 253, 255, 258, 332, 353, 365, 376, 465
Скрыпник Н. А. 494
Славик Ян 501, 510
Слетова А. Н. 457, 469
Смилга И. Т. 436, 446, 494
Соколов Н. Д. 111, 138, 141, 143, 159, 162, 192, 480
Сокольников Г. Я. 362
Сорокин 465
Спиридович А. И. (ген.) 79, 510
Спиридонова М. А. 68, 119, 355, 457—458, 460
Сталин И. В. 25, 27—32, 34—35, 41, 57, 68, 111, 129, 131, 133, 293, 362, 437, 441, 444—447, 451—453, 466, 493, 504, 508
Станкевич В. Б. 126, 140, 189—199, 257, 278—290, 351, 430—431, 483—484, 514
Стасова Е. Д. 293
Стахович М. 212
Стеклов Ю. М. 68, 111, 139, 141, 144, 191, 195, 215, 457, 480—481
Степанов-Скворцов, см. Скворцов-Степанов
Столыпин П. А. 76, 491
Струве П. Б. 94, 212, 499
Стучка П. И. 140, 193
Суханов Н. Н. 20, 22, 47, 57, 60, 68, 103, 105—106, 110—112, 123, 126, 139, 141, 145, 152, 159, 162, 189, 191, 196, 215, 222—223, 258, 292—294, 310—324, 396—409, 480—482, 491, 496—498, 503, 506—507, 512—513
Сухомлинов В. 79, 179, 225
Теодорович И. А. 364
Терещенко М. И. 144, 267, 353, 367, 382—383
Тимофеев Е. М. 460, 465
Третьяков С. Н. 212
Троцкий Л. Д. 25—26, 31, 39, 53, 57, 72—73, 77, 96,

- 100, 105, 117, 128—133,
317—321, 436—455, 482,
494—496, 499, 504, 507—
509, 515
- Трояновский К. 465
- Трубцовой Г. Н. 212, 478
- Тыркова-Вильямс А. В. 90,
511
- Тэн Ипполит 72
- Тютчев В. С. 118
- Урицкий М. С. 443, 445, 447,
450
- Утехин С. В. 505
- Ферро Марк 60, 508
- Фигнер В. Н. 457
- Филипповский В. Н. 141,
193
- Филоненко М. М. 352
- Фишер М. М. 508
- Флоринский М. Т. 56—57,
507
- Франкорусский 138
- Фредерикс 185—186
- Хабалов С. М. 153 156, 164
- Хаимсон Л. 512
- Хинчук Л. М. 304, 405
- Хрущев Н. С. 30—31, 37,
504
- 92—93, 97—98, 102—103,
106—108, 111, 116, 120,
123—124, 192, 195, 197—
198, 229, 250—263, 267,
274, 291—309, 323—324,
333, 338, 465—466, 477,
486—487, 489, 490—491,
511, 513
- Чайковский Н. В. 140, 215
- Чарнолуцкий 140
- Чемберлин У. Г. 59, 508
- Череванин Н. 95
- Черемисов В. А. (ген.) 364,
423—426, 484
- Черменский Е. Д. 506
- Чернов В. М. 61, 67, 73, 92,
109, 113—114, 116—123,
192, 215—232, 250—251,
258, 268, 317—321, 332,
458, 460, 464, 466, 469—
470, 480, 482, 494, 509—
510, 513—514
- Черномазов Мирон 512
- Чудновский Г. И. 363, 494
- Чхеидзе Н. С. 62, 92, 102,
111, 138, 141, 149—151,
181, 183, 191, 225, 229—
232, 253, 255, 258, 279, 297,
298, 318, 324, 336, 374, 474,
480
- Шавельский Георгий 510
- Шаляпин Ф. И. 158, 162
- Цаликов 465
- Церетели И. Г. 67, 85—86,

- Шапиро Леонард 58, 505,
508—509
- Шатров-Соколовский 139
- Швецов С. П. 457—458
- Шейдеман 413, 488—489
- Шингарев А. И. 68, 156, 201,
209, 275, 366
- Шляпников А. Г. 23—24,
26, 33, 38, 50, 53, 139, 159,
256—257, 503, 506, 507
- Штейнберг И. З. 127, 515
- Шульгин В. В. 78, 80, 90,
140, 147, 176—188, 220,
222, 511
- Щеголев П. Е. 22, 503
- Щербатов 76
- Эберт 488—489
- Эльяшевич А. Б. 460
- Энгельс Фридрих 243, 247,
411, 496
- Эрдели И. Г. (ген.) 283, 285
- Эрлих Г. М. 140—141, 159,
161, 192
- Юренив И. 332
- Юренив К. К. 47, 140, 159,
160—162, 332
- Яковлев А. Я. 504
- Яковлева В. Н. 457
- Ярославский Ем. 27—28, 38,
41, 55, 437—440, 444,
447—448, 504—505

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Д. Анин: Революция и ее историография (Введение)	9
Революция 1917 года глазами ее руководителей	
Часть I (февраль—март)	
Хроника событий	137
В. М. Зензинов: Февральские дни	149
А. С. Лукомский: Николай II и Ставка в первые дни революции	164
В. В. Шульгин: Отречение и аресты цар- ских министров	176
В. Б. Станкевич: Исполнительный коми- тет Совета рабочих и солдатских де- путатов	189
В. Д. Набоков: Временное правительство и его министры	200
В. М. Чернов: Социалистические партии	215
Часть II (апрель—август)	
Хроника событий	233
Г. В. Плеханов: О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен	236
И. Г. Церетели: Разногласия во внешней политике приводят к апрельскому кризису	249
П. Н. Милюков: Последствия апрельского кризиса	264

В. Б. Станкевич: Июньское наступление на фронте	278
И. Г. Церетели: Большевистский заговор десятого июня	291
Н. Н. Суханов: Июльские дни	310
А. Ф. Керенский: Послеиюльские дни и выступление ген. Корнилова	325
А. И. Деникин: Неизбежность переворота	349
Часть III (сентябрь—декабрь)	
Хроника событий	361
Предложение генерала А. И. Верховского	365
Ф. И. Дан: Последняя попытка лидеров ЦИК'а	371
Н. Н. Суханов: 25 октября	396
Г. В. Плеханов: Открытое письмо к петроградским рабочим	410
А. Ф. Керенский: Гатчина	415
Л. Д. Троцкий: Кем и как был совершен Октябрьский переворот?	436
М. В. Вишняк: Созыв и разгон Учредительного собрания	456
Д. Анин: Послесловие (О причинах поражения)	471
Примечания к статье «Революция и ее историография»	501
Указатель имен	517